

НИЖНИЙ НОВГОРОД

ISSN 2313-836X

NIZHNY NOVGOROD 5(34)/2020

ИГОРЬ
ЧУРДАЛЁВ
Нижний Новгород

4

ЕВГЕНИЙ
ЗРАСТОВ
Нижний Новгород

11

ТАТЬЯНА
БАТУРИНА
Волгоград

16

ЯРОСЛАВ
КАУРОВ
Нижний Новгород

22

ДМИТРИЙ
ЛАГУТИН
Брянск

36

ГАЛИНА
ТАЛАНОВА
Нижний Новгород

57

РАИЗА
ХУЗАХМЕТОВА
Казань

74

ВЛАДИМИР
РЕШЕТНИКОВ
Семёнов,
Нижегородская обл.

80

ЕЛЕНА
РУСАНОВА
Тюмень

85

ИРИНА
ДЕМЕНТЬЕВА
Нижний Новгород

90

МИХАИЛ
СМИРНОВ
Салават

93

НИКОЛАЙ
БЕНЕДИКТОВ
Нижний Новгород

143

КИРИЛЛ
АНКУДИНОВ
Майкоп

154

АЛЕКСАНДР
ЦИРУЛЬНИКОВ
Нижний Новгород

202

НИКОЛАЙ
ПЕРЕЯСЛОВ
Москва

225

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 5 (3 4) / 2 0 2 0

ИГОРЬ
ЧУРДАЛЁВ
Нижний Новгород

4

ЕВГЕНИЙ
ЭРАСТОВ
Нижний Новгород

11

ТАТЬЯНА
БАТУРИНА
Волгоград

16

ЯРОСЛАВ
КАУРОВ
Нижний Новгород

22

ДМИТРИЙ
ЛАГУТИН
Брянск

36

ГАЛИНА
ТАЛАНОВА
Нижний Новгород

57

РУЗА
ХУЗАХМЕТОВА
Казань

74

ВЛАДИМИР
РЕШЕТНИКОВ
Семёнов,
Нижегородская обл.

80

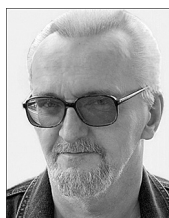
ЕЛЕНА
РУСАНОВА
Тюмень

85

ИРИНА
ДЕМЕНТЬЕВА
Нижний Новгород

90

МИХАИЛ
СМИРНОВ
Салават

93

НИКОЛАЙ
БЕНЕДИКТОВ
Нижний Новгород

143

КИРИЛЛ
АНКУДИНОВ
Майкоп

154

АЛЕКСАНДР
ЦИРУЛЬНИКОВ
Нижний Новгород

202

НИКОЛАЙ
ПЕРЕЯСЛОВ
Москва

225

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Игорь ЧУРДАЛЕВ (1952–2020)	
...ОТКРЫЛСЯ СВЕТ, ПРИНЯВ МЕНЯ НАЗАД	4
РЫЦАРЬ ПОЭЗИИ. <i>Прощальное слово от Евгения ЭРАСТОВА</i> . . .	11
Татьяна БАТУРИНА	
ЛЮБОВЬ МЕНЯ ПРИБЛИЗИЛА К ЗЕМЛЕ...	16
Ярослав КАУРОВ	
ПОД НЕМЫМИ НЕБЕСАМИ	22

Проза

Мария ЗИНИНА	
ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ВОЛНА	25
Дмитрий ЛАГУТИН	
МОЯ ЯПОНИЯ	36
В СТАРОЕ ОЗЕРО ПРЫГНУЛА ЛЯГУШКА	48
Елена ЛАПАЕВА	
ЛЖЕЦ	53
Галина ТАЛАНОВА	
ОЖИДАНИЕ ЧУДА	57
Олег КУИМОВ	
АКМЕ	61
БАЛАГАН.	67
Рауза ХУЗАХМЕТОВА	
ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ	74
Филипп ХОРВАТ	
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ТИМОША	78

Поэзия

Владимир РЕШЕТНИКОВ	
ЗАВТРА МЫ БУДЕМ СМЕЯТЬСЯ...	80
Елена РУСАНОВА	
РУССКОЕ СЛОВУШКО, ГДЕ ТЫ, СОЛОВУШКА?	85
Ирина ДЕМЕНТЬЕВА	
...О ЖИЗНИ И ЛЮБВИ У БЕЗДНЫ НА КРАЮ	90

Проза

Михаил СМЕРНОВ	
ЖИВИ, БРАТ	93
Анастасия ВЕКОЛОВА	
СВИДАНИЕ ВСЛЕПУЮ	102
Марат ВАЛЕЕВ	
РЫЖИК	109
КРОВНЫЕ УЗЫ	111
Астрид ХАЛСТРЕМ	
ВИТЮ НИКТО НЕ ВИДЕЛ	113
Пётр РОДИН	
ЕВДОКИЯ	117

Анна БАБИНА	
ЕССЕ НОМО	122
Дмитрий ИГНАТОВ	
КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ	126
Юлия СТАНЕВСКАЯ	
РАЗГОВОР С БОЛЬШОЙ ПЛЮЩЕВОЙ МЫШЬЮ	131
АДМИРАЛ НЕЛЬСОН И ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ	135

Стихи по кругу

Валерий РУМЯНЦЕВ	139
Мария АГУРА	140
Лейла ОРЕН	141
Владимир БОЛОХОВ	142

Публицистика

Николай БЕНЕДИКТОВ	
ЛЮБОВЬ И ЯРОСТЬ СВЯТОЙ РУСИ	143
Кирилл АНКУДИНОВ	
«ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА» В ТРЁХ ИЗМЕРЕНИЯХ	
Опыт неакадемического исследования	154

Навстречу 800-летию Нижнего Новгорода: эпохи, судьбы, факты

Фёдор СЕЛЕЗНЕВ	
В ТЯЖЁЛЫЙ ЧАС ПОСЕТИЛ ПРЕПОДОБНОГО МАКАРИЯ	
Нижегородский край в судьбе Василия II	168
Олег РЯБОВ	
КИТЕЖ-КАМЕНЬ	173
Юрий ГАЛАЙ	
НАХОДКА В МУРОМСКОМ ЛЕСУ	176
ПРОЖЕКТ О ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ	
НИЖЕГОРОДСКИМИ ЦЕРКОВНИКАМИ	178
«СЧИТАТЬ РОБИНЗОНА ЕВРЕЕМ»	180
«МЕДВЕЖЬЯ АКАДЕМИЯ» В СЕРГАЧЕ	183
Протоиерей Владимир ГОФМАН	
КУПОЛА, СМОТРЯЩИЕ В НЕБО (<i>продолжение</i>)	185

Литпроцесс

Константин ВАСИЛЬЕВ	
ПЛОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ, ДИВИНАЦИЙ И КОНЪЕКТУР	190

Вехи памяти

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ	
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ: БЫЛЬ И НЕБЫЛИЦЫ. Ответы через годы	202
Николай ПЕРЕЯСЛОВ	
НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ...	225
Надежда БОЛТЯНСКАЯ	
ВЕСЕННЕЕ КИПЕНИЕ В КРОВИ	236

Игорь ЧУРДАЛЕВ
(1952–2020)

Родился в 1952 году в Севастополе в семье военного моряка. С детства жил в Нижнем Новгороде. Работал на заводе, приобрёл несколько рабочих специальностей. Окончил филологический факультет Горьковского государственного университета. Работал на телевидении, вел информационно-аналитические программы.

Автор стихотворных сборников «Ключ» (1983), «Железный проспект» (1987) и «Нет времени» (2002). Поэтические подборки публиковались в столичной и региональной периодике.

...ОТКРЫЛСЯ СВЕТ, ПРИНЯВ МЕНЯ НАЗАД

Бойцовский клуб

1

У истины – никто не фаворит.
Умней Спинозы и тупей гориллы,
все жаждали свободы говорить.
И нынче разом все заговорили.
Не речь, но вопли к небу вознеслись,
в которых не понять,
где ложь, где правда.
И нечленораздельный гвалт повис
над миром,
точно грохот камнепада.
Тебя не слышат – и не слышишь ты,
лишь рты
распята криком злобы, зримы.
По случаю повальной глухоты
слова мертвы,
и внятны только взрывы.
Зато юрод любой себя царем
свободен объявить без прений,
ибо,
он сам себе Гомер и Цицерон,
безвучно ртом зевающий, как рыба.
Прощайте, строфы.

Стайка рифм – прости.
И не прибавить к этому «до встречи».
Прощай поэт и здравствуй тролль сети –
ты победил и встал над прахом речи.

2

Иногда просто хочется выплеснуть зло
за борт, в жижу, в которой увязло весло,
как в гудроне.
А может, рука не крепка.
Но похоже, не сделать уже ни гребка
в этом гребаном море по имени ложь,
где к добру, как ни тужься, а не догребешь.
Видно, множеству лузеров не повезло
и они утешаются, выплеснув зло,
в эту гущу, которую впору пилить,
в это море, в котором самым же и плыть.

3

Если ты одурачен, хотя не глуп,
если внешне – лед, а душа горит,
разыщи наш тайный бойцовский клуб,
о котором вслух нельзя говорить.
Оголи нутро, не живи, терпя.
Изувечь другого, он сам такой –
или ты его, или он тебя.
И настанет в душах ваших покой,
нисходящий музыкой высших сфер.
Там всегда спокойно – на то и верх.
А пока в тебе отдыхает зверь,
поживи немного как человек.
Это верно, мир твой жесток и груб,
сколько ни умиляйся на образа.
Но зато ты нашел свой бойцовский клуб.
Жаль, об этом сказать никому нельзя.

Pin-up

О злом забудь, о добром вспоминай.
На счастье, память –
инструмент не точный.

Блондинки, в целом, жанр не мой, но май,
луна и берег – всё сошлось отлично.
Креветки, брют..
Подробностей опричь,
но,
пейзаж смотрелся точно китч лубочный.

Я был ему подстать.
В сплошной фирме –

родной, а не какой-нибудь паленой.
И как влитой сидел тогда на мне
Levis 501, слегка пиленный.

Блондинка...
яркой юностью слепя,
исчадые сленга, колы и попкорна,
податлива, но не скажу покорна,
скорей придурковата, чем глупа –
жила *по кайфу, клёво и прикольно*.

Журчала и звенела, как ручей,
и не изображала недотроги.
Как говорится, ноги от ушей.
Хотя, ушей не помню – только ноги.

В густом загаре, локонов темней,
преследуема взглядами парней,
плейбоев провоцируя на смелость,
цвела она –
и было все при ней.
Чуть волосы темнели у корней,
но кто заметит этакую мелочь.

Теперь об этом странно рассказать,
ведь та блондинка – ровно жизнь назад
развевалась, как дымом ставший порох.
Невежда должен на себя пенять,
безвкусица, казарменный рип-ур,
удел его, а сам он лох и олух.

Но я умнел.
Не разом, по чуть-чуть.
Оттачивал рассудком стрелы чувств,
развеивая мороки, как пепел,
к седым летам вполне установив,
где истина, где глупость и наив.
Я понял всё.
Но счастлив больше не был.

Куплеты Фауста

Я душою слаб и грешен.
Сгинет в яме земляной
Маргарита, Грета, Гретхен –
жизнь, загубленная мной.
Пентаграмма в тайных метках
разверзает свой портал.
Пребывает не из мелких
бес – и ходит по пятам.
Похотливый, алчный, потный,
скользкий, точно суета

всей паскудной преисподней,
для которой мы – врата.
Я не сетую, не ною,
ад и сам попал в впросак.
Пропаду и черт со мною –
понимайте так и сяк.
Но не всё столь однобоко,
плоско, просто, напрямик.
Ровно столь же и от Бога
исчезает в этот миг.
Даже будь стократно злее
зло, а все же меж людьми,
слава Богу, зеленеет,
Древо жизни, черт возьми!
До поры не говорите
ей о том, что после ждет,
передайте Маргарите
что уже бреду сквозь дождь,
к ней – сквозь рынок придорожный,
сквозь его кликуш враньё –
и в руке моей продрогшей
мокнет роза для неё.

Райцентр

С гудрона не подъять пяты –
кроссовки будто бы по пуду.
Герой не ведает пути,
но ловит, все-таки, попутку.
Он путает,
где миф, где плоть,
где звук живой, где только буква,
и тихо утекает прочь
из сериалов и фейсбука.
Он помнит старый свой рецепт –
когда тоска достанет очень,
рвануть
в какой-нибудь райцентр,
где гуси ходят вдоль обочин,
и много живности другой
потешной, как в бродячем цирке,
где дремлет лошадь под дугой
и лают псы на мотоциклы.
Там девы плавны,
как ладьи,
и сложены вполне по-русски,
так что на уровне груди
вот-вот полопаются блузки.
Там люд похмельный гоношит
в сельпо –
теперь торговом центре,
восставшем третьей средь вершин

администрации и церкви.
Пусть явь дремотна и скудна,
но это жизнь, а не модели
и не подобию –
она
суть такова на самом деле.
Стога, бурьяны вдоль межей
и дождь, пролившийся над рощей,
не из эфирных миражей,
но постигаемы на ощупь.
Здесь под героев не косят,
с Петрова дня готова сани,
реальны, точно самосад
и самогон –
и люди сами.
А наш тоскующий турист
комфортно едет к дому – то есть,
обратный путь не столь тернист,
поскольку подрулил автобус.
Померкла спесь и лоск облез,
и лютик нацепил на лацкан.
Но не выносит ломки без
инъекции галлюцинаций.
Свой комп и телек на авось
зажжет –
душа не стерпит дольше –
и канет в них, не смыв навоз
с извилин стершихся
подошвы.

Жизнь

Лет двадцать я об этом человеке
не слышал ни полслова,
ничего.
А все же вспоминал о нем порой,
с чего – не весть.
Мы не были дружны,
лишь бегло и поверхностно знакомы.
Раз несколько пересекались вскользь
на суетных тусовках полусвета,
да как-то пили вместе пиво – в мае,
на пристанях спасаясь от жары.
Меж нами точно не было приязни,
но явно тлел взаимный интерес,
ревнивый и недобрый, точно мы
на роль одну в провинциальном театре
претендовали...

Плотная, как студень,
взрезаемая бритвами винта,
пред нами неумная вода
влекла к низовьям несколько посудин.

Простор высот блистал.
 Река жила
 обыденнее – и вдали и близко,
 в виду кормы, где шкипера жена
 постиранное вешала бельишко,
 где рестораций голытьбе милей
 за то сдвигать пластмассовые чарки,
 что к нам с незамерзающих морей
 опять вернулись взбалмошные чайки.

В те годы бомжевало полстраны,
 как бы ко дну идущей от пробоин.
 И в трюме было место нам обоим,
 а в шлюпки села свита Сатаны.
 Мой собеседник метил отбывать
 на ПМЖ в Канаду или Штаты,
 уже не помню...
 С этим и пропал
 навек – с загромождённых бытом палуб,
 на коих я остался мельтешить,
 насвистывая бодрый «Wind of Change»
 от Scorpions, тогда ещё не дряхлых.

Но изредка знакомец мой всплывал
 в сознании – как будто некий спор
 меж нами не был кончен.
 Я при этом
 наглядно представлял его – у дома
 с достатком средним, с членами семьи,
 лопочущими на чужом наречье.
 И, мнясь мне мельком, он старел по мере
 старенья моего, седел, обрюзг,
 да, кажется, завел торговый бизнес
 в каком-то захолустном городке.

Недавно – и случайно – я узнал,
 что двадцать лет назад его не стало
 в нелепом ДТП под Пермью, что ли...
 Короче, он не далеко уехал.
 И призрачная жизнь его была
 не более, чем странною игрой
 неведеньем обманутых фантазий.

А все-таки, она была. Была.
 Текла, как воды, то едва, то ходко.
 Пусть лишь внутри чужой судьбы плыла
 её насквозь придуманная лодка.
 Так жизнь любая, как ни будь долга,
 дробится в отраженьях на просторе,
 где «Я» свои теряет берега,
 незнамо где...
 или под Пермью, что ли.

Mea culpa

Из чувств, что тобою как порох и спирт сожжены,
в конце выживает одно только чувство вины,
не жгучей уже, остывающей вместе с душою.
Среди фейерверков пылающих зла и добра
оно неслгораемо в принципе, словно зола,
на поле, где тешились пиротехническим шоу.
Не грея, но блёстко оно прогорело дотла –
и в этом вина, что душе не хватило тепла
для тех, кто любили её, берегли, выручали.
Но поздно скулить им вдогонку: простите меня,
друзья и подруги, ушедшая к Богу родня.
Осталось искать искупления в острой печали.
Хранить её, словно обет – и в боях и в пирах,
нести её бережно и осторожно, как прах
всего, что угасло, что не согревая блестело.
Вот так, ни на миг передышки не притормозив,
валун одиночества на гору катит Сизиф,
без жалоб, поскольку привычка – великое дело.

Experience

Я менее минуты пробыл вне –
и возвратился, странно улыбаясь:
не конвульсивно, но светло, спокойно,
как бы вполне осознанно – настолько,
что даже дама-реаниматолог,
вернувшая меня таким разрядом,
что от груди полдня несло палёным,
спросила без иронии –
– Что видел?
Но я не видел ровно ничего,
ни тьмы, ни света, ни теней в туннеле,
ни дайджеста зазря пропавших лет,
а канул в абсолютное Ничто –
такой и мнится полная свобода
душе, способной быть или не быть.
Стоял октябрь, кристальный и бездонный.
Тем утром с неба рухнул ранний снег
и воздух тёк в меня, как мёд студёный,
а слаще ничего под небом нет.
Без лишних черт и тайн и линий к спектру
открылся свет, приняв меня назад.
Есть многое, Гораций, что не к спеху
узнать – как мест, куда не опоздать.
А здесь – нам жить наперекор летам,
покуда нас до обуха не сточат.
Лишь грустное лицо моё не хочет
терять улыбки – обретенной там.

РЫЦАРЬ ПОЭЗИИ

В голове не укладывается – Игорь Чурдалев умер!

Человек удивительной, неповторимой харизмы, один из самых сильных, по моему мнению, нижегородских поэтов, Игорь немыслим вне нашего города, как и город немыслим без него. Почему-то я часто встречал его на Большой Покровке. Он очень любил эту улицу. И долгое время жил там, возле университета, где когда-то был физический, а теперь финансовый и филологический факультеты.

Удивительно, но и познакомились мы с ним на Большой Покровке, а точнее, на улице Свердлова, как она тогда называлась, в Доме работников просвещения, в литературном объединении «Данко», далекой осенью 1981 года.

Руководил этим объединением замечательный поэт и очень талантливый педагог Виктор Кириллович Кумакшев. Именно этому человеку я обязан тем, что к сочинению стихов стал относиться, как любил говорить сам Кумакшев, «профессионально». Состав литературного объединения был более чем пестрый. Погоду делали, конечно, тогдашние «тридцатилетние» – Вячеслав Хламин, Евгений Супрун, Татьяна Чинякова, Сергей Карасев, Андрей Иудин, Александр Высоцкий. Были завсегдатаи и более старшего поколения, как правило, из тех, кому суждено навеки остаться самостоятельными поэтами. Не обходилось, конечно же, и без графоманов, которые приходили с улицы и читали свои нелепые рифмовки.

Чурдалев обратил на себя мое внимание сразу – он был элегантен, подтянут, одет в фирменные джинсы и кожаный пиджак. Этот самый пиджак, как рассказал лет через пять Игорь, явился причиной если не мордобоя, то серьезной разборки между его владельцем и талантливым московским (точнее, подмосковным!) поэтом Николаем Дмитриевым. В 80-е годы уже отчетливо наблюдалась вражда между «либералами» и «почвенниками», которая, кстати, не прекращается и по сей день. «Почвенник» Дмитриев обвинил Игоря в пижонстве и отрыве от народных корней, аргументируя этот отрыв наличием на его плечах дорогого (по тем временам!), а главное, дефицитного кожаного изделия. Чурдалев возразил, что он, может быть, куда ближе к народу, чем некоторые деревенщики московского разлива. И пошло-поехало.

Элегантный и не чуждый артистизма поэт многих отталкивал своим апломбом, но я-то почти сразу понял, что апломб этот был совершенно показушный. Сердце у него было нежное, мальчишеское, и как у всех поэтов – ранимое. Именно тогда, когда я его увидел первый раз, он и прочитал свой хит – «Египетскую балладу». Стихи эти меня потрясли.

Вообще у нас, тогдашних начинающих (а было мне в ту пору восемнадцать лет!), было совсем другое отношение к книге, чем у нынешней молодежи. В Советском Союзе графоман не мог издать книжку, заплатив деньги. Были, конечно, произведения конъюнктурные, серые, написанные на заказ. Существовала и так называемая «генеральская литература» – произведения секретарей Союза писателей, которым всегда были открыты пути в издательские планы. Но никакой блат не помог бы в те годы напечататься графоману! Часто публиковались люди посредственные, это верно. Но графоманы – никогда!

Это сейчас, когда очередной пенсионер дарит мне аккуратно подписанную книжку, я говорю ему что-нибудь приятное, чтобы не дай бог

не обидеть, уже предполагая качество его самостоятельной «продукции». А в те годы на людей, имеющих книги, я смотрел с нескрываемым восторгом. И таким был, конечно, для меня Игорь Чурдалев. Вместе с Сережей Карасевым им посчастливилось выпустить в местном издательстве тоненькие книжонки на смешных тетрадных скрепочках в так называемой «кассете», объединенные общей суперобложкой (всего в этой кассете было четыре книжечки). И это было событием не только для авторов, но и для всех нас. И понятно почему – не так часто в нашем городе выходили поэтические книжки.

Однажды Виктор Кириллович уехал в Малеевку, известный подмосковный Дом творчества, и отсутствовал около месяца. Он поручил временно вести «Данко» Игорю Чурдалеву. Чурдалев назвал этот период «эпохой регентства», используя ассоциации, восходящие к истории Великобритании. В тот месяц ему многое удалось, он отдавался делу со всей душой, и нам это нравилось. Возможно, именно тогда и родилось у него желание вести свою литературную студию и даже нечто большее, чем просто студию.

Есть такие писатели, которые одновременно являются еще и культуртрегерами, то есть тем строительным раствором, который соединяет отдельные творческие «кирпичики». Именно таким был Чурдалев. В 1985 году он создал литературную студию «Марафон», которая быстро переросла в литературный и даже общественно-политический клуб. Все самое талантливое, что было во второй половине 80-х годов в нашем городе, собиралось в Доме работников торговли, на улице Дзержинского (ныне Алексеевская), в чурдалевском «Марафоне». Обойти это место было нельзя, и именно Игорь был той звездой, возле которой вращались поэтические «планеты» разной величины. Потом по инициативе нижегородского поэта Андрея Баутина в одной из развалюх на улице Урицкого (ныне Сергиевская) возник так называемый «Триклиний», где первым лицом вскоре тоже стал Чурдалев. Название этот клуб получил по интерьеру средней комнаты, где три кушетки стояли в виде буквы П возле квадратного стола, напоминая тем самым «место дружеских возлияний» древних римлян. Кстати, «возлияния» там были запрещены уставом, равно как и пребывание женщин известного предназначения. «Триклиний» представлял собой клуб, где собиралась в основном творческая молодежь, а также другие люди, принадлежность которых к писательскому цеху хоть и приветствовалась, но вовсе не была обязательной.

Появление «Марафона» в мае 1985 года было неслучайным. В этом году началась так называемая «перестройка», и пранный весенний воздух свободы закружил наши юные головы.

Если «Данко» было герметично и выступали там только местные знаменитости, то «Марафон» сразу же объявил свою ориентацию на столичную поэзию. На сцене Дома работников торговли гремели поэтические вечера, начал которые не кто-нибудь, а советский классик Давид Самойлов. Помню, как Чурдалев вел почти полностью ослепшего поэта к сцене, как старик неуверенной походкой поднимался по четырем ступенькам скрипучей лестницы. А потом на этой сцене побывали Сергей Гандлевский, в дальнейшем лауреат национальной премии «Поэт», один из лучших поэтов, пишущих в настоящее время на русском языке, талантливый и смешной Дмитрий Александрович Пригов, Виктор Коркия, Игорь Иртеньев, Нина Искренко и многие, многие другие.

Никогда не забуду приезд в наш город так называемой «Заозерной школы» – трех ростовских поэтов, обитавших в античном городе Танаисе, – Геннадия Жукова, Виталия Калашникова и Юрия Бондаревского. Талантливые поэты и музыканты, они потрясли нижегородскую культурную публику. В настоящее время жив из них только Бондаревский. Жуков в молодом возрасте умер от разрыва брюшной аорты, Калашников был убит в Москве какими-то неизвестными бандитами. Общение с людьми более талантливыми, чем мы, помогало нам расти, тянуться до их уровня. А организовывал эти выступления, безусловно, Игорь Чурдалев.

В середине перестройки «Марафон» все больше и больше приобретал общественно-политическое лицо, которое, увы, все больше и больше искажалось в «либеральной» гримасе. Конечно, не всем это нравилось. Помню, как однажды мы с Игорем Грачом, договорившись заранее, заявили о своем публичном выходе из «Марафона». Наши разногласия с Чурдалевым не имели никакого отношения собственно к литературному творчеству. Сначала с критикой общественных взглядов Чурдалева резко выступил Грач, а я потом добавил некоторые и свои мысли, пытаясь, не совсем удачно, смягчить ситуацию.

Игорь поблагодарил нас за долгие годы работы и заметно погрустнел. В туалете начались разговоры о расколе в «Марафоне». Высказывались нелепые предположения о том, что мы это делаем якобы ради того, чтобы укрепить связь с местной писательской организацией, где недолго любили Игоря за амбициозное поведение... Конец этой истории смешон и забавен. Вечером, вдоволь нагулявшись по Свердловке и выпив несколько чашек кофе, мы с Грачом решили... из «Марафона» не уходить, чтобы не расстраивать нашего старшего друга.

Игорь Чурдалев, безусловно, был человеком и поэтом с обостренным чувством личной свободы и независимости. Он был нетерпим к вторжению в свой внутренний мир. Любые замечания в свой адрес воспринимал в штыки, что свойственно многим творческим людям. Подчас это его свободолюбие, которые многие принимали за амбициозность, мешало строить отношения с коллегами (как я уже писал, в местной писательской организации его не любили, хотя и ценили за несомненный талант). Именно неприятие идеологического общественного строя и свойственной ему цензуры и явилось причиной того, что поэт глубоко поверил в «перестройку», в какие-то светлые изменения, которые непременно должны произойти в нашем обществе. Не один он был такой.

Отношение к советской цензуре и идеологии хорошо проявилось в стихотворении нашего друга, активного «марафонца», талантливого поэта Аркадия Сигала, которое мы все тогда знали наизусть. Снискавший популярность как поэт-иронист, Сигал в действительности был тонким лириком. Стихотворение Сигала «Карандаши», высоко ценное Чурдалевым, привожу полностью:

Мы начинали. Как мы начинали!
Мы впереди! И не Москва ль за нами!
Умри в тобой прославленной глуши!
Потом за все, что мы насочиняли,
Не распинали нас и не шпыняли –
Нас очиняли, как карандаши.

В чужих руках мучительно старея,
Мы становились тоньше и острее,

Но и послушной, к своему стыду.
И, привыкая к поднадзорной жизни,
Холодные отточенные мысли
Талантливо роняли в пустоту.

Нас чистили заученно и ловко,
К цветастым примеряя упаковкам,
Укладывая по ранжиру в ряд,
Чтоб день за днем, цепляясь друг за дружку,
Мы безнадежно уходили в стружку.
А рукописи все равно сгорят.

Нынешние молодые это и понять не могут – ну как это можно годами писать в стол, не надеясь на публикацию своих текстов не только на книжной странице, но и в жалкой районной газетке! А для многих из нас это было обычное дело. Да что говорить – гениальный Арсений Тарковский издал первую книжку, «Перед снегом», в возрасте 55 лет. Годами не печатали Ахматову, Цветаеву, Марию Петровых...

К сожалению, демократические перемены, в которые мы все, в том числе и автор этих строк, так сильно верили, почти ничего нашей многострадальной Родине не дали, а если что и дали, то чаша потерь на этих символических весах явно перевешивает. В жуткие, лихие и криминальные девяностые годы Игорь бросился с головой в нарождающийся русский бизнес, был в ужасе не только от мелкого криминала, но и от наших административных структур, с которыми приходилось налаживать связи, – с налоговой, пожарной службами и т. д. Как известно, с волками жить – по-волчьи выть. Понятно, что все это кончилось крахом. Пробовал себя он и в тележурналистике.

Но главным для него, конечно, была поэзия. Игорь был убежден, что литературное творчество – частное, личное дело человека, и всегда боролся за право писать так, как он хочет. Здесь он не был одинок. Такого же мнения придерживался, например, один из его кумиров – Иосиф Бродский. Я же всегда был убежден, что поэзия не может быть частным делом, что это очень важное государственное дело. Конечно, государство не должно лезть в литературное творчество с грубыми идеологическими критериями, не должно называть стихи об осеннем дожде «упадническими», но и бросать поэзию на произвол тоже не должно! И не должны поэты идти в бизнес. С болью в сердце увидел я однажды в девяностые годы одного из своих товарищей по «Марафону», торгующего на Покровке зубной пастой. Оказалось, что послал его туда... Чурдалев, который организовал фонд «Речь» при Союзе писателей и искреннее что-то пытался сделать в коммерческом отношении для улучшения материального положения местных письменников.

Почему же в нашей стране произошло такое, что любой слесарь, закручивающий гайки в автосервисе, считается *профессионалом*, а вот поэт, создающий художественные ценности... человеком, занимающимся *частным* делом, чем-то вроде охоты или рыбалки?!

В 1991 году произошел позорный распад Союза писателей СССР, инициатором которого был небезызвестный Евтушенко и его команда. Эта меньшая, наиболее амбициозная часть профессиональных писателей, 90% которых жило в Москве и Ленинграде, начала отвратительно, по-лакейски шестерить перед новой, «демократической» властью, дежурно провозглашая давным-давно наскучившие антисоветские

лозунги. Но власть их в упор не увидела и распад Союза писателей не поддержала. К сожалению, Игорь поверил в правоту «либералов», поддержал и во многом инициировал писательский раскол в нашем городе и чуть ли не до конца прошлого века был в «оппозиции». Я до сих пор так и не понял, с кем он боролся всю жизнь, но это не мешало ему писать блестящие стихи. Надо признать, однако, что в отличие от многих «либералов» под «совком» он понимал не миллионы рабочих и крестьян, трудом которых создана наша страна и которых, естественно, уважал, а казенные партийные идеологические структуры.

В последнее время поэт очень увлекся Интернетом, активно выкладывал стихи на сайте «Поэзия.ру», говорил мне о том, как много у него сетевых читателей. И все-таки очень странно, что у такого крупного поэта за последние 18 лет не вышло ни одной книги! Я внимательно читал его последние стихи и был поражен тем, что год от года они становились всё лучше и лучше, все профессиональней и крепче. Однако никто из многочисленных друзей Игоря, в том числе и из тех, кто вальяжно мелькает на телеэкранах, не помог ему издать книжку. Почему-то мне кажется, что он бы не отказался от такой помощи. А ведь по деньгам это не больше, чем поменять резину на внедорожнике!

В последние годы Игорь был удивительно деликатен, даже робок в общении. Раньше это не было ему свойственно. Он признавался, что многое ему пришлось переосмыслить.

Прошлым летом, на той же Покровке, он возбужденно говорил мне о том, как его впечатляют молодые женщины в мини-юбках. «Как здорово, – подумал я. – Ему суждена долгая жизнь».

Но я ошибся.

*Евгений ЭРАСТОВ,
член Союза писателей России*

Татьяна БАТУРИНА

Родилась в Сталинграде. Окончила нефтяной техникум, педагогический институт, дважды обучалась на высших курсах работников Гостелерадио. Журналист, поэт, прозаик, учёный, кандидат филологических наук. Руководитель литературно-публицистического клуба «Мамаев курган» при музее-панораме «Сталинградская битва».

Автор более тридцати книг поэзии и прозы и ряда научных работ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» и ряда других. Награждена орденами и медалями Русской православной церкви и Российского императорского дома Романовых.

Член Союза писателей России. Живёт в Волгограде.

ЛЮБОВЬ МЕНЯ ПРИБЛИЗИЛА К ЗЕМЛЕ...

Рассказ

– Хочешь, я о родине скажу? –
Просто так спросил, для куражу,
Но внезапно бешеная сила,
Словно петля, горло обхватила...

В полусвете зыбком, в полутьме
Он уже рассказывал не мне –
Сорока дорогам и порогам,
Разлюли-копеечным чертогам,
Воронью в угрюмых «воронках»,
Модным фифам в долгих каблуках,
Женщине, что за сто лет без мала
Башмаки железные стоптала...

– Мама, мама! – И душой продрог:
Не ответил скрипами порог,
Лишь метнулась памяти под ноги
Тень сманившей из дому дороги.

– Ах, змея! – И наступил на хвост.
Столько жизней прожил, сколько вёрст,
Сам себе неволя и подмога...
Но опять ужалила дорога...

Встреча

Я тогда не умела молиться,
Пребываячи в духе скупом, –

Научила прохожая жница
С тонкоблещущим ледяным серпом.

Встал отец ей навстречу сутуло
И качнулся за некий предел –
На отца она только взглянула,
А уж он-то глаза проглядел...

Ни отсрочки не ждал, ни прощенья,
Не рыдал, не молился у ног
Грозной гостьи: презлы прегрешенья,
Страшен сон, да всемилостив Бог.

Между тем убиралась дорога
В голубые снега Покровá,
А отец все стоял у порога,
Остывала его голова,

Пресекалась крепёжная жила
Между телом и вечной душой...
Я отца со свечой проводила –
Он и встретит меня со свечой.

* * *

Природы осенняя дея...
Последних цветов фимиам...
Сухие просvirки алтея
Желтеют на вате меж рам...

Покамест за некой чертою
Расплывчато ширится мгла,
Хранимо тепло золотое
Слезамн домашнего скла.

Не так ли учительный предок
С усердьем, совсем не плотским,
Лелеял тепло напоследок –
Пред хладом, незнамо каким?..

Следóчки

Невзглядный полынный просёлок,
Избушечья зябкая быль...
Оплакан здесь всякий позёмок
И даже дорожная пыль...

Она, напришур неживая,
Чуть дышит средь лет, среди зим –
Покой её невыразим!

...Скудель или жаль вековая
Пристала к подошвам моим?
Примнилось вдруг: дева босая,
Шелкóвой земли не стрясая
На древние пожни родím*,
Сквозит по следочкам моим...

Из города

Шлях накатан – долог путь:
Села баба отдохнуть
При дороге, под кусток,
Развязала узелок:
«Дай-ка малость посижу,
На гостинцы погляжу.
Малолетке-дочке – бант,
Парню к дудке – барабан.
Деду – новые очки,
А свекрухе – рушнички.
Самому-то я на славу
Прикупила, вишь, отравы –
Заграничный табачок,
Золотистый мундштучок.
А себе-то ничего...
Ну так что же из того?
С сыном в дудку погужу,
Дочке бантик повяжу,
Посмеюсь со стариком,
Оботруся рушником,
Погоняю мужика:
Не кури, мол, табака...
Шумно станется в избе,
Вот и спраздную себе».

Возвращение

Любовь меня приблизила к земле,
О солнце мне теперь не уколоться:
Свет из окна, ликующий во мгле,
И ласковее, и слепее солнца.

Пускай того, кто весел и горяч,
Былая боль утешно успокоит!
А мой любимый, мой вселенский плач?
Да он и вздоха тайного не стоит
Собаки доброй, втиснувшей свой нос
В тепло между перчаткой и ладонью!
И входит в душу медленно, вразброс
Такое молодое-молодое...

* Родímы – родные места (авт. неологизм).

Улетевший вертоград

...А меж тем картошка зацвела,
Брызнула чернильною сиренью,
Вдоль рядков кудрявых я плыла
Солнечною тоненькою тенью.

День ветрил янтарною пылью,
Заправлял пчелиной канителью
И моей наивною юнцой
С неразлучной жжёнкой-карамелью.

За картошкой царствовал укроп,
За укропом заново картошка,
К огурцам с морковью – топ да топ
Мимо помидоров и горошка!

А над всеми барин-виноград
Золотыми лозами выюнился –
Так со мной, юницею, юнился
Улетевший в вечность вертоград...

Нету свѣтле праздника

Дѣвицей-косицей-босоножкой,
Ветерковой ленточкой висясь,
Колькольной звончатой дорожкой
Ты летела, светлomu дивясь.

Всѣ светилося: камешки и мошки,
Палисадов алая цветва,
Вдоль канав – бутылочные брошки,
Вдоль дворов – лежалые дрова.

На холме светился храм столетний!
Матушка учила: «Про запас...»,
А вчера приснилась: «Нету свѣтле
Праздника, чем Пасхочка, у вас...»

Веточка

Смеюсь ли, плачу: было, было!..
Прозябла веточка сквозь стекло,
Листву подробностей размыло,
По белу свету размело.

Ах, почему я не хранила
Своих историй при себе?
Какая пристальная сила
В моей началаила судьбе?

Но чайки волжские кричали
Так удивлённо, так светло,
Что для любви, не для печали,
Прозябла веточка сквозь стекло!

Под сурдиночку

И зачем я в сад ходила?
То ли бабочек ловила,
То ли милого ждала...
Там теперь одна зола.

Да и ту очам не видно:
Век прошёл – и не моргнул,
Не вернулся, вот обидно!
Но остался в сердце гул...

По весне мне с ним яснее,
И гласнее, и краснее
На судьбинушку глядеть,
Под сурдиночку младеть!

Сусаль весны

Зима тянулась: оттепель, мороз,
Пороша, гололедица, распустье –
И вновь мороз, и снова снежный плёс,
И облаков пустынное лоскустье...

Но вот уж льдинка талая хрустит
Под ноженькой, проветрены качели,
Мне хочется схитрить: душа грустит...
Но не грустится светлости купели!

Сусаль весны, похожая на смех
Любви, звенит рассыпчато и нежно,
А синь небес подсвечивает снег!

...Зачем лицо моё белеет снежно?..

Старенькая новь

Ужель осталось только вспоминать?
О нет! Господней волею хранима,
Златá, как юность, старенькая нива,
И благосклонно взглядывает мать.

И тянется огнями стольный град
К деревне, где творит безвестный гений,
И живу свету радуется сад –
О сколько их, мечтательных селений!

Хоть пчёлочку там жалко, хоть осу...
И я, наследной зоркостью владая,
На древнюю укромную красу
Гляжу, гляжу, как наново младая...

* * *

Я книгу листала в саду
И вдруг услышала: «Иду».

Иль ветром пронзило насквозь?
Но сердце ответило: «Гость».

Сто лет в терпеливом саду
Я книгу листаю и жду.

Оправдание

Вдруг помру в неудáлом году,
Овеваема сном и забвением?
Я тогда поклонюся суду,
Оправдаюсь игольчатым брением:
Колкой совестью, мол, умывалася
Да прощением, мол, утиралася...

Послесловие

В покое тела и души,
В честнóм призоре –
Чего желать в своей тиши,
В своём соборе?
Ни высоты, ни красоты,
Но – благостыни.
О, Господи!
Твои – цветы,
Твои – полыни!

Твои и воды, и пески
В истоко-устьях,
Лады восторга и тоски
Во светогуслях.

Вся эта долгая юдоль
Души и тела,
Где жизнь приемлется как боль,
Где нету дела

Честнее смерти.

Ярослав КАУРОВ

Родился в 1964 году. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом линейной бригады скорой помощи, на кафедрах патологической анатомии, токсикологии. Прошел специализации невропатолога, патанатома, терапевта, кардиолога, токсиколога. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия.

Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Правда», «Москва», «Литературная газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «День поэзии» и других. Шеф-редактор литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Живет в Нижнем Новгороде.

ПОД НЕНЫМИ НЕБЕСАМИ

Коронованная Сущность

Триптих

1

Чума! Красавица Чума
Степенно шествует по миру
Заходит в мертвые дома
И населенные квартиры,
Заходит в пышные дворцы
И в развращенные серали,
Где основатели-отцы
Её узреть не ожидали!

2

Чума преследует Тела,
Но главная добыча – Души!
Она кралась... Она ждала!
Когда всем миром мы осушим
Кровавый пенный кубок зла,
Коварства, подлости, обмана,
И вот удар свой нанесла
По старым и разверстым ранам!

3

Весь мир готовился и звал:
«Приди, Чудовище пустыни!»

Яви свой царственный оскал
И поселись у нас отныне!
Свободы крохи отними,
Покой, закон, определенность,
Возьми детей и нас самих,
Приди, Чума, в дома влюбленных!»

* * *

В чёрном драповом пальто,
В старой кепке восьмиклинке,
В свитере, как решето,
В грубых стоптанных ботинках,

Незнакомый человек
Перепрыгивает лужи.
Грязен ноздреватый снег,
И не отступает стужа.

Может, это бывший зек,
Может быть, безвестный гений,
Незнакомый человек
Полон внутренних сомнений.

Почему-то мне родной,
Он скитается без дома.
Может, это предок мой?
А быть может, и – потомок...

* * *

Небеса неумолимы
Невесомы, нелюдимы
И легки, непостижимы
Мимо нас проходят мимы.

Под немymi небесами
Мимо мы проходим сами,
Вдохновляясь чудесами
И цветными парусами...

* * *

Игорю Чурдалёву, 26.05.2020

Он родился со словом: Нет!
И недолго на свете жил,
В мире рушащихся планет,
В мире мечущихся светил!

Никому покой не прощал!
Самого себя не простил!
Как закрученная праща!
Как зажатая соль в горсти!

Он смеялся над большинством.
Он не верил слову элит.
Портил пляшущим торжество,
И раскалывал монолит!

В мире рушащихся планет,
В мире мечущихся светил
Он родился со словом: Нет!
И недолго на свете жил.

* * *

В пустыне пламенной сирокко
Песчинки мне вонзал в глаза,
Я странствовал по воле рока,
Не смея главного сказать.

Я петь хотел, сухие губы
Невольно предали меня.
И смолкли ангельские трубы
В жестоком хаосе огня.

Но вот оазис я заметил,
Венчавший скалы в вышине.
Он зелен, влажен был и светел,
Но не подняться было мне.

Я приготовился бессилье
Уже назвать своей виной,
Но вдруг почувствовал, что крылья
Раскрылись за моей спиной.

Я воспарил! Я взмыл над бездной!
Увидел горные сады.
Таланта тратой бесполезной
Казались странника труды...

Когтистой лапою трехпалой
Уже схватил я виноград,
Но холодно от ливня стало,
Я погрузился в водопад...

В пучине темной с пузырьками
Померкло торжество светил,
И оттолкнувшись плавниками
К цветным кораллам я поплыл...

Так, совершая путь на запад,
Лелеешь марево мечты,
Но мир меняется внезапно,
А с ним меняешься и ты...

Проза

Мария ЗИНИНА

Родилась 1982 году в Горьком. Окончила Нижегородский госуниверситет, по профессии журналист. Член Союза журналистов, лауреат премии Нижнего Новгорода в номинации «Журналистика». Долгое время работала в газете «Автозаводец» (группа ГАЗ). Сейчас – журналист на фрилансе. Живет в Нижнем Новгороде

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ВОЛНА

Прилично ли девушке на первом свидании... свидании... чсвидании...

Набирать текст в перчатках, даже самых современных (они пропускают тепло, и можно пользоваться смартфоном) всё равно неудобно. Постоянно задеваешь соседние буквы. И создаётся впечатление, что девушка, имеющая большие планы на первый день знакомства, не только нескромна, но и нетрезва.

Прилично ли девушке на первом свидании снимать маску?

Настя терпеливо наблюдала, как Миланка, наконец справившись с буквами-выскачками, читает ответы. Сама она точно знала ответ: нет. Неприлично. Например, они с Кириллом вместе уже год и ни разу не снимали маски. Кирилл, конечно, намекал, особенно после пары рюмок виски. Получал отказ – и потом признавался, что именно это его в ней и привлекает: недоступность, загадочность, скромность...

С теми, кто сразу говорит «да», проводят приятный вечер. На тех, кто в маске, – женятся.

– Вот, пожалуйста! – по заблестевшим глазам было видно, что Миланка победно улыбается. – «Показателем доступности считалось не наличие или отсутствие маски, а то, как быстро девушка согласится на интимную близость...»

– Да, только когда это было? – Настя пожала плечами и подцепила креветку из тёплого салата. Действительно тёплого, курьер приехал на удивление быстро. Блюда были ароматные, не успевшие остыть, ссылка – не глючная. Как только Миланка ввела её на своём ноутбуке, на экране возник интерьер ресторана. С ленивой грацией, как неоны в аквариуме, двигались официанты, свет яблочным соком стекал с круглых ламп, в кальянном тумане вспыхивали улыбки. Уютно!

Говорят, в городе уже открылись несколько ресторанов. Но, наверное, преждевременно туда идти. Идёт тридцать пятая волна ковида.

Она, конечно, слабее, чем первая, так и по телевизору говорят, и в интернете пишут. Но всё равно лучше перестраховаться!

– Ну да, это было до вируса... – неохотно признала Миланка.

– Давай посмотрим в ковидопедии, – Настя потянулась к её смартфону, но тут же отдернула руку, заметив у подруги свежий маникюр. И явно не самодельный, а гель-лак! Миланка иногда напрочь теряет связь с реальностью, как смартфон теряет связь в глухом лесу. Например, бегают на маникюр в какие-то сомнительные салоны. И вопрос про первое свидание – из той же серии! Нет уж, лучше не трогать её вещи. Даже в перчатках.

– Хотя зачем смотреть, я и так помню, – торопливо добавила она, чтобы сгладить неловкость. И закрыв глаза, процитировала:

– «Пандемия благотворно повлияла на отношения между людьми, сделав их более ответственными. Раньше им было безразлично, что они могут кого-то заразить, даже стать причиной чьей-то смерти. Пандемия научила думать не только о себе, но и о других. Теперь каждый понимает, что средства индивидуальной защиты (маски, респираторы, перчатки) – это необходимость. Исключениями являются ситуации, когда вы находитесь дома, в кругу семьи: с родителями, детьми, мужем или женой...» Мужем, Милан, понимаешь? – Настя перевела дыхание и сделала плоток кофе, горло надо чаще увлажнять, так у вируса меньше шансов.

– Мужем... – повторила уже спокойно. – А не каким-то подозрительным типом, с которым час назад познакомилась.

– И вовсе не час, – надулась Миланка. – Мы давно на одной собачьей площадке гуляли...

Настя понимающе улыбнулась. Сейчас все знакомятся или в интернете, или, если офлайн, то во время прогулки с собакой. А где ещё? Хотя у них с Кириллом была необычная история знакомства: в супермаркете. Вы спросите, что такого интригующего может быть в продуктовом магазине возле дома? А то, что для Насти он действительно был возле дома, меньше трехсот метров, как полагается, – а Кирилл приехал туда из соседнего района, искал свой любимый сыр с плесенью. Настя ни за что не стала бы так делать! Если в магазине в шаговой доступности нет, например, творожка с черникой, она берёт с вишней. Или не берёт ничего. Куда-то ехать, чтобы потом, вместе с творогом, привезти полную сумку ковида? Нет уж, спасибо. Но мужчины – такие искатели приключений...

– Долго переглядывались, – голос Миланы стал нежным, как подтаявшее мороженое. – И он подошёл познакомиться. Пригласил выпить кофе. Нет, всё прилично, не думай! Кофе на вынос, дистанция полтора метра... А потом он говорит: «Милана, у вас такие красивые глаза...»

– Ну а маску-то зачем было снимать?

– А как в маске целоваться?!

Миланка тут же осеклась, но было поздно. Настя решительно, но осторожно отложила вилку, как будто та вдруг превратилась в кусачего богомола. Промокнула губы антисептической салфеткой. И твёрдо произнесла:

– Знаешь, Милан. Я совсем забыла. У меня через полчаса встреча. Надо идти. Извини, пожалуйста! Увидимся!

Надевая босоножки, мысленно добавила: «...через две недели». Даже дети знают: это стандартный срок карантина. А для безбашенной Миланки можно накинуть ещё пару дней! Её безответственность

переходит всякие границы! Это же надо – целоваться... Это почти как пожевать жвачку, прилипшую к асфальту! Даже Кирилл, искатель приключений, никогда не пытался её поцеловать. Только секс. Вот это действительно ответственные, безопасные и разумные отношения.

– Истеричка! – нёсся ей вслед обиженный Миланкин голос. – Ну и вали, лечи нервы!

Настя локтем открыла дверь, зубочисткой нажала кнопку лифта. И даже не обернулась.

* * *

Каждое утро я надеваю футболку, джинсы, хлопчатобумажный костюм, защитный комбинезон (на спине написано «Вадим»), респиратор, маску, бахилы, две пары перчаток, очки. Это надёжная защита. И уже не нужная.

Три года я работаю в клинике «На здоровье».

Два года из них у меня не было ни одного ковид-пациента.

Но если я приду на работу не «запечатанным» в СИЗ – как вы думаете, насколько быстро меня уволят? Да в первый же день бдительные пациенты напишут жалобу. На следующий день я стану безработным. А через месяц придёт такой штраф, что мне самому захочется надеть костюм, респиратор, очки – и под всеми этими слоями сдохнуть, как куколка капустницы в мороз.

Многие мои коллеги ушли из профессии – в том числе поэтому. Ну невозможно каждый день заматываться, как мумия Аменхотепа IV. Кто-то стал работать в зуме, но по-моему, онлайн-консультации особым спросом не пользуются, пациенты хотят лично принести врачу свою боль и тревогу. Кто-то подался в курьеры или таксисты, это самые популярные сейчас профессии, в вузах огромный конкурс на новые факультеты: «логистика готовых блюд» и «менеджмент перевозок»...

– Вы сделаете мне прививку?

Светлые волосы до плеч, маска с принтом, напоминающим этнический, стильные очки без диоптрий... (Ещё во время пандемии высокая мода напрочь забыла о платьях и костюмах, переключившись на маски, очки и перчатки.) Настя первый раз пришла на приём неделю назад – с небольшим кашлем и огромной паникой.

Хороший, кстати, был кашель: продуктивный, сконцентрированный в трахее, ниже воспалительного процесса уже нет, бронхи и лёгкие чистые, бельё кружевное... так, что-то я отвлёкся. Сейчас многие с таким кашлем. Дни в апреле солнечные, а ночи холодные, и ветер тоже. Люди, устав от зимы, снимают шапки, куртки... а потом приходят ко мне с простудой.

Я говорил ей про сироп от кашля и ингаляции с физраствором.

Она лепетала про какую-то подругу, которая крайне неосторожна в перемещениях и контактах, поэтому наверняка подцепила ковид, а недавно они вместе пошли в кафе, то есть не в настоящее кафе, упаси боже, а заказали на дом, – хотя вообще не надо было к ней приходиться!..

Я врач с двадцатилетним стажем, постоянно общаюсь с людьми, это никогда не вызывало у меня ни малейшей сложности. Но во время пандемии появилось какое-то фоновое, смутное и при этом стойкое ощущение, что я попал на другую планету. Её обитатели выглядят как люди, но думают и поступают странно, неподвластно нормальной человеческой логике.

Хотя по большому счёту Настя приятная девушка: умная, с чувством юмора. Только непонятно, куда всё это девается, когда речь заходит про ковид... Вообще я к пациентам с разговорами не лезу. Но когда человек приходит к тебе каждый день, невозможно не начать общаться. Я всё-таки уговорил Настю на консервативное лечение – а вот успокоить, видимо, не смог, и она каждый день приходила ко мне слушать лёгкие и мерить уровень кислорода в крови. Через неделю она, естественно, излечилась от простуды. Но не излечилась от паники.

– Вы меня слышите?!

Вакцину от ковида у меня просит, наверное, каждый второй пациент. Это небольшие сладкие шарики, наподобие тех, которыми в СССР вакцинировали от полиомиелита. Я стараюсь эту прививку не делать. Постоянным пациентам – которых я знаю ещё с доковидных времён и которые не давали повода усомниться в своей адекватности – я объясняю, что необходимости в прививке нет. Они кивают, выдавливают улыбку и подводят итог: Вадим Алексеевич, давайте сделаем.

Но Настя, если речь идёт о ковиде, даже изображать улыбку не будет. Это всё равно что ждать оптимизма от Гитлера, когда он сидел в фюрербункере, а советские танки ползли к Рейхстагу.

Она выжидающе смотрит на меня. Даже сквозь несколько слоёв защиты до меня доносится знакомый неприятный запах. Имбирно-лимонно-чесночная смесь, её до сих пор многие принимают.

Я пытаюсь придумать, что ей сказать, но все мысли словно испарились от жары и духоты. В окно бьёт солнце, и в своём защитном костюме я чувствую себя как в кусок мяса в духовке. Болит голова, в висок будто бы ввинчивают бормашину. Хочется одновременно пить, есть, а ещё потерять лицо, где врезаются резинки респиратора. Но если снимешь костюм, повторно надевать его запрещено. Можно, конечно, взять новый, но главврач реагирует на это так, словно ты пытаешься его ограбить.

Из окна видна больничная детская площадка. Горка, качели, осиротевший детский домик. Ветер задумчиво перебирает выцветшие красно-белые ленты, будто хочет заплести площадке косы. Гулять на площадке разрешили где-то год назад, но они всё равно пустуют, а жители окрестных домов прилежно меняют старые ленты на новые.

Настя, наверное, тоже из тех, кто меняет.

– Понимаете, – начинаю я, ещё не зная, что буду говорить, – вакцина... кончилась. В нашей клинике её пока нет. Когда появится, я вам позвоню.

М-да, Вадим, поздравляю, на конкурсе самоубийц ты не занял бы первое место только потому, что не дожил бы до его начала. А если Настя прямо сейчас зайдёт к главврачу, чтобы, так сказать, уточнить информацию? Скорее всего, он не бросит мне в лицо трудовую книжку, как бросил когда-то Олегу Фадееву, который сказал своему больному, что пандемия закончилась. Я буду надувать щёки и уверять, что пациентка просто неправильно всё поняла, я предложил отложить вакцинацию, поскольку сразу после ОРВИ делать прививку нежелательно.

Но скандал, конечно, будет такой, что живые врачи позавидуют мёртвым.

Голубые глаза смотрят серьёзно и доверчиво:

– Хорошо. Я подожду.

Подождёшь. А потом отвлечёшься и забудешь. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Настя – последняя пациентка на сегодня. Она осторожно прикрывает дверь, я отправляю назначения в её личный профиль и иду в «шлюз». Оставляю там всю одноразовую одежду, вечером её уберут и положат новый комплект. А теперь самое приятное – душ. Когда целый день варился в спецкостюме, струи воды, смывающие пот, массирующие уставшее тело, кажутся каким-то чудом. Внезапно ловлю себя на том, что думаю о Насте: интересно, какие у неё черты лица, какие губы? Когда пандемия только начиналась, была такая шутка: во время карантина природа настолько очистилась, что в ночные клубы вернулись девственницы. Но шутники не угадали, даже наоборот – секс превратился во что-то доступное, обыденное, как посмотреть вместе фильм. Ведь половым путем ковид не передаётся. А вот снять маску – это уже показатель доверия. Знак, что к тебе относятся серьёзно, возможно, даже рассматривают как потенциального спутника жизни...

Я уже чувствую себя бодрым и свежим, даже голова прошла, но продолжаю стоять под тёплыми, как женские руки, прикосновениями воды. Дома меня никто не ждёт. Мне с некоторых пор совершенно некуда спешить.

* * *

Раньше Настя ни за что бы не решилась на такую авантюру, даже преступление – выйти на набережную. От неё до Настиного дома целых пятьсот метров! К тому же дорога идёт через школьный двор, а всем известно, что дети, хоть и почти не болеют ковидом, могут быть его переносчиками. При этих словах ей представлялся малыш с хитрыми глазками и злорадной улыбкой, который несёт в руках что-то круглое, с противными отростками, а потом швыряет в Настю, как мяч в вышибалах.

Но сейчас в душе просто не было место для страха, её заполнили боль и обида. Её будто прокручивали в блендере, разрывая на тысячу маленьких кровотокающих душ. За что? Как Кирилл мог так поступить?!

Он узнал, что Настя ходила в клинику. А она, в принципе, и не скрывала: с каких пор следить за своим здоровьем стало чем-то постыдным? Услышав про болезнь, Кирилл стал мрачным, как ноябрьский вечер. Сквозь зубы уточнил, что именно у неё было. «Кашель», – созналась Настя, чувствуя, что дело принимает нехороший оборот, но не понимая, в чём она виновата. Кирилл вздрогнул, как будто она не произнесла это слово, а закашлялась ему в лицо.

На следующий день он не отвечал на звонки. В субботу они должны были идти на концерт в зуме, но Кирилл так и не вышел на связь. А через неделю позвонил сам. Стараясь не смотреть в камеру, промямлил, что им нужно расстаться. Он доверял ей, считал своей девушкой, будущей женой. А она скрыла, что перенесла ковид. Кстати, эта болезнь до конца не изучена, и есть мнение, что она оставляет след в организме на всю жизнь. А он, Кирилл, хочет здоровых детей. И ему с Настей больше не по пути. Но если понадобится какая-то помощь, поддержка, он всегда готов...

Тут Настя расхохоталась прямо в камеру, и образ кроткой брошенной женщины облетел с неё, как пыль. Поддержка? Всегда готов?! Он и про болезнь-то узнал не сразу, потому что накануне заявил, что ему необходимо перейти на более строгую самоизоляцию, и они целую неделю не виделись. Кирилл так говорил регулярно – а с кем проводил

это время, с друзьями и пивом или с другой девушкой, она никогда не узнает.

Ну и вали, велела она словами Миланки.

Река была тёмная, глянцева, как спина кита. На другом берегу подрагивали огоньки, как будто, удивлённо моргая, кто-то изучал Настю сотней внимательных глаз. Волны шептали, заговаривая её боль.

Когда-то набережная была одним из самых популярных мест в городе, здесь гуляли днём и ночью, дети гоняли на самокатах, взрослые – на моноколёсах, маленькими вулканами извергался дым айкосов, с ретро-автомобилей продавали кофе и мерцающие воздушные шары, а летом ставили большой экран и крутили артхаусные фильмы. Настя тоже часто тут бывала – они с Миланкой брали плед, термос с глинтвейном, устраивались на скамейке, и Миланка, давась смехом, рассказывала о своих приключениях.

Тогда они ещё не вызывали у Насти отвращение.

Теперь набережная, насколько хватало взгляда, была пустынна, как взлётная полоса. Это правильно. Ведь поблизости нет жилых домов. А все знают, что гулять можно не дальше, чем в трехстах метрах от дома.

Откуда-то из кустов, хрустнув ветками, на дорожку выбралась женщина с вислоухим удручённым биглем на поводке, Настя неодобрительно посмотрела на неё (наверняка ушла от дома дальше, чем положено!) – а она на Настю (сидеть на скамейках нельзя!). Ещё рядом с Настей стояла маленькая фляжка, но это не нарушение, даже наоборот. Когда началась пандемия, закрылись все магазины, кроме продуктовых и тех, где продавали алкоголь. Значит, он помогает бороться с ковидом!

Фляжка, вместе с содержимым, осталась от Кирилла, он уважал хороший алкоголь: ром, текилу, виски... Настя вздохнула. Теперь она уже точно не увидит, какое у него лицо...

Слёзы проникали под маску, она стала липкой, как корка гниющего фрукта, но приходилось терпеть, ведь трогать руками лицо очень опасно. Настя развинтила фляжку, подсунула горлышко под маску, сделала большой глоток. Руки дрожали, и она чуть не полила текилой клумбу с нарциссами. С Миланкой они обычно заедали свои ночные посиделки шоколадкой, но сейчас не было ни шоколадки, ни Миланы. Ни Кирилла. Даже бигль уже увёл своего человека.

Ничего и никого у неё не было...

Снова потекли слёзы, Настя поднялась, подошла к ограждению, за которым жила река, как обманчиво спокойный хищник в зоопарке. Слёзы тоже считали себя рекой, они текли по руслу под очками, спускались в устье под маской, но ветер осторожно смахивал их, подсушивал ткань. Стояла полная тишина, только слышно, как сонно дышит река, где-то на том берегу лает собака и шуршат автомобильные шины.

Шины?!

Автомобиль был не на другом берегу, а здесь, прямо за Настиной спиной.

Мотор в последний раз что-то пробормотал и умолк. Музыка в салоне стихла. Лучи фар, как щупальца, потянулись к ней, лениво обыскали, растворились в темноте. Наверное, это полиция, а она ушла от дома дальше трехсот метров, идиотка! Или ещё хуже – грабители, преступность в последнее время была все рекорды, масочный режим стал для неё благодатной почвой...

Мягко щёлкнула, открываясь, дверца.

Кто бы это ни был, он остановился здесь из-за неё.

Вдруг стало очень холодно, хотя вечер был погожий, по-летнему тёплый...

Из машины вышел мужчина (а может, юноша или старик, маски подводили возраст под общий знаменатель), среднего роста, в куртке и джинсах, значит, не полиция... Преступник!

– Я плохо себя чувствую! – истошно заорала Настя. – Я могу на вас кашлянуть или чихнуть, и вы заразитесь!

Так надо кричать всем подозрительным личностям. Самое эффективное средство самообороны – не щёлкнуть шокером, не прыснуть из баллончика, а признаться, что ты нездоров.

– Настя, а вы что здесь делаете? – раздался удивлённый, странно знакомый голос.

Мужчина приблизился на положенные полтора метра, серые глаза над маской смотрели весело и вопросительно, но Настя, как ни пыталась, вспомнить его не могла.

– Не узнаёте? Меня никто на улице не узнаёт, – в голосе послышалась улыбка. – Вы были у меня несколько дней назад, в клинике. Кстати, как вы себя чувствуете? Судя по всему, не очень, если собирались прыгать в реку...

– Ни в какую реку я не собиралась, – отрезала Настя и отпила из фляжки. Тоже мне, спаситель нашёлся! Напугал до полусмерти...

– Ну и хорошо, – не смутился он. – А то мне показалось, что кто-то с жизнью прощается... Такой тут воздух классный, да? – и Настя увидела, как он подносит руку к лицу.

Этого не может быть. Ей, наверное, показалось! Это же переходит все границы! Он снял маску. Сжал её в ладони, бросил в урну, ослабленно облокотился на ограду. Она видела его лицо! Обнажённое мужское лицо!

Смотреть на это было неприлично, стыд перехватывал горло, заливал щёки красной горячей волной. Но и не смотреть не получалось. Как всё запретное, лицо притягивало взгляд.

Спокойные внимательные глаза. Брови тёмные, широкие, над левой шрам – старый, уже побелевший. На губах неопределённая улыбка, такая бывает, когда человек очень устал, но всё-таки в хорошем настроении. Стрижка самая обычная, короткая, все мужчины так стригутся – дома, под машинку... Если бы её спросили, красивое это лицо или нет, она не смогла бы ответить. Не с чем сравнивать. Трудно сказать, красивый или несимпатичный метеорит, который проносится над твоей головой, чтобы разнести Землю в космическую пыль.

Вадим (кажется, так на нём было написано?) обернулся к ней, провёл рукой по лицу, словно пытаясь смахнуть прилипший к нему взгляд, посмотрел удивлённо и непонимающе, а потом улыбнулся:

– Слушай, я и забыл, что ты ковидиал...

Настя издала невнятный звук, который можно было трактовать в широком диапазоне, от «Ничего страшного» до «Сам такой!».

Ковидиалами называли людей, чьё взросление пришлось на время пандемии. До неё они были детьми, подростками или вообще ещё не родились. Слова «самоизоляция» и «маска» для них такие же привычные, как для миллиалов – «биткоин» или «шазамить».

– Раньше маска... не была обязательной, – говорил Вадим. Несмотря на его измученный вид, голос звучал уверенно и даже, как показалось Насте, сочувственно. – Их надевали только врачи. А обычные люди – нет, даже в эпидемию... Ты же помнишь, что раньше тоже были

эпидемии? Зимой грипп, осенью аденовирус, летом энтеровирус... Но маски носили только люди из группы риска, например, беременные женщины. Здоровому человеку с нормальным иммунитетом маска не нужна...

Настя снова открыла фляжку, без алкоголя воспринимать всё это совершенно невозможно... Сначала он открыл лицо. Теперь несёт какую-то чушь про иммунитет. Так, между прочим, можно и штраф схлопотать за оскорбление чувств верующих в маски!

Она сделала несколько глотков, Вадим наблюдал за этим с интересом, близким исследовательскому, словно он был энтомологом, а Настя – некусачей, но слишком экзотической на вид сороконожкой. Впрочем, кажется, он понял, что лучше сменить тему.

– И всё-таки, что ты здесь делаешь? Ночью, одна... Отвезти тебя домой?

«В одной машине могут ехать только люди, которые самоизолируются вместе, исключение составляют такси и машины скорой помощи», – Настя уже открыла рот, чтобы напомнить эту азбучную истину... и покачала головой:

– Нет, спасибо.

Дома – родители, они начнут ахать, утешать... Может, она и ковидиал или ещё какое-нибудь неприятно-снисходительное слово – но даже ковидиалы не любят душную непрошеную жалость... Опять подступила тоска, схватила сердце ледяной когтистой лапкой, и Настя, чтобы не заплакать, быстро спросила:

– А вы как сюда попали? Вас, наверное, тоже дома ждут.

Вадим приподнял бровь, явно оценивая вопрос как фамильярный и не заслуживающий ответа. Повисла пауза, вместившая тысячу капель воды, которые за это время ушли на юг, вниз по течению. Над рекой, как большая целеустремлённая чайка, летел дрон, тащил в лапах небольшой контейнер. Сейчас почти все грузоперевозки либо на дронах, либо на крупных беспилотниках, они более гигиеничны, чем наземный транспорт...

– Я живу в гостинице для медиков, – наконец сказал Вадим. – И меня там не ждут.

– А жена? – Настиным голосом уточнила текила.

– Когда началась пандемия, мне предложили работать с ковид-больными, – он говорил спокойно, равнодушно, только руки сжимали прутья ограды, как будто хотели их выломать. – Она переживала, что я заражу её и ребёнка. Уехала вместе с сыном к своим родителям. Потом нашла кого-то. В начале пандемии вообще многие разводились.

Внутри Насти словно дрались близнецы. Одна её часть уже жалела, что затеяла этот разговор. Как бы их там ни называли – ковидиалы, дети карантина или другими словами, больше похожими на диагнозы, – у них было одно ценное качество: самодостаточность. Они привыкли быть одни. Они не любили грузить своими проблемами – и тем более выслушивать про чужие.

А другая часть вздохнула и призналась:

– А меня бросил парень. За то, что я кашляла. Представляете?

– Представляю! – вдруг рассмеялся Вадим. – К сожалению, представляю. Один мой знакомый убил жену, когда у неё поднялась температура. Был очень недоволен, что она принесла заразу в дом... У многих во время пандемии не выдержала психика, – он посмотрел на Настю, осекся и замолчал. Как будто это её психика не выдержала, превра-

тившись из-за ковида в месиво из подозрительности и неотступного ужаса...

Её не должно было волновать мнение этого совершенно чужого человека. Но почему-то стало обидно. Она отвернулась к реке. Снова поднялся ветер, лунная дорожка пришла в движение, как будто кто-то встряхивал её, выбивал лунную пыль. Огни на другом берегу плясали, как на неисправной новогодней гирлянде, то ли ветер им дирижировал, то ли текила. Река шевелила тёмной чешуёй, линия горизонта таяла, река карабкалась на небо.

Значит, не выдержала психика? Он считает её паникёршей? Запуганной девчонкой, у которой в голове каша из теленовостей и интернет-страшилок про вирус? Ну-ну...

Она повернулась к Вадиму, звенящим голосом произнесла:

– Да, воздух тут классный! – и сняла маску.

Вадим шурился от ветра, смотрел спокойно и доброжелательно. Вдруг серые глаза стали растерянными, даже испуганными, как будто вместе с маской она сняла лоскут кожи. И что-то подсказывало Насте, что дело тут не в смущении.

– Ну что вы смотрите? – не выдержала она. – Что-то не так?

– А что... у тебя с лицом?

– А, вы про язвы? – она с облегчением улыбнулась.

Этот доктор – какой-то уникальный человек, ухитрился напугать её три раза за вечер! Она всерьёз заволновалась, когда он так смотрел, подумала, какие-то проблемы... А это всего лишь язвы! Да они есть у всех, кто носит маску! Кожа под ней потеет, резинки натирают, доступа воздуха почти нет, поэтому она начинает воспаляться, нарывать, гнойники сливаются в большие раны... Лоб и кожа вокруг глаз у всех белые, красивые, а всё остальное – как у пациента лепрозория. Настя ходит в маске целыми днями, от ковида надо защищаться серьёзно, постоянно. Поэтому кожа, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Но ведь так у всех!

Хотя у Вадима другое лицо: бледное от усталости, с морщинками между бровей и возле губ... зато никаких пролежней. Значит, он не всегда носит маску. Например, на работе носит, а потом уже нет. Как безответственно! Нельзя с ним общаться!

Но текила сказала, что можно.

Она вообще стала вести себя как-то чересчур самоуверенно.

Когда Настя смотрела на реку, волны качались, как океанские. Когда на асфальт – он эскалатором уезжал из-под ног. Лицо Вадима расплывалось, словно к нему применили неудачный фильтр. В ушах шумело, сквозь шум до неё донеслось озабоченное:

– С тобой всё в порядке?

Она отцепилась от ограды, чуть не упала, но всё-таки добралась до скамейки. Села, закрыла глаза. Перед ними сразу завертелся тошнотворный калейдоскоп: смятая маска, скачущие волны, внимательные серые глаза... Нет, так только хуже. Осторожно, словно голова могла взорваться, она открыла один глаз, потом другой. Вадим сидел рядом, смотрел с тревогой и сочувствием.

Настя даже немного протрезвела от удивления.

Все Настины друзья – и Милана, и даже Кирилл – уже сели бы в машину и уехали. Для мира, который борется с вирусом и одним из средств борьбы является самоизоляция, это абсолютно нормально – когда каждый сам за себя. Ковидиалы никому не помогали. Но этот

странный доктор не только не уехал – он, кажется, пытается узнать, куда её отвезти!

– Домой, я так понял, ты не хочешь, – говорил Вадим. – Оставить тебя здесь я тоже не могу. В гостиницу не пустят. Остаётся единственный вариант... Поехали!

Он помог Насте подняться, повёл к машине.

Разум вопил, что прикосновения – это очень опасно, надо будет принять душ с антисептическим средством!

А текила просила обратить внимание, что от него очень приятно пахнет и у него такие сильные, тёплые руки.

* * *

У тех, кто без проблем встаёт в шесть утра, надо брать плазму и синтезировать из неё препарат, повышающий силу воли.

Я не из таких, моя гостиница находится рядом с клиникой, поэтому я просыпаюсь не раньше половины восьмого.

Осталось вспомнить, зачем я завёл будильник на шесть.

Спросонья мозг похож на замёрзший гудрон, такой же застывший, неподатливый. Но постепенно, кадр за кадром, я начинаю вспоминать.

Пустая дорога серой рулеткой разматывается за лобовым стеклом.

Девушка склонилась над рекой, кажется, собирается прыгнуть.

«Настя, а что вы здесь делаете?!»

Клиника «На здоровье» откроется в восемь. В семь придёт обслуживающий персонал, будет мыть полы, дезинфицировать поверхности, стерилизовать инструменты, раскладывать защитные костюмы. Поэтому я и поставил будильник на шесть: чтобы Настя успела проснуться, выпить кофе и уехать.

Между нами ничего не было. Серьёзно. Абсолютно ничего. Мы приехали, пробрались мимо охраны и рухнули: я в «шлюзе», она в кабине. Я – потому что адски устал за день, а она всё время плотала из фляжки какую-то дрянь и под конец еле держалась на ногах.

Но, честно говоря, я совсем не против. К Насте тянет. У неё, правда, что-то ужасное с кожей, говорят, такое бывает, если постоянно носить маску. Зато чудесные глаза: голубые, большие, как у эльфа. Красиво изогнутые, зовущие губы. Стройная фигура... И с характером, как выяснилось, у неё всё в порядке. Я думал, это безвольное создание, которое при одном упоминании ковида начинает трястись, мыть маску с мылом и крушить детские площадки. Но она не безвольная, она может быть дерзкой. Может нарушать правила. И даже устанавливать свои.

В «шлюзе» нет окон, но светлеющая полоска под дверью кабинета сообщает, что уже взошло солнце. В кабинете звучат шаги, лёгкие, будто там играет ребёнок. И кажется, хлопает дверца шкафа. Настя тоже проснулась. Надо пойти поставить чайник, чайники в нашей клинике запрещены, потому что нестерильны, и Настя сама ни за что его не найдёт.

Быстро натягиваю джинсы и, на ходу застёгивая рубашку, вхожу в кабинет.

На полу лежат тёплые солнечные линии, словно солнце захотело сыграть в шахматы и расчертило на квадраты то, что первым попало в его поле зрения. На кушетке, раскинув рукава, как для объятий, валяется Настина джинсовая куртка. Настя стоит возле шкафа, где хранятся лекарства и вакцины.

– Доброе утро! – обрадованно улыбается. – Как спалось? Слушай, я тут кое-что взяла, ты не будешь сердиться? Я увидела, что вам вакцину уже привезли... ну, и приняла её...

Между нами ничего не было. И ничего уже не будет.

– Вадим, ты что молчишь? Не волнуйся, я правильно приняла! Я знаю, как надо! Взять три шарика из упаковки, запить водой...

– Ладно, давай кофе сделаю.

Чашка в моей руке дрожит, ложечка с жалобным звяканьем задевает о край, на белоснежном столе остаётся кофейная клякса.

Потом я везу Настю домой, и она радостно щебечет на сто тем одновременно. Что скоро откроется просто невероятная выставка, надо сходить, будет прямая трансляция. Что ей неловко за вчерашнее. Что так приятно без маски, можно нормально дышать, и лицо не болит, теперь она будет носить их только в многолюдных местах, что скажешь?..

Погода такая тёплая и солнечная, словно апрель украл день у июня. Облака розоватые, невесомые, как дым фруктового кальяна. У деревьев полупрозрачная светло-зелёная аура, значит, скоро распустятся листья. Улицы, по которым мы едем, пустынные, в пандемию не рекомендовано гулять. Весна пришла, а никого нет.

У Настиного подъезда стоит сине-белый полицейский джип. Она рассеянно скользит по нему взглядом – думает, он не имеет к ней никакого отношения. Хотелось бы мне в это верить.

– Спасибо, что подвёз! Увидимся! – весело бросает она, и я делаю вид, что не услышал вопросительной интонации в последнем слове.

Настя выходит из машины – и одновременно из джипа выбираются трое парней в форме.

– Титова Анастасия Михайловна? – глухо, сквозь чёрную маску, проносит один. – По какой причине уезжали далеко от дома? Где ваша маска? А перчатки? Анастасия Михайловна, сразу три нарушения!

...Три шарика из упаковки. Запить водой.

Первый шарик – сама вакцина. Второй – отвечает за геолокацию. Он сообщит, как далеко ты отошла из дома и какого за это заслуживаешь наказания. Третий – звукозапись, отныне тебе придётся взвешивать каждое своё слово, и твоим близким тоже.

Настя, прости. Я не уследил. Не уберёг. Я как-то не мог подумать, что в шесть утра ты будешь искать не кофе и сахар, а вакцину.

– А с кем вы ехали? – шелестит сквозь маску полицейский. – Это ваш родственник?

Поднимаю стекло, разворачиваюсь, выезжаю из двора. (Я не могу быть на коротком поводке, совсем не могу, даже за компанию с эльфом...) По тротуару прогуливается семейная пара, нарядно одетая, с мусорными пакетами в руках. Спешит курьер. Молодой парень читает рэп с балкона. Раньше это считалось нарушением порядка, а теперь даже приветствуется, проходят прямые трансляции, балконобатлы... Но слушать, конечно, некогда. Скоро начнётся смена, а ещё надо успеть надеть защиту.

Дмитрий ЛАГУТИН

Родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского государственного университета, работает юрисконсультom в сфере строительства.

В 2017 году занял первое место в международном конкурсе «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза». Лауреат национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов». Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Новый берег», «Волга», «Нева», «Дальний Восток», в сетевых изданиях «ЛиTERRАtura», «Южный остров».

Живет в Брянске.

МОЯ ЯПОНИЯ

Мне было... около девяти. Брату, соответственно, одиннадцать-двенадцать.

На соседней улице, в доме у старой березы, поселилась необычная семья – мужчина, женщина, старуха и мальчик. Все они – кроме старухи – были стройны, смуглы, жилисты, и у всех вместо глаз были узкие щелочки – и непонятно было, как они вообще что-то могут через эти щелочки видеть.

Прошел слух о том, что под старой березой поселились японцы.

Я был в восторге. Из иностранцев во всей округе были одни цыгане – крикливые и неряшливые – и семья белорусов, ничем не отличавшаяся от своих соседей.

Япония... Как только я услышал о японцах, я побежал на соседнюю улицу и издалека увидел мальчика. Он сидел на крыльце и читал. Возрастom он был ровесник моему брату. Я подкрался поближе, он поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

Я сделал вид, что прогуливаюсь.

Настоящий японец! Настоящий живой японец сидит на крыльце под старой березой, читает книгу и болтает ногами в тапках!

Мальчика звали Ша Ди. Это мне тем же вечером сообщил брат, а откуда он узнал – понятия не имею.

Я спросил:

– А он правда японец?

Брат почесал макушку.

– Судя по всему, да.

У меня дыхание перехватило.

На улице только и разговору было что про японцев. Меня еще не брали в компанию брата, и приходилось якшаться с малышкой, но и малышня, и даже девчонки – все обсуждали одно и то же.

А Лёха, футболист и задира, даже набрался смелости и окликнул Ша Ди, бредущего по тротуару:

– Эй!

Ша Ди обернулся.

– Ты японец?

Мальчик помолчал, глядя на нас своими глазками-щелочками, коротко кивнул. И пошел себе дальше.

Первое время он держался особняком – ни с кем не играл, на нашу улицу не ходил, сидел на своем крыльце или карабкался по березе.

Из нашего двора, если залезть на крышу сарая, было видно ту березу – и много раз я видел на ней, высоко-высоко, ловкую темную фигурку. Я вспоминал таинственное искусство ниндзя – японское, – и у меня холодели пальцы.

Как-то раз мы столкнулись с ним – в прямом смысле столкнулись. Я шел, уткнувшись носом в спичечный коробок, в который только что заточил жука-пiskyна, и теперь смотрел, как он высовывает лапки в щель, – и толкнул в плечо шедшего мне навстречу Ша Ди. Он остановился. Я тоже – в ужасе. Он внимательно посмотрел на меня, медленно развернулся и удалился, не сказав ни слова.

Жук как-то ухитрился вылезти из коробка, сиганул на тротуар и был таков.

В нашем книжном шкафу я разыскал толстенную энциклопедию «Народы мира» – старую, истертую по углам, – и в ней целая глава была посвящена Японии.

Я вытаскивал энциклопедию, сидел тут же, в уголке, на полу, прислоняясь спиной к шкафу, – и читал. По сто раз перечитывал дивные слова: «самурай», «сёгун», «бусидо», названия островов и деревень, – и от каждого слова на меня веяло чем-то страшным и сладким. А что уж говорить про картинки! Фигуры в причудливых одеждах, с перекошенными лицами, с мечами, вскинутыми над головой – и с глазами-щелочками! – тусклые пейзажики, горы и реки, и повсюду – дивные, удивительные, невыразимые! – иероглифы!

Я выбрал самый таинственный иероглиф и за два дня научился его рисовать. Я вывел его на обоях у самой моей подушки – да так, чтобы увидеть его можно было только прижав матрас рукой – и перед сном подолгу его разглядывал.

Ша Ди тем временем стал захаживать на нашу улицу и уже несколько раз гонял с мальчишками мяч. Брат тоже играл – а меня не брали.

Когда футболист Лёха выбил мяч из-под ног Ша Ди, тот воскликнул что-то по-японски. Лёха, который ничего в этой жизни не боялся, обернулся, – и я увидел, что лицо у него бледное.

Со временем Ша Ди стал приходить чаще. Играл или сидел вместе со всеми на соседском крыльце. Разговаривал он мало, все больше слушал – и внимательно смотрел через щелочки.

Однажды кто-то спросил его:

– А как там, в Японии?

Он помолчал, посмотрел вдаль и коротко ответил:

– Красиво.

Сказать лучше было нельзя. Все притихли.

А как-то раз брат пришел домой, нашел меня и сказал торжественно:

– Я был у японцев.
У меня дыхание перехватило.
– Дома?
– Дома.
И пошел себе на кухню.
Я – следом.
– Как так?
– Вот так.
– Ну как?
Брат устало вздохнул, открыл воду и сполоснул стакан.
– Бабуля японская пригласила.
Я вопросительно затряс головой.
– Ну что ты трясешься? Зашли за Ша Ди. А она и пригласила. Заходите, мол, чего на крыльце толпиться.
Я ахнул. Это же японское гостеприимство – целая традиция.
Брат шарил в холодильнике.
– А где сок?
– Я допил.
– Там полпачки было!
– Нет, чуть-чуть совсем.
Брат засопел и налил в стакан воды из чайника. Я ждал, пока он, громко глотая, пьет, а потом, когда он поставил стакан на стол, спросил:
– И как там?
– Где?
– У японцев.
Он пожал плечами.
– Чудно. Мы только в прихожей были – и комнату одним глазком видели. В прихожей – картинки всякие по стенам.
Я распахнул глаза.
– А в комнате – сплошные ковры. И мебели почти никакой.
– А что за картинки?
– Картинки?
– В прихожей.
– Ой, разные.
И брат вышел из кухни в коридор.
– Ну, расскажи!
– Да картинки как картинки. Ты мою кепку не видел?
– Нет. Что за картинки?
– Да что тебе! Это и не картинки даже – бронзовые такие штуки, типа той, что у деда в комнате. На одной – лучник, на другой – стадо какое-то, быки.
Я подпрыгнул.
– А горы? Горы были?
Брат почесал затылок.
– Горы? Кажется, были.
У меня сердце было готово выскочить из груди.
– А иероглифы? Были?
– Да что ты ко мне пристал! Сходи сам посмотри!
Он нахлобучил на голову валявшуюся за тумбочкой кепку, хлопнул дверью и вышел.
Я побежал в комнату к деду. Там, между окном и шкафом, висела на стене бронзовая картина. На ней была изображена грустная девушка в длинном платье. Длинные распущенные волосы падали ей на плечи, а

глаза были то ли закрыты, то ли прикрыты – то ли она смотрела вниз, то ли...

Я ахнул. Это была форменная японка.

Когда дед притопал с рыбалки, бережно спрятал удочки под свою кровать и со вздохом опустился в кресло, я пристал к нему с расспросами.

– Дед.

– Чего?

– Это у тебя откуда?

И я показал на бронзовую картину.

Дед почесал бороду.

– Не помню.

– Ну, дед!

– Чего?

– Вспомни!

Он снова почесал бороду.

– Привез кто-то.

– Откуда?

– Да не помню я! Подай книгу.

Я дотянулся до полки. Дед всегда читал одну и ту же книгу – перечитывал по сто раз.

– Вот! – Потряс книгой дед. – Вот книга! А не это ваше.

Он послуныявил пальцы и долго листал, выискивая нужную страницу. Потом прочистил горло и прочел, торжественно растягивая слова:

– Каждый раз, когда объясняешь дорогу, будто снова проходишь по ней, по всем этим привольным местам, по лесным проселкам, усеянным цветами бессмертника, и снова испытываешь легкость на душе!

Я знал, что он сейчас станет читать и через десять-пятнадцать минут уснет в кресле. Поэтому я снова к нему пристал:

– Дед, ну вспомни!

– Что?

Я показал на грустную японку.

Дед внимательно посмотрел на меня.

– Шел бы ты гулять, – сказал он сурово. – Сказал не помню – значит не помню.

И я пошел гулять. Я прошелся до Хуторской, проверил шалаш в зарослях крыжовника – цел, – потом вернулся к дому, залез на гараж. С гаража было видно верхушку старой березы. Теплый августовский день медленно оборачивался теплым августовским вечером, все было залито мягким золотым светом. Я спрыгнул с гаража в кучу песка, вышел с нашей улицы и направился на соседнюю.

Старая береза была самым высоким деревом в округе, ее тень широким полотнищем ложилась поперек улицы.

Дом японцев был совсем обыкновенным – и вы никогда не угадали бы, что именно в нем живут японцы, – но мне даже он теперь казался особенным, что-то было в изгибе его крыши – какая-то она была острая, острее остальных крыш, – и крыльцо было не такое, как у всех, как будто изящнее, тоньше. И палисадник с сиренью казался совсем нездешним. Я не знал, растет ли в Японии сирень, но был уверен, что расти она там, японские палисадники выглядели бы именно так, как этот.

На улице было пустынно и тихо. Я подошел к старой березе, запрокинул голову, разглядывая взмывающий вверх ствол. Потом медленно подкрался к палисаднику, привстал на носки, постарался увидеть что-то в темных японских окнах. Окна были задернуты шторами.

Тогда я осторожно приоткрыл калитку и ступил в палисадник. Сделал шаг, другой – и скрипнул нижней ступенькой японского крыльца. Сердце у меня загрохотало. Я взялся рукой за деревянное перильце, поднялся еще на две ступени и оказался на крыльце.

И тут я услышал шаги за дверью. Я пулей слетел по ступеням, вынырнул из палисадника и застыл.

На крыльце стояла японская старуха.

Она была одета в длинный халат – кимоно! – и в руках держала какую-то ступку. У нее были белые, собранные в пучок волосы и желтое лицо, похожее на сморщенное яблоко. Роста она была совсем махонького, вся сгорбленная, согнутая.

Она посмотрела на меня через свои щелочки.

– Здравствуйте, – промямлил я.

– Здравствуй, – скрипнула она, и лицо ее расплылось в улыбке.

Я не знал, что еще сказать. И старуха молчала.

Наконец, она проскрипела:

– Ты, наверное, друг Ша Ди?

Друг! Друг японца! Возможно ли такое?

Я как-то косо мотнул головой – по диагонали.

– Он убежал куда-то, – пояснила старуха.

И добавила:

– Такой непоседа стал.

Я снова дернул головой.

– Может быть, подождешь его? – и она кивнула на дверь. – Чаю выпьешь?

У меня душа ушла в пятки.

– Н-нет, спасибо, – пробормотал я, заикаясь. – Мне это... мне домой надо.

Она пожала плечами и снова улыбнулась.

– Как скажешь, – сказала она. – Я передам Ша Ди, что ты приходил. Как тебя зовут?

– Руслан, – соврал я.

Она кивнула.

Я все стоял на месте. Она молча смотрела на меня и улыбалась.

– До свидания, – сказал я.

– До свидания.

Я, не оборачиваясь, сделал шаг назад и попал в тень от березы.

– До свидания, – повторил я.

Японская старуха помахала мне желтой сморщенной ладошкой.

Я медленно развернулся и пошел по улице, чувствуя на себе внимательный взгляд. Она как пить дать меня раскусила – не такие эти японцы простаки, чтобы их дурачить.

Когда я вернулся, дед спал в кресле, раскрытая книга лежала у него на груди. Я на цыпочках прокрался к грустной японке и устался на нее.

Золотой предзакатный свет расчерчивал комнату пополам и золотыми прямоугольниками падал на картину. Волосы у японки сияли, сияли складки рукавов, тонкие ладони, сложенные на коленях. Лицо у нее было грустное-грустное.

«О чем она грустит?» – думал я.

Я присел на краешек дедовой кровати и стал гадать, о чем же она грустит? Выходило, что она грустит о своем возлюбленном, которому пришлось уехать на войну. В Японии – я читал – войны велись постоянно, провинция воевала с провинцией, клан с кланом.

Может быть, ее возлюбленный – тот самый лучник, которого видел мой брат?

Складывалась целая история.

Японец и японка. Женятся. Играют свадьбу. Но вдруг – война. Она просит его остаться. Но у него – кодекс чести. Он снимает со стены лук, колчан со стрелами. Седлает коня. Она плачет. Он обнимает ее. Он сам вот-вот заплачет, но – кодекс чести. Он запрыгивает на коня, конь летит вихрем. Она долго смотрит вслед, но из-за слез даль плывет, тает. Японский ветер гладит ее волосы, утешая.

История получалась что надо. Я пересел с краешка кровати в центр и прислонился спиной к ковру, закрывающему стену.

Японец воюет. Ночует в поле, на голой земле. Дежурит у костра, пока товарищи спят. Со свистом выпускает стрелу за стрелой. Он уже дважды был ранен – но для него это пустяки. Японка ждет его – печаль не сходит с ее лица, вечерами она выходит из дому и сидит, сложив ладони на коленях. Она смотрит вдаль и ждет – не покажется ли на горизонте всадник.

Над серебряными горами плывут облака, в низинах стелется голубой туман. Вишня роняет белые лепестки, ветер подхватывает их и несет к дому японки. Но до цветов ли ей сейчас? Из-за гор показывается луна – бледная, тревожная, и японке чудится, что луна, только луна, может сейчас ее понять.

Меня разбудил дед.

– Вставай, малый, – кряхтел он, сжимая мое плечо. – Разоспались мы с тобой.

В комнате было совсем темно, голубело сумерками окно, в дверном проеме спотыкался свет из столовой.

Я заканючил, пополз в угол, поджимая ноги к животу – не хотел вставать.

Дед возмутился, но потом махнул рукой, накинул на меня плед и уковылял.

С того дня брат стал частенько бывать у Ша Ди – всей ватагой у него рассиживались. А меня не брали.

Да я и не порывался – вскроется, что я зачем-то врал гостеприимной японской бабуле; а то вдруг окажется, что она видела, как я по их палисаднику лазал.

Поэтому я только приставал к брату с расспросами – что да как?

Брат у меня – человек сложный. Сегодня добряк, рот не закрывается, завтра – сидит букой, и слова из него не вытянешь. Но он видел, что я ему завидую, – и поэтому чаще всего был рад похвастаться.

– Бабуля у него, – говорил он, – во! Чисто японское гостеприимство.

Он тоже загорелся Японией, все руки исписал иероглифами из моей энциклопедии – вкривь и вкось, – разучивал боевые стойки и даже отрыл где-то загадочную книгу, на обложке которой было написано:

«Хагакурэ».

Это было что-то вроде того самого кодекса, из-за которого мой лучник не мог остаться с возлюбленной.

Книга была старая, потрепанная, кое-какие листы были выдраны с корнем. Брат сунул мне ее и сказал:

– Сегодня можешь читать. Завтра – возвращаю.

Дело было вечером. Сам он ее уже проштудировал – оказалось, он взял ее неделю назад.

Я обиделся на него, но от чтения не отказался. Убежал в кухню, устроился за столом.

Книга оказалась такая жуткая, что у меня волосы на голове шевелились. Я никогда еще не встречал в тексте столько насилия. Японские мужчины только и делали, что рубили друг другу головы.

На кухню зашел отец.

– Ты чего тут сидишь?

– Читаю.

– Что читаешь?

Он взял книгу, пробежался глазами по одной странице, по другой – и посмотрел на меня.

– Ты где это взял?

Кодекс чести не позволял выдавать брата, но другого выхода у меня не было.

Брату влетело, и он с великим трудом выклянчил у отца «Хагакурэ» – с тем, чтобы тут же, в ночь, унести книгу хозяину.

Вернувшись, он сказал мне:

– В самураи тебе путь заказан.

Он ничего не смыслил в самурайских делах, но мне стало обидно. Я ушел в комнату деда – тот уже спал, под одеялом, лицом к стене, – устроился в кресле и долго смотрел на грустную японку, по волосам которой плыли серебряные блики.

Но, кажется, брат понимал, что ничего другого я отцу сказать не мог, и уже наутро мы общались как ни в чем не бывало, а к вечеру, после очередного визита к японцам, он подошел ко мне и вынул из кармана сухой белый шарик.

– Держи, – сказал он.

Я посмотрел с опаской.

– Что это?

– Держи, балда! Национальное японское блюдо! Я со стола немного утащил – для тебя.

Он взял мою ладонь и положил в нее шарик. Я наклонился и понюхал – пахло странно.

– Что это такое? – переспросил я.

– Говорю же тебе!

Я покатал шарик в ладони.

– И как это есть?

– Как хочешь!

Я вспомнил, что японцы едят исключительно палочками.

– Взял бы и палочки тогда, – сказал я.

Брат помотал головой.

– Нет у них палочек.

– Как так?

– Вот так.

– А чем они едят?

– Вилками.

Я вздохнул. Это бросало тень на наших японцев. Я бы на их месте даже пил палочками.

Я уперся – не буду есть вилками! – мы долго думали, а потом побежали во двор и скосырнули с сирени несколько веточек. Веточки были неровные, узловатые, не очень крепкие, но ничего более подходящего нам в голову не пришло.

На кухне я достал чайное блюдце и выложил на него шарик.

– Погоди, – сказал брат, – давай тогда уж по всем правилам.

Он юркнул в коридор, приволок коробку из-под обуви, поставил на пол посреди кухни и скомандовал:

– Садись.

Я опешил.

– На коробку?

Брат закатил глаза.

– На пол!

Я медленно опустился на корточки.

– Они что, на полу сидят?

Брат взял блюдце с шариком и поставил на коробку. Сам сел напротив меня.

– Нет, не на полу. У них – такие маленькие табуреточки, крошечные.

Я кивнул.

– А столики, – продолжал он, – тоже – низенькие совсем. Чисто Япония.

Я ликовал.

– Ну, – он показал на шарик, – давай.

– А ты?

– Я пас. Я там у них этого добра объелся. От него пить хочется.

Я вздохнул. Поджал под себя ноги. Выбрал две веточки постройней, кое-как пристроил их между пальцами.

Но схватить шарик никак не удавалось. Я пробовал и так, и сяк, катал его по блюдцу, один раз столкнул на коробку, и он даже начал крошиться.

– Бери руками, – говорил брат нетерпеливо, – хватить мучиться.

А я чуть не плакал – до того мне хотелось все сделать по правилам. В конце концов, я сложил веточки на манер рельс, закатил на них шарик и, придерживая второй рукой, сунул в рот.

Вкус был странный – кисло-соленый, вязкий. Во рту шарик рассыпался на множество сухих мелких катышков, и каждый из них приходилось раскусывать по отдельности. Я жевал и не знал, нравится мне то, что я жую, или нет.

Я закрыл глаза и представил себя лучником, сидящим у костра. Шуршит от ветра высокая трава. В подножия скал бьются отчаянно волны, рассыпаются пеной. Встают рядами горные хребты, надевая белые снежные шлемы. У моих ног – верный лук, резной колчан. Потрескивает в ночи костер. В моей руке палочки, по ним бежит вязь иероглифов.

В жизни не ел ничего вкуснее.

Зашел дед.

– Бастуете?

Мы встали с пола.

Дед посмотрел на нас, на коробку, на блюдце, на веточки в моей руке. Крякнул, полез в хлебницу.

Мы пошли во двор.

– Что скажешь? – спрашивал брат.

– Япония, – отвечал я с придыханием.

– Да.

Мы залезли на сарай. Осень была на носу, и вечера были уже не такие теплые – но такие же ясные, и все тот же золотой свет ложился на округу. А воздух даже казался прозрачнее.

Старая береза покачивала макушкой.

– Вот, – говорил брат, – а они такое каждый день едят.

Я кивал.

- И чаю пьют немерено. Кружка за кружкой.
Я кивал.
– А что его родители? – спрашивал я.
Брат чесал затылок.
– Да они на работе все время, нас бабуля угощает.
Во все стороны разбегались вереницами золотые крыши. Небо было глубокое, стеклянное, по нему скользили перья облаков.
– А еще? Что еще видел? – спрашивал я.
– Еще? Не знаю даже.
– Ну... Ну... Мечи, может, видел?
– Мечи? Нет, мечей не видел.
Я вздыхал.
– Может, у них и нет.
– Есть, – уверенно говорил брат. – Ша Ди рассказывал, что есть.
У меня сердце екало.
– Только ему отец запрещает его показывать.
Я кивал:
– Понимаю.
Конечно. Все верно. Это очень по-японски.
Соседская собака высунула нос из конуры. Понюхала воздух, вылезла. Села посреди двора, почесалась, посмотрела на нас, полезла обратно.
– А про Японию рассказывал?
Брат кивнул.
– Рассказывал. Только очень мало. Какая-то темная там история, давно уехали.
У меня сердце загремело. Я сразу понял, что дело в войне между кланами, но брату говорить не стал.
– Рассказывал, что отец его – самурай в каком-то там поколении. Пятom или седьмом. Что у него там – история какая-то.
Я смотрел вдаль и молчал. Я все понимал.
– Ну, отец у него и правда суровый мужик. Так вроде улыбчивый, то да се, а то вдруг как зыркнет – мороз по коже. И молчаливый.
«Да, – думал я. – Так все и есть».
По небу рассыпалась черными крючками птичья стая. Слева, из глубины, проступила молчаливо половинка луны.
Казалось, что луну кто-то рассек мечом надвое.
– Смотри, – прошипел брат и ткнул меня локтем.
По старой березе карабкалась темная фигурка.
Мы замерли.
Ша Ди в мгновение ока оказался у самой верхушки. Там он тоже замер.
Увидел нас?
– Он не признается, – сказал брат, – но я уверен, что он умеет что-то эдакое.
Я кивнул. Точно умеет, вне всякого сомнения.
На следующее утро я упросил отца раздобыть мне книги о Японии – и он привез из библиотеки целую кипу. Я засел за чтение – днями не выходил из комнат. Наступил сентябрь, с ним – школа, но я и в школу умудрялся таскать том за томом.
Ша Ди научил брата нескольким японским фразам – и брат через каждые два русских предложения вставлял одно японское.
Даже дед отложил свою бессменную книгу и засыпал теперь с мемуарами какого-то японца на груди.

Сентябрь выдался прекрасный – огненный, теплый. Клены на нашей улице пылали багрянцем, а старая береза казалась бронзовой. Волосы печальной японки струились золотом, черты ее разгладились, и мне думалось, что она, наверное, получила от лучника письмо – и в письме говорилось, что все хорошо, что война на исходе, что еще немного – и настанет время долгожданной встречи.

А потом вдруг брат перестал бывать у Ша Ди. И не только брат – вообще все. И Ша Ди перестал приходить на нашу улицу и больше не гонял по пыльной дороге мяч. Теперь его можно было увидеть только вечером – сидящим на старой березе, – а где он пропадал все остальное время, я не знал.

Это произошло как-то разом, в один день – и брат говорил мне, что Ша Ди поступил ужасно и что теперь с ним нельзя общаться.

И все – никаких деталей.

Но я сразу все понял. Я вспомнил «Хагакурэ», жестокость самураев, их решимость идти до конца – и все понял. И я не стал допытываться – кодекс чести говорил мне, что надо довольствоваться тем, что имеешь, а придет время – откроется и остальное.

И почти до конца октября я хранил молчание – и ни с кем не обсуждал Ша Ди. Я знал, что тут замешано что-то очень самурайское, и не хотел потерять лицо. Я ходил в школу, продолжал читать про Японию и записался в секцию айкидо, которая должна была открыться в январе.

Вечерами я с крыши сарая смотрел, как Ша Ди сидит на старой березе. Он сидел, не шевелясь, глядя на закат – до тех пор, пока сумерки не окутывали березу и его фигурка не сливалась с ветвями.

Тогда он кошкой соскальзывал вниз, а за ним и я – не так ловко, по черепашьи – сползал во двор, цепляясь за бельевую веревку.

А потом японцы уехали. Ранним утром у старой березы затарахтела грузовая машина, водитель помог отцу семейства погрузить в кузов скудную мебель, рулоны ковров, картонные коробки – вся семья, включая сгорбленную японскую старуху, вошла в кабину, а Ша Ди прыгнул в кузов и остался сидеть там.

Об этом мне рассказал, придя из школы, брат – он в тот день выходил раньше и все видел.

Тут уж я не вытерпел. Я нарушил свое молчание. Я больше не мог сохранять лицо. Я выслушал брата и дрожащим голосом воскликнул: – Что же случилось?

Брат долго смотрел на меня – молча. Потом он оглянулся и шепнул: – Во двор.

И он вышел.

Я вернул на полку путеводитель по острову Хонсю и побежал за ним.

Брат ждал меня под яблоней, с той стороны теплицы, в самом укромном уголке двора.

Стоял серый неприветливый день. Холодный ветер ворошил пожухлую листву, трепал полиэтиленовую кожу теплицы.

Брат снова оглянулся по сторонам и зашептал:

– Это все из-за его отца. Его обнаружили, и оставаться здесь означало бы подвергать опасности всех.

На слове «всех» он сделал ударение.

Я все понял. Я, наверное, сразу догадался – и теперь понял, что сразу догадался. Конечно. Жизнь такого человека не может быть обычной жизнью – это вечные странствия с мечом наперевес. Опасности, риск, предательство.

Я все понял.

Я посмотрел на брата так, что он понял – я все понял. Не надо ничего говорить, добрый брат, я все понял.

Я положил руку ему на плечо. Он кивнул.

Как хорошо иметь брата!

И я восстановил свое молчание. Я облекся в молчание, как в доспехи. Молчание было моими доспехами, а зоркость была моим мечом. В ту неделю я несколько раз видел странных, подозрительных людей, расхаживающих по нашим улицам.

Я все понимал. Я не спускал с них глаз, следил за каждым их движением, всегда был начеку – и все понимал.

На побережье моего сознания возвышался темным утесом вопрос – что же сделал Ша Ди тогда? Переезд – я понимал. Что это был за «ужасный поступок», после которого никто не решался подойти к нему? Этого я не понимал. Но я хранил молчание – и волны моего сознания истерли в песок тревожащий меня утес.

Моя память поглотила его, как морская пучина поглощает обломки разбитого судна.

С января я пошел в секцию айкидо – и нас учили, как безболезненно падать. Я прочел все книги о Японии, которые достал отец, и чувствовал себя так, как чувствует себя мост, соединяющий два берега.

Лишь один раз любопытство взяло верх – и я совершил безрассудный поступок.

Дом Ша Ди почти сразу заняла какая-то молодая пара – они постоянно куда-то уезжали и не возвращались по два-три дня. И однажды, в конце января, я не справился с собой и, увидев, что машины перед домом нет и что свет в окнах не горит, я перелез через забор. И оказался во дворе Ша Ди.

Тут все было занесено снегом. На низеньком грушевом дереве висела изящная кормушка для птиц – я сразу понял, что она осталась от японцев. Я стал красться по двору, проваливаясь по колено.

Вот веранда. На ней японцы пили чай.

Вот накрытая гигантским сугробом клумба. Здесь росли какие-то удивительные цветы.

Ветер подхватывал их лепестки и нес на веранду.

Впервые я видел старую березу с такого ракурса – она возвышалась над домом, над двором, над миром – как маяк.

И вдруг меня пронзила мысль – что если лучник остался? Ведь осталась же кормушка!

И я двинулся к широкому темному окну.

В этот момент что-то скрипнуло, и на веранде оказалась девушка в длинном вязаном свитере.

Она была очень красива. Черные волосы падали на плечи, лицо было задумчиво. Длинными белыми пальцами она перебирала какую-то книжицу.

Увидев меня, она остолбенела. Глаза ее распахнулись.

– Ты что здесь делаешь?

Я метнулся к забору и в один миг перемахнул через него.

Я побежал в другую сторону – не к дому – чтобы запутать след. И, кажется, мне это удалось. После я не раз встречал ее на улице – она даже не смотрела на меня. Вероятно, она не запомнила мое лицо.

Тогда же, пропетляв по району зигзагами, я ввалился домой и долго сидел в комнате деда – смотрел на грустную японку.

Дед читал свою книгу – и все порывался читать вслух – мне, – но со второй страницы начинал сбиваться, путать слова и клевать носом.

Айкидо я бросил – несколько раз меня безболезненно, но обидно уронили на соревнованиях, и я ушел.

И Япония забылась. Без новых книг мое увлечение стало бледнеть, истончаться – и, наконец, через какой-нибудь год рассеялось, как облачко тумана. Я перестал хранить молчание, держать лицо – и стал обычным болтливым мальчишкой.

«Японский» период моей жизни теперь казался сном – витиеватым, непонятным, фантастическим сном.

И тогда из пучины моей памяти восстал мрачный утес: меня снова стал мучить вопрос, который прежде был замурован в самурайскую тайну.

Что же все-таки сделал Ша Ди?

Доспехи были сброшены – и я осадил брата. Он долго отнекивался, отшучивался, делал страшное лицо, озирался, но потом сдался и все рассказал.

Он посмотрел мне в глаза и все рассказал.

Оказалось, что Ша Ди не был японцем.

И отец Ша Ди не был японцем.

И мать Ша Ди, и бабушка – японками не были.

Это была обыкновенная казахская семья, из тех, что во множестве переезжали с места на место в то время – из города в город, из области в область, нигде отчего-то не задерживаясь надолго. И переезды их, конечно, не были связаны ни с кланами, ни с мечами, ни с предательством. Никаких сегунов, вассалов и провинций. Милая казахская семья, которая переехала к нам, а потом переехала от нас.

Вскрылось это как-то нелепо – отец Ша Ди пришел домой раньше обычного и вдруг, против обыкновения, сел за стол с друзьями сына. И против обыкновения разговорился – и заговорил вдруг про какой-то Казахстан, какую-то степь, какие-то стада.

И оказалось, что имя Ша Ди – вовсе не Ша Ди, а Шади, и означает оно «весельчак», или «шутник», или что-то вроде того.

Так развеялась легенда. Разом упорхнула, точно птица, захлопав крыльями.

А я даже не расстроился.

Я даже рассмеялся.

И до сих пор, вспоминая все это, смеюсь.

Напомню, я стал обычным мальчишкой, а мальчишки очень любят хорошенько посмеяться.

А спустя еще какое-то время я обнаружил на месте растаявшей тайны новую, осязаемую, доселе незамеченную. Она мерцала и переливалась в лучах осеннего солнца. Тайна заключалась в том, что брат почему-то так долго скрывал от меня суть «ужасного поступка» и даже оберегал от нее, поддерживая во мне веру во все эти японские штуки.

Я не спрашивал его о причинах такого поведения. Я все понял. Как только я взял в руки эту – настоящую – тайну, как только прокатил ее по ладони, я понял.

Я понял, что он всего-навсего не хотел меня разочаровывать. Вот так. Так просто и так сложно.

В одной из книг о японских стихах было сказано: «так просто и так сложно»; мне понравилась эта формула, и я ее запомнил.

Как хорошо иметь брата!

В СТАРОЕ ОЗЕРО ПРЫГНУЛА ЛЯГУШКА

Дверь парной открылась – и сверчок замолчал.

Вошли двое – высокий костлявый старик в тюбетейке и полный мужчина в спортивной шапке с помпоном, из-под которой торчали во все стороны, закрывая лоб и опускаясь к бровям, пепельного цвета кудри. Поднялись по скрипучим деревянным ступеням – старик припадал на одно колено и упирался в него ладонью – уселись. Напротив темнела заслонка печи, направо тянулись лавки – выгибались углом и уходили под самый потолок.

Старик постучал ладонью по колену, расправил плечи, выпрямил спину, отчего стал казаться еще выше, шумно втянул воздух, выдохнул и продолжил разговор. Говорил он прерывисто, с паузами, во время которых жевал тонкие губы.

– ...так вот, суть хайку... все волшебство, может быть... – старик снова втянул воздух ноздрями, кашлянул, зажмурился. – Кусачий пар, сухо слишком... Даже не в том волшебство, что условный... хайдзин... написал стихотворение... а в том, – старик пригладил жидкие виски, поправил тюбетейку, – что он увидел... то, о чем решил написать.

Его собеседник, прежде сидевший неподвижно, щурившийся и державший пухлые губы трубочкой, кивнул и принялся растирать ладонями бока.

– То есть я хочу сказать... – продолжал старик, глядя перед собой, – нет особой заслуги в том, – он вытянул длинные худые ноги, посмотрел на них равнодушно, – чтобы написать, например...

Он задумался и долго молчал – и слышно было только, как пытит, растирая блестящие бока, его собеседник, – а потом продекламировал, скрестив руки на впалой груди:

– Легкий ранний снег... Только листья нарцисса... Чуть-чуть согнулись.

Собеседник перестал тереть бока и покачал головой неопределенно.

– То есть нет... особенной заслуги... в самом описании... – проговорил старик, отклоняясь назад так, чтобы спина упиралась в деревянную стену. – Но вот в том, что поэт увидел... этот вот нарцисс... – старик закрыл глаза – вот тут ценность грандиозная.

Собеседник кивнул, соглашаясь.

– Там, где... девяносто девять пройдут мимо... – старик убрал руки от груди и пощупал колено, – да еще и ногой зацепят... Нет, хороший пар, зря я... Лучше уж так...

– Да, пар что надо, – подтвердил собеседник и погрузил лицо в ладони.

По вискам, из-под кудрей, побежали крупные прозрачные капли – собирались на подбородке, падали беззвучно на деревянный пол.

Дверь открылась – и в парную вошел мужчина с двумя сыновьями. Старшему на вид было около двенадцати, младшему не более семи. Мальчики – в одинаковых шапках, напозающих на глаза, войдя, ступевались, запыхтели, но старший тут же взлетел по ступеням, пробежал мимо старика и, кривясь от навалившегося жара, влез на самую верхотуру, в угол. Младший, не выпуская отцовской руки, одолел две ступени и остановился.

– Выше не полезем? – обратился к нему отец.

Мальчик замотал головой.

Отец расстелил прямо на ступени цветастый коврик, мальчик сел, втянув голову в плечи, обнял пышный дубовый веник, уткнувшись в него лицом.

– Ай да мужчина! – восхищенно закивал старик, обращаясь к старшему, съездившему под потолком.

– Я тоже мужчина! – буркнул обиженно младший из веника.

– Конечно, мужчина! – рассмеялся старик.

– Мужчина-мужчина, – отец похлопал мальчика по узенькой спине с торчащими лопатками, – не сомневайся. Видишь, и я с тобой сижу, внизу.

Старший фыркнул, отец погрозил ему пальцем.

– Так вот... – заговорил старик, чуть понизив голос, – хайку – это... иглоукальвание. Два-три штриха, точка... и из этой точки разворачивается...

Старик развел руки в стороны, точно разворачивал свиток, подвигал плечами, прижатыми к стене, и закрыл глаза.

– Старый-старый пруд... Вдруг прыгнула лягушка... – он выдержал паузу. – Громкий всплеск воды.

Он открыл глаза и посмотрел на собеседника. Тот отнял багровое лицо от ладоней.

– Да-а, – протянул он почтительно.

– Слезай давай! – позвал отец старшего мальчика. – Приплюхает!

Тот прошипел, не поднимая головы:

– Нормально, пап!

– Слезай, говорю.

И младший выглянул из веника:

– Кирилл! Слезай!

Старший цыкнул на него, но потом, не разгибаясь, враскоряку, чуть ли не на четвереньках сполз чуть ниже.

– Как хочешь, – сказал отец и повернулся к младшему. – В ладошки?

Тот мигом соскользнул со ступени, выпрямился, стал напротив отца. Отец взял веник, положил на колени, вытянул перед собой руки – широкими крепкими ладонями вверх. Мальчик положил в них свои – крошечные.

– Готов?

– Готов.

Отец замер, потом будто вздрогнул – и младший со смехом отдернул ладони. Медленно вернул на место. Отцовские руки качнулись, мальчик снова отпрянул – и тут же обратно. Так повторилось еще несколько раз, потом отец стремительно хлопнул левой ладонью по правой, накрыв ладошку сына. Мальчик залился звонким смехом.

– Теперь я! – крикнул он и вытянул руки.

Отец, улыбаясь, положил на его ладони свои – и игра возобновилась. Отец трижды откидывался, уклоняясь, но потом вдруг как будто замешкался – и мальчик звонко шлепнул его по руке.

Старший воскликнул возмущенно:

– Ты поддался!

– Ни-ког-да! – отчеканил отец.

Старший – красный, как рак, – пополз вниз.

– Я тоже хочу, – сказал он, сдувая с носа капли пота.

– Вот и отлично, – сказал отец. – Поиграйте немного, я хоть попарюсь.

Он встал, взял веник и в два шага очутился наверху. Младший мальчик тоже встал, поднялся на одну ступеньку и протянул старшему ладошки.

– Я не хочу с ним, – фыркнул старший, оглядываясь на отца. – Я хочу с тобой!

Младший тут же надул губы.

– Я с тобой тоже не хочу.

И он спустился на прежнее место.

В это время дверь растворилась и впустила высокого грузного человека с угрюмым лицом, косматыми бровями и густой черной бородой, добирающейся чуть ли не до глаз. Он вошел, постоял немного, оглядывая парную, потом пробасил:

– Как там? Поддать?

Старик и его собеседник промолчали, отец пожал плечами.

– Обожди только, – обратился он к вошедшему и посмотрел на мальчиков. – Бойцы! Прячься!

Мальчики молча шмыгнули в угол – самый дальний от печи. Там они сели на корточки и съежились. Младший зажмурился.

Бородач снял висящий у стены черпак – жестяную кружку, надетую на черенок от лопаты, – и уже потянулся к печи, но тут его остановил старик.

– Постой, любезный... – сказал он, – мы, пожалуй, того...

Бородач пожал плечами и опустил руки.

Старик поднялся, закусив губу, стал спускаться, припадая на колено. У двери он обернулся к мальчикам и погрозил старшему.

– Не обижай брата, – сказал он строго.

Старший отвернулся.

Старик вышел, вслед за ним просеменил его собеседник – кудри прилипли к шее и щекам, и казалось, что это шапка порвалась и из нее лезет пух.

Как только дверь захлопнулась, бородач ловко сбил задвижку печи черпаком. Открылся черный квадратный проем, в котором лежали друг на друге камни. Камни были серые, но в щелях между ними алело. В парную дохнуло пронзительным острым жаром.

Бородач зачерпнул из тазика, выдохнул – «И-э-эх!» – и забросил в жерло кружку.

Зашипело, зафыркало.

– Папа, – позвал старший, приподнимая голову, – сегодня камни совсем темные.

Отец вытянул шею, посмотрел.

– Утром надо приходиться, – ответил он. – Чтоб красные посмотреть.

Бородач зачерпнул, бросил – и снова зашипело.

– А где такие камни берут? – пискнул младший, не отнимая головы от коленей.

– Как где? – пробасил бородач. – В вулкане.

Над острыми коленями показались два недоверчивых глаза, посмотрели на бородача, потом на отца.

– Точно так, – подтвердил тот.
Старший склонил голову набок.
– Неправда, – улыбнулся он.

– Правда-правда, – невозмутимо ответил отец. – Снаряжают экспедицию, в термокостюмах спускаются в жерло, вытаскивают камни. Потом грузят их в фуру и развозят по баням.

Младший восхищенно охнул, старший скривил губы в усмешке.

– Фокус хотите? – обратился к детям бородач.

И он, зачерпнув в очередной раз – при этом он наклонился к кружке и опрокинул в нее крошечный пузырек, стоявший прежде у таза, – с силой взмахнул черпаком, целясь как будто немного мимо печи. Вода выстрелила из кружки, ударилась об открытую заслонку и с шипением отскочила на камни.

Старший присвистнул, младший выпучил глаза.

– Еще.

– Хватит, наверное, – засмеялся бородач. – Как там?

Отец махнул рукой:

– Хорош.

Он поднял веник и принялся размахивать им над головой. Бородач захлопнул печку, опустил задвижку и вернул черпак на место. Потом взял со ступеней свой веник и полез наверх.

По парной плыл густой травяной аромат.

– А чем пахнет? – спросил младший, пряча лицо в колени.

– Че-ре-муха, – выдохнул бородач, обрушивая веник на широкую грудь.

Старший привстал и, согнувшись в три погибели, проковылял к отцу – сел у его ног и натянул шапку на лицо. Отец склонился и хлопнул его веником по спине.

– Ну а ты чего же? – обратился бородач к младшему. – Чего прячешься?

– Жарко.

– Веником постучать? – спросил отец.

Младший замотал головой. Старший опять фыркнул.

– Трус, – сказал он.

Младший не ответил. Отец посмотрел на старшего.

В этот момент что-то щелкнуло, и парная погрузилась во тьму.

– Папа! – воскликнул младший.

– Все хорошо. Не бойся, сиди на месте. Сейчас включат.

– На прошлой неделе тоже гасло, – раздался голос бородача. – Наглеют.

Повисла тишина – только в печи что-то постукивало.

– Папа, – тихо протянул младший, – страшно. И жарко.

– Не бойся, – повторил отец. – Сейчас включат. Если не включат, я к тебе спущусь.

– Когда страшно, – прокряхтел бородач, – читай стихи.

Снова повисла тишина, из того угла, где сидел бородач, раздалась хлопки – он продолжал париться.

– Я стихов не знаю.

– Кирилл? – спросил отец.

– И я не знаю, – буркнул старший.

Младший забормотал:

– Не нужны мне его стихи. Один у меня есть. Только он маленький совсем. Дедушка рассказывал – я запомнил.

– Читай, парень, не стесняйся, – подбодрил бородач и перестал стучать веником.

Сквозь густую горячую тьму потянулся тоненький голосок, точно колокольчик зазвенел:

– В старое озеро прыгнула лягушка...

Пауза.

– И водой плеснула.

Тишина.

– Вот так стихи, – расхохотался старший.

Бородач зааплодировал.

– Замечательно! – крикнул он.

Замолчали.

– Папа, – голос младшего дрогнул. – Все равно страшно.

Раздался шорох, шаги, скрип ступеней и недовольный голос старшего:

– Да не трясись, это я. Тут я, тут. Держи руку.

И писк:

– Не надо мне твоей руки.

– Хватит вам препираться, – сказал тихо отец. – Сидите спокойно. Кирилл, будь рядом с братом.

В это мгновение раздался щелчок, лампа моргнула раз, другой – и осветила парную.

Младший тут же соскочил вниз и бросился к двери, за ним не спеша двинулся старший. Отец потер пальцами переносицу, встал и зашагал вниз. Поравнявшись с бородачом, он посмотрел на него и покачал головой.

– Ничего, – сказал бородач. – У меня дочери – то же самое.

Отец всплеснул руками и вышел.

Бородач покрутил головой, разминая шею, погладил блестящую бороду. Потом закрыл глаза и проговорил нараспев:

– А ну-ка Македонца или Пушкина попробуйте назвать не Александром...

Он встал, несколько раз сильно ударил себя по груди веником, тяжело спустился и вышел.

Как только хлопнула, закрывшись, дверь, сверчок снова запел.

Елена ЛАПАЕВА

Родилась в 1986 году в Мурманске. Окончила Мурманский государственный педагогический университет по специальности «социология».

Пишет эссе, рассказы, сочиняет музыку. Публиковались в коллективных сборниках и альманахах. Член Российского союза писателей, Интернационального союза писателей. Награждена медалью «Владимир Маяковский 125 лет», медалью «Анна Ахматова 130 лет». Живёт в Москве, работает по специальности.

ЛЖЕЦ

«Ну, почему, почему ты такой лжец?! Я говорила – не ходи за мной, не касайся меня, и ты обещал. Слово, помнишь?! Для твоего народа слово значит так много. Твоё имя почти как слово, и ты не сдержал его. Я должна ненавидеть тебя, и я почти, почти готова начать ненавидеть тебя... Ничего не получается. Не смотри на меня так, все вы, мужчины, такие...»

Машина тихо едет по местному бездорожью, мы срезаем путь. Я верчу в руках дорожную игрушку – фотоаппарат, зеркалку фирмы Nikon. Меня зовут Марианна, немного чуждое для здешних мест имя, что-то из мексиканских сериалов. В 1988 году я родилась недалеко от того места, к которому мы едем. Мой отец был советским инженером, и его за пару лет до моего рождения направили с уральского горного хребта, где он трудился, в длительную командировку в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, сокращенно СФРЮ. Они уехали вместе с мамой. Он работал на стратегически важных объектах, мама преподавала детям литературу. Она всегда считала, что человек, знающий и понимающий книгу, непременно найдёт своё место в жизни.

Когда я в Калининграде поступала на факультет журналистики, тоже думала, что человек знающий и понимающий обязательно найдёт своё место в жизни.

Иногда я вспоминаю своё детство, проведённое в Европе (звучит так, будто детство моё было в престижной английской школе или где-то неподалёку от Монако). Детство... Я родилась в маленьком городке под названием Крушевац (сейчас это территория Сербии), почти его не помню, в памяти остались обрывки воспоминаний, какие-то слова, тёплый взгляд соседского дедушки и цветущие сады. А потом папу перевели по работе в Ниш, и, пока не началась война, мы жили там. Что может одиннадцатилетняя девочка сказать о войне? Что она может

о ней знать? До тех дней, когда война добралась до Ниша, я ничего не знала о ней настоящей. Только разговоры о чеченских войнах на родине, в России, которая для меня была абсолютно чужой огромной страной где-то на востоке, и о всё раздувающимся пожаре локальных войн на территории Югославии. Моя Родина каждый год становилась всё меньше. Всё чаще звучали слова мамы об отъезде в Россию. Папа не соглашался, он не мог бросить производство, разве только отправить дочь к неизвестной ей же родне. Я была категорически против, здесь мои друзья, здесь школа. Как можно всё, что живёт вокруг меня, заменить на что-то новое и неизвестное. Во дворе дома, в котором мы жили в Нише, я играла в прятки и догонялки с цыганскими, боснийскими, сербскими, русскими детьми. После школы мы бегали гурьбой на берег Нишавы. Загадывали желания, пускали бумажные кораблики и страшно огорчались, когда они тонули. Запускали самолётики, сложенные из старых газет, и они улетали, подхваченные ветром, в неизвестные дали, а мы гадали, кто словит наши самолётики, кто прочтёт нашу газету, на которой неровным детским почерком написаны приветствия на разных языках и наречиях. Это были самые лучшие друзья, мы никогда не предавали друг друга, не боялись потерять нашу дружбу. Моими друзьями по школе были мои же соседи – цыганские дети, брат и сестра, Пеши и Надья. Надья была на год старше меня, Пеши был младше на два. Ещё я дружила с красавицей Марьям, её семья исповедовала ислам, они часто звали меня в гости, и я смотрела на ритуал чтения молитв за обеденным столом. Каждый день приносил нам новые радости, мы почти не знали огорчений. Разве не здорово ранней тёплой весной идти после школы и вдыхать аромат цветов, смотреть на старинные здания, про которые нам самозабвенно рассказывал учитель истории, видеть, как с крыш срываются стаи голубей и летят навстречу облакам, слушать, как шумно течёт Нишава, и бежать с ней наперегонки, запоминать рассказы рыбаков о том, как наша Нишава впадает в Южную Мораву, и уже вместе они продолжают путь всё дальше и дальше на юг. Тогда я ещё не знала, что Пеши пойдёт по пути Южной Моравы и окажется в Северной Македонии.

Водитель пробует увеличить скорость, и наш грузовичок начинает подскакивать на ямках и колдобинах. Слышу нечленораздельную брань на смеси нескольких языков, водитель, похоже, полиглот; ругается на дороги, на правительство, местное население и вспоминает бога – какого именно, не уточняет. От Крушеваца до Ниша семьдесят два километра на автомобиле, мы едем какими-то непонятными дорогами, которые трудно назвать дорогами, больше похожи на направления, час в пути растягивается на три часа. С разбегу машина ухает в яму, водитель ругается, заглядывает в кузов и сообщает, что мы левой шиной наскочили на камень в этой треклятой яме, и уже мой коллега с готовностью подхватывает заботливо уложенный под скамейкой рюкзак с инструментами. Остаюсь одна. С собой портативный радиоприёмник, перескакиваю с волны на волну, из динамиков торопливо льются знакомые слова, которые теперь я понимаю и не понимаю одновременно.

В середине недели, 25 марта 1999 года, мы с Пеши, Надьей и другими ребятами последний раз запускали газетные самолётики над Нишавой, идя из школы. Что-то глухо стучало и шумело вдалеке. Надья тогда посмотрела, прищурившись, в сторону шума и задумчиво сказала, что звуки идут со стороны военного завода, на котором работает мой папа. Я тоже пристально посмотрела в сторону папиной работы,

сминая в руке самолёттик, внутри на мгновение стало пусто и одиноко. Нас догнал Пеши и стал рассказывать какую-то новую школьную шутку, так развеселил, что мы лишь раз обернулись на далёкий шум, который словно и стихал уже. Смеясь и шутя, мы пришли домой. А вечером вернулся отец. Тогда я впервые увидела кровь от ран. Не таких, когда режешь ладони осокой, листом бумаги, а неровных, как брызги от вечернего фейерверка. Куда попали – там и кровь. Отец был уставший, он оставил портфель, доверху набитый чертежами у кухонной двери, и, как был, в пыльном костюме с запачканными кровью рукавами и брюками, сел на стул. Я хотела подойти к папе и обнять его, вдруг стало его очень жаль. Но он отстранился, ласково улыбнулся и сказал мне: «Иди во двор к детям, Маришка, нам надо с мамой поговорить». Маришкой я была всегда и везде, пока мы не переехали в Россию. Даже школьные учителя записывали меня в классном журнале Маришкой Волочаевой. Марианной я стала гораздо позже. Я поймала на себе мамин испуганный взгляд, видела, как отец коснулся ладонью её руки и уверенно сказал, чтобы она не боялась, что сегодня бомбить больше не будут. Не дожидаясь маминих слов, я развернулась и выбежала на лестничную клетку, слетела по лестнице и рывком открыла дверь во двор. А во дворе всё было как всегда, ничего не изменилось. Только семья Марьям собирала вещи и паковала чемоданы в советскую «Волгу». Марьям сказала мне, что они уезжают в Боснию и будут жить в Сараеве, сказала, что очень будет скучать по всем нам, что ей понравился Ниш, но в Сараеве их ждёт родня, и надо ехать прямо сейчас, посреди учебного года. Я смотрела на её покрасневшее взволнованное лицо и обещала, что мы ещё встретимся. А потом дверцы «Волги» захлопнулись, Марьям уткнулась носом и лбом в боковое стекло, и мы прикладывали поочерёдно к нему пыльные, потные ладони, а она плакала и улыбалась. Больше я никогда не видела Марьям.

Не прошло и двух недель, как прогремели взрывы на предприятиях, потом задело табачную фабрику, а потом папа сказал, что мы уезжаем домой. Я так не хотела ехать, мы вместе с Пеши и Надьей просили его остаться, думали, что уж втроём-то уговорим его, ведь бомбят заводы и фабрики, а не школы и больницы. Папа остался непреклонен. Он подождал, пока придут родители Пеши и Надьи, дал им какую-то бумагу и сказал, что она им поможет выехать из города. Помню, как мы ошарашенно смотрели на взрослых, понимая, что всё давным-давно решено и никто нас ни о чём не спрашивает.

К концу мая мы с папой и мамой добрались до Калининграда, а ещё раньше в аэропорте Варшавы я увидела, как по местным новостям показывают Ниш, рынок, на котором мы бывали, и здание больницы, которое я узнала по вывеске, – оба в огне. Я не понимала, что говорит диктор, только на заднем плане видеосъёмки заметила девочку, которая одной рукой поддерживала вторую. Мне показалось, что это Надья...

Многие папины и мамыны сослуживцы тоже уезжали из Ниша, кто-то раньше нас, кто-то позже, кто-то не успел... Твоя семья, Слободан, уезжала одновременно с моей, ночью, крадучись, как будто мы воры. Вы перебирались в Хорватию, хорошие инженеры везде нужны, а в твоей семье их даже двое, что хорошо увеличивает шансы в поиске работы.

«Слобо... что же ты не сказал мне правду, когда я собралась ехать сюда? Ты же дал слово... твоё имя как слово...» Водитель и мой коллега-журналист на пару починили грузовичок, и мы доехали до Ниша.

Коллега сразу же отправился в редакцию газеты, я попросилась съездить в город, сказав, что фотографии обработаю ночью, а утром мы встретимся и всё обсудим. Долго, очень долго искала Надью и Пеши. Я обошла весь наш старый дом в поисках родных лиц, бывших соседей, никто не знал, куда они уехали и что с ними стало. На бульваре, недалеко от моего старого дома, я случайно наткнулась на молодую женщину, похожую на Надью, она продавала корочки паспортов СФРЮ, туристы с большим интересом расспрашивали её о Югославии и брали по несколько паспортов в одни руки, оказывается, нынче это ходкий сувенир. Я долго не могла подойти к ней, топталась на месте, пока она сама меня не окликнула, кажется, её очень нервировало, что я кручусь рядом, и ещё с фотоаппаратом. Оказалось, что её зовут Мира и что она старшая сводная сестра Пеши и Нады, что после распада Югославии Пеши уехал с друзьями в Македонию и остался там, иногда пишет; что её отец и мачеха уезжали из Ниша, но потом вернулись обратно, правда, живут в другой части города; что это большая удача, что я её встретила. А отец с мачехой уже совсем седые, почти не работают, и Нады нет уже почти пять лет, её сбила машина, преднамеренно, потому что Надья была цыганкой. Я рассказала Мире всё про наше общее детство с Пеши и Надьей, про старый Ниш, который теперь чужой, про журналистику и работу фотографа в газете. Она задумчиво посмотрела на меня, совсем как Надья когда-то, сказала, что напишет Пеши, передаст от меня привет отцу и мачехе и что Ниш действительно стал другим и лучше мне быть осторожнее. Напоследок, достала из заплечного рюкзака блокнот, вырвала из него страницу и написала адрес кладбища, по которому я могу отыскать могилу Нады. Страницу вложила в потрёпанный югославский паспорт с лотка и отдала мне со словами «На память. И пусть Бог хранит тебя».

Из гостиницы я звонила тебе, плакала, кричала в телефонную трубку, а ты соглашался с моими обвинениями в твой адрес и говорил, что скоро приедешь. Под конец разговора я едва не зашвырнула телефонный аппарат в стену от злости. Видеть тебя не хочу, а хочу назад в тот светлый двор, туда, где никто не покажет на тебя пальцем, потому что ты другой национальности, где тебя из чувства ненависти не сойдёт водитель машины, где ты не будешь убегать со своей родины в никуда, где тебе не придётся начинать заново жизнь и пытаться в ней жить, продавая на сувениры паспорт страны, в которой родилась.

Уставшая, от боли, слёз, ярости я засыпаю прямо в кресле. Уже за полночь меня будит администратор гостиницы из ночной смены, очень извиняется и сообщает, что прибыл гражданин Хорватии, ожидает в холле. Трубка падает из рук... «Слобо, неужели это ты?»

Галина ТАЛАНОВА

Родилась в Горьком. Окончила Горьковский госуниверситет по специальности «биофизика». Кандидат технических наук, работает в НПО «Диагностические системы», занимается разработкой и производством иммуноферментных тест-систем.

Автор книг стихов и прозы, публикаций в журналах «Нева», «Нижний Новгород», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва» и других. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), премии им. М. Горького (Нижний Новгород, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016).

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

Декабрь был в тот год больше похож на ноябрь... Все ждали снега, но его не было... От этого депрессия усиливалась, деревья все стояли давно голые, качали своими насквозь прозрачными кронами, пытаясь дотянуться до серого низкого неба, похожего на ватин из старого ватника... Дождь, если и был, то мелкий, даже не морозящий, как будто взвешенная водяная пыль висела над городом...

Он давно был интересен ей. Когда подсел к ней на вечеринке, обрадовалась. Говорили ни о чём. Он что-то такое рассказывал про свою поездку в Америку. Домой она не спешила: хотелось посидеть ещё. Не так уж часто они встречаются... Было просто хорошо. Ожидание новогоднего чуда не покидало её. Все были уже немного пьяны и потому веселы. Впереди были новогодние каникулы и возможность никуда не бежать. Когда он сказал, что проводит её, она заколебалась, хотя очень хотела, чтобы он проводил её. Страшно тянуло продолжить это состояние предчувствия чуда. Она знала, что у него семья: жена, взрослая дочь. Смотрел на неё из-за колючей проволоки своей семейной жизни: выглянуть на минутку можно, а на свободу нельзя... Она подумала: «И зачем мне всё это?» Блеснула в ответ робкой улыбкой, словно чиркнула отсыревшей спичкой, которая тут же погасла. Теребила пальцами на шее янтарные бусы... Потом махнула рукой... «А... Один раз живём...» Почему она должна думать о его семье? И страдать она будет сама, должно быть, не меньше, если у них что-то случится. Но знала уже, что всё произойдёт в этот предновогодний вечер, когда город снова украшен огнями, когда светящиеся олени летят в звёздное небо —

и она уже сидит в санях и несётся за ними с горки... Дух захватывает... Туда, где полынья... Где лёд ещё не встал и трещит под скользящими полозьями. Мелькнула рассудочная мысль, что ещё можно остановиться, чмокнуть в щёку, извиниться, сказать: «Ты пьян, тебе надо домой, и вообще что-то я себя сегодня плохо чувствую». Нет у них будущего, нет и быть не может. А почему собственно нет? Дети у него выросли... Почему она должна думать не о своём счастье, а о мире в его доме?

Потащила его гулять по улицам. Шли по тёмным переулкам, скрываясь от города, украшенного праздничными огнями. Шли в обнимку, не прячась от посторонних глаз. Она гладила его по спине... Полукруг, полукруг, круг, опять полукруг... Болоньевая куртка шуршала под кожаной перчаткой, точно осенний дождик по листьям.

— Как хорошо ты меня гладишь!

Прижималась к нему разгорячённым телом... Она выпила совсем чуть-чуть. Два глоточка шампанского. Нет. Она не пьяна совсем, но точно крылья вырастают за спиной от предчувствия чуда... Из проулка, соединяющего улицу, по которой они брели, и большую прогулочную, где стояли новогодние светящиеся матрёшки, зайчики и снегурочки, где были протянуты между домами гирлянды с огромными свисающими снежинками, разноцветными, собравшимися в сказочное кружевное шитьё, где даже стволы одиноких постриженных тополей были высвечены в ночном мраке голубым, будто след от упавшей звезды, и казались персонажами, забредшими из новогодней сказки её детства, когда она ходила на ёлку, где ей вручали бумажный пакет с нарисованными на голубом глянце белыми снежинками, набитый конфетами, среди которых обязательно попадался мандаринчик и пачка печенья.

Жизнь проходит. Ещё чуть-чуть — и она превратится в опрятную старуху, которая будет накладывать на лицо толстый слой тонального крема, пытаясь скрыть морщины, перерезавшие её лицо, будто воздушные трещины высохшую грядку. Походка её станет словно она идёт по обледеневшему тротуару, даже если она будет семенить дома по паркету. Весь мир в её глазах будет отражаться с размытыми контурами и очертаниями, как если бы она смотрела через запотевшее стекло. Редкие волосы, выкрашенные рыжей хной, станут напоминать осыпающиеся сосновые иголки. Возможно, она даже будет пахнуть по-стариковски, хотя она и очень чистоплотная. Сквозь лёгкий флёр земляничного мыла и дешёвой парфюмерной воды будет просачиваться этот старушечий кислотавый запах, который не вытравить никакими духами и отдушками...

А пока она ещё не перешагнула ту грань, за которой женщина становится невидимой для мужчин, надо жить не оглядываясь на чужие взгляды, бросающие косые тени... Жизнь одна, и другой не будет. И это твоя жизнь, а не встреченных на широком тротуаре прохожих.

Она хотела, чтобы у них всё было... И даже думала о том, что внезапно может поменяться и ровное, как поток запылённых машин на перегруженной трассе, течение её жизни. Ей было странно, что она хотела, чтобы всё было с человеком, с которым она и виделась-то несколько раз всего, мельком, на собраниях и застольях... Нет, она, конечно, многое о нём знала и даже не только расспрашивала о нём, но и читала в газетах и в интернете...

Мы всю жизнь ждём новогоднего чуда... Подарка под ёлкой, искрения бенгальского огня, хоть и знаем, что бенгальский огонь прогорает мгновенно, лишь успев озарить всё вокруг слепящими искорками авто-

гена и ослепить, но помнится эта вспышка света почти всю жизнь. А в руке остаётся чёрная безжизненная палочка, похожая на сухую веточку.

Это было просто какое-то умопомрачение... Она ведь умная, рассудительная женщина... Ну и что? Так и он профессор, только что из Америки прилетел, где читал лекции... И будет ли в её жизни ещё одна такая встреча? Это ведь бывает только под Новый год... Не зря вся страна столько лет подряд смотрит «Иронию судьбы» под Новый год... «Вы считаете меня легкомысленной?» – спрашивает там героиня Надя маму своего случайного возлюбленного. А мама мудро отвечает: «Поживём – увидим».

Всё быстро, ласки порывисты, как ветер перед грозой, который срыывает с головы шляпку от солнца... Голову-то и так напекло... А панамка сдавливает голову тяжёлым обручем... Волосы разметались по подушке, будто их треплет ветер.

Тяжёлое и неловкое время после первой близости, когда двое ещё по-прежнему остаются чужими... Неловкие паузы в разговоре, которые надо чем-то заполнить. Тема для беседы находится с трудом... Что-то такое говоришь, лишь бы не было длиннот, когда надо посмотреть друг другу в глаза... Совершенно чужой человек, который тебе по-прежнему интересен... Вы ещё ничегошеньки не знаете друг о друге. Полчаса назад ты тонула в его объятиях, захлёбывалась солёной влагой, сброшенная с гребня волн, плюющихся пеной... Тебя крутило, как мелкий сор, смытый с прибрежной полосы... Пот и слёзы на кончике языка, горьковато-солёные, как морская вода... Быстрое погружение в глубину, когда боишься открыть глаза и набрать в них едкой солёной мути... Лучше вот так, зажмурившись от блаженства, с осознанием, что может бросить на острый камень, ударить и даже убить...

– Почему ты молчишь?

– Ты говори что-нибудь, говори...

А как она может говорить, когда она захлёбывается и ей нечем дышать? Когда у неё получается только воздуха чуть-чуть глотнуть – и она снова погружается в солёную влагу, сквозь которую все очертания её жизни размыты... Видит колышущееся лицо над собой – словно гигантская рыбина проплывает, махая плавниками... Солнечные лучи пробиваются сквозь толщу воды. Или это и не солнечные лучи вовсе, а лампочки мигают на ёлке: жёлтый, зелёный и синий? А сейчас красный... Ну и пусть красный. Поздно мигнул... Уже выскочили на перекрёсток дорог. «Скращение рук, скращение ног, судьбы скращение», как подметил Пастернак... Поздно останавливаться. Теперь только вперёд...

Как будто взяли за руку и швырнули, как палку: «Плыви, плыви вон до того водоворота...»

А он говорит что-то всё... Интересно, а как у него это так получается? Столько говорить?

– Ослепнуть можно! Ты смотришь на себя в зеркало? Вот так...

«Вот так» – без ярких тряпок, похожих на оперение райской птицы или экзотической бабочки?

Нет, она не смотрит на себя в зеркало, вернее, она смотрит в него, только когда на работу собирается: реснички подчеркнуть, красные прыщики замазать, облупленный нос припудрить. А ещё у неё мысль всё время всплывает: «Господи, да зачем же я с ним? Он мне нравится очень, хотя я его почти не знаю как человека...» Зачем латать лодку стеклотканью, если знаешь, что она проплывает очень недолго? Скоро

её всё равно затаскивать в подвал. Река покроется толстым жёлтым льдом, на него навалит снега, который сильный порывистый ветер будет поднимать в воздух, закручивать в танце, как белый саван привидения, и бросать в лицо колючую крупу, от которой на глаза выступают слёзы, а кончик носа горит, как ягоды боярышника в сентябре? Только неужели она надеется на долгое продолжение со счастливым концом? Пустое... А ведь надеется, надеется на чудо... А вдруг лодке суждено отправиться в путешествие длиною в жизнь?

После любого шторма бывает затишье. Ни слова нежности... Ровный шёпот мелкого прибоя, перекачивающего голыши... Волна обкатала всю гальку. Ноги уже не изранит, даже если пройдёшь по ней босыми ногами, только иногда больно, если попадается расколовшийся камешек... Муторно, как после качки... Пустота, точно выпотрошили, и земли под ногами нет... Всё ещё плывёшь куда-то, не зная, то ли выбросит на скалы, то ли утащит в море...

Этот чужой тебе человек пока по-прежнему остаётся чужим, хотя ты уже немножко знаешь, как устроено его тело, но не поняла ещё, что ему нравится, а что нет... Дрожь и обморок прошли, осталась неловкость. Вы не знаете, что сказать друг другу, но не потому что нечего сказать, а потому что боитесь расплескать внезапно нахлынувшее чувство. Это не любовь ещё... Любовь ещё, быть может, придёт... И даже не нежность. Оторопь от случившегося, будто поднесли спичку к бенгальскому огню – и ослепительно яркий белый свет осветил чужого полужнакомого человека, – и погас, оставив в глубине души сожаление, что всё кончилось так быстро, и желание увидеть этот свет ещё. А пока вы стоите в полутёмном коридоре, стены которого оклеены тёмно-зелёными обоями в цвет июльской, ещё не выжженной солнцем травы, по шёлку которых летают диковинные золотые райские птицы. Изумрудный свет люстры горит под потолком, как глаз светофора, сигнализирующий: путь открыт. Переминаетесь с ноги на ногу, точно лениво топчите виноград в кадушке...

Он легче переключается: вспомнил своего коллегу и его статью... А ей, в сущности, безразлична и эта статья, и коллега... Она не знает, что делать теперь с собой и с этим свалившимся на неё праздником... Будто ветер принёс чужой парашют – и опустил на голову: она запуталась в этой шёлковой нежно скользящей ткани, стропы перекрутились и не дают расправить купол... Она не может на нём полететь, и выбраться тоже не может. Её охватывает паника. Да, именно такой сон она видела накануне... И вот сбылось...

Лёгкий поцелуй в губы на прощание. Так лижут мороженое, осторожно, чтобы не простудить горло... Холодная сладость. Так дети лижут сосульки. Зачем? Сосульки – не мороженое. Вкус талой воды на губах. И удивление, что твой горячий рот может по капельке растопить кусок льда.

Олег КУИМОВ

Родился в 1967 году в Кирово-Армянске, Армянская ССР, в семье офицера. Окончил Литературный институт. Переменил немало профессий: разнорабочий, экспедитор, маляр, коммерсант, прораб, менеджер, редактор журнала.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Луч», «Наш современник», «Север», «Берега», «Южная звезда» и других. Лауреат различных конкурсов и фестивалей, а также премии журнала «Сура» за 2016 год. Несколько лет сотрудничал с детским журналом «Рюкзачок с сюрпризом». Дипломант премий «Золотой витязь» и имени П. Ершова.

Живет в Подмосковье.

АКМЕ

Евгений Викторович переглянулся со своей супругой Оксаной Игоревной и осветился улыбкой счастливого человека. До чего же она красивая, даже в свои сорок семь лет. Настоящая блондинка с озорным задором в серых глазах. И до сих пор сияет – всё такая же восторженная девочка, как и двадцать пять лет назад, когда они поженились

– ... любви вам, согласия, счастья, – вырывают его из размышлений слова очередного поздравителя.

Счастья... да грех жаловаться, всё есть – ненаглядная жена, замечательные дети и внуки, не чающие души в дедушке. Дом, как говорится в таких случаях, полная чаша; есть и машина – «Ауди». Ну, не начальник какой, но и никому не подчиняется. Известный детский писатель, лауреат не самых последних премий. За границей переводят и книжки издают. Разве мало для счастья?

– Горько! – неожиданно крикнул на весь банкетный зал старый и верный друг Андрей Ножкин.

– Горько! – охотно и с азартом подхватывает захмелевший зал.

Евгений Викторович смущённо косится на жену, та смеётся в ответ, и они тут же, подчиняясь всеобщему желанию, крепко, но быстро целуются.

Евгений Викторович сел, и ему неожиданно стало любопытно, когда же он поцеловался с девочкой впервые. По большому счёту, если не рассматривать несерьёзные детские шесть-семь лет, то в четырнадцать. Лицо своей тёзки, Женечки из соседнего посёлка, приехавшей в гости к соседям его бабушки, уже забылось – так, что-то общее, лёгкий набросок появится на миг и исчезнет, не зацепившись. Зато отчётливо

и волнующе помнится, что, когда он их нечаянно касался, ладонь обжигали мягкие упругие бугорки нарождавшихся грудей. И, несмотря на то что он тут же отдёргивал руку, чувствуя в темноте, как лицо охватывает пламя, ему становилось всё же не только неловко, но и до опьянения сладко.

– Любите друг друга, – доносится до него призыв очередной тостующей – подруги жены, Кати.

Евгений Викторович снова переглядывается с лукаво улыбающейся супругой. Да разве ж любил он кого так же сильно?! Да разве?.. Мысль его внезапно осекается. Да, любил! В восемнадцать лет, ровно тридцать два года тому назад.

Зима в тот года затянулась, осточертела донельзя. Уже за вторую половину марта перевалило, а о весне ни намёка. Морозец пусть и не большой – не ниже десяти градусов, но уже никаких сил нет ждать, когда же закапает с крыш. Из Красноярска к ним, геологам (а в универе изначально сложился обычай и геохимиков, и сладкие парочки обучавшихся вместе гидрологов с метеорологами и географов с охранниками окружающей среды причислять к одной касте – касте геологов), приехал в гости такой же романтик, только совершенно бесшабашный и легендарный, как разнеслось по общаге, то ли Жора, то ли Гарик – Жека точно не знал. А переспрашивать в темноте, когда слушатели недовольно шикают на любой шёпот и не желают отвлекаться, не хотелось.

На лестничной площадке между седьмым и шестым этажами гремел самодельный концерт знаменитого на всю Сибирь вольного бродяги. Молодёжь, заполнившая ближайшие лестничные марши и площадки, насыщалась безудержным счастьем студенческой вольницы, открывающей новый и неведомый прежде мир настоящих, необузданных романтиков.

Пел Гарик-Жорик как ангел, как падший ангел, – хрипло, но теперь до Жеки дошёл смысл услышанной когда-то фразы об искушении бесами какого-то святого сладким пением. Вот, оказывается, как это может происходить. Не было в голосе барда привычного звонкоголосья, но манил, затягивал в свои сети его хрипевший от напряжения голос, раскатывался под звуки разрываемых гитарных струн по девяти этажам общаги, жаждавшей вырваться из паутины повседневности и умчаться по зову законченного мечтателя Гарика-Жорика по бесконечной дороге странствий за туманами, за запахом тайги, за невыразимым восторгом многообещающей жизни. Туда, за горизонт!

И сбегались, откликаясь на обнадёживающий зов, парни и девчонки, а больше как раз последних. И Жека, и так ложившийся спать в числе последних полуночников, само собой, находился в общей компании и в полумраке лестничного проёма (а свет специально отключили – для романтики) незаметно разглядывал студенток.

Как же много красавиц! И среди математичек, и среди химичек, но более всего, само собой, среди своих. Не зря же ГГФ считается одним из самых «красивых» факультетов универа, сразу за филфаком.

Жека посмотрел в угол у окна и застыл.

– Чего, на Киру засмотрелся? – шепчет с озороватой улыбкой ему в ухо, подталкивая одновременно в бок маленьким горячим кулачком, очередная красавица – геохимик Ленка Крапивина.

– Эх! Был бы я на год постарше – ухлестнул бы за ней, – шепчет Жека в ответ.

Ленка опять обжигает горячим дыханием щёку:

– Подумаешь, девушка на год старше... Кто тебе мешает? И потом, а может, она сама не против? – и заговорщически подмигивает, оставляя Жеку в радостном замешательстве, – лучшая Кирина подружка.

А на следующий день вдруг ударило солнце, и Жека решил прогулять скучные лекции по физике.

Автобус ехал медленно, и Жека через кружок, проделанный с помощью монеты на заледеневшем стекле, разглядывал фасады старых купеческих и дворянских особняков на главном проспекте города – улице Ленина. На Главпочтамте вошло много народу, но он не обратил ни на кого внимания. Куда сильнее притягивало внимание высокое крыльцо центрального отделения связи. Сразу вспомнилось лето и как он бродил по огромным прохладным каменным залам первого и второго этажей в ожидании, когда его абитуриентский друг Саня поговорит по телефону с мамой. Ожидание не тяготило, потому что Жека в это время вместе со всеми мужчинами буравил глазами высокую блондинку в облегающей идеальную фигурку юбчонке, которой подобное внимание доставляло явное удовольствие, хотя она и наводила на себя невозмутимый вид. Такую красивую Жека видел впервые, но через полтора месяца у себя на этаже встретила ему золотоволосая русалка-гидрологиня Иринка Тернавская с четвёртого курса, и образ этой блондинки тут же испарился из памяти. Да, пройдишь всего лишь по общаге, и не надо разглядывать киноактрис в журнале «Кино» – свои красавицы точно не хуже, особенно Кира.

Жека раньше считал, что фраза «всё вокруг замедлилось, как в кино» книжная, для украшения текста, и не более того. Но, впервые увидев Киру, сам испытал подобное, потому что она именно что плыла тогда мимо него по коридору. Из возникшего перед ним тумана виделось ему только самое нежное девичье лицо, какое доводилось видеть в жизни и от которого он не мог оторвать глаз. Выходя на лестницу, Жека не выдержал и, оглянувшись, встретился с её коротким взглядом.

По плечу его неожиданно хлопнула лёгкая девичья ладошка в расшитой яркими разноцветными нитками вязаной варежке.

– Жека!

Он оглянулся. Ленка Крапивина. Рядом с ней, чуть позади, лучилась улыбкой Кира.

– Ой, привет! – обрадовался Жека. – А вы куда?

– В ЦУМ. А ты?..

– А я сейчас выхожу. Я в кино.

– Прогульщик, значит, – подруги шутливо прищурились.

– А вы-то кто!

И пока они дружно смеялись, радуясь и друг другу и солнышку, Ленка переглянулась с Кирой.

– Кира, ты же тоже в кино хотела, – сказала Ленка. – Вот и сходи с Жекой за компанию, а то со мной так и не посмотришь. А я сама съезжу. Хорошо?

Ленка задержала выразительный взгляд на подруге. И, поддаваясь всеобщему бесшабашному весеннему настроению, та согласилась:

– Да, Ленчик, мы с Жекой ходим, да Жека? – губы её приоткрылись в шутливо-просительной улыбке.

У Киры был дар, какого Жека больше ни у кого не встречал: нельзя было сказать, что она улыбалась – нет! Она попросту озарялась светом, глаза её при этом превращались во множество искрящихся

голубых лучиков, и в такие моменты Кира становилась точь-в-точь как Ассоль при виде летящих над морем алых парусов. И где больше жизни и лазури – в море, небе или Кириных глазах – попробуй ещё разберись!

Несмотря на будний день, зал был почти полон – в основном молодёжь, такие же студенты. Комедия оказалась незамысловатой, но благодаря темпераменту записного весельчака Панкратова-Чёрного вызывала смех зрителей и даже в целом смотрелась. Но даже если бы демонстрировался самый плохой фильм в истории кинематографа, то и тогда бы Жека не заметил его недостатков, потому что рядом сидела Кира.

У него уже давно затекла ягодица, но он боялся пошевелиться, чтобы не подтолкнуть тем самым Киру подвинуться. Они соприкасались бёдрами, и Жека пылал от жара, исходившего от мягкой и упругой одновременно девичьей округлости. Если бы вот так просидеть целую вечность – разве не рай? И Жека со страхом ожидал окончания фильма.

Всё хорошее когда-то кончается – в зале зажглись огни. Возвращаться домой не хотелось, и Жека повёл Киру в «Белочку» угощать пирожными и кофе. Рядом стояли вокруг столиков такие же кинозрители, и все вместе галдели, радостно делясь впечатлениями от просмотра. Жека с Кирой тоже не отставали, добавляя свою порцию во всеобщее шумное веселье, и не отрывали глаз друг от друга.

А вечером они стояли в целовальнике – так называлось небольшое помещение, что-то вроде мини-фойе, уходившее в сторону от длинной коридорной кишки. Света в коридоре, как это часто случалось, не было – одиноким парочкам вполне хватало освещения, доходившего из лестничного пролёта. Жека что-то рассказывал, а сам видел, что Кире до лампочки, что он там говорит. Она стояла к нему вплотную и ждала. Глаза её, отражавшие лившийся из окна лунный свет, казались в полумраке двумя влажными сияющими лунами, полускрытыми за пеленой длинных ресниц. Кира и напоминала собой народившуюся луну – такая же манящая совершенством и свежестью. Душа его трепетала в предчувствии: ещё один миг, и он познает наконец настоящую любовь, в которой души перемешиваются одна с другой в одно до невозможности счастливое целое. Не хватает лишь простого поцелуя.

Он так и не отважился.

Жека не был несмелым. За год до того он запросто целовался в походе с девочкой. Оля приехала в гости к родственникам из самой Москвы и была младше на год. Лёгкие волосы до пояса, точёная фигурка. Жека парил в облаках: как же! – он целовался с такой красивой девочкой. Что-то великое и необычайное, казалось ему, должно войти в его жизнь.

Не вошло, а вползло. Утром Жека сидел на лавочке с Афоней и Серым, с которыми и ходил в поход. С ними находились и две подружки-одноклассницы, две Лены, – одна жила на соседнем дворе, другая – Афонины соседка. И вся компания дружно, хотя девчонки чуть смущённо, рассмеялась, когда Серый снисходительно, как более опытный, ухмыльнулся:

– А Жека не умеет целоваться. Нам Оля сказала.

Банкет закончился, и Евгений Викторович сидел теперь в своём рабочем кабинете и писал, вспоминая и с трепетом, и с горечью,

но горечи было совсем чуть-чуть: она вытеснилась всем тем хорошим, чем одарила его добрая и щедрая жизнь. И всё же эта горечь несбывшегося, несостоявшегося, произошедшего, оказывается, таилась глубоко в душе и вдруг вылезла, растревожив возбуждённое алкоголем сознание.

Евгений Викторович отложил ручку и стал читать написанное. В отличие от большинства приспособившихся к современному ритму жизни коллег, сразу же печатавших тексты в ноутбуке, он считал, что механизация процесса мешает более глубокому погружению в работу и размышлениям. И лишь изложив задумку на бумаге, с многократными зачеркиваниями, вставками и прочими пертурбациями движения и окончательной кристаллизации мысли, принимался печатать.

«Сейчас я семейный человек, счастливый, любящий и любимый, но, случается, вдруг проскакивает во мне сожаление о том, что я так и не поцеловал Киру. Моя грусть о несбывшемся не предательство жены и детей, ни в коем случае! Ведь это произошло до них, и это совершенно невозможно уже теперь – с ними. Просто молодость может возвращаться – и в тридцать, и пятьдесят лет, а юность, она одна и никогда не повторится. Если не успел что-то в ней сделать, что-то упустил, — значит, не успел навсегда. Миг преобразования детства краток и хрупок, как у распускающегося цветка. А любовь юности, более того, подобна полёту мотылька над пламенем костра. Миг – и крылатое воплощение восторга бесследно пропало в огне».

Евгений Викторович не заметил, как вошла супруга.

– Жень, тебе подать чай? – она выжидательно замерла на пороге.

И совершенно неожиданно для самого себя то ли потому, что это слово «подать» вместо нормального «принести» показалось по-индусшачьи напыщенным, то ли потому, что кто-то вторгся в мир, который он раскрыл сейчас лишь для одного себя, однако внезапно охватила его такая досада, что Евгений Викторович еле сдержался, чтобы не выплеснуть рвавшееся наружу раздражение.

– Нет, дорогая, не мешай мне, пожалуйста, работать. Я сам... попозже, – ответил тихо, не поворачивая головы в сторону, и Оксана Игоревна, почувствовавшая настроение мужа, сразу же исчезла за дверью с поджатыми губами.

Оставшись наедине со своими мыслями, Евгений Викторович испытал недовольство собой. «Ну разве ж волк виноват, – внезапно промелькнуло в его голове, – что что только убийством может поддержать свою жизнь? А ворона?.. Разве она сама захотела стать такой безобразной и хищной? Никто ведь, рождаясь, не выбирает себе внешность и характер, он просто их получает, и только! Всё, оказывается, так до банального просто: люди появляются на свет не такими, какими хотели бы быть. Понятное дело, все мы, будь то в нашей воле, рождались бы красивыми, сильными, умными, хорошими – чтобы нас обязательно любили, уважали и ценили, но... Кому что выпадет. А я сержусь на жену. Глупец! Ну не может она быть совершеннее. И где же тогда моё терпение и любовь? На любимую девочку сержусь. Дурак! Совершеннейший дурак...» И, утешившись открывшейся ему истиной, Евгений Викторович снова вернулся к прерванной мысли.

«И каждому хочется, – без остановки бежала по бумаге ручка, – чтобы этот миг самого искреннего и чистого во всей жизни влечения увенчался полным обнажением душ – поцелуем. Вот оно, акме, – совершенство!

И у меня та любовь могла бы стать такой, но... получилась как фотография, проявленная без закрепителя.

Лёгкая грусть убеленного сединами мужчины сопровождает меня в такие минуты. Передо мной вновь, терзая и терзая, оживает лавочка во дворе и смеющиеся над моим неумением целоваться дворовые мальчишки и девчонки. Обиды нет и никогда не было. Просто так получилось. Та подростковая жестокость вышла непреднамеренной. И следом вспоминается тянущаяся ко мне Кира и до невозможности прекрасные и любимые глаза, затуманенные ожиданием поцелуя. И эти же глаза будут снова затуманены, когда мы встретимся через два года моей службы в армии, но уже грустью чужой жены».

Евгений Викторович отложил ручку и остановил рассеянный взгляд на какой-то точке на большом письменном столе из тёмного дуба. Так просидел он несколько долгих минут, не замечая времени, а затем с глубоко задумчивым видом медленно вывел немного пониже написанного вначале одно слово, потом, после заминки, остальные: «Невозможность, необратимость, недостижимость, недостижимость, недо...» — и поставил большой вопросительный знак рядом с незаконченным словом в надежде во что бы то ни стало ухватить ускользающее дымкой откровение.

БАЛАГАН

Ничто в жизни так не любил Василий Васильевич, как статистику, и считал себя осененным звездой самой большой удачи, какая только может существовать на небосклоне судьбы. Если бы его лицо мелькало на теле- и киноэкранах с большей частотой, чем лицо Армена Джигарханяна, и если бы даже выбрали его президентом всей страны, то и тогда не ощутил бы он той полноты счастья, каким одарила его любимая наука. «Статистика – царица всех наук, – учил Василий Васильевич своих студентов. – Без накопления статистических данных нет сравнительного анализа, а значит, и необходимого для научного развития обобщения. В отличие от большинства прочих наук, статистика охватывает любую из них, являясь фундаментом каждой».

Проговорить о главном деле всей жизни он любил. Зная эту его слабость, плохо подготовленные студенты старались вывести преподавателя на отвлеченный разговор о статистике. И если кому это удавалось, то оставалось лишь с самым внимательным видом слушать и вовремя поддакивать, изображая знание предмета. После вдохновенного рассказа Василий Васильевич замолкал, задумчиво постукивая авторучкой по столу, и ставил положительную отметку. Во всем облике его при этом выражались достоинство и гордость от осознания счастливой сопричастности к первородному на земле знанию.

Семьи у Василия Васильевича не было, и летний отпуск он обычно проводил «на колесах». Заранее планировал маршрут и отправлялся то в Карелию, то в Крым, то на Алтай, то в Сочи, а в этот раз решил осмотреть Европу. Обедая в кафе уже в Молдавии, он совершенно случайно услышал разговор сидевших по соседству местных жителей о том, что в соседнее село приехал балаган. Василий Васильевич тут же загорелся идеей увидеть, что же это все-таки за явление – балаган, узнал, как туда добраться, и, не откладывая дела в долгий ящик, выехал в это село.

Однако представление разочаровало. Все было слишком простеньким. И он со скрытой усмешкой оглядывался по сторонам на неизбавляемую зрелищами, явно сельскую в большинстве своем публику, то смеявшуюся над грошовыми шутками клоунов, то замиравшую во время выступления канатоходцев, передвигавшихся по канату на высоте всего лишь трех метров, то с раскрытым ртом наблюдавшую за ленивым ковылянием старого медведя. Не дожидаясь окончания, Василий Васильевич вышел на улицу.

Уже стемнело. Желтый свет лампочек, развешанных прямо на деревьях вокруг балаганной площади, выхватывал из густых сумерек отдельные шатры заезжего балагана. Возле одного из них оживленно спорили люди. Заинтригованный, Василий Васильевич направился к ним.

– Ну что ты там увидел, Виорел? – услышал он.

– Да, Виорел, что ты там видел? – спросил еще кто-то.

Молодой мужчина смущенно улыбнулся.

– А что там можно увидеть? Конечно, то же, что и вы, – баб.

– Да ты что, Виорел?! Какие такие бабы! Куда ты смотрел – непонятно. Море там, большой белый пароход и чайки, – крепкий усатый старик в тельняшке хотел добавить еще что-то, но его перебила женщина с глазами навывкате. На ее толстых пальцах тяжело блестели золотые перстни.

– Какое там еще море?! Витрины там с дорогим шмотьем.

– Ну, не знаю, не знаю. Лично я там свою Ленку видел, – прозвучал чей-то бас.

– Послушайте! – вмешался в разговор дед со следами былой, благородного вида красоты. – Тут дело непростое. Не зря же этот аттракцион называли калейдоскопом чудес. Здесь какое-то волшебство, не иначе. Цыгане, сами знаете, какой народ.

Василий Васильевич не стал дожидаться, что еще скажет дед, и, увлеченный сугубо научным интересом, решительно, как делал это всегда при входе в аудиторию, шагнул мимо привычно расступившихся людей к загадочной двери.

С уверенным видом оглядевшись по сторонам, Василий Васильевич застыл, озадаченный, у порога. Унынием веяло от комнаты – почти полностью пустой, если не считать стола и кресла-качалки, в котором медленно покачивался цыган. Маленькое окошко освещало слабо, и он не сразу сообразил, что цилиндрический предмет в дальнем углу вовсе не огромная труба закопченной печи, а какое-то странное, полностью круглое крохотное помещение.

На вид цыгану можно было дать лет сорок пять – пятьдесят, но что поражало в нем, так это невероятное сочетание полностью седой головы и смоляных бровей. Цыган посмотрел на Василия Васильевича, и у того внезапно захолонуло в груди, мелкая дрожь прокатилась по спине к затылку: почудилось ему, будто заглянул он в две черные дыры в бездну. И еще показалось, что, задержи цыган взгляд, и затянуло бы его в эту непроницаемую мглу, как в колодец, из которого нет возврата. Цыган вновь опустил глаза и, все так же мерно покачиваясь, произнес:

– Люблю качалку. Сам удивляюсь: никогда не надоедает.

На его груди лежала книга. «Ого! Достоевский! “Бесы”! – поразился Василий Васильевич. – Да, какой-то нестандартный цыган».

Он уже приходил в себя и, стремясь скорее обрести пошатнувшееся на миг чувство собственного достоинства, многозначно пожевал губами:

– М-да... покачивание с амплитудой, равной одной целой и двум десятым секунды, вводит в трансцендентное состояние.

Цыган бросил на Василия Васильевича взгляд исподлобья.

– Одна и две десятых – это вообще идеальное число для функциональной деятельности человеческого организма, – продолжал Василий Васильевич, преодолевая непривычное смущение. – Если сократить общепринятую норму пульса в одну и две десятых, то можно добиться совершенного функционирования организма. А если...

– Постойте! – остановил его цыган. – Вы думаете, это так важно – идеальное функционирование?

– А как же нет?! Это же совершенное здоровье, на порядок высшее долголетие. Само собой, скачок в познании мира.

Цыган задумчиво свел брови.

– А зачем вообще все это нужно?

– Но ведь человечество...

Цыган остановил его нетерпеливым жестом поднятой ладони.

– Нет, меня не интересует человечество. Вот вам лично для чего долголетие?

– Как для чего?! – профессор даже позволил себе снисходительно улыбнуться. – Ну вы и спросили! Чтобы мир познавать – зачем же еще жить образованному мыслящему человеку.

– И что же вы желаете узнать? – не отставал цыган.

Василий Васильевич почувствовал легкое раздражение, оттого что какой-то простой и, скорее всего, необразованный цыган, занимающийся, как видно самообразованием, берет на себя наглость задавать вопросы подобного плана профессору университета, тем самым ставя себя как минимум на одну с ним полку. И все же какое-то шестое чувство подсказало ему, что не стоит спешить оскорбляться.

– Право слово, на ваш вопрос так прямо сразу и не ответишь, – призадумался он. – Знание – жизнь, и процесс познания и есть суть существования человечества.

Цыган слегка поморщился – видимо, от слова «человечество», но согласился.

– Да-да, все это так, но не хотите ли вы сказать, что в основе вашего стремления к познанию лежит простое человеческое любопытство? Суть нашей жизни и есть удовлетворение любопытства? Я правильно вас понял?

Василий Васильевич почувствовал себя как на допросе перед готовящим ловушку опытным следователем. Привычная уверенность изменила ему.

– Ну... не совсем так, конечно. Все-таки существует какой-то моральный долг перед человечеством, – он осекся, произнес последнее слово.

– Ох уж этот долг перед человечеством! – цыган слегка улыбнулся. – Этих слов терпеть не могу. Каждый все равно отвечает за себя сам. Что же, вас интересуют цифры, таблицы или что иное?

Василий Васильевич почувствовал, как твердеет почва под ногами, голос окреп.

– В вашем вопросе скрыт ответ на него. Весь мир имеет свою цифровую кодировку.

– И Бог?! – цыган приподнял голову, и Василий Васильевич удивился, какая-токая бездна могла поместиться ему в этих смешливых темно-карих глазах

– А Бога, в привычном понимании этого слова, нет! Абсолютно о любом объекте имеется информация в ноосфере, и вся она – одни сплошные числа и числа. Я же уже сказал – числовая кодировка.

– А я-то, признаться, всю жизнь думал, что пришел в этот мир за каким-то другим знанием. И связано оно как раз с Богом, а не с цифрами.

– Ну что ж, никто не застрахован от заблуждений.

– И что, у вас никогда не случалось сомнений, что, может быть, все-таки есть что-то иное на свете, кроме видимого мира?

– Нет, никогда не было. Сомнение вообще непроизводительно.

– У-у-у... интересно, – как-то неопределенно протянул цыган и добавил: – вы, конечно, и в чудеса не верите?

– Нет, конечно.

– А зачем вы тогда сюда пришли?

– Из любопытства. Интересно, какой фокус меня ожидает.

– Ну ладно, не стоит попусту спорить. Давайте перейдем к главному, проходите в калейдоскоп, – указал цыган на загадочный цилиндр.

Василий Васильевич слегка удивился: он ожидал, что ему придется смотреть в какую-нибудь необычную трубу, и никак не мог представить, что сам окажется внутри калейдоскопа. Прикрыв за собой дверь, он оказался в полной темноте.

– Как в могиле, – смешок его прозвучал неприятно хрипловато. – А в чем же суть процесса? – громко произнес он, обращаясь уже к цыгану.

Но голос его поглотила мягкая ткань обивки, и никто ему не ответил. Тогда Василий Васильевич повторил свой вопрос громче – с тем же результатом. Он хотел было уже развернуться и выйти, когда внимание его привлекла неожиданно появившаяся перед ним ярко-красная точка. Она вдруг увеличилась, и из нее стали вылетать разноцветные светящиеся точки. Они медленно закружили вокруг Василия Васильевича, их становилось все больше и больше. И он сам не заметил, как оказался в центре быстро вращавшегося разноцветного круга. Василий Васильевич прикрыл глаза и когда открыл их, то невольно отпрянул назад, к спасительной двери. Точки превратились в цифры, словно выпускаемые невидимым голограммным проектором. Василий Васильевич осмотрелся, но не обнаружил ни прибора, ни каких-либо лучей вообще.

– Чертовщина какая-то! – промолвил он негромко, чтобы не быть услышанным.

Зажмурившись, он сосчитал до пяти, и когда снова посмотрел перед собой, то с облегчением обнаружил простые черные стены вокруг. Лишь слабый свет струился откуда-то сверху. Василий Васильевич поднял голову выше и опешил: сверху медленно опускались, подобно снежным хлопьям, все те же цифры. Он глядел на них зачарованно. Цифры выстраивались в числовые комбинации, соединяясь и распадаясь непрерывно. И опять-таки не видно было никакого прибора, при помощи которого происходило это невероятное действо.

Раскрыв глаза в третий раз, Василий Васильевич вздрогнул и так же, как и в первый раз, дернулся было к двери: его окружали странные существа – одетые как люди самые обычные числа. Их было десять, начиная от нуля и до девяти – крохотные ножки и ручки, глазки, рты. Они громко переговаривались, не замечая Василия Васильевича. Он прислушался. «Ах, как прекрасно я выгляжу в союзе с девятью нулями!» – «Да уж, шесть нулей нынче не в моде».

«Ох, не говорите, – послышался чей-то вздох, – и в самом деле двойственная натура, не знаешь, то ли верить ей, то ли нет». – «Конечно! Захочет – шестеркой обернется, захочет – девяткой. Попробуй разбери!»

Василий Васильевич возмутился: «В самом деле, что за белиберда такая! Что за фокусы! Может, они тут какой-нибудь дурман напускают? Надышишься еще всякой ерунды», – и поспешил выйти из своей непонятной комнаты.

– Что это вы... – он собирался уже высказать цыгану, что нечего нормальным людям голову морочить, как осекся, встретившись с ним взглядом: в голове как будто что-то противно заскребло. Передернув-

шись от неприятного чувства, Василий Васильевич отвернулся в сторону и окинул взглядом сидевшего у окна мальчика-цыганенка лет двенадцати, появившегося в его недолгое отсутствие. Уже спокойней спросил:

– Скажите, как вы делаете этот фокус?

– Какой? – загадочно улыбнулся цыган.

– Ну, с изображением: ни проектора, ни какого-либо источника света. Странно...

– А что вы такого, интересно, увидели? Если не секрет, конечно.

Заметив хитрый прищур в глазах цыгана, Василий Васильевич почувствовал сильное раздражение («Ага, все-то ты знаешь, во все проник!») и, напряжением воли подавив его, сказал:

– А что я там мог видеть? Конечно же, море, небо и чайк.

Цыган качнул головой в ответ и невозмутимо, словно не заметив иронии в словах Василия Васильевича, произнес, обращаясь к мальчику:

– Калейдоскоп – хорошая штука. Много помогает понять человеку, если он захочет, конечно. Так-то, Бахтало.

Мальчик согласно кивнул головой, не произнеся ни слова в ответ, и сделал маленький глоток из дымящейся пиалы с чаем. Цыган тоже отпил из своей и, вытянув ее перед собой в пригласительном жесте, предложил:

– Не хотите ли чаю? У нас очень вкусный чай, и горячий. Вам понравится.

– Да нет, благодарю, мне пока не хочется. К тому же там, наверное, люди своей очереди дожидаются.

– Нет там никого. А если и будут, вы не помешаете никому.

В ответ на отказ Василия Васильевича цыган сказал:

– Сейчас мало кто умеет пить чай, не то что раньше, – он задумчиво прикусил губу, глядя на пиалу. – Это же целая наука. Вы посмотрите на пар – как он красиво плывет! Именно плывет, а не движется. Можно разговаривать и подолгу его рассматривать. Разве это не ритуал? А он ведь очень важен для жизни. Мы же все куда-то спешим, суетимся, а жизнь не в этом. Вот и получается, что проносимся мимо нее... вершки без корешков.

Василий Васильевич пригляделся к вившемуся над пиалой пару и удивился про себя: «Странно, и в самом деле притягивает взгляд. И почему я раньше этого не замечал никогда?»

Цыган продолжал говорить:

– Вот-вот! вы заметили. А жизнь, она и состоит из таких вот деталек. Разве не удовольствие за ними наблюдать.

– Возможно, но лично у меня нет времени на такие мелочи. Работы по горло.

– А это вовсе и не мелочи, это и есть сама жизнь. – Цыган подул в пиалу, и поверхность чая покрылась рябью дрожащих кругов. Он наклонил голову и разглядывал их с таким видом, словно ничего более важного на свете не существовало. После небольшой паузы цыган заговорил вновь: – Вот вы в чудеса не верите, а во что тогда?

– Я верю в науку. Наука выведет человечество на новую орбиту.

– Наука – это, конечно, хорошо, и с этим не поспоришь. Но верите ли вы хоть чуть-чуть в мистическую сторону жизни?

– Нет, не верю, – спокойно отвечал Василий Васильевич.

– А что если бы я предложил вам исполнить любое ваше желание?

– Но ведь это же невозможно! И потом, для чего это надо?

Цыган весело улыбнулся.

– Для чего это надо, я вам не отвечу, а вот аттракцион «Исполнение желаний» предложил бы, только для вас лично. Что вы на это скажете?

Василий Васильевич призадумался.

– Ну... аттракцион... ну, это другое дело. В принципе, я думаю, можно, если недолго.

– Правда, это недешево...

Цыган сделал паузу, и Василию Васильевичу стало не по себе под его твердым испытующим взглядом; досадуя на самого себя за свою неожиданную поспешность, он выпалил:

– Да деньги не проблема, – но тут же решил быть тверже. – А если меня не устроит качество?

– Ну что ж, тогда вы не станете платить, и весь разговор.

– Хорошо, я согласен. И что мне надо делать?

– Что делать? – переспросил цыган. – Пройти в ту же комнату и загадать желание, больше ничего. Да, и еще, хочу вас сразу же предупредить: аттракцион длится всего пятнадцать минут. Желание вслух говорить не надо.

– Хорошо. Давайте же приступим.

Договорились о цене, и спустя пару минут профессор вновь находился в цилиндрической комнате. «Хочу быть счастливым, – загадал он. – И так, чтобы раствориться в полном блаженстве». И как только мысль прозвучала в его голове, вспыхнул свет, становившийся все ярче и ярче, пока, уже ослепительный, не скрыл собой черные стены и потолок. Внезапно легкая туманная дымка, постепенно заполнявшая комнату, рассеялась, и Василий Васильевич обнаружил вокруг себя темные скалистые хребты высоких гор. От нахлынувшего в душу восторга Василий Васильевич запел, но стал забывать слова и неожиданно осознал никчемность всех слов вообще и попросту замурлыкал мелодию. Но вскоре понял, что и это всего лишь бессмысленная трата килокалорий, потому что прекраснее молчания ничего нет. Спустя еще какое-то время и молчать, если мозг продолжал думать, тоже показалось никчемностью. Василий Васильевич перестал думать, и одновременно с заполнившей разум пустотой что-то громко щелкнуло в голове, и не знал более Василий Васильевич ни единого слова, ни единого звука, ни мысли. От непередаваемого восторга сознание его сжалось до крохотной точки и затем, не в силах удержать его в себе, взорвалось, подобно рождению новой галактики, миллионами разлетающихся звезд. И в этом счастливым сиянии существовало всего лишь одно-единственное желание – есть.

Пятнадцать минут спустя цыган с мальчиком включили в цилиндрической комнате свет и заглянули в нее через маленькую застекленную щель сбоку. Цыганенок застыл в изумлении – внутри никого не было.

– Я так примерно и думал, – покачал цыган головой. – Не заходи пока. Надо быть очень осторожным, он где-то здесь.

Приглядевшись внимательнее, он радостно воскликнул:

– Я, кажется, знаю, где он. Капельку воды видишь в центре?

– Вижу.

– Принеси микроскоп.

Цыган вошел в комнату. Внимательно глядя под ноги, приблизился к капле и принялся изучать ее под микроскопом.

– Смотри сюда, – подозвал он мальчика. – Видишь вот эту штуковину, которая плавает?

– Вижу, – ответил тот, прильнув к окуляру. – Как человеческая ступня, да? А что это?

– Да, как ступня. Называется инфузория туфелька. Это и есть наш посетитель.

– Дядя, давай скорее опять его в человека превратим.

– Не торопись, у него еще целая минута. Пусть понаслаждается, для него это... – цыган задумчиво возвел глаза вверх, – целая вечность.

Возвращаясь домой, Василий Васильевич тщетно пытался зацепиться разумом за что-то ускользавшее от памяти, но, как ни напрягался, не мог вспомнить это что-то важное, от которого на душе было тихо и покойно, как в позабытом детстве, когда до неба было далеко-далеко, когда листья на деревьях зеленели так свежо и ярко, как никогда больше не зеленели во взрослой жизни. Идеальное счастье. Сегодня он каким-то образом ощутил его вновь. Профессор старался вспомнить хоть что-то, но не мог и, с задумчивым видом бредя по дороге, печалился, что память такой несовершенный аппарат.

Пауза ХУЗАХМЕТОВА

Родилась в 1956 году Ангарске, Иркутская область. Окончила Куйбышевский плановый институт. Работала программистом, экономистом, бухгалтером в Самаре и Димитровграде. Последние десять лет преподавала экономические дисциплины в университете.

Публиковалась в журналах «Казань», «Идель», «Аргатак», «Казанский альманах», «Белая скала» (Крым), альманахе «Полевые цветы» (Москва). Автор книг: стихов и рассказов «На крыльях мечты», Астана (2018), сборника сказок «Мечты в коробке», Казань (2019) и других. Лауреат ряда литературных конкурсов и премий.

Живет в Казани.

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Вот она – милая роща, ветер шумит надо мной,
Ветки берёзок полощет, сон навевая лесной...

Боже!.. Что это?.. Откуда?!.. Кира удивлённо оглянулась. Нет, откуда-то сверху... Она остановилась перед цветочным магазинчиком. Да, действительно, звуки лились из открытого окна на втором этаже аккуратного, словно игрушечного, домика. Но каким образом здесь?! В этом городке русскую речь-то не услышишь, а тут старая песня... Чистый, чуть наивный голос бережно выводил мелодию. «Так сейчас не поют», – невольно улыбнулась Кира. Конечно, не поют. Кому же знать, как не ей! Сейчас нажимают на голос во всю мощь, усиливая звук микрофоном, а общий эффект одеждой, точнее, её отсутствием. «Становлюсь брюзгой», – усмехнулась. Нет, действительно! На что уж оперная профессиональная сцена, и то сколько новых веяний, нового прочтения классики, не говоря уже... Не говоря... – оборвала Кира быстрые мысли, жадно вслушиваясь в песню.

Всё это с детства знакомо, с сердцем навеки срослось...

Женский голос, мягко обнимая, напоминал давно позабытые слова. Да, знакомо... И действительно, срослось. Кира судорожно вздохнула, вдруг ощутив какую-то горячую волну. Что-то далёкое, дорогое обрушилось на неё неожиданно, не спросив. То, без чего она так долго жила. Так долго и так далеко...

На урок музыки новый учитель Пётр Федорович пришёл с баяном и сразу понравился даже мальчишкам: крепкий, коренастый, с властным голосом, он вёл уроки громко и интересно. А девчонки, заслышав его баян, так и таяли! Петя-Федя – за глаза его так называли – стал разучивать с ними песню. А Кире сказал: «Будешь запевать! Голос у тебя негромкий, но чистый». У них потом даже школьный хор образовался. А дальше пошло – школьный концерт, городской смотр, областной... Петя-Федя уговорил Киру поступать в музыкальную школу, где тоже работал. Не очень-то она и хотела. Правда, в обычной школе стало легче – теперь можно было отпрашиваться с уроков труда, физкультуры и особенно математики, которую она терпеть не могла. Уж лучше ноты!.. Потом после девятого класса поступила в музучилище, а там на общеобразовательные предметы вообще смотрели сквозь пальцы. Петя-Федя занимался с Кирой, голос ставил. Убедил её мать, что пению нужно учиться дальше – в Москве, и он поможет поступить, в институте культуры у него остались друзья. Мать как заговорили: Москва! Москва!.. Ничего больше и слышать не хотела, только чтобы доченька училась в столице. Правда, отпустить одну в большой город боялась. Тогда на семейном совете (она да Кира – отца-то мать-командирша давно уже выгнала за ненадобностью) было решено, что Кире нужно выйти замуж и поехать в Москву вместе с мужем...

Будто опять ты безусый рядом с девчонкой стоишь,
Вместо кораллов на бусы гроздь рябины даришь...

Кира тихо рассмеялась. Да, она тогда влюбилась... Он учился на теоретическом – Володя, интересный молодой человек. Хотя... Из них двоих любил, пожалуй, Володя, а она... После надоевшей школы её увлёк свободный дух училища. Хотелось внимания, комплиментов, влюблённости... Ну, влюблённость-то была. А тут мать стала нажимать: выходи замуж, иначе в Москву не отпущу! А чего ж не выйти! Кире очень даже хотелось покрасоваться в пышном платье и белой фате. Поженились и учиться поехали как-то легко и весело. Кира-то поступила (за неё просили), а Володя – нет. Учёба, столица увлекли Киру, всё время пропадала на занятиях и выступлениях, а у мужа что-то не складывалось. И мать пилила: оперилась – теперь бросай его, зачем тебе этот неудачник! Так и расстались через год, и он вернулся в родной Саранск. Кира не очень-то расстраивалась. Ей было интересно в Москве, хотя, если бы кто сказал раньше, что она будет учиться здесь оперному пению, не поверила бы. А мать поставила следующую цель: Европа, точнее Франция. Работала где только могла, денег не жалела, и Кира участвовала во всех платных конкурсах для начинающих оперных певцов. После одного выступления к ней подошёл член жюри француз Леон. Сказал, что давно за ней наблюдает, что ему нужна русская жена и у неё всегда будут контракты и выступления в разных странах. Кира с матерью посоветовалась и сразу после окончания института уехала с новым мужем во Францию.

Леон не обманул. У Киры начались выступления на самых разных оперных площадках. Побывала во многих странах. Пела, правда, не первые партии, но ведь и не последние! И мир посмотрела. Конечно, были проблемы с языком. Первый год просто плакала, ни слова

не понимала по-французски. Но ничего, музыкальный слух выручил. Запоминала правильное произношение и теперь разговаривает не хуже любого француза. А вот с французом жила недолго. Однажды приехала с гастролей, а в доме – новая русская пассия. Леон сказал, что они с Кирой расстанутся. Ну бог с ним! Он купил ей квартиру. Контрактов, правда, поубавилось. Ещё год ездила по странам, а когда сошлась с музыкантом из городского оперного, деловые отношения с Леоном прекратились, осталась только работа в городской опере. После музыканта был... впрочем, теперь она живёт одна – так как-то спокойнее...

Край мой единственный в мире, где я так вольно дышу...

– сильно и проникновенно подхватил хор. Кира беззвучно повторила слова и ощутила радостный трепет, знакомый каждому выступающему. Вот так она стояла в первый раз на сцене Дома культуры вместе со школьным хором и с волнением смотрела на закрытый занавес, ожидая, что он вот-вот распахнётся...

Широкой волной песня лилась сверху, словно с небес. Ах, как поёт душа в это русское протяжное многоголосье!.. Сладостные слёзы подступили к глазам. «Край мой...» Каким-то внутренним зрением увидела давно забытую картинку – дом, дорожку к озеру, идущую через лес... Даже покрутила головой, так захотелось побежать навстречу всему, что было когда-то привычно и, оказывается, дорого. Почему же она не сделала этого раньше?! Почему даже не вспоминала об этом?.. Кира задумчиво взглянула на тихую улочку с невысокими ухоженными деревьями. Конечно, большую часть жизни она прожила в другой стране, уже и думает на другом языке, но почему так защемило сердце при звуках этой простой русской песни?.. Почему хочется туда, где звучит баян, где можно ходить босиком по траве, где не нужно делать вид, что ты весел, здоров и успешен, а можно и всплакнуть, если станет грустно? Вот как сейчас... «...Вольно дышу...» Кира глубоко вздохнула. Конечно, всё это время ей здесь хорошо жилось – мир посмотрела, да и теперь ни в чём не нуждается, но... Но почему за столько лет не съездила в те края? Туда, где и родных-то не осталось, но осталось что-то ещё – большое, чему она и названия не подберёт... И что она здесь делает? Кому нужны эти выступления? Они ей и самой давно уже не нужны – в массовке, с полным гримом на лице, с простенькими партиями, которые не то что ролью – пением назвать нельзя...

Кира задумчиво смотрела перед собой... Поехать бы туда, хоть раз пройти по улице, посидеть на скамейке у подъезда, где сидели бабушки-соседки... Она с тоской взглянула на аккуратно мощёную дорожку, понимая, что не сможет отказаться от всего, что так долго и привычно окружало её. Нет, слишком привыкла к уютной квартирке, к чашечке кофе в открытой кафешке на углу, к уюту или, как теперь говорят, комфорту да и к своей ухоженности тоже. А те старые вокзалы, неудобные поезда... Нет, пожалуй, нет... И потом, она уже собралась отдохнуть – прогуляться по Лазурному берегу!.. Будто с кем-то споря, отрицательно качнула головой. Нет, не решится она ехать в те далёкие и забытые края, да и зачем?.. И к кому?.. К кому... Кира машинально оглянулась – никого. И вокруг – никого, и рядом – никого... А ведь она совсем одна!.. Вдруг ясно поняла, что за всю жизнь ни к кому не была привязана так, чтобы в любой момент бросить всё и помчаться

ся навстречу или хотя бы сильно любить и помнить об этом человеке каждую минуту, всю жизнь, знать, что она – не одна... Неужели у неё ничего большого не было и нет?.. Но о чём же тогда напоминает ей этот голос? Что осталось там – далеко, где поют песни, от которых сжимается сердце?..

Кира стояла неподвижно с застывшим, чуть подурневшим лицом. Значит, она никогда не поедет туда?.. Так и останется оторванным листом – одиноким и не нужным?..

Хочется белым берёзкам низкий отвесить поклон...

– вступил чистый, берущий за душу, голос...

Чтоб заслонили дорожку, ту, что ведёт под уклон...

– Vous se sentir mal, madame?*

Пожилой элегантный мужчина заглянул под шляпку.

– Non-non... – Кира торопливо промокнула перчаткой краешки глаз. – Non-non, merci**, – повернулась и быстро пошла прочь.

Ясный, чуть наивный голос догонял и словно связывал с чем-то далёким, но таким бесконечно дорогим...

* – Вам плохо, мадам? (франц.)

** – Нет-нет... Нет-нет, спасибо. (франц.)

Филипп ХОРВАТ

Родился в 1983 году в Ташкенте. Окончил Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Писатель, книжный блогер. Владелец авторского литературного телеграм-канала «the ТХТ», вошедшего в список финалистов премии «Литблог»-2019.

Публиковался в журналах «Новый мир», «Бельские просторы», «Полутона» и других. Живет в Санкт-Петербурге.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ТИМОША

Дед Максим сидит в полумраке комнаты, купаясь в разноцветных отблесках гирляндного света, и гладит кота.

Тимофей старый, ему лет шестнадцать, не меньше, и эти годы отражаются в круглых грустных глазах, уставших от жизни. Хорошей жизни, чего уж там, никто и никогда ведь не обижал кота в семье Семёновых – так, разве что изредка наказывали за какую-нибудь шалость: трепали, но не сильно, любя, с намёком, что всякое баловство наказуемо.

Семёновы раньше большой семьёй жили в громадной же петербургской квартире, лабиринтом коридоров разбегающейся в три противоположные от гостиной стороны. Всем заправляла Александра Аркадьевна, жена деда Максима, – и в хозяйстве решала последним словом, и судьбу домочадцев намечала твёрдой рукой. Держала всё в ежовых своих рукавицах, показывая и разъясняя окружающим, как жить надо.

– Помнишь, как ты у нас появился, Тимоша? – скрипит дед Максим, щёлкнув легонько по котовьему носу. – Это ведь тебя Алька принесла, подобрала в Рождество у храма Святой Кaterины. А Нинка тогда вскинулась, верещала, что уличные коты беду в дом приводят...

Нина, их старшая дочь, не любила ни котов, ни кошек, да и вообще к животным была равнодушной. Тимофей от нее ни одного ласкового слова так и не услышал никогда, Нина его просто не замечала, не видела в упор, и жил он полным невидимкой для неё.

Зато Мишка, сын Нины, души в Тимоше не чаял, с раннего детства таскался с ним по дому, увлекая в разные нехитрые игры. А однажды, в тот злополучный день, когда выскочил он случайно во все четыре мохнатые лапы в парадную, скакнув вниз и затерявшись в зачем-то открытом подвале, Мишка ревел в настолько безумной истерике, что вызывали скорую. Успокоился, пришёл в себя Мишка после того, как найденного, извальянного в пыли и в соре кота, доставили-таки обратно в дом (это вечно поддатый, но добродушный, всем во всём помогающий слесарь Фролов расстарался).

– А тот Новый год, в девяносто шестом помнишь, Тимошка? – дед Максим важно закуривает папиросу. – Это ж тогда тебе Валерка скор-

мил полпалки докторской, на спор с Валетом, а ты потом всю квартиру изговнял энтой колбасой, так и не переваренной толком...

Новый девяносто шестой справляли шумно и безбашенно, это был последний большой их семейный праздник, когда в весёлом, пьяном угаре сплелись целых три соседские квартиры.

Валерка, муж младшей дочери – Аделаиды, – балагур, весельчак и фантазёр, придумал отмечать прямо во дворе. Загодя установили и украсили во всё нарядное роскошную ёлку, вокруг понаставили в снег столы со скамьями и уж сюда-то снесли под вечер все салаты, пироги, холодцы и прочую новогоднюю вкусь. Получилось шикарно – и лёгкий морозец ничуть не помешал развернуться настоящему русскому празднику во всю ивановскую. Даже заглянувший на огонёк участковый лихо отплясывал по итогу под гремучий ор доктора Лебединского «Я танцую пьяный на столе...».

Замечательно начавшийся год, увы, не принёс Семёновым ничего хорошего. Ядрёная, не переболевшая, кажется, с самого рождения ни легчайшим насморком, Александра Аркадьевна слегла в феврале с воспалением лёгких. Упорное сопротивление лечению закончилось развившимся отеком, и уже в марте вся семья справляла поминки.

Опухшая от слез Нина, тогда беременная Ванюткой, мрачно отметила:

– Ну, теперь жизнь наперекосяк пойдет... Мать ведь это... держала нас. Вместе.

Она оказалась права.

Вспоминая те похороны, дед Максим и сам всхлипывает – Александра Аркадьевна, любимая, родная Санька, Алька, Лялька, Лялюка, всегда крепко держала его, не давая сорваться в обрыв алкогольного безумия. А он после того чёрного февраля, конечно же, укатился в один громадный, не прекращающийся годами, запой.

И как сквозь мутную пелену наблюдал, едва соображая, распад Семёновых. Нинка, подхваченная каким-то мимолетным мужичком, исчезла вместе с Мишкой и маленьким Ванюткой и с тех пор сама о себе не напоминала. Бездетная Аделаида ни с того ни с сего развелась с Валеркой да и кинулась в Москву к бывшему однокласснику в бизнес. Дольше всех задержалась пришедшая, никакого родства с Семёновыми не имевшая, немая Верка: еще лет пять или шесть скользила она по веренице опустевших комнат, утопающих в вязком одиночестве, – ухаживала за Тимошкой.

Дед Максим в какой-то момент всё же очнулся. Встряхнувшись, в пару секунд разогнал бухлобратию, расселившуюся по углам, вынес тару и основательно вычистил квартиру, из которой за эти годы только и исчез-то один телевизор да старый музыкальный центр – даже в глубине тяжелых запоев разбазаривать собранное Алькой он себе не позволял.

И вот сидит дед в канун какого-то очередного там года, чешет шерсть Тимохи и грустит, вспоминая, как оно всё было тут раньше. Хорошо было, славно – так, как ни в одной другой семье.

Неожиданно в воспоминания влетает телефонный звонок, и дед Максим машинальной рукой снимает трубку со старого, пластмассового аппарата:

– Аллё... Кто?.. Ванютка... Да не может ж быть... Ты как сам-то?.. А мать?.. Жива-здорова, это хорошо... А мы с Тимошей вот, празднуем... Тимоху-то помнишь, рождественского нашего?.. С Новым годом, Ванютка, вы это... Заезжайте что ли... Квартира-то у нас большая, а пустыня кругом...

И долго ещё сидит дед Максим после разговора, поглядывая в беснующееся фейерверками заснеженное окно, а по щеке его катится тягучая слеза.

Владимир РЕШЕТНИКОВ

Родился в 1971 году в пос. Сухобезводное Семёновского района Горьковской области. Окончил Нижегородский строительный техникум и Нижегородский педагогический университет. Служил в исправительной колонии строгого режима в должности психолога. В настоящее время – майор в отставке.

Автор ряда сборников стихов и многих публикаций в периодических изданиях. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Бориса Корнилова (2011, г. Семёнов), «Болдинская осень» (2012, Н. Новгород), «На встречу дня» им. Б. Корнилова (2013, Санкт-Петербург), премии Нижнего Новгорода (2017). Живет в Семёнове.

ЗАВТРА МЫ БУДЕМ СМЕЯТЬСЯ...**Деревня**

На мысли ночи не хватает,
На суету не хватит дня,
Идея вроде бы пустая
Давно преследует меня:

Пойти и приоткрыть завесу,
Молву развеять прежних лет
О том, что там, в глубинах леса,
Деревня есть, которой нет.

Пудовыми ногами шатко
Тропинку по снегу плету
Туда, где избы в белых шапках
Под вечер курят бересту.

И разомлев, они краснеют
Глазами – окнами в теми,
Я вижу женщину, а с нею
Мальчонку вижу, лет семи.

Погружена в себя, седая,
И мир как будто бы далёк...
Лишь печь гудит, дрова съедая,
Да скрипнул подо мной порог.

«Очнитесь, я не местный житель,
Заметена за мной тропа,

За ради Бога расскажите,
Куда ж, бедовый, я попал?»

«Деревни нашей нет на карте,
Деревня наша сожжена,
Но раз в году, в начале марта,
На свет является она.

Она как боль в укор живущим,
В укор моя седая прядь
Живым, кому из райской кущи
Дремучей пущи не видать.

Скажу тебе – мы раньше жили
И худо-бедно, и смеясь,
Но вдруг обрушились чужие
Грозой июньскою на нас.

Мужчин хрустальными глазами
Мы проводили за порог,
А кто остался – партизанил,
Сражался у лесных дорог.

По дому тяготы и в поле
Ложились на нехрупких нас,
И мы ложились поневоле
Под этих самых «was is das».

Терпели, губы в кровь кусая,
Как устрашение: поутру
Глядишь в окно – висит босая
В петле, качаясь на ветру.

Терпели, крепко зубы стиснув,
Чтоб слово где не обронить,
Не выдать чтобы ненавистным
Одну связующую нить.

С отцами связь да с сыновьями
В лесах окрестных, но пойми:
Не уберётся он за нами –
Связной, мальчонка лет семи.

Мы всё по-бабски отрицали –
Мол, нам, убогим, невдомёк...
Восьмого марта полицаи
Согнали женщин под замок.

Брежали бешеные шавки
Зловещим эхом за версту,
Сгорели избы в белых шапках,
Погасли искры на лету.

Вот так и ждём, как раньше ждали,
Непохороненные здесь,
Взывая то к небесной дали,
То криком оглушая лес.

Молясь, заглядываем в святцы,
Гадаем, ждём такого дня,
Когда за нами возвратятся
Мужья, отцы и сыновья...»

С рассветом исчезают избы
В объятьях зимней тишины,
Она вослед сказала: «Лишь бы
На свете не было войны».

Деревни этой нет на карте,
Давно деревня сожжена,
Но раз в году, в начале марта,
На свет является она...

Завтра

Завтра мы будем смеяться,
Ржущим сегодня в ответ.
Эра гламурных паяцев
Сходит в России на нет.

К западу сходит потоком
Пришлая грязь, посмотри –
Новая эра с востока
Светит багрянцем зари.

В русских рубашках навывпуск
Выйдем, у каждого крест,
Бог приметит – не выдаст,
Хрюкнет свинья, да не съест.

Высушив души отчасти,
Выплавав слёзы в нужде,
Мы засмеёмся от счастья
Так, что услышат везде.

И на гламурных паяцев
Русский обрушится смех!
Завтра мы будем смеяться,
Право, смеяться – не грех.

Красное

Словеса туда-сюда,
Пошлые, пустые...
Покраснели от стыда
Угли – и остыли.

Откраснел и я давно,
А теперь зеваю.
Выйду в красном, решено –
К людям Первомая!

Но среди и тех людей
Взгляды не едины,
От сомнительных идей
Пахнет нафталином.

Что ж, цветы на клумбе рвал,
Красные букеты –
Их любви девятый вал
Принял без ответа...

Огляделся – пустота!
Только сердцем вызнал –
Красной кровию Христа
Возвращаться к жизни...

И теперь я глух всегда,
Будто мир стал тише,
Ведь словес туда-сюда
Попросту не слышу.

Очередь

Время круг по циферблату чертит...
Сразу, от роддомовских дверей,
Наша жизнь, как очередь за смертью –
Двигается каждый за своей.

Многие торопятся и лезут,
Будто появился дефицит.
Все они, как правило, не трезвы,
Табаком от каждого разит.

Есть герои, каскадёры... часто
Гонит прирожденная болезнь,
А сосед мой от любви несчастной
Взял верёвку и вперёд полез...

По-над тою очередью вместе
Вороны летают, журавли –
Вынесли вон гроб вчера в подъезде,
А новорожденного внесли...

В 2036-м

Сегодня приснилось такое! –
Поведать спешу о таком:
Качусь по апрельскому полю
В две тысячи тридцать шестом.

Но это не поезда номер –
Меня в вышеназванный год
(Живой ли, не знаю, аль помер)
На пенсию кляча везёт.

К дворцу распрекрасному тащит,
Где надпись вверху: «ПФР».
Я руки раскинул – там ящик! –
Ищу хоть какую-то дверь...

Проснулся в волнении жутком,
Но вспомнил, что я с сорока
На пенсии льготной, и дудки:
Кормите меня, дурака!

* * *

Я встретил старую любовь,
Вернее – первую, когда-то...
Мне нервный тик не дёргал бровь,
Пред ней не столбенел солдатом.

Я просто на неё глядел –
Без фанатизма, не глаза,
Как притомившийся от дел
Глядит на экспонат в музее.

Но всё ж за юности глоток
И за любви начал начало
Я ей сказать «спасибо» смог.
Она, как прежде, промолчала...

Наряжальщица

Стоит раздетая и жалится
В углу искусственная ель –
Не нарядила наряжальщица,
Сбежав за тридевять земель.

Она была чудаковатою,
Она была... но раз уж нет –
Украсил сам давнишней ватой,
Изображая свежий снег.

Изображая праздник, зеркалу
Налил шампанского – держи!
Давай за то, чтоб не померкла
Моя «наряженная» жизнь.

О, чудеса! – звонят к двенадцати,
Открыл, но рухнула душа:
Там Дед Мороз ошибся адресом,
К соседям, видимо, спеша...

Елена РУСАНОВА

Родилась в 1964 году в Самаре. Детство и юность её прошли на Волге – в Астрахани и Астраханском заповеднике. Окончила Куйбышевский плановый институт и Педагогический институт Тюменского государственного университета. С 1986 года живёт в Тюмени. Работала экономистом, педагогом, преподавателем, главным бухгалтером, редактором сайта.

Член Союза писателей России. Автор десяти книг стихов, рассказов, программы эколого-литературного воспитания школьников. Один из трёх авторов книг «Живи, душа» (2008), «Полвека в заповедной природе» (2016), отмеченных грамотами за высокую гуманитарную ценность на конкурсе имени Ф.Р. Штильмарка в Москве. В 2019 году к 100-летию Астраханского государственного заповедника вышли в свет книги автора «Где птичий восторг стоголов и высок» и «Пусть каждый для природы станет другом» (стихи для детей), в 2020 году издан поэтический сборник «Рейс 148».

РУССКОЕ СЛОВУШКО, ГДЕ ТЫ, СОЛОВУШКА?

* * *

Как, невоспетая никем
Стоишь дичком у перекрёстка,
Легенда, яблонька? Зачем
Ты здесь одна среди громоздких
И мрачных офисов, витрин,
Неандертальцев-манекенов,
Бездушно мчащихся машин,
Среди сирен и полисменов?

Весна... Вот-вот ты зацветёшь,
Никто не удивится чуду.
Тебя заметит только дождь,
Но я безмолвствовать не буду.
В слепом изяществе ветвей
Ты будто бы сошла с гравюры.
О, пыльной прелестью твоей
Как ты похожа на Культуру.

* * *

Русское словушко, где ты, соловушка?
Где ты, заветное чудо-словцо –
Речи народной родное лицо?
Чтобы у нас просветлела головушка,
Создал Творец это русское словушко.

Русское слово изгнали сурово,
Предали-продали русское слово...
Но средь развалин цветёт оно снова,
Яркое, меткое, цепкое слово.

Там, где забыто родное словечко,
Сохнет да илится чистая речка,
Светлая речка народной души.
Продали речку и речь за гроши.

Отдали в руки врагу на заклание,
«Русское слово» теперь лишь название.
Русское слово зарыли по плечи
В землю чужой унижающей речи.

Каждый подбросил землицы на гроб...
Русское слово – как выстрелы в лоб –
Правды о вере, надежде, любви.
Вот и не любы слова-соловьи
Тем, кто отнять у народа спешит
Русского слова бесценный гранит.

Русское слово, подай голосок,
Пой и борись – и спасёт тебя Бог!

* * *

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

А день рождения Ахматовой –
То хлещет дождь, то всюду солнце –
Меня расстраивал-обманывал,
Что ветром холод принесётся.
Но вышли – и парник на улице,
Теплынь и влажный дух сирени.
А в Петербурге тень сутулится.
Как ей сегодня наши трели? –
Озноб и боль. Ведь мы предатели
Той, что о мужестве писала.
Мы речь великую утратили,
Мы окна душ законопатили,
Чтоб жить легко удобней стало.

Русское слово

На уход Валентина Распутина

Ты ушёл собирать голубицу,
Мимо кедров тропинка ведёт.
Всё мне кажется, что небылица,
Злая небыль – твой тихий уход.

Где-то тут за крутым перевалом
Разговор ты ведёшь с лесником.
И бредёт, напевая, по шпалам
Понаехавший люд с рюкзаком.

Сколько ягоды! В этой глубинке
Не предаст тебя батюшка-лес.
Помоги нам собрать голубики,
Той, в которой сиянье небес.

* * *

Тает льдинкою на языке,
Затаилось в почтовом конверте.
У немногого – как будто в руке.
Слово к жизни, порой – слово к смерти.

На асфальте – «Люблю, ангел мой,
И за всё в этой жизни спасибо».
В небо облаку вслед: «Постой!
Подожди, мы с тобой могли бы».

Сколько тонких оттенков чувств,
Важных мыслей, и просьб, и жалоб.
О, когда же я научусь
Говорить? Никогда, пожалуй.

Слово свыше на то дано,
Чтобы, зная свою ущербность,
Мы его берегли. Оно
Проверяет еще на верность.

Слово – прежде всего это Бог,
И должно быть святым и чистым.
Если б каждый об этом мог
Помнить, радоваться, учиться...

* * *

Я останусь собой. Разрешаю завидовать мне.
Ничего нет свободы для русского слова дороже.
Буду глину месить, среди комьев шагать и камней,
Бездорожье-распутица счастья убавить не сможет.
Так солдаты тащили орудия, беженцы шли,
Так старухи в тылу с ребяtnёю в поля выходили...
Есть такая пора. Время влагу возьмёт у земли,
Станет путникам легче идти среди зноя и пыли.
Ничего-ничего, говорят, камень точит вода, –
Так и мы потихоньку пойдём, без оглядки на славу,
Для которой дороже фигуры из мёртвого льда,
Чем живые сердца... И своих часовых на заставу
У границы российского слова мы выставим, брат,
С нас довольно засилья, довольно скорбей и утрат.

Тростник

Ты высоко над травами царишь,
Метёлок поднимая пух и зёрна.
Графическим рисунком ты, камыш,
Стоишь на фоне всех времён покорно.

Вот утреннее марево зари
Встречаешь ты, в безветрии застывший.
Вот – в час пожара с треском ты горишь,
Апрельский и сухой, до неба взмывший

Тяжёлым дымом, мётлами огня;
Ты остаёшься гарью, чёрной костью.
Как лезвием, ты полоснёшь меня
Своей листвой – непрошеную гостью.

В твоём шуршанье – шум дворцовых зал,
Парчи и шёлка плеск и оживленье.
Ты в небе и воде звезду достал,
На змей твое похоже отраженье.

Ты – камышовок говорливых сад,
Немолкнущего пенья их свидетель.
Хирономид чуть видимый наряд
Малёк, приблизясь, на тебе заметил.

Ты – логово, постель для кабана,
Укрытие для хищного енота.
Ты – плотно перекрывшая стена
Обзор с реки и повод для работы.

О, как же человека ты спасал,
В строительстве надёжное подспорье,
Ты тёплой крышей – мазанкою стал,
Сорняк полей, любитель акваторий.

Твоих метёлок пламя – серебро,
Ты строгостью и простотой пленяешь.
Зимой – охряный, в инее перо
Твоей листвы; ты бисер рос роняешь,

Как вся трава, как ива и рогоз,
Кудрявая прибрежная аморфа.
Ты в паутинках осенью стрекоз,
Листву и мотыльков качаешь мёртвых.

Ты прячешь гнёзда белых лебедей.
Ты сам красив, как акварель японца.
«Камыш» – ты в просторечии людей,
Тростник, – свеча, горящая на солнце!

* * *

Люблю тебя, мой верный карандаш,
Во всём послушен ты, со всем согласен.
Ты в трудный час и в день счастливый наш
Не возведёшь укоров и напраслин.

Такого друга сердцу и уму
Иметь лишь с благодарностью пристало.
Но я тебя ещё и потому
Так чествую, что нас роднит начало.

С глухой тайгой невидимая связь –
Далёких хвой тяжёлое шуршанье,
Взлёт поползня, осинки, что дымясь
Зелёною пыльцой, хранят молчанье.

Лишь лёгкий шум разбудит их красу –
Лёт ветерка – и вновь всё замирает.
В тебе, гранёном, леса песнь несу
Дремучую – то жизнь твоя вторая.

Не уставай творить и разрушать,
Случайные вычёркивая строки...
Ты так похож на стрелы камыша,
Как этот лист – на лезвие осоки.

Ирина ДЕМЕНТЬЕВА

Родилась в 1957 году в Балахне. Окончила Горьковский госуниверситет (истфил). Работала корреспондентом Горьковского телевидения, экспертом Нижегородского фонда культуры, редактором радиогазеты, в настоящее время – редактор издательства «Кварц». Автор поэтических и прозаических книг, художественно-биографического сборника «Лигия» (к 80-летию со дня рождения Лигии Лопуховой).

Член Союза писателей России с 1997 года. Лауреат областных литературных премий им. Б. Корнилова, им. А. Люкина, им. М. Горького. Живет в Нижнем Новгороде.

...О ЖИЗНИ И ЛЮБВИ У БЕЗДНЫ НА КРАЮ

Памяти авгуров*

Долго друг другу кивали, в усы улыбаясь, авгуры:
– Помнишь ли, брат мой,
что нам предсказали в гадании птицы?
Век наш прекрасный воистину будет недолог,
Коль соблазнится деньгами хозяин престижного дома...

Слаб человек – и соблазна избегнуть не в силах.
Вот и конец. Расползаются трещины в стенах.
Дом наш погиб. Да и век наш уже на исходе.
Нет нам удачи – разбита дверная подкова.

Мы пережили достаток, разруху и войны,
Добрый уход и хозяев иных небрежение...
Что ж, прощаемся, брат, на пороге загробного мира.
Благополучие ныне к другим переходит владельцам.

Выстроят новые стены и новою крышей покроют.
Станут по лестницам бегать горластые дети...
Вспомнят ли, нет ли, какую достался ценою
Дом их отцу, так о благе семейном радевшем?

Будут ли жить без забот или спать безмятежно, спокойно
Там, где склонятся над ними безликие тени
Некогда дом стороживших веселых авгуров,
То ли гаданием занятых, то ли старинной игрою...

* В Древнем Риме – жрецы-предсказатели, гадавшие по полету и внутренностям птиц; в Нижнем Новгороде – каменные фигуры на крыше так называемого «шахматного дома» на ул. Пискунова (памятника культуры и архитектуры эпохи модерна), снесенного новым собственником.

Оползень

Нас скреби не скреби – мы всё те же внутри,
В нас всё те же сидят первобытные страхи,
Что очнется дракон, где всю ночь до зари
Усмиряли его крестным ходом монахи.

Там в подножье горы процветал монастырь,
Враз засыпанный змеем однажды спросонья.
И бежала вода из открывшихся дыр,
Боль земли истекала водой из бездонья...

Что мифический змей перед новой бедой?
Ведь молитвами оползней не успокоишь.
Как ни строй – все долой... Не огнем, так водой.
Наша жадность страшнее подземных чудовищ.

Мы на этих горах как без спросу живем,
С каждым годом все крепче их давим ногами.
Нам ли шапку ломать перед каждым ручьем?
Церемониться нам ли теперь с родниками?

И откосы ползут, и дороги болят –
От промоин с провалами некуда деться...
И глубинными водами плачет Земля,
Нашим злом уязвленная в самое сердце...

Июнь

Ах, как бы уберечь, куда бы спрятать –
Зажать в горсти любимой из конфет? –
Июньского тепла доверчивую мякоть,
Июньских вечеров неугасимый свет...
Чтоб каждый мой июнь был драгоценным вкладом
В копилку счастья.
И на жизнь вперед –
Невидим никому, неповторимо сладок –
Он был всегда со мной и душу мне сберег.
Чтоб этот теплый свет в перипетиях буден
Мне дружеской ладонью на плечо
Ложился,
Обнимал и обещал, что будет
Еще один июнь, еще один, еще...
Мне нужен этот свет, что – напролет, навывлет, –
Пронзая времена и память не мою,
Приносит до сих пор неведомые были
О жизни и любви у бездны на краю.
...И где-то в глубине, в крови моей кипящей,
Храниться будет из июньских дней

Один –
Далекий, страшный, настоящий,
Из года сорок первого летящий,
Не мной прожитый, –
Матерью моей...

Про город

Этот город, с которым один на один
Выяснять отношения, право, не стоит,
Не откроет тебе ни равнин, ни вершин,
По которым отсчитывал время историк.

Не откроет речушек и малых ручьев,
Что навеки упрятаны в толстые трубы.
Не укажет старинных подземных ходов,
Что искателям кладов заведомо любы.

Он уходит в себя – он наслушался лжи.
Он не верит теперь ни в везенье, ни в чудо...
И останутся тайными те рубежи,
За которыми золото Стеньки лежит
Или Грозного книги хранятся под спудом...

Проза

Михаил СМЕРНОВ

Родился в 1958 году в городе Салавате Башкирской АССР, где и проживает. Образование среднее техническое.

Печатался в изданиях «Литературная газета», «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Новая литература», «Сибирские огни», «Север», «Бельские просторы» и других. Автор ряда книг прозы. Лауреат международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и других. Живет в Салавате.

ЖИВИ, БРАТ

Ночь. Тьма за окном. Кромешная тьма, тяжелая. Грузом неподъемным давит. Мысли медленные, тягучие, как сама ночь. Долгая она, нескончаемая. И ждешь рассвет не как начало нового дня, а как освобождение от всего наносного, от этих мыслей ненужных, которые всю ночь в голове ворочаются и в стопки укладываются. Хорошие мысли в одну стопку, а плохие в другую. А стопка с тяжелыми мыслями всё больше разрастается, с каждым днем увеличивается и будет ли конец этим мыслям – неизвестно...

– Привет, Славик, – сказал я, услышав голос брата. – Как дела? Чем занимаешься?

– А, привет, Мишка, – хрипловато закрипел брат, и показалось, он нахмурился от бесконечных, но одинаковых и надоевших вопросов. – А чем мне заниматься? Вроде сплю, но в то же время не спится. Иван придет, сделает уколы на ночь, а чуть погода очнусь и курю до утра. Боли замучили. Места себе не нахожу. Устал я, брат. А с другой стороны, жить бы еще и жить, если подумать, но впереди дорога под уклон и билет в один конец. И с каждым днем дорога становится короче. Скорее бы отлучиться...

– Живи, брат, – немного помолчав, сказал ему. – Живи, сколько свыше отпущено. Любым путем держись. Не опускай руки. Отвлекайся. Если сляжешь, потом не поднимешься...

– Я устал жить... – опять повторил брат, кашлянул, и было слышно, как застонал, а потом не сдержался и чертыхнулся. – У меня повсюду метастазы. Грызут меня, спасу нет. Иван к себе звал, когда моя Маша умерла, а куда я пойду. Сам не сплю и другим не дам. У него семья, сам

работает. Он, бедняга, и так со мной замучился. На дню по десять раз приезжает, как говорится. Ай, да что говорить! Сам же знаешь...

– Всё знаю, брат, но живи, – опять я повторил. – Ты должен жить...

Ночь за окном. Вроде тьма, но в то же время, если посмотреть, среди этой темноты повсюду светятся окна в квартирах. И за каждым окошком идет своя жизнь. Одни вернулись с улицы. Это, скорее всего, молодежь. А родители ждут их, прислушиваясь к каждому звуку в подъезде. Так всегда бывает. Это жизнь. Другие с работы возвращаются. Вторая смена закончилась. Пока доберешься на трамвае или на автобусе до города, а потом еще тащись на другой конец, если далеко живешь, вот и получается, много времени тратится на дорогу до дома. И вздыхаешь облегченно, когда открыл дверь и зашел в квартиру, а там тепло, чем-то вкусным потянуло с кухни, но главное – тебя ждут, когда вернешься с работы и видно по глазам, что радуются, что наконец-то ты вернулся. Ожидание бывает всяким – радостным, волнующим, долгожданным, и что-то хорошее должно произойти, но бывает ожидание тяжелым, когда день вечностью кажется, когда время тянется так медленно, что, казалось бы, конца и края ему не видно – этому ожиданию. Но в то же время оно мчится с огромной скоростью, и понимаешь, что бесполезно стоять на его пути, хотя ты готов пойти на всё, лишь бы отдалить этот конец, а еще лучше, чтобы беда мимо твоей семьи прошла, чтобы все были живы и здоровы, но, к сожалению, ничего не изменишь в этой жизни...

– Привет, брат! Как дела? – сказал я, взглянув в темное окно. – Опять не спишь? Иван давно уехал? Я тоже не сплю. Стою возле окна. Смотрю, повсюду окна светятся и по улице люди рекой текут. И не скажешь, что ночь на дворе, – и повторил. – Ты снова не спишь?

– А, здоров, Мишка, – медленно, скрипуче сказал Славик. – Да какой сон? Уколы не снимают боль, а лишь притупляют её, словно зубы ноют и ноют постоянно. Глаза закрою и лежу. Очнусь, вроде спал, а на часы взгляну, всего ничего дремал. Устал я, брат. Болит всё. Боюсь лишний раз пошевелиться. А тебе чего не спится, брат?

– Сам знаешь, я уже который год мучаюсь бессонницей. Как заболел, с той поры не спится. Два-три часа если подремлю – это уже очень хорошо, бывает меньше часа, а остальное время лежу, мысли перебираю, по полочкам раскладываю. Или в окно смотрю. Слушаю ночь, а летом, бывало, по звукам определяю, куда рыбаки отправились рыбачить – к мосту или на Красные берега, – и повторил: – Я привык к такой жизни, брат. Понимаю, что тебе тяжело, но ты должен терпеть... – помолчав, сказал ему, хотя понимал, что все мои советы – это пустые слова и не более того, но нужно было их говорить и непонятно для кого – для брата или собственного успокоения. – Терпи, Славка...

– У всех людей терпение заканчивается, и у меня – тоже, – не сказал, а выдохнул Славик. – Врачи обещали, что проживу не более двух-трех месяцев, а я уж сколько времени мучаюсь и других мучаю. Видать, грехи не пускают. За время, когда я заболел, уже старший брат умер, мою Марь Иванну схоронили, а я продолжаю мучиться на этом свете. За что такое наказание, брат? – и снова не сказал, а выдохнул: – Не выдержу, остановлю сердце. Меня учили этому...

Сказал, и в трубку было слышно, как он, едва сдерживаясь, застонал, а потом снова зачертыхался. Видать, пытался повернуться на бок или подняться с дивана.

– Я тоже знаю, как это делается, но тебе нужно терпеть, – чуть помедлив, я сказал. – Это большой грех.

Я говорил брату, а самому казалось, что всё это пустые слова, ничего не значащие. Терпи, обязан, должен... Сколько ни повторяй, а легче от них не станет. Это брату приходится терпеть. Он прекрасно знает, что ему осталось жить на белом свете всего ничего. Другой бы сломался, руки опустил, и всё – нет человека, а брат головой бьется из-за нескончаемых изводящих болей, зубами скрипит, под корень стер их и терпит. Все стараются поддерживать его, хотя даже на мгновение представить не могут, во что обходится брату каждая минутка жизни, каким мериллом можно измерить его терпение и ту боль, которую он испытывает, – этого никто не знает. Знает лишь он – брат...

– Плохо мне, Мишка, – опять выдохнул брат и повторил. – Остановлю сердце. Знаю, что грех, но уже силы не осталось. Устал я, брат...

– Не бери грех на душу, – сказал я. – На твоём Иване отразится.

– Видать, предел моему терпению пришел, – проскрипел брат, помолчал и опять повторил: – Я устал. Ты должен меня понять...

Сказал, и было слышно, как заскрипел остатками зубов.

– Понимаю... Но терпи, Славка, – опять я повторил эти ничего не значащие слова, как мне казалось. Ведь брат же прекрасно сам всё видит и понимает, а все поголовно твердят: терпи, обязан, должен, а сами даже понятия не имеют, что это такое – терпеть. – Эта смерть отразится на Иване, а ему и так в жизни досталось, что врагу не пожелаешь. Молодой еще, но уже мать похоронил, а сейчас ты вздумал руки на себя наложить. Нельзя, брат! Ты должен терпеть. Иначе Иван будет отвечать за этот поступок. Дети повторяют судьбу родителей. И за грехи родителей расплачиваются дети. Помни об этом. Ты должен жить, брат...

И опять: должен, терпи... Если бы можно было вместо этих ничего не значащих слов помочь чем-то другим, лишь бы унять его нескончаемую боль, лишь бы брату облегчить его страдания, я всё бы для этого сделал, как и многие другие, но всё уже бесполезно. Врачи выписали брату билет в один конец. Оказалось, легче расписаться в своем бессилии, чем попытаться помочь человеку. И остались одни слова: терпи, должен, обязан... А еще всем осталось глядеть, как на глазах умирает брат, как с каждым днем уходит из него жизнь, не оставляя ему ни единого шанса, а мы смотрим на него и ничем не можем помочь – это страшно и очень больно...

Говорили-то обо всем, а у него нет-нет, но проскочит, что устал жить и скорее бы к одному концу, и стараешься сразу же перевести разговор на другие темы, лишь бы его немного отвлечь от этих мыслей. В основном говорили ночами. Днем брат отвлекался. Ему часто звонили, чему он был рад, а бывало, заходили, а вот ночами было тяжело. Он оставался один на один со своей бедой. Я по себе знал, что это такое – быть одному, когда семья спит, а боль изводит тебя, когда горстями глотаешь таблетки, а облегчения никакого. Вроде мыслей много, а всё чаще и чаще выплывала одна: «Скорее бы...» Так было и с братом, но его диагноз куда страшнее – это билет на скорый поезд в одну сторону, который уже не остановишь...

Ночь за окном. Темная, осенняя и ветреная, а поэтому – холодная. Слышно, как на улице завывает ветер. Вроде окна закрыты, а в комнате сквозняк. Немного времени пройдет, и зима ляжет. А пока за окном тьма, голые ветви тревожно хлещут по стеклу, словно предупреждают о чем-то, словно что-то хотят сказать или предостеречь и от этого на душе становилось еще тоскливее и беспокойнее...

Я был первым, кому брат сообщил про онкологию. Ранним утром позвонил и рассказал, что у него нашли саркому. Сказать, что обухом по голове – эта новость, значит ничего не сказать. Не подобрать слова,

которыми можно описать это состояние, когда узнал, что у брата саркома последней стадии. И врачи пообещали ему, что проживет всего лишь два-три месяца, и не более того. Врачи отказались от него. Неоперабельный. Ничего не поможет. Подобрали лекарства для него и отправили умирать домой. Брат говорил об этом вроде бы спокойно, а в голосе чувствовалась тоска и обреченность. Всего лишь два-три месяца, а потом...

А вечером нагрянули гости. Хотелось биться головой об стену, но мне приходилось улыбаться и делать вид, что ничего не произошло, потому что брат попросил, пока никому не говорить – сам расскажет, когда время придет. И я молчал, а хотелось вскочить и крикнуть... Нет, даже не крикнуть, а заорать: о каком гостеприимстве может идти речь, когда у нашего Славика беда, что врачи пообещали всего лишь два-три месяца жизни? Два-три месяца – это мгновение, маленькая частичка времени, которое не заметишь, а для брата любая секунда на вес золота. Очень хотелось закричать, рассказать, что произошло, но приходилось терпеть. А когда проводили гостей, я ушел в комнату, присел в кресло и, задумавшись, притих. Словно что-то щелкнуло внутри, отключая все праздники и радости жизни, как можно чему-то радоваться, если в дом пришла беда. Гости ни в чем не виноваты. Они не знали, что с братом случилась беда. Но мне, честно сказать, было не до них. Я не понимаю, что произошло со мной. Не знаю, что повлияло, но это, скорее всего, болезнь брата сыграла роль, что я почти со всеми постепенно перестал общаться, а может, виноват еще мой упрямый характер. Я никого не хотел ни видеть, ни слышать, кроме своей семьи и его, Славика, потому что брат был самым близким человеком из всей нашей большой семьи. Он был, есть и останется лучшим из всех. Да простят меня остальные! Славик был для меня братом, другом, наставником по жизни, с ним можно было посоветоваться или рассказать то, что никому бы не доверил. Брат был для меня всем. И я даже в мыслях не держал, что с ним может что-нибудь случиться. А когда он заболел, я, скорее всего, сломался, замкнувшись в себе. Всё общение сузилось до размеров семьи и до него, Славика...

– А наш Иван купил новую машину, – хриловато-скрипуче сказал брат. – Большущая!

– Молодец, что еще скажешь, – сказал я. – Правда, я равнодушен к технике. Помнишь, после рыбалки улетели в кювет? Вот с той поры, когда в приборную доску воткнулся головой, у меня всё желание отбило к машинам. Сразу и навсегда!

И я захмыкал, вспоминая, как летели в кювет, потом сильный удар о землю и следом головой о приборную доску, показалось, что сейчас мозги вылетят, и наступила тишина, когда открыл глаза, передо мной белым-бело – это был снег на лобовом стекле, но в голове промелькнуло, когда белое увидел: «Неужели это всё – конец?»

– У, а я люблю машины! – опять сказал брат. – На такой хорошо на рыбалку ездить. Везде пройдет. Иван подъезжал к дому, чтобы я взглянул. А что сверху-то увидишь? Эх, посидеть бы в ней! Мне бы только спуститься по лестнице, а потом снова подняться. Силы не осталось. Ноги не держат, – и снова повторил: – Эх, как же мне хочется посидеть в новой машине!

Он радовался и гордился, что сын купил новую машину, а в голосе тоска и безысходность.

Ночь за окном. Всё так же перемигиваются звезды в иссиня-черном небе, всё так же светятся окна в домах. Вдали прошумела машина. Над

головой скрипнули полы. Наверное, сосед поднялся, чтобы покурить на балконе. Тьма за окном. И оттуда донеслись пьяные голоса. Кто-то вскрикнул, матюгнулся. Видать, споткнулся. А затем вразнобой затянули песню, и постепенно голоса затихли вдаль. Люди веселятся, а здесь...

– Все названивают и спрашивают, как дела, как дела, словно поговорить не о чем... – заскрипел голос брата в трубке. – Будто сами не знают, как мои дела... Что каждый раз спрашивать – не понимаю...

– Не обижайся, брат, – сказал я. – Это же обычный вопрос, какой всегда задают людям. И меня спрашивали, как дела, когда я заболел. И мне было обидно, зачем это говорят, будто не знают, какие у меня могут быть дела, если сижу в четырех стенах, а людей вижу с высоты пятого этажа и отвечаю на редкие звонки по телефону. Одни мимо моего дома проходили, даже голову не поднимали, чтобы на окна взглянуть или рукой махнуть, видите ли им тяжело на пятый этаж подниматься, а у других времени не находилось, чтобы мне позвонить. Мне ничего от них не нужно было, просто возьмите и позвоните, и задайте простой, но приевшийся вопрос, мол, как дела, а я даже был бы ему рад. Но с каждым разом звонков становилось все меньше и меньше. И никто не задумывается, что с каждым днем они все больше отдаляются от меня, а получится ли сблизиться, сможем ли опять найти общий язык – не знаю, потому что время упущено, и я этого не захочу. Дважды в одну реку не входят. Ладно, что уж говорить – это жизнь, где каждый человек шагает по своей тропке. А сейчас всё мое общение свелось к семье и тебе, брат – этого мне вполне стало хватать. Ладно, я малообщительный. А тебе каждый день звонят и звонят, а то в гости приходят. Радуйся, когда спрашивают, как твои дела. Хуже, если телефон замолчит или мимо твоего дома будут проходить, словно не замечая тебя в окне...

И опять начинались долгие разговоры. Разговоры ни о чем, но в то же время мы разговаривали о жизни. Славик чаще вспоминал прошлое – а ты помнишь, как... Помню, брат! Это «помню» останется до последнего дня и уйдет вместе с нами. А я еще вспомнил, как мать купила конфеты и спрятала от нас. Всю квартиру обыскали, чуть в школу не опоздали, а оказалось, мать сунула в бидончик и повесила на стену перед кухонным столом, где кушали. Сколько раз смотрели на него и не замечали, а когда нашли, уже всё хотенье пропало. Да, брат, помню! Мать еще нагоняя устроила, что всю квартиру перевернули. И мы смеялись, вспоминая. А помнишь, как с тобой пешком добирались до Нугуша, а потом нас племенной бык гонял на плесе... Конечно, помню, Славка! С той поры не только быков, но и коров опасаясь. Эх, а я бы сейчас в Васильевку подался. Ребята говорили, лещ со страшной силой идет. Съездить бы... И Славик вздыхал. Когда он заболел, Иван несколько раз возил его на рыбалку. У, как хорошо было! Брат возвращался и начинал рассказывать: «Мне рыба не нужна. Просто сесть возле реки или озера и прислушаться. Там плеснула рыба, а тут пережат заговорил. Солнце появилось и вода заиграла. А воздух такой, что хочется вдохнуть и не выдыхать, а вокруг тебя такая красотища... Слышь, Мишка, получается, чтобы понять и увидеть эту красоту, которую ты раньше не замечал, для этого нужно заболеть?». Брат замолчал, и казалось, будто он в душу заглядывал, словно опять побывал на том берегу речки или озера и снова увидел красоту здешних мест. А потом опять – «Эх, сейчас бы прокатнуться...» И вздыхал. А дальше принимался что-нибудь рассказывать, даже пытался смеяться, но я чувствовал тоску в его голосе. Да и как не затоскуешь, если тебе осталось жить на белом свете всего ничего. И брат прекрасно

это понимал. И всё же, что ни говори, Славик все равно умел радоваться каждой отведенной ему минутке. Ну, а другие... Все знали и понимали, но каждый относился к его болезни по-своему. Кто-то начинал вздыхать, эхать и охать, и все говорить, я бы тебе помог, но не знаю, как, но ты все равно держись... Другие разговаривали, словно ничего не произошло — это и понятно. Лучше держаться на равных, чем всякий раз напоминать о беде. А некоторые приезжали к нему, чтобы просто посидеть рядышком и поговорить с ним. И видели, как он радовался гостям. Радовался каждой минутке, каждому мгновению, проведенному с ними, а то внезапно замолчит и смотрит на гостей, переводит взгляд с одного на другого, словно старается запомнить каждую черточку на лицах, а может, хотел заглянуть в душу... Нет, не в души гостей, а в свою, чтобы попытаться понять, почему же так случилось, в чем он провинился, что в его дом пришла беда и от нее никуда не денешься. Время на вес золота. И для брата каждая секунда его жизни превратилась в золотую...

За окном ночь. Долгая, тягучая. Казалось, протяни руку, и можно ее потрогать. Густая и вязкая — эта самая ночная тьма. И если взглянуть, среди этой тьмы светятся окна. Много. Ночь на дворе, а люди не спят. Одни смотрят программу по телевизору, другие с работы вернулись. Устали. Поужинают или чай попьют и на боковую. А в некоторых свет будет до утра гореть. Кто-то до утра не спит. У одних бессонница, некоторые с детьми нянькаются, а другие рады бы уснуть, но боль изводит, покоя не дает, а лекарства, какие принимают, дают лишь временное облегчение, а потом снова наваливаются эти боли, от которых никуда не денешься, хоть волком вой, хоть об стену головой...

— Ванёк со своей семьей приходил, — проскрипел Славик, и по голосу чувствовалось, что радуется он и наговориться не может. Радуетсya тому, что внука и внучку приводили. Пусть тяжело, а внуки — это лекарство, как говорится. — Ярик с порога стал рассказывать, как в парк ходили, как с папкой в футбол играли, сколько голов забил, а теперь он кушать хочет и его нужно кормить. Внучка-то, Настёна, постарше. Зашла, присела на диване и молчит. Я знал, что они после футбола зайдут. Потихонечку обед приготовил. Сноха принесла щи с кислой капустой. Я две ложки съел, и мне хватило. Ребят накормил. Посидели немного, а потом домой отправились. Завтра рабочий день...

— А в шахматы продолжаешь играть? — сказал я. — Ты ж хвастался, чуть ли не у всех выигрывал...

— Нет, Мишка, не хочу, — опять заскрипел Славик. — Как умерла моя Марь Иванна, ничего не хочется. Она заставляла меня, теребила, а её не стало, и на душе — пустота. Раньше играл в шахматы и книжки читал, какие Иван закачал, а в последнее время даже ноутбук не трогаю. И книги перестал читать. Устал я, — и опять повторил. — Ничего не хочу...

Правду говоришь, брат, Маша оберегала семью, а когда ты заболел, махнула рукой на свои болячки и взялась за тебя, чтобы ты хоть немного, хотя бы лишний денек прожил на этом свете. У нее семья была на первом месте. Она говорила, что не сможет жить одна на этом свете, если с тобой что-нибудь случится. И всегда повторяла это. Маша не хотела, чтобы ты ушел первым. Она боялась одиночества. Возвращаться домой, открывать дверь, а там её никто не ждет. Долгие вечера в пустой квартире, а ночами лежать, вспоминать прошлое и ждать, чтобы побыстрее наступило утро. Наступит, а для чего? Чтобы снова одной сидеть в четырех стенах, где тебя нет. И ушла первой. Всё произошло неожиданно для всех, когда узнали, что её с высоким давлением увезли

в реанимацию, инсульт, несколько дней в коме, и всё. Оттуда она не вышла. И поэтому на душе было тяжело и больно.

Ночь за окном. Темная, тягучая. Светятся окна в темноте. И среди них есть и твои окна, брат. Пусть их не видно, но я точно знаю, что свет будет гореть до утра. Тишина на улице. Редкий раз проедет машина или донесется звук каблучков, а то раздастся натужный кашель, откуда-то пахнёт табаком и опять тишина. Куда ни глянь, светятся окна в домах. А за окном ночная мгла. Протяни руку, и почувствуешь ее – вязкую, тяжелую – тоскливую.

– Привет, брат, – сказал я. – Чем занимаешься?

– Лежу, – помолчав, проскрипел брат. – Думаю...

– О чем задумался? – сказал я, поглядывая на темные окна.

– Так, ни о чем... – снова помедлив, сказал Славик. – Всякая дрянь в голову лезет. Машу похоронили, а у меня руки опустились. Знаю, нужно чем-нибудь заняться, а не хочу. И боли измучили. С каждым днем всё сильнее становятся. Не шевелюсь, как бы терпимо, а чуть повернулся и криком кричи. Жду, когда придут, уколы сделают. Вроде становится полегче. Даже дремать начинаю, как будто сны вижу, а очнусь, и всё, словно не спал. И дожидаюсь, когда утро настанет. Уколы некуда делать. Кожа да кости остались. Кожу в пригоршню соберут, а проколоть не получается. Кожа в пергамент превратилась. Ничего не хочу. Скорее бы к одному концу, чтобы самому отмучиться и других не мучить.

– Рановато собрался туда, – сказал я, продолжая поглядывать в окно, за которым прошумела машина и снова наступила тишина. – Не знаю, Славик, не получается найти нужные слова, чтобы как-то поддержать тебя или что-нибудь посоветовать, потому что слова – это ветер в поле. Сам же говоришь, что тебе надоело слушать, когда спрашивают, как дела и здоровье. И я не хочу повторять одно и то же. И не хочу тебя учить, но если будешь лежать, долго не протянешь. А у тебя Иван с семьей, мы еще есть, знакомые и друзья. И все хотят, чтобы ты подольше пожил. Заставляй себя, брат. Через силу, через «не хочу», но заставляй. Чем-нибудь занимайся. Нужно или не нужно, но делай. Вон, твой Иван приезжает на обед. Ему что-нибудь приготовить. Пусть простенькое, хоть картошка в мундирах, а он будет доволен, и ты порадуешься, как за него, так и за себя. Внукам своим готовь. Ведь в выходной Иван с семьей придут к тебе. Накормишь ребятишек. И они рады, и ты отвлечешься...

Я на своем опыте убедился, как сложно выбираться из депрессии, когда заболел. Словно доску из-под ног выбили. Кажется, жизнь прошла, а впереди ни одного просвета, одни сплошные черные полосы виднеются. Ничего не хочется делать, никого не хочется видеть и слышать. Сидеть на диване, закрыть глаза, и чтобы к тебе не подходили. А ты будешь сидеть и себя жалеть и на других обижаться, почему у них всё хорошо, а у тебя хуже некуда. Они здоровые, а ты живешь на одних таблетках и уколах. И они – эти здоровые, не понимают тебя, больного, что тебе очень плохо. И не видишь никакого выхода из этого тупика жизни. А раньше всё было по-другому. И ты нужен был всем, и приходили, и звонили, то одно, то другое, третье, пятое, десятое. Как белка в колесе крутился, потому что нужен был, а сейчас – нет... Вот и получается, что человек нужен, если от него есть польза, а когда заболеет, о нем забывают. Пусть не сразу, но забывают. И от этого на душе еще хуже становилось. Раньше мир был разноцветным, а сейчас стал черным и угрюмым. Вот здесь-то и нужно понять и принять, что ты стал другим в сравнении с остальными и прошлую жизнь не вернешь, а нужно привыкать и учиться жить этой жизнью – сегодняшней, как бы плохо ни было.

Мне пришлось привыкать к этой новой жизни. Потихонечку, шаг за шагом, но всё же удалось вернуться в жизнь. Я понимал, что таким, как раньше был, мне уже не стать. А чтобы привыкнуть к новой жизни, нужно чем-нибудь заниматься, лишь бы отвлечься от дурных мыслей. Мне удалось выкарабкаться, потому что у меня было будущее, а вот у брата его нет... Врачи на нем поставили огромный крест и списали. Сразу списали, когда установили точный диагноз. Окончательно и бесповоротно! Даже не попытались лечить его. А зачем? Легче подобрать лекарства и отправить умирать, чем пытаться что-либо сделать. И отправили. И ни один из них не задумался, а как же он – этот здоровый с виду человек – станет жить, тем более не думали про его семью. Жить оставалось два-три месяца, как сказали врачи. Сказали и ошиблись. Брат прожил три года и почти до последнего дня своего был на ногах. И ни один врач не произнес, что всё-таки можно было... Нет, даже нужно было рискнуть и взяться за его лечение. Они не думали, потому что списать человека куда легче, чем его лечить. Дали ему билет в один конец...

Ночь за окном. Темная и тягучая. Повсюду видны огоньки. Светятся окна, словно кому-то дорогу освещают. А может, и правда, что указывают путь. Одни из дома отправляются в дальнюю дорогу, а другие возвращаются, но везде их ждут. Ждут, когда они доберутся до места или вернутся домой. Расстаться, чтобы встретиться вновь.

...Я не спал – это точно. Я чувствовал спиной кровать, одеяло под рукой, слышал, как прошумела машина за окном, и понимал, что лежу на кровати, не сплю, но в тот же момент, я находился рядом с братом. Плечо к плечу. Мы были не в помещении – это точно, но и не на улице. Вокруг нас было что-то другое и необъяснимое. Скорее всего, мы стояли перед порогом так называемым. Эти пороги есть у каждого человека. Никто мимо не пройдет. Настанет его время, человек переступит его и уйдет туда, откуда не возвращаются. У Славика онкология. Он знал, что ему предстоит уход из мира сего, но брат этого боялся, хотя и скрывал от других. Но мне говорил, что устал от всего и скорее бы уйти, а его не забирают, видать, слишком много грехов на нем – это были его слова. Он устал. Сильно. Я чувствовал это и понимал, что ему осталось всего ничего. Он уже подошел к той черте, когда нужно решиться и переступить этот самый порог. Всего лишь шагжок. Небольшой шагжок, и он будет там. А я был не проводником, а кем-то другим. Скорее всего, я должен был показать, что или кто ждет его за порогом жизни. Я стоял с братом. Плечо к плечу. Он молчал. Смотрел куда-то вдаль и молчал. Я был возле него. Может быть, он бы и раньше переступил порог, но что-то ему мешало. Видать, земные дела его держали. Мы стояли, а перед нами – это я хорошо чувствовал, была какая-то преграда.словно невидимая стена стояла, а за ней я увидел мать и его жену, Машу. Они были в кремово-охристой свободной одежде. Одежда похожа на балахоны, спадающие до земли, на головах такого же цвета платки, светлые лица, а рядом с ними был брат, Юрка, тоже в таких же одеждах, но без головного убора, и он на шаг-два находился в стороне от них, словно это пустое место было приготовлено для Славика. Ему оставалось шагнуть, и он окажется рядом со своей женой. Они стояли и молча смотрели на нас. Нет, даже не на нас, а на брата, на Славика. Молча и неподвижно, словно его ждали, когда же он решится и переступит этот порог жизни. А он стоял и не шевелился. Мне не видно было, что находилось за спинами матери, снохи и брата, но там, за этим порогом, всё было словно в светло-золотистом тумане, и что-то подсказывало мне, что там, кроме них, в этом тумане еще кто-то или что-то есть. Много! Они не одни

за порогом жизни – это точно. И все ждали брата. Скорее всего, они должны были его встретить, когда брат переступит порог жизни. Да, наверное, так и было... И мы стояли и смотрели на них. И тут я протянул руку, показал брату и сказал: «Славик, гляди, там же наша мать, твоя Маша и Юрка. Иди к ним, они ждут тебя! Иди...» Но брат стоял неподвижно. Я несколько раз повторил, чтобы он пошел к ним, но его продолжало что-то удерживать. Он никак не мог решиться на этот последний шаг, за которым будет уже другая жизнь. Порог, где оставляешь всё земное, сбрасывая с себя, словно тяжкий груз и уходишь туда, где тебя ждут...

– Здравствуй, брат, – сказал я. – Как дела?

– А, Мишка, – едва слышно проскрипел брат и замолчал, потом хрипло выдохнул. – Тяжело мне. Вот и всё, отмучился. Отхожу я...

– Не понял, – помолчав, сказал я, а сердце затрепыхалось, заработало неровно и с перебоями.

Я понимал, о чем говорит брат.

– Тяжело мне, – через некоторое время сказал брат и снова повторил. – Вот и пришло мое время, отхожу я. Всё, брат!..

Ночь за окном. Зима на дворе, а ночи темные. Темные и тягучие, а еще – больные. И понимаешь, что ничего нельзя изменить в этой жизни, ничего обратно не вернешь. Время – это вечность, но в тот же момент, оно мчится с огромной скоростью и невозможно его остановить. Нельзя его замедлить, нельзя повернуть вспять и отмотать какой-то отрезок жизни обратно, чтобы сказать... Нет, закричать громко и протяжно: «Живи, брат!» Ты должен, ты обязан жить, потому что ты – брат! Но время движется, и ничем его не остановишь. Ночь за окном. Ночь долгая, нескончаемая. Конца и края не видно ей. А в ночи светятся окна домов. Казалось, спит город, но повсюду огоньки. И за каждым окном идет своя жизнь. И там, среди этого множества огней, светилось одно окно. Пусть не так ярко светилось, но его свет был дорог для многих, который обогревал, поддерживал и помогал, если это было нужно. Многие годы горел огонек, а сейчас потух, но в то же время на небосклоне появилась новая звездочка – это брат перешагнул порог, за которым его ждали. Пусть звезда не такая яркая и не каждый сможет её рассмотреть среди множества других, но любой почувствует тепло, исходящее от нее. Протяни руку и ощутишь его...

Я каждую ночь подходил к окну и подолгу стоял возле него, вглядываясь в крошечную мглу, среди которой там и сям светились окна в домах. Я стоял, и смотрел на россыпь огней, словно на что-то надеялся. А рядом со мной телефон. Казалось, сейчас раздастся звонок, я поспешно схвачу трубку и услышу долгожданный хриловато-скрипучий голос: «Ну, здравствуй, брат...» А я отвечу: «Привет, Славик!» И опять начнутся долгие ночные разговоры. О чем? Вроде ни о чем. Будем вспоминать прошлое, говорить о сегодняшнем дне, думать о будущем, но в то же время мы будем разговаривать о жизни.

Я стоял возле окна. За окном тьма. Непроглядная и тягучая. А в небе горела звезда. Пусть не такая яркая, но протяни руку – и почувствуешь её тепло. Я долго смотрел на нее, и мне хотелось распахнуть окно и закричать громко и протяжно: «Живи, брат!»

А за окном была ночь – тяжелая, нескончаемая и – тоскливая...

Анастасия ВЕКЛОВА

Родилась в 1991 году в Самарской области. Окончила филологический факультет Самарского государственного университета, аспирантуру Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Имеет опыт работы в СМИ и PR, в том числе – главным редактором газеты.

Автор около 30 научных статей по историческому словообразованию русского языка, прагмалингвистике, ономастике, проблемам изучения новгородских берестяных грамот, творчества Ф.М. Достоевского, а также почти 50 публицистических материалов.

Пишет стихи, прозу и критические материалы. Публиковалась в журналах «Север», «Северо-Муйские огни», «Нижний Новгород», «Литературной газете», альманахе «Земляки» и других изданиях. Финалист и неоднократный лонг-листер литературного конкурса «Северная звезда» (2018, 2019) журнала «Север».

Участник поэтических конкурсов и турниров. Живет в Самаре.

СВИДАНИЕ ВСЛЕПУЮ

«Привет! Чем занимаешься?» – резкий треск оповещения «ВКонтакте» заставляет переключить вкладки браузера.

Новое сообщение.

Как же они мне надоели!

Я работаю SMM-менеджером, то есть веду соцсети. «ВКонтакте», «Твиттер», «Фейсбук», «Инстаграм» вижу каждый день. Утром, в обед и вечером. Сначала – в офисе, потом – дома. В будни, выходные, праздники и всегда. Это не заканчивается. Личная и рабочая переписка сливаются в одно большое грязное пятно как на физическом, так и на моральном уровне. Глаза устают, сознание путается.

Чем больше я работаю, тем сильнее меня раздражают приверженцы виртуального флирта. Во-первых, пишут в основном какие-то странные типы. Совершенно не вызывающие симпатии. Во-вторых, разве бывают чувства сквозь экран?

Знакомые и родственники думают иначе. Ира, например, познакомилась с будущим мужем в чате. А Марина пошла еще дальше: сфотографировалась с табличкой «Ищу МЧ» и поставила это на аватарку. Через год оказалась в загсе... В общем, какая-то часть моего подсознания шептала, что надо брать с них пример. Хотя в успех верилось слабо. В основном в соцсетях ищут партнеров на одну ночь. Особенно если речь

идет про «Тиндер». Достаточно вспомнить, что творилось там во время чемпионата мира по футболу-2018.

Раньше я отвечала на виртуальные сообщения. Потом это надоело. Стала всех игнорировать. Особо упорных добавляла в черный список. Но сегодня почему-то не смогла.

Главное, на что я обращаю внимание, прежде чем вычеркнуть человека из списка претендентов на руку и сердце, – это фото. На аватарке мне улыбался симпатичный брюнет. Роман Анисимов. Брутальное лицо, немного обросшее щетиной, светлая рубашка, через которую были видны мускулы, и пронзительный взгляд. Дыхание перехватывает. Что ж, попробуем.

Набираю банальную фразу: «Привет, в Интернете сижу».

Он откликается сразу же: «Я тоже в Интернете. А ты симпатичная».

Приходит запрос на добавление в друзья. Глубоко вздохнув, одобряю.

«Спасибо, – пишу в ответ на “симпатичная”. – Но ты же меня еще не видел».

«Встретимся, Ксюш?» – собеседник переходит к решительным действиям.

«Давай сначала пообщаемся в сети хоть немного».

«ОК. Я долго не решался тебе написать. Смотрю, ты филолог. А какой автор у тебя самый любимый?»

Вот это поворот... Не поленился зайти на страницу и изучить всю личную информацию. Ставлю мысленный плюсики.

«Трудно сказать, кто из литераторов нравится. Наслаждаюсь чтением. Главное – чтобы это была классика. А ты?»

«Достоевский, наверно».

Определенно, подружился.

«О, и я обожаю. Кем работаешь?».

«Менеджером в нефтяной компании».

Ну повезло, думаю... Если это правда, конечно. Хотя не бывает же так, чтобы все и сразу...

Мне двадцать восемь лет. Девятнадцать с половиной из них я училась. Одиннадцать – в школе. Далее – в университете. Филология, юриспруденция... Парней на филологическом, конечно, было мало. На юрфаке, вопреки устоявшемуся мнению, тоже. Как следствие – недостаток мужского общения. На тусовки не хватало времени, а искать кого-то в профессиональной среде я не особо стремилась. После окончания университета работала журналистом, что очень утомляло. В выходные спала до обеда, а потом без дела лежала на кровати, задрав ноги вверх и разглядывая потолок.

Переписка с Романом внесла свои коррективы в мое ленивое существование. Мы общались каждый день. Он оказался дружелюбным и внимательным человеком. Присылал много смайликов. И даже подарки. Виртуальные, естественно. Что-то шевельнулось в душе.

Казалось бы: нет ничего глупее, чем делать выводы о парне по смайликам, – но Интернет диктует свои условия. Лет восемь назад на филфаке мы хохотали над тем, что скоро написание этих смайликов будет регулироваться правилами орфографии и пунктуации. Видимо, тот день не за горами.

Рома пленил меня улыбочками, стикерами и бесконечным вниманием. Так прошло два месяца. Предложения о встрече я ждала уже давно: оно должно было стать логическим продолжением ночных бесед.

И вот, наконец, свершилось. Мы договорились сходить в кино, а затем – погулять возле торгового центра.

В тот день я проснулась счастливая. Настроение было прекрасным – погода этому способствовала. Легкий декабрьский мороз и ослепительно белый снег, который еще не превратился в грязную жижу, навевали романтику. Вечером, при свете фонарей, картина может стать потрясающей.

На сборы ушло полдня. Дольше всего я выбирала одежду. Джинсы не сочетались с кофтами то по цвету, то по фактуре, пуховик казался огромным, а сапоги – истоптанными. Три часа копания в гардеробе изрядно утомили.

Как истинная девушка я, естественно, опоздала минут на пятнадцать. Найти кавалера не составило труда. Роман одиноко ежился у входа в торговый центр и постоянно глядел на часы.

Первым моим впечатлением было удивление. Разница между аватаркой и жизнью оказалась значительной. Сила «Фотошопа»! Рома, казалось, бессознательно это тоже понимал и выглядел сконфуженным.

– Привет! – я натянуто улыбаюсь, пытаюсь рассмотреть лицо, скрытое шапкой. Ощущаю странное волнение.

Новый друг в ответ протягивает руку. В перчатке. Зачем-то стаскиваю перчатку с его руки и, хихикая, отвечаю крепким рукопожатием. Потом, уже дома, прочитаю, что сделала все по правилам этикета. Но смутила парня еще больше. Какая неведомая сила управляет человеком в минуты волнения?

– Ну что, пойдем в кино? – спрашивает он, устремляя взгляд куда-то в пол.

– Угу. Как и договаривались, – киваю в сторону торгового центра. Неоновые огни переливаются на четырехэтажном здании, обещая счастье всем, кто зайдет внутрь.

– Ксюша, я рад, что мы наконец-то встретились... Так долго общались. Продуктивно. Ты фильм выбрала?

– Только не мистика и ужасы. Остальное – на твое усмотрение, – говорю.

Молча подходим к автоматическим дверям. Громадная пасть всемогущего ТЦ глотает нас, как очередную порцию свежего мяса. Теперь мы в царстве товарно-денежного круговорота. Лифт поднимается на четвертый этаж.

– А у меня тетя здесь контролером работает, – неожиданно выдает мой спутник. – Посмотрим кино бесплатно. Нас пропустят!

То есть не будь тети, я бы покупала билет? На свидании? Замечательно.

На самом деле меркантильность – это не про меня. Щедрости кавалеров я больше смущаюсь, чем радуюсь. На Западе вообще нехорошо платить за женщину. Феминизм, равноправие и все такое. Деньги за ужин в ресторане мужчина отдаст разве что особе легкого поведения.

Тем не менее я с интересом наблюдаю за тем, как представители сильной половины человечества относятся к вопросу финансов. Считаю данный критерий очень показательным. Если парню жалко приобрести два билета (себе и девушке) или покрыть стоимость обеда, то что будет дальше – лет, например, через пять? Такой муж начнет считать каждый рубль – в итоге женщина или уйдет к другому, или просто лишится рассудка. Кажется, мой новый знакомый как раз принадлежит к разряду Плюшкиных.

Четвертый этаж начинается с фуд-корта. Минуем его быстрыми шагами. Рома явно боится, что я посмотрю в сторону «Макдоналдса». У входа в кинотеатр нас встречает полная женщина средних лет, отдает пригласительные и заговорщически подмигивает – то ли напоминает, что мы прошли на особых условиях, то ли видит во мне будущую родственницу. Друг уверенно поворачивает через турникет – видно, что чувствует себя хозяином. Я равнодушно направляюсь следом, как верный щенок за Человеком.

До сеанса остается пятнадцать минут. Рома движется к стойкам с едой. Заказывает большую корзину попкорна и стакан газировки.

– Ксюша, ты будешь что-нибудь? – этот первый вопрос, заданный в торговом центре, а не на улице, вводит меня в ступор. Попкорн я не ем: там много сахара. Газировку вообще не люблю: холодная, с непонятным составом – только портить желудок.

– Нет, – отвечаю. – Может, разве что горячий чай, а то немного замерзла.

– Девушка, чай или кофе имеются? – спрашивает он у веселой барышни за стойкой.

– К сожалению, лишь холодный чай в пластиковых бутылках. И лимонад.

– Извините, не подходит, – говорю. – Ничего страшного, я на здоровом питании. Редко ем вне дома.

Рома уверенно кивает. Повернувшись, неторопливо идем к дверям четвертого кинозала. В руках кавалер торжественно несет свои приобретения.

Аккуратно усаживаемся на свои места. Мой спутник запускает руку в ведро переслащенной кукурузы. Я грустно смотрю на пустой экран. Свет выключается...

Фильм оказался смешным и не особо интеллектуальным. Большую часть картины я хохотала. Рома продолжал есть – совершенно по-раблезиански. Это длилось три часа. Финальные титры начались внезапно – и вот уже, пройдя сквозь массивную железную дверь, мы оказываемся в холле. Яркий свет мгновенно ослепляет уставшие глаза и приводит в чувство.

Я давно заметила, что, каким бы интересным ни был фильм, приятно выйти из кинозала. После трагедии в Кемерове это впечатление усилилось. Находясь внутри, ощущаешь себя как в железной коробке, закрывающей тебя от внешнего мира. А когда художественное воображение рисует картины огня, дыма, гари, становится не просто страшно – начинается паническая атака. Сначала я пересиливала себя, чтобы зайти в кинозал, выбирала исключительно край первого ряда и периодически ходила к дверям: хотелось убедиться, что они открыты. Голову при просмотре с нижних мест запрокидывала вверх – как следствие, неделями болела шея, однако для преодоления страха требовалось время. Затем паника ушла, но ее отголоски сохранились. В этот раз я снова мысленно улыбнулась тому, что все прошло успешно.

– Понравился фильм? – спрашивает Рома возле дверей торгового центра.

– Нормально, – говорю. – Веселый. А тебе как?

– Прикольно, – слегка улыбаясь, отвечает мой знакомый, лениво поглаживая себя по животу. – Сейчас гулять?

– Я думаю, недолго. Холодно все-таки. Но немного можно.

Свежий морозный воздух резко перехватывает дыхание. По ощущениям, на улице примерно минус десять. Ослепительно белые снежинки медленно падают на руки и лицо, заставляя морщиться от холода. Бродить с хорошим парнем в такую погоду – настоящее счастье. Но к моему сегодняшнему другу слово «хороший» не относится. Для себя я уже решила, что эта первая встреча с ним будет последней.

Мы направляемся вдоль шоссе. Разговариваем о погоде, фильме, который смотрели, и других незначительных вещах.

– Ксюш, а расскажи про себя, – задает вопрос Рома. – Ты в переписке не говорила, чем увлекаешься.

– Как же не говорила? Литература, книги... Я филолог.

– Это помню. Ну а еще? Сноуборд там, шашлыки?

– Не знаю. Времени нет совсем... В основном дома в свободное время. Раньше играла в волейбол, теперь некогда. А ты?

– А я спорт люблю, – улыбается во весь рот собеседник. – Тренажерка, литрбол.

– Чего?

– Ну литрбол. Это вот так, – Рома характерно щелкает себя пальцами по горлу.

– Ааа, – смеюсь в ответ. – И как успехи?

– Отлично! Один раз пили, уже не помню, что отмечали. А у меня стало обратно выходить. Самое интересное – правильным путем!

Ошалело поворачиваюсь в сторону. Парень, который любит алкоголь, – это, в общем-то, нормально. Абыззер – тот гораздо хуже. Главное при употреблении спиртного – знать меру. Но зачем всем рассказывать о физиологических подробностях?

– Ну нормально! – говорю после минутного замешательства. Вероятно, со стороны моя улыбка выглядит наигранной. – Ой!

С истошным криком поскользываюсь на замерзшей луже. Этот литрбол совсем отвлек внимание! Обычно я смотрю под ноги – иначе можно легко наступить на открытый шприц, плевок или чьи-то испражнения. Дом, в котором я живу, населен людьми далеко не из высшего общества, соответственно, приходится контролировать все.

Рома заливается глупым смехом и убегает куда-то на обочину. Мне в затылок прилетает снежок. Раздвинув ноги, испуганно сижу на льду. Подняться оказывается непросто. Второй удар настигает спину. Чтобы я еще раз познакомилась в Интернете!

С трудом встаю сама.

– Ладно, – вздыхаю, – Пойдем домой.

– Уже? – кавалер с опозданием протягивает руку.

– Я замерзла.

– А где ты живешь? Далеко?

– Нет, пешком минут десять.

– Провожу тебя.

– Хорошо.

Рома предлагает взять его под локоть. Я равнодушно повинуюсь. Через десять минут оказываемся у подъезда. Останавливаемся.

– Пока, – неуверенно освобождаюсь из локтевого плена.

– Ксюш... – он смущенно переминается с ноги на ногу.

– Что? – догадываюсь, что, когда расставание затягивается, это неспроста.

– Поздно уже. Боюсь тебя отпускать.

– Ничего страшного, я и ночью возвращалась.

– Может, до двери?

Ага, и потом защищаться надо будет не от местных гопников, а от тебя.

– Не стоит. Все в порядке.

– Давай, не стесняйся. Ты мне понравилась.

– А мне, чтобы определиться, требуется время, – говорю.

– Может, ты ко мне завтра? Нет-нет, я просто так. Я один живу. В квартире бардак. Мне шторы погладить надо, и по хозяйству много чего. А ты, Ксюша, девушка хозяйственная, фигуристая, поможешь.

Оговорка по Фрейду. Домработнице фигура не нужна.

– Посмотрим. Но времени нет. Я не успеваю совсем, – уже не знаю, как вежливо отвязаться.

Рома не торопится уходить. Демонстративно разворачиваюсь и иду к подъезду. Он подается корпусом вперед, будто изъявляя желание догнать, но резко останавливается. Счастливо выдыхаю и машу рукой.

– Пока, спшимся!

– До свидания, – его ответная улыбка больше напоминает оскал.

Возвращаюсь домой, еще час сижу в темноте, чтобы новый знакомый не догадался, где моя квартира. Из окна территория у подъезда не видна, поэтому отследить в реальном времени перемещения Ромы не имею возможности. Этого времени достаточно, чтобы рационально обдумать все случившееся.

Нет, я не феминистка. Парней уважаю. Выходить замуж за кошелек не собираюсь. Но где найти его – адекватного? Явно не в Интернете.

Социальные сети давно затянули нас в свою паутину. Виртуальная жизнь поглотила собой реальность. Мы общаемся в чатах. Дарим подарки за голоса. Беспокоимся о количестве лайков. Страдаем, если кто-то удаляется из подписчиков. Некоторые даже строят отношения через экран... Разве это нормально?

Безусловно, польза в онлайн-коммуникациях есть. Можно переписываться с одноклассниками и знакомыми, которые уехали в другие города и страны. Делиться фотографиями. Смотреть, как люди меняются, взрослеют, женятся... Среди моего поколения встречи школьных и университетских друзей потеряли актуальность: их заменили соцсети.

Интернет внедрился в нашу жизнь повсеместно. Увеличилась скорость распространения информации. Появилась контекстная реклама. Возникли профессии SMM-менеджера, таргетолога. Их даже Word подчеркивает красным: в словаре не запрограммировано. Слишком новое.

Еще лет пять назад современные технологии меня раздражали. Хотелось выбросить гаджеты и уехать в глухую деревню. Сейчас это называется дауншифтингом. Мысли о дауншифтинге пока остались, но возникают они в ином контексте: надоела работа, утомила городская суета. К электронике и Интернету я привыкла. А как не привыкнуть, если со смартфонами ходят все, от школьников до пенсионеров? Удобно, мобильно, недорого. Звонки, СМС, калькулятор, будильник, записная книжка, фото- и видеокамера, карты, Интернет, мессенджеры – все в одной черной коробочке!

Отдельная тема – электронные книги. Долго размышляла над этим вопросом, когда училась на филфаке. Сначала – в отрицательном ключе. Затем – купила читалку и поняла, что без этого никак.

Сама я предпочитаю бумажные версии. Я визуал и кинестетик – мне важно увидеть книгу, потрогать ее. А чего стоит аромат типографской краски!

Но так ли плохи ридеры? В поездки, метро, на работу их брать гораздо удобнее. К тому же – экономнее. В одном месте – тысячи произведений. Хотя Бродского на маленьком экране читать все равно нереально: строчки ползут.

В общем, с гаджетами и Интернетом я кое-как помирилась. Но знакомства в сети... Для них создали аж приложения, а есть ли толк? Если кому-то «Тиндер» или сайты знакомств помогли – буду рада. Для себя результата не заметила.

За десять лет пребывания в Интернете я отклонила, наверно, сотни запросов романтического характера. Это без учета вечного спама: ногти, волосы, тортики. Иногда давала желающим познакомиться шанс. И всегда – безуспешно. Сегодняшняя история – явное тому подтверждение. Впрочем, больше часа уже прошло. Можно включать свет...

...Грустно смотрю на экран ноутбука. В браузере автоматически открываются вкладки соцсетей. Друзей стало на одного меньше. Рома удалился по-английски. В заявках на добавление три новых подписчика ждут своей очереди. Статус «не замужем» привлекает их, как варенье – мух. Круговорот знакомств в сети продолжается.

Марат ВАЛЕЕВ

Родился в 1951 году в Краснотурьинске, Свердловская область. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области (районных, областной), в газете «Советская Эвенкия» (с 1993 г. – «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошел путь от рядового корреспондента до главного редактора.

Автор и соавтор более двух десятков сборников юмористических рассказов и фельетонов, художественной прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишиневе, Новокузнецке, Оренбурге, Южно-Сахалинске, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Волгограде, Москве. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов.

Член Союза российских писателей. Живет в Красноярске.

РЫЖИК

И чего я только в детстве не собирал! Самой моей первой коллекцией было собрание названий кинофильмов.

Я честно записывал в тетрадку лишь те картины, которые видел сам. А их к моим десяти годам было не так уж и много: «Морозко», «Чапаев», «Смелые люди», «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Мамлюк», ещё с три десятка.

А откуда у моего сверстника и закадычного друга Веньки, такого огненно-рыжего и конопатого, что я называл его не иначе как Рыжик, набралось полтетради фильмов? Мы ходили в один клуб, случалось, и на пол сползали с лавок от хохота вместе – такие были тогда смешные кинокомедии.

Венька был родом не из нашей целинной деревни, а приехал со своей мамкой в четырехлетнем возрасте откуда-то с Урала. Они жили у тетки его мамы, вдовой пенсионерки Истолии Ивановны.

Отца у них не было. Мама Веньки, красивая и тихая женщина, работала в сепараторной, и от неё всегда вкусно пахло свежими сливками. Венька её очень любил и во всем слушался, а про отца туманно говорил, что он – военный и погиб на каких-то секретных испытаниях. Таких секретных, что говорить про них он не имеет права.

– Да? А меня ты имеешь право обманывать? – ревниво кричал я при очередной сверке наших коллекций. – Когда ты столько фильмов посмотрел? Ты их сам придумываешь, вот!

И Венька сознался, что названия фильмов ему помогает пополнять его мама – она их много видела там, где они раньше жили. Я чуть было не побил его за это, а заодно и потерял интерес к такому коллекционированию.

Зато я ударился в новое увлечение – стал собирать этикетки со спичечных коробков.

Но в маленькой деревне трудно было разжиться новыми этикетками – спички в сельмаг завозили партиями обычно одной и той же серии. И здесь нам на выручку приходили водители грузовиков – в начале 60-х шоссе Павлодар – Омск только ещё строилось, и старая дорога пролегла прямо по берегу Иртыша, от селения к селению.

И почти все водители притормаживали у нашего продуктового магазина: курева, консервов, хлеба прикупить. А мы уже караулили их, чтобы обменяться с ними фанерными футлярчиками от спичечных коробков. И водители обычно снисходительно относились к нашим просьбам и отдавали свои этикетки, если мы видели, что у нас таких нет.

И хотя конкуренция с Рыжиком у меня была довольно жесткая, мы как истинные друзья всегда ходили на эти обменные операции вдвоем, тем более что жили рядом с магазином.

В тот день я первым завидел, что у сельпо притормозили сразу три ЗИСа, груженных досками. Крикнул Веньке через забор – он возился с удочками у дровяника, и мы, похватав обменные коробки, помчались к магазину, чтобы опередить других коллекционеров – было их в деревне ещё пацана три-четыре.

Я с ходу налетел на выходящего из сельпо пожилого водителя с насмешливыми глазами и закричал:

– Дяденька, давай поменяемся коробками!

Тот понятиливо улыбнулся и молча полез в карман.

Следом на крыльцо магазина вышел другой водитель, помоложе. Его тут же взял в оборот Рыжик.

Но происходило что-то непонятное. Они оба уставились друг на друга и молчали.

Я положил только что обмененный коробок мимо кармана, не отрывая взгляда от Веньки и того, кто стоял напротив. Они оба были огненно-рыжие и конопатые!

Наконец тот рыжий, что постарше, хрипло спросил:

– Парень, а тебя как зовут?

Венька сказал.

– А маму твою не Валентина зовут?

Венька кивнул и неожиданно сморщил все свои веснушки и заплакал. Большой рыжий обнял маленького за плечи и торопливо сказал:

– Пойдём, покажешь, где вы живёте. Я вас так долго искал!..

И оба Рыжика пошли по пыльной деревенской улице в сторону наших домов, а я с разинутым ртом – за ними.

Это что же получается – у Веньки отец нашелся, тот самый, который вроде бы как на испытаниях погиб? Ну и дела...

Потом Венька мне рассказал, что они с матерью сбежали от отца, который по молодости запил, загулял, и Венькина мама не могла ему этого простить.

А он одумался, потому что никого на самом деле, кроме них, по-настоящему не любил, и искал их несколько лет. И нашел ведь, хоть и нечаянно. Да так остался с ними навсегда в нашей деревне!

А мы с Рыжиком потом бросили собирать этикетки и взялись за монеты. И его отец нередко привозил нам их из своих дальнобойных рейсов.

Но это уже, как говорится, совсем другая история...

КРОВНЫЕ УЗЫ

Был декабрь 1997 года. Я лежал в отделении сосудистой хирургии с обострением. В палате со мной также мучились болями, терзающими их ноги из-за недостатка кислорода, плохо поступающим в ткани с кровью по суженным или вообще забитым артериям, ещё двое мужиков.

Артур Иванович лежал, как и я, под капельницей. А Витя Брюханов, мужик лет сорока из канской глубинки, беспокойно хромал по палате. Подошла его очередь на «штаны» – операцию по аортобедренному шунтированию. Это когда делают разрезы на животе и бедрах в форме штанов, чтобы добраться до артерий.

Во время этой длительной операции больному постепенно вливают до двух литров теряемой крови. А в 90-е её катастрофически не хватало – доноров лишили всех льгот, и они перестали сдавать кровь. Так что больным зачастую надо было самим раздобывать для себя доноров или покупать кровезаменитель – плазму. Даже бинты надо было иметь свои!

Хорошо было тем, у кого в городе имелись родственники или друзья, они-то и становились донорами. У Вити в Красноярске никого не было.

В его деревне, откуда ему на медсестринский пост изредка звонила мать, доноров нормальных просто не осталось, да и кто бы их сюда привез и увез? Денег на плазму у Вити тоже не было. И помочь ему было некому, он жил со старенькой матерью один, жену же у него отбил и увез несколько лет назад в неизвестном направлении его же лучший друг, о чем Витя как-то поведал нам в порыве откровенности.

Мы бы с Иванычем с радостью отдали ему свою кровь, но у нас её не брали. Денег и у нас тоже не было – тогда, если помните, везде было плохо с наличкой, зарплаты вырывались с боем. Вите оставалось лишь уповать на чудо. До операции оставалось два дня, а у него ни крови, ни плазмы. Операцию же откладывать было крайне нежелательно – могла начаться гангрена...

И на завтра свершилось чудо. Пришел заведующий отделением и сказал, что Витю будут готовить к операции.

– Дак а кровь-то?.. – испуганно спросил Витя. Оказалось, кто-то сдал для Вити свою кровь.

– Но кто? – растерянно спросил Витя. Однако завотделением уже ушёл.

Витю на операцию забрали следующим утром. Его не было двое суток. Прикатали Витю в палату из реанимации бледного, с сизыми небритыми щеками, но уже с живым огоньком в глазах.

Перебинтованный с бедер и почти по грудь, он слабым, но счастливым голосом рассказывал, как его усыпляли перед операцией, а он никак не мог заснуть, как тоскливо и больно ему потом было в реанимации.

– К вам посетитель!

В дверях палаты улыбалась медсестра Танечка. Мы обернулись все трое: к кому? Оказалось, Танечка улыбается Вите! Она впустила в палату мужчину примерно наших лет, с накинутым на плечи белым халатом.

– Серёга?! – изумленно спросил Витя и даже попытался приподняться с постели, но сморщился от боли и снова упал на подушку. – Откуда? Как ты меня нашёл?

– Да уж нашёл, – сказал посетитель, усаживаясь на стул рядом с кроватью Вити. – Живу я в Красноярске. А в деревню звоню иногда, вот и узнал. Ну, как ты?

– Да нормально, – почему-то помрачнев, сказал Витя. – Операцию вот сделали, ногу мне спасли...

– Знаю, – проявил свою осведомлённость гость и улыбнулся.

Витя вгляделся в эту улыбку, и на лице его вдруг проявилось явное замешательство.

– Погоди, – хрипло сказал он. – А это... Кровь-то не ты ли для меня сдавал, а?

Теперь пришла очередь замолчать Сергею. Наконец он с неохотой сказал:

– Ну я. Мне за отделением все рассказал, когда я узнавал насчёт тебя... Да это... ты не думай... Стал бы я тебе один целых два литра своей крови сдавать, как же! Я взял ещё мужичков из своей бригады.

– Значит, это ты... – продолжал упрямо твердить Витя. – Ну, спасибо, раз так. Только я тебя всё равно не прощу за Ольгу, понял? И этими своими... кровными узами... ты меня не свяжешь, понял?

Сергей неожиданно широко улыбнулся.

– Ну, раз сердишься, значит, будешь жить. А больше мне ничего не надо! Бывай, друг! И вы, мужики, бывайте!

И, пожав неподвижно лежавшую на груди Вити руку, попятился к выходу.

Уже в дверях его нагнал негромкий Витин оклик:

– Слышь, Серёга! Ольге тоже от меня привет. Живите, хрен с вами!..

И по просветлевшему лицу Сергея стало понятно, что эти слова для него были лучшей благодарностью бывшего друга. А может, уже и не бывшего.

Он молча кивнул и вышел из палаты...

Астрид ХАЛСТРЕМ

Родилась в 1959 году на Урале. Окончила юридический факультет Московского государственного открытого университета. Преподавала английский язык в школе, работала корректором, экскурсоводом.

Живет в селе Булатове Новосибирской области.

ВИТЮ НИКТО НЕ ВИДЕЛ

Можете себе представить далёкую сибирскую деревню, а в ней многоквартирные благоустроенные дома?

Вот и я не мог, пока жил столичной жизнью, изнурённый многолетним съёмом жилья.

Отчий дом тоже был в глубинке, только другого края России. О кончине отца ещё десять лет назад сообщил мне брат-близнец. Он и поддерживал жизнь старого дома. Известно мне было также, что брат уединялся в нём от своей жены.

Я за десять лет не удосужился приехать на могилы родителей. И вот три года назад брат прекратил со мной общаться. Ни разу не ответил на мои письма, а в соцсетях невозможно было его найти, поскольку он не пользовался Интернетом. Вероятно, ружьё и собака стали ему лучшими друзьями.

Как-то в московском сквере в тихий летний вечер под села на скамейку рядом со мной женщина. Я обратил внимание на её загар, подчёркнутый пастельным цветом розового платья.

Она поймала мой взгляд и улыбнулась. Да так охотно и открыто, что подсел я к ней ближе.

Приехала Лида из Сибири на заработки. В деревне у неё полдома сгорело, вместе с мужем, спавшим пьяным сном.

Я, как только услышал от неё в тот вечер, что в деревне можно купить благоустроенное жильё, сразу решил, что эту женщину мне сама судьба послала.

Привезло нас с Лидой на её родину такси. Прямо к двум домам о двух этажах.

— По всему району такие двухэтажки давно снесли, — заметил таксист. — Перед самой перестройкой государства пытались благоустроить деревни.

Лида молча отдала ему деньги и потянула меня к крайнему подъезду.

Ничто не могло меня удивить, пока поднимались по лестнице на второй этаж: всё как в городском доме.

Дверь моей будущей квартиры была приоткрыта.

Я шагнул в неё и сразу, знаете ли, легко вздохнул: светлой она оказалась, пустой двухкомнатной, что называется, хрущёвкой.

Нас ожидала женщина, в волнении потряхивая связкой ключей в кулаке.

– Завтра поедем оформлять покупку? – с тихим жаром предложила ей Лида.

Я увидел, как осветилось радостью лицо хозяйки. Видать, долго не удавалось ей продать квартиру.

– Не пожалеете о покупке, – сказала она мне. – Это наследство от моей мамы. Светлая ей память. А мы в своём доме привыкли жить, – добавила, будто оправдываясь.

Связка из трёх одинаковых ключей легла на мою ладонь.

– Теперь идём ко мне, – произнесла Лида внезапно севшим голосом.

Я внимательно посмотрел на её серое лицо и ровно произнёс:

– Мы идём к тебе за постельными принадлежностями.

Лида была готова к моему предложению.

Я проснулся рано, от птичьего гвалта.

– Витю видел? – громко спрашивала птичка чечевица.

– Ты видел? – перебивала её другая. – Видел Витю?

Я не выдержал, поднялся с матраса, послужившего нам в прошедшую ночь постелью, и по голому полу двинулся к окну.

В первых солнечных лучах сияла роща, а под самым окном дуэт старых берёз создал солнечные часы: узорная тень лежала слева, будто показывая примерно семь утра.

«Вот бы Лёня посмотрел на эту красоту!» – подумал я о брате и тут же твёрдо решил написать ему и позвать к себе. Даже не в гости – жить вместе!

Сзади мне на плечи легли тёплые ладони жены.

Мы устроили завтрак на подоконнике остатками дорожных припасов и смотрели на автобусную остановку.

– Удобно, прямо под окном, – кивнув на неё, с улыбкой сказала Лида. – А дальше, – она махнула рукой влево и прямо, – почта и магазин. Машину купишь – будешь ездить в райцентр. (Жена ещё стеснялась говорить «будем ездить вместе».)

– Будем, – поправил я её, обняв.

Наш квартирный вопрос решился. Три дня служба доставки из районного центра привозила необходимую мебель.

А потом я сел писать письмо брату Лёньке. И как-то рука сама собой указала адрес отцовского дома вместо его собственного.

– Скоро дожди начнутся, – предупредила меня Лида. – Дом мой надо бы снести. И забор на огороде починить. Земля там хорошая!

Не один день ломал я дом, перемазавшись сажей обгорелых брёвен, обновлял забор огорода да косил лес сорняков.

На пятый день вдруг налетела огромная чернильная туча. Едва я успел к себе домой прибежать: ледяной град избивал округу; молнии лупили небо; гром сотрясал стены дома.

– Такое бывает здесь в июле, – объяснила мне жена. – Ну вот, и свет, и воду отключили. И телефон не работает.

– Благоустройство условное, – усмехнулся я поневоле.

– Зажжём свечу, – успокоила Лида. – У меня осталась одна из церкви. Фонарик потом купим.

Непогода унялась всё-таки быстро. Усталые фиолетовые тучи потянулись за горизонт.

На кухне привычно загудел холодильник, давая понять, что появилось электричество.

Пикнул мой мобильный телефон. Высветилось сообщение. Я стал читать его и застонал. Лида подскочила поддержать меня под руку. Иначе я бы осел мешком на пол.

«Здравствуйте, Виктор Сергеевич! – стала вслух читать жена. – Это Ваш племянник, сын Леонида Сергеевича. Пишу Вам, так как получил и прочитал письмо, адресованное моему отцу. К сожалению, его уже нет в живых. Он несколько лет был в глубокой депрессии и, как итог, покончил жизнь самоубийством через повешение, ещё год назад. Похоронен рядом со своими родителями. Вам не сообщали, потому что отец при жизни категорически не хотел поддерживать с Вами связь, а Вы не выходили на связь с ним.

Нужно продать дедушкин дом. Наследниками были Вы с папой. Я готов отдать Вам половину стоимости дома».

– Лида, дай мне воды, – попросил я, скорчившись на новеньком диване.

Жена молча ушла на кухню. Вернулась с бутылкой водки. Дрожащей рукой налила её в только что купленные рюмки, себе и мне.

Я пролил водку на грудь. Холодок спирта сменился лёгким жаром.

– Лида, я должен написать отказ от наследства...

Лида смотрела в свою рюмку. Потом медленно покачала головой.

– До Москвы я работала секретарём сельсовета, – сказала она. – Есть у меня маленький опыт в делах о наследстве.

– Это моя вина, – уронил я голову на грудь. – Знал же, что Лёне тяжело одному в глуши. Десять лет не был я дома!..

– Плохо, плохо это, Витенька, – зашептала сквозь набежавшие слёзы Лида. – Надо было ездить к брату и на родительских могилах бывать.

Она вдруг схватила меня за руку.

– Но там же рядом с ним была жена. И написал тебе его сын!

С каждым взволнованным словом жена всё сильнее трясла мою руку.

Я вырвал её и спрятал за спину.

– Племянник написал мне, потому что я отправил последнее письмо на адрес отцовского дома.

– А когда писал на адрес брата, твои письма до него не доходили, – подсказала жена, и нотки в её голосе стали жёсткими.

– Не доходили, – покорно признал я. – Брата нет уже год. А мне только сегодня сообщили.

– Потому что дом продают, – зазвенел гневом голос Лиды.

– Я отказываюсь от наследства.

Лида застыла передо мной.

– Принеси стакан и налей мне ещё водки.

Жена, ссутулившись, пошла на кухню.

Когда она протянула мне полный стакан, а я не взял его и сидел неподвижно, обхватив голову руками, Лида сначала осторожно поставила стакан на стол, а потом схватила его и залпом выпила до дна.

Я даже не сумел удивиться её поступку. Только бессмысленно проводил взглядом её движения.

– Повременим с крупными покупками, – предложил я жене. – Надо могилы навестить. Раз живых забывал.

У Лиды шевельнулись губы. Наверно, хотела ответить: «Своими же деньгами распоряжаешься, зачем меня спрашивать».

Но она задала вопрос:

– Когда поедем?

Я вздохнул всей грудью, благодарный ей за понимание.

– Сначала напишу племяннику, что отказываюсь от своей доли в наследстве.

– Не так всё просто, – с горечью сказала жена. – Ты узнал о смерти Лёни через год, пропустил все сроки на свои права.

– Я же отказываюсь! – грубо оборвал я её.

У неё испуганно взметнулись ресницы.

Мы оба умолкли.

Я опять с признательностью подумал о жене, вспомнив, что она назвала моего брата по имени. Будто знала его.

А Лида молчала, что-то сосредоточенно обдумывая.

– Задай своему племяннику один вопрос, – робко попросила она.

Я ждал.

– Спроси его, – расхрабрилась Лида, – кто в рамках закона уже вступил в наследство.

Я согласно кивнул и отправил племяннику вопрос по мобильному телефону.

– Надо ужин приготовить, – сказала жена, тяжело поднимаясь с дивана. – Он, может, завтра ответит.

В это время в окно раздалось лёгонькое постукивание.

– Воробышек, – заметила Лида. – Говорят, душа чья-то...

– Здесь, оказывается, много разных птиц, – произнёс я.

– Да, – с готовностью, чтобы не молчать, подтвердила жена. – Бекасы, грачи, камышовки, стрижи, ласточки...

Её перебил звук на моём телефоне.

Это пришёл ответ племянника.

– Он, похоже, не дописал, – удивился я, – здесь одно слово.

– Ошибаешься, – возразила Лида, – племянник дал тебе окончательный ответ: «Я». Он вступил в наследство. А тебе нужно пройти круги ада, чтобы восстановить свои права.

Я взял бутылку водки.

– Витя, – позвала жена, – ты ведь не будешь пить, как мой первый муж?

Я вернул бутылку на стол.

– Не буду, – пообещал твёрдо. – Мы с братом не были пьющими, как и наш отец.

Я пошёл к окну в нашей спальне, откуда были видны две берёзы. Под пасмурным небом теней от них не было. И поэтому сейчас их дуэт не давал эффект солнечных часов.

«У вечности нет тени», – грустно подумал я.

– Ты Витю видел? – звонко спросила с берёзы птичка чечевица.

– Здесь он, – дрожаще засмеялась ей в ответ Лида, погладив меня по руке. – Я нашла его.

– Видел? Ты видел? – недоверчиво продолжала допытываться чечевица.

Нам с Лидой стало легче от её наивного щёбета.

А потом я удалил сообщение племянника.

Осталось только купить билеты на поезд. К родным, которые меня так и не увидели.

Пётр РОДИН

Родился в ноябре 1950 году в д. Фатьянково Перевозского района Горьковской области. Окончил Горьковский педагогический институт, по распределению приехал в Воскресенский район. Работал директором школы, первым секретарем райкома ВЛКСМ, председателем правления колхозов, секретарем райкома КПСС, директором муниципального центра социальной помощи населению. В 1985 году заочно окончил Горьковский сельскохозяйственный институт. Возглавлял земское собрание, Управление Пенсионного фонда РФ по Воскресенскому району.

Член Союза писателей России. Живет в р.п. Воскресенское, Нижегородская область,

ЕВДОКИЯ

В нашей махонькой, в шестнадцать изб, залесной деревушке Владимировке жила одинокая вдова Евдокия Васильевна Сиротина. Деревенские, кто постарше, так и называли её «вдова», а мы, послевоенная поросль, звали её бабой Дуней.

Так случилось, что, рано выйдя на городскую пенсию по выслуге, сделался я владельцем своего родового гнезда в двадцати саженьях от Люнды – речки моего детства. Там и проводил летнее время в полном одиночестве, нисколько не тяготясь этим.

Пенсионная вольница на грядках да на пасеке в три улья, на рыбалке и на грибной охоте с моим лопоухим псом Бульком придавала сил на всю городскую зиму. Большая, старая, но крепкая ещё изба под новой шиферной крышей, с вполне исправной русской печью да ещё и подтопком была в полном моём распоряжении.

По старинному деревенскому ранжиру шабрёнкой мне как раз и приходилась Евдокия Васильевна. Это означает, что наши избы стояли на противоположных порядках, окна в окна. Так что не единожды за день приходилось нам общаться по разным хозяйственным хлопотам, да, впрочем, и без всякого повода.

Было бабе Дуне тогда уже прилично за восемьдесят годков. Небольшого росточка, сухонькая и безгорбая, передвигалась она, энергично помогая себе подожком. Поясняла старуха при случае, что походка у неё такая «от головы, которая часто покруживается, как во хмелю». Руки её были похожи на пучки прелой ржаной соломы, пропущенной через молотилку. На маленьком и удивительно гладком для ее лет личике – поплёкшие голубенькие глаза.

Был за ней такой неожиданный грех, как матерщина. Козушка ли заскочит на поленницу дров, петух ли соседский через одному ему известную прореху в заборе проникнет на четыре её заботливо обихожённые грядки, а то и без какой-либо причины сорила бабуля частенько непечатными словами. Не зло, но вполне доходчиво.

Как-то, ещё при жизни родителей моих, посмел я её спросить:

– Баб Дунь, а отчего хоть у тебя словечки матерные проскакивают?

– И-и-и, милоч, – пропела баба Дуня, – сказка эта давнишняя. После пропажи без вестей Феденьки моего, на войну с первых дней взятого, сподобил меня Господь ещё и погорелицей стать. Вот тогда я впервой судьбинушку свою и обложила по матушке. Катёнка годовалая на руках, а мне двадцать годочков. А свёкор-инвалид под себя валит, а свекруха, царствия ей небесного, как вон та собака злющая, гавкает. Хоть молись, хоть матерись, а жить-то надо как-то было...

А ты слушай знай, коли спросил. Так вот, в те поры, как известие про Фёдора моего поступило, я и к гадалкам, и к старушкам богомольным украдкой хаживала. Сама, бывало, под лампадкой вздутой с молитвой часами простаивала. А тут, при пожаре-то, стою статуём перед стопой избяной обгорелой в одной рубаше исподней и ругаюсь по-матерному. И откуда что взялось да на язык попало. Да... Вот так всё и приключилось.

Только и успели мы с маменькой тогда свёкра на одеяле в окошко вытащить. А Катёнку мою Нюрашка Пекосина, покойница, в окошко же приняла. Да... а выгорели мы уж по осени, после Покрова. Со стороны двора, на сеннице, полыхнуло. Вот с той поры, милоч, и приключилась со мной энта самая хворь матерщинная, тудыть её в качель да и оттудова. Ведь и сама знаю, что негоже делаю, а всё ж-таки ругнусь на неуправу какую, оно и как-то легче делается. Помирать хоть уж и вчера пора бы, а вот попривыкла и словца поганого за собой не замечаю...

Вот такую историю рассказала мне тогда Евдокия Васильевна.

А уж потом докучать ей расспросами о подробностях жизни я не решился, а она сама и не набивалась с ними.

Славилась в деревенских пересудах она всё-таки больше тем, что не было в сенокосную страду лучшего стояльщика на стогу, чем вдова. До преклонных лет корову держала. В молодые годы накашивала да намётывала ей сенца на зиму одна-одинёшенька. Нужда заставляла. Пройдётся пластами по краям, к стожару сухого разнотравья накидает, заберется с копны на зарод да и топчет его, ровняет.

Когда у неё побаливала голова, что случалось нередко, баба Дуня, пусть и неурочно, немедленно принималась за мытьё полов и в избе, и в сенцах, и на крылечке. Тяжёлая тряпка-мокруша так и разлеталась от её рук, хлеща по углам и ступенькам. Кряхтя и потихоньку матерясь, жаловалась она сама себе на загруженность домашними делами. Не раз слыхивал я от её окошек такие причитания:

– Ты норовишь, как бы от дела, а дело за тобой! Ну нет ни продыху и ни просвету... трам-ра-рам!

И это притом что не было никакой нужды в наведении блеска в её хоромах. Может быть, хороший врач-невролог и смог бы просто и доходчиво объяснить сей медицинский феномен, но помогала же эта терапия моей соседке. Сразу после того, как расстилался последний из многочисленных пёстрых домотканых половичков, баба Дуня с облегчением вздыхала и тихонько приговаривала:

– А ведь и попрошла голова-то! И боли уж нет такой, и покруживает не так круто.

За годы одинокой старости она привыкла беседовать сама с собой и со своими четвероногими домочадцами. Была у неё коза Зайка и кот Васяга.

Обычно сидела летним ласковым вечером моя шабрёнка на своей завалинке. Из-за крыльца видны были туманные от испарины, после обильного полива, аккуратные грядки с изумрудной щеткой лука и другой зелени.

Хозяйка ворчит по своему обыкновению:

– Ну вот куда, куда могла запропасться эта деревянная скотинка?

Это она любимую свою козушку так честила. Любила Зайка, как и все её сородичи, ветками зелёными лакомиться да кору с вишенья и таловых кустов обдирать. Вот и награждала её баба Дуня ещё не самым оскорбительным прозвищем.

– Ну чёрт, прости Господь, а не коза, – распаляла она себя. – И ведь нет, почитай, во всей деревне такой полазучей.

А Зайка и впрямь на нечистого смахивала, как его на иллюстрациях к гоголевским повестям изображают. Некрупная, с коричневым окрасом меха и толстыми, загнутыми назад рогами и почти чёрной мордочкой, уж никак не соответствовала коза своему имени, а вот на бесёнка хрестоматийного как раз и походила. Сходство приближали выпученные и будто всевидящие глаза и плутоватая улыбочка. Да-да, эта козья особь, от которой частенько страдало и моё домовладение, могла ехидно улыбаться, не устывая при этом, как ножницами, шустренько стричь острыми зубками травинку или веточку.

Уставившись на хозяйку своими наглыми гляделками, она будто бы спрашивала:

– Ну и отчего так разгорепашилась, старая? И куда ты от меня денешься?

И между ними вмиг устанавливались предобрые отношения. Старушка провожала свою подопечную до хлевушка, отщипывая мякиш от ломтя хлеба, хотя её бестия легко могла хрумкать и закопчённой корочкой.

Управившись с Зайкой, баба Дуня устраивалась на насиженном месте завалинки и вновь находила повод для недовольства: луковая муха кормилась на грядках и не боялась даже молодой пахучей лебеды, разложенной по межам.

Поглаживая рыжего, не в меру упитанного кота, соседка моя наконец-то успокаивалась:

– Гляди-ко, Васяг, – проговаривала она, – а заря-то нынче и на крашеньё шёлка, знать, годна. Вольный свет, он никогда не надоест... Поживём ещё немножко, сколь Господь велит...

И вот в эту пору не оскверняла она свои старушечьи уста непотребными словечками.

Как-то предложил я Евдокии Васильевне подкосить траву вокруг её избы триммером.

– Да не люблю я эту вонючую тарактелку, лучше косёнкой своей пошаркаю. Разве что вот с улицы, вдоль заборки...

После моих лопуховых и крапивных хлопот пригласила она меня на чай, и я не отказался.

Просторная, в одно жило изба с белёной барыней-печью, чистота и порядок. Старческой неряшливости не было и в помине. Особый, забытый теперь запах с дресвой промытого некрашеного пола. Стены и потолок также не тронуты краской. Широкая лавка под окошками.

Николай Угодник строго поглядывал из угла с почерневшей доски. На столе, застеленном цветастой клеёнкой, раздув бока, красовался золотисто-жёлтый самоварище. Его конфоркой играло замаянное за день солнышко. Мы пили чай из блюдец вприкуску.

Мне известно было, что большую часть жизни своей Евдокия Васильевна была одинока. Зная, прямо скажем, несколько вздорный характер соседки, выведывать при чаепитии подробности её судьбы мне и в голову не приходило. Рядом с божницей располагалась, как бы сейчас назвали, «фотопрезентация» предков ближайших поколений. Бородатые и усатые, молодые и не очень, угрюмые мужики в напряжённых позах сидели на венских стульях, уложив крупные свои пятерни на коленях, будто напоказ. Многие из них были в форменных кителях и при фуражках. Женщины и в строгих платочках «шалашиком» и с открытыми толстыми косами примостились стоя, рядышком. А если у них на руках были приодетые в одежду, что почище, детки, то мамочки занимали центральную позицию на тех же стульях с витыми спинками.

Уловив мой интерес к снимкам, баба Дуня с кряхтением поднялась с табуретки и через пару минут вынесла из запечья деревянную коробочку-ларец с облезлой местами краской. Взяла в руки небольшую, изрядно поблёкшую фотографию:

– Вот они, Фёдор с Дуняшкой, – тихо, с придыханием проговорила она.

Через длинную паузу как-то даже горделиво придвинула ко мне снимок, не выпуская его из своих заметно подрагивающих и как будто застывших в хватательном движении пальцев.

– Евдокия Васильевна, а это ведь действительно ты!

– А кто же ещё? Аль не узнал?

Нет, узнал я. В невысокой, улыбчивой девице, почти девчужке, и через толщу десятилетий угадывалась сидящая передо мной бабулька, и наоборот. Та, далёкая, предвоенная, стеснительно, вытянув руки по швам, стояла у новой избы с немудрёными наличниками. Рядышком, плечо в плечо с ней, был запечатлён редким в те годы, видать, заезжим фотографом очень уж серьёзный бравый паренёк со съехавшим на лоб кучерявым чубом.

– За два года до войны Сиротины этот дом выстроили, – поясняла баба Дуня, – по брёвнышку, по горбылику собирали. Покойный свёкор мой тогда на стройке и расшибся, со стропилины спиной на краж упал.

А Фёдор мой на полтора годочка меня постарше. Только на Миколу зимнего мы с ним поженились, а к лету и война зашла. Вторым из деревни моего-то и забрали...

Она бережно прибрала фотографию в коробочку и прикрыла чистой пёстрой тряпицей. А мне подала пожелтевший солдатский конверт-треугольник, из которого выглядывал уголок написанного химическим карандашом фронтového послания:

– Вот, два письма прислал Федюша. Храню их пуще облигаций. Пишет, что на войне, мол, как на войне, и самой смерти бояться недосуг...

А я развернул листочек серенькой бумаги, едва не прохудившийся на сгибах. На просвет можно было увидеть в нём древесные пылинки-опилки и даже маленькие щепочки и тёмные пятна земли или золы. Читал я неровные строчки (орфография письма сохранена):

«18 августа 141 года. Здравствуйте тятя и мама, Катя и Боря, и жена моя, Евдокия.

Во-первых строках своего письма сообщаю, что я пока жив и здоров, и вам того желаю. Переживаю, как вы управились с сенокосом и как уродилась картошка, как вы там все обходитесь? Дуня, жалко, что пожить нам пришлось всего немного. Привет от меня всем деревенским... У нас тут идёт подходящая пальба и трескотня. Прощайте мои дорогие, прощай дорогая супруга моя, Евдокия. Может увидимся ещё, а может и нет...»

На этом записка неровно обрывалась и текстом, и бумагой. Из конверта выпала ещё четвертушка бумаги с синим казённым штампом в левом углу. В коротеньком печатном тексте с выпавшей буквой «л» значилось, что «красноармеец Сиротин Фёдор Павлович, призванный 24 июня 1941 года Воскресенским военкоматом Горьковской области, служил в 543-ем пушечно-артиллерийском полку на Смоленском направлении. Пропал без вести в бою под городом Вязьмой».

А Евдокия Васильевна продолжала свою печальную повесть:

– Вот с той поры и не было весточки от моего Феденьки. Деревенские бабы всё шептали мне: «Молись за упокой». А я вот всё жду...

И вот тут будто приличного вольтажа разряд электротока отметился у меня где-то между лопатками. Ведь моя почти девяностолетняя собеседница чётко выговорила «жду», а не «ждала».

Скорбящее личико бабы Дуни вдруг будто осветилось изнутри ласковым светом. Должно быть, это и был отблеск многолетней Надежды и Любви.

И привиделось мне тогда, что вот-вот, нарушая предвечернюю уютную тишину старой, с малость подгоревшим простенком избы, шагнёт через порог на широкую, выскобленную до блеска половицу русский солдатик.

И ещё был горд я в ту минуту, что сам – тоже русский...

Анна БАБИНА

Родилась в 1990 году в Ленинграде. Окончила юридический факультет СПбГУ, работает юристом.

Пишет стихи и прозу. Печаталась в журнале «Литература», альманахах «Птеродактиль» и «Земляки», готовятся публикации в литературных журналах «Север» и «Юность». Лауреат конкурсов «Хрустальный родник», «Северная звезда», «Всемирный Пушкин». Дебютная повесть «Жена Дракона. Не фэнтези» вышла в финал премии «Русские рифмы/Русское слово». Лонг-листёр премии «Лицей-2020».

Живет в Санкт-Петербурге.

ЕССЕ НОМО*

Моей бабушке

Антонина Филатовна открывает глаза и понимает, что она не в раю. И не в аду, слава тебе господи.

Солнце высвечивает узоры на ковре. Если долго лежать, то луч переберётся на поблекший пейзаж, вырезанный из настенного календаря. Антонина Филатовна плохо видит, но очертания Кремля ещё угадываются. А может, она их просто помнит.

Вспоминает детство: рабочий район за Рекой, и жаворонков, которых мама пекла на Сороки. Мама... какая она? Антонине чудятся красивые, разбухшие от щёлока руки и аккуратная кофточка с вышивкой. Мама из её воспоминаний совсем не похожа на суровую женщину в наглухо застегнутом платье, которая таращится с семейного фотоснимка неестественно светлыми глазами. Мама там совсем молоденькая, и все остальные – родители, братья, дядя – как с картинок к горькому пешковскому «Детству». Его, несмотря на все «свинцовые мерзости», она любила куда больше конфетного Николенькиного с ваточными халатцами и игрушечными собачками...

Антонина тихонечко переваливается на бок. Руки ощущает, и ноги тоже, спина болит, и это хорошо, потому что и спину ощущает. Набрякшая голова тянется к подушке, но солнце уже наползло на Коромыслову башню, и, значит, пора вставать.

Непривычно спать одной на кровати. Шесть лет уж, а всё непривычно. Митя спал с краю, лишь изредка, сильно пьяного, укладывали его к стене, чтобы не скатился на пол.

*

«Се человек» (лат.). Слова Понтия Пилата об Иисусе Христе.

Слишком широко. По молодости-то они где только не ночевали: и на сундуке в углу, отгороженном занавеской от хозяйкиной комнаты, и на солдатской кровати, где можно было уместиться лишь на боку. Ей бы сейчас та кровать пришлась кстати – говорят, для спины хорошо...

Она останавливается в прихожей и глядит на календарь, который внук Вадим привёз из Рима. На каждый месяц – своя картинка, и та, что открылась вчера, называется Ессе homo. Надо будет спросить у внука, что это значит, по-английски он хорошо понимает... Хотя Антонине безо всякого перевода ясно, что это Спаситель наш Иисус Христос. Прямо в душу смотрит, и глаза синие-синие. Чем-то на Митю похож, но так думать, наверное, не подобает. Хорошая картина, хоть и на икону не похожа.

Лампочка в ванной не зажигается – перегорела, но умыться можно, потому что свет падает через окошко из кухни. Вот зачем окошко придумано, а они головы ломали по молодости. Чтобы не в темноте умываться, когда Вадик за тысячи километров, а Оля, если ей пожаловаться, пришлёт какого-нибудь работника. Антонина чужих в доме теперь не любит. Не потому, что воров боится, просто не хочет, чтобы люди на неё смотрели.

Она располнела, и ноги стали как брёвна. Но не эта некрасота пугает Антонину – она стыдится слабости. Она стесняется лежать при чужом человеке, ей неловко, если не будет сил предложить чаю, а стакан окажется мутным.

В полумраке она аккуратно чистит зубной протез, бросает горстями в лицо воду и растирает полотенцем – раньше таких не делали. Совсем воду не впитывает, только размазывает по лицу. Синтетика. Всё теперь синтетика.

Антонина раскладывает на подоконнике таблетки. Вот эту нужно сейчас принять. И эту. А эту расколёт щипчиками пополам. Таблетка маленькая, скользкая, так и норовит выскользнуть из огрубевших пальцев и улететь в пыльный угол под плитку. Такое уже бывало. Должно быть, там много таблеток, никто их не выметает. Интересно, думает Антонина, а если мышь съест таблетку – она отравится? Или, может, у неё давление упадёт? Если да, то всё равно умрёт – с такой-то дозы. Фу ты, господи, что это ей в голову лезет? Маразм. Здесь и мышей нет, а в бараке были...

Она поворачивает кран, и в чашку с жалобным звуком течёт вода. У неё неприятный привкус, но у них с Митенькой и Олей так повелось – кипячёную воду наливать в самовар. А теперь их нет рядом, зато вода в самоваре есть.

Сегодня Антонина чувствует в себе силу и варит овсянку. В другие дни она обходится бутербродами или даже куском хлеба, посыпанным сахаром. Когда сил не остаётся жевать, лежит и смотрит на башни Кремля, пока они не смешаются со сном.

«Вставай, Тонюшка», – говорит мама, и тёмные глаза блестят – не такие, как на фотографии.

Вместо платья мама одевает Тоню в длинную белую сорочку и прямо в этой льняной нелепице, накинув поверх бабушкин платок, ведёт на Реку.

На Тониной родине небо совсем другое – высокое и нескончаемое, висит и над городом, и над степью. Над водой стелется туман. Ногам зябко.

На берегу их ждёт Тонина тётка и мужчины с бородами. Бороды Тоня не любит. У папы бороды нет, вместо неё – улыбка. Он любит её: после пяти сыновей у него родилась долгожданная дочь. Сейчас папы нет рядом, и это пугает Тоню. Почему-то кажется, что произойдёт плохое. Но вместо этого один из бородачей берёт её за руку и, улыбаясь, что-то говорит нараспев и торопясь, но так ни разу и не сбившись – как так можно? Тоня, например, когда спешит, путает слова. Они вдвоём входят в Реку, вода тёплая, и бородач поливает ей голову. Мама обычно запрещает мочить волосы, но стоит поодаль и молчит...

Крестик тогда, разумеется, не надели. Его, потемневший и мятый, мама зашила в одежду во время войны, потом он куда-то пропал и нашёлся уже после того, как мама ушла. С вещами в их семье вообще происходили престранные вещи...

...Перья плавали в тазу, сохли, а затем расторопные мамины руки рассовывали их по свежим наперникам. В мутный щёлок мама упустила колечко из польского золота, которое папа принёс с войны. Тоня весь двор облазила – ничего. «Видно, ноги приделали», – с грустью сказала мама. Вскоре её не стало.

Тоня сделалась Антониной, потом – Антониной Филатовной. Однажды, слушая свистящее дыхание мужа и радуясь, что он спит, Антонина приподнялась на локте и перевернула прохладной стороной вверх раскалённую подушку. В шве наперника почудилось что-то круглое, твёрдое... Неужели?

Не дожидаясь утра, она распоролa подушку. На ладонь выпало колечко из польского золота.

И снова – ковёр, Кремль. Значит, не рай и не ад. Хотя откуда ей знать? Может, ад как раз в этом – вечно подниматься на непослушные ноги, идти в ванную, где не горит свет, и молить о том, чтобы увидеть голубые глаза Ессе homo?

Однажды Антонина забрела в церковь. Обычно старалась выбирать время, когда никого нет – на службах её охватывала комсомольская робость: не знала, куда встать, как сложить руки, как ставить свечи. Но в тот день она всё перепутала и пришла к проповеди, из которой (если правильно поняла) уяснила, что никаких калёных сковородок в аду нет, он – ледяная пустыня, полная безысходности.

«Мама, – сказала Оля, – надо лечиться». Антонина Филатовна дрожащей рукой отодвинула чашку. «Так невозможно, ты только посмотри, как у тебя рука пляшет». Рука и правда плясала. Или, скорее, отсчитывала невидимые деньги – за всю жизнь столько не заработала.

«Как дела у Вадика?» Дочь погрозила пальцем, мол, зря тему производишь, но начала вдохновенно рассказывать про сына.

У Оли было красивое сильное лицо, совсем не похожее на Антонину. Она уродилась папиной дочкой. Когда Антонина укутала её в одеялко и, с трудом втиснувшись в проходящий поезд, привезла к родственникам, те развели руками – не наша порода.

Взгляд раскосых глаз вернулся к руке, и Антонина поспешила задать новый вопрос: «А как на личном фронте?»

Олю будто отбросило в отрочество, губы сложились в упрямую скобку – такой она была, когда Митя не отпустил её в летний лагерь. Ему, партийному, атеисту, цыганка, разозлённая тем, что не позолотил ручку, шепнула: «Дочь твоя утонет до свадьбы». И он поверил. Если бы ему сказали про Антонину, плюнул бы и махнул рукой – эта выплывет,

недаром на Реке родилась. Она грузовик умеет водить, литейщики в цеху у неё по струнке ходят, чушь говоришь, цыганка, несознательная ты... а про Олю – поверил, потому что любил до безумия.

«Об этом не будем», – это Ольга о «личном фронте». Значит, плохо. С отцом Вадика она разошлась давно, когда мальчик оканчивал третий класс, потом помыкалась от одного к другому и обмякла, отчаялась. Было у них с Митей такое – боялись трудностей. Антонина не такая. На Родине, в рабочем посёлке, не поняли бы. Умри, но сделай, говорил отец – и умер, делая. Надорвал сердце. А Митя, сильный и смелый мужик, однажды бросил молоток и едва не расплакался, когда гвоздь скривился, входя в стену.

В Антонине была *прочность* – так учили на сопротивлении материалов. Она только и делала, что сопротивлялась, но не считала это подвигом.

Проходя по коридору на кухню за очередной порцией таблеток – от давления, стенокардии, желудка и всего на свете, – Антонина смотрит на Ессе homo. Терновый венец впивается в нежную кожу лба, но в голубых глазах Спасителя её закалка. Он, наверное, наш, из рабочего посёлка, весело думает она и тут же одергивает себя: не богохульствуй, о душе подумать надо. Спаситель понимающе улыбается: что с тебя взять, институт окончила, да только ничего не изменилось в тебе, рабочая косточка.

По дамбе несутся куда-то машины. Сумерки укутывают кладбище, на котором упокоился Митя и куда когда-нибудь, возможно, очень скоро, свезут Антонину. Это не страшно. Наверное...

Она раскалывает таблетку на половинки, аккуратно кладёт их на фольгу и поворачивает краник самовара. Знакомого журчания не слышит – вода кончилась.

Встать с табуретки несложно, а вот наполнить чайник, не расплескав, и зажечь газ – испытание. Выдерживает вопреки сопромату.

В мутных сумерках, щурясь на голубые отблески газовой горелки, садится к столу. День прошёл. Так медленно все у неё теперь выходит, но сутки за сутками летят, приближая к развязке.

Антонина смотрит новости и передачу, где все кричат, перебивая друг друга и обсуждают чьи-то проблемы. Выключает телевизор – экран некоторое время светится молочным прямоугольником. Оля обещала купить новый, с ладонь толщиной. Зачем?

Грохают об пол тапки. Широкая кровать – ползти по ней, как по полю... Укрыться одеялом – и то тяжело. Устраивается терпимо, даже спина «тосковать» перестаёт.

В темноте не видно, но Кремль по-прежнему стоит – прочный.

Антонина Филатовна закрывает глаза и просит Ессе homo дать ей увидеть ещё раз, как утреннее солнце коснётся Коромысловой башни.

Дмитрий ИГНАТОВ

Родился в 1986 году в Ярославле. Проходил обучение в Ярославском государственном техническом университете по специальности «инженер-педагог по машиностроению».

Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Публиковался в изданиях «Знание – сила», «Знание – сила: Фантастика», «Дни Литературы», «Новый журнал» (США), «Парус». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор» и сатирического справочника «Это ваше FIDO».

Проживает в городе Воронеже.

КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ

Мой отец умер два года назад. Сложно сказать точнее, хотя момент его смерти определённо был. Однако определение этого момента всегда вызывало вопросы. Сначала смерть связывали с простой остановкой дыхания. Потом с остановкой сердца, при этом было замечено, что ещё несколько дней у покойника могли отрастать волосы и ногти. Наконец, когда медицина окончательно определилась с местом хранения человеческой души, смерть окончательно связали с прекращением нормальной активности мозга. Но даже в этом случае оставались лазейки, ведь мозг может функционировать частично. И, напротив, даже при полностью умершем мозге. Остальное тело ещё может поддерживаться в живом состоянии при помощи не особо сложных медицинских приборов. Формально человек остаётся вместе со своей жизнью, а его несчастные родственники с трудным вопросом: поддержать или прервать эту «жизнь».

Впрочем, это не был случай моего отца. Он умер два года назад. В какой-то момент последняя клетка его тела перестала жить. Он умер. Это статистический, математический, медицинский, биологический факт! Он умер.

Тяжело признавать, но этот момент не стал трагедией ни для кого в нашей семье. Этому моменту не предшествовало никакого скорбного ожидания. Этот момент не стал печальным облегчением, как часто бывает с долго болеющими и постепенно умирающими людьми; или разрывающим душу потрясением, как случается в случае внезапной, неожиданной смерти. Мы просто не заметили его...

Я очень хорошо помню тот вечер. Отец вернулся с работы, как обычно, около 7 часов вечера. Он неторопливо сел за стол, и вместе мы начали ужинать. Разговоры о служебных делах не были приняты у нас за столом. Они с мамой обсудили какие-то новости. Отец дежурным образом поинтересовался о том, как прошёл мой день. Я так же дежурно ответила ему. После чего он продолжил свой разговор с мамой. Не помню точно, о чём именно они говорили. Помню, что меня с самого начала ужина занимал только один вопрос. Он сидел в моём мозгу, словно раскалённая иголка, но я не решалась озвучить его, словно подбирая подходящий момент.

Наконец, когда мама уже собрала тарелки и пошла их мыть на кухню, пауза в молчании показалась мне слишком длинной, и я спросила:

– Пап, ты был у врача?

– Да, – ответил отец как-то слишком непринуждённо.

Вторая часть вопроса далась мне намного сложнее, чем первая.

– И когда это случится? – наконец выдавила я из себя.

Отец старался не подавать вида, но я заметила, что на мгновение его слегка передёрнуло. Словно специально он сделал небольшую паузу, отпил чай из чашки, а потом ответил:

– Это уже случилось.

– Случилось? – опешила я.

– Да, – произнёс отец уже так же непринуждённо, как и первое «да».

– И когда же?

– Позавчера. На выходных. Возможно, на прошлой неделе. Доктор не может сказать точно, но сейчас процесс полностью завершился... – слова отца начинали уходить в какую-то пустоту, раздаваясь у меня в голове словно эхо.

– Это... определённо?..

– Определённо, – он посмотрел мне прямо в глаза, – А что? Ты заметила в последнее время что-нибудь странное?

– Нет... пап...

Наверное, в этот момент мой взгляд выражал намного больше, чем я сама могла выразить словами, потому что отец тяжело вздохнул, поднялся и прошёлся по комнате из стороны в сторону. Кажется, он и сам обдумывал, что лучше сказать.

– Считаешь, что я стал «кем-то другим»? Теперь тебе будет трудно называть меня «папой»? Это обидно, – перешёл он в своеобразную контратаку, и это было настолько на него похоже, что на мгновение я даже успокоилась.

– Я... Нет.

– Тогда в чём же дело? – отец, кем бы он теперь ни был, сделал паузу. – Возможно, тебе понравилось, если бы я тебе соврал?

– Ты никогда не врал мне.

– И это правда. Я всегда старался говорить тебе только правду! Даже когда она тебе не нравилась... Помнишь? Прямо как в прошлом году, когда я сказал, что мне не нравится твой парень.

Внезапные примеры из моей собственной жизни были папиным коньком.

– Да, но... Он не был моим парнем... пап...

– Не важно. Он был инвалидом.

– Человеком с ограниченными возможностями, – уточнила я.

– Пусть так! Калекой. Факт в том, что у него не было ноги, а вместо неё он пользовался этой навороченной электронной штукой...

– Кибернетическим протезом, – в который раз поправила я.

Надо сказать, что отец прекрасно разбирался в современных технологиях, но часто намеренно примерял на себя роль старика, в молодости которого «такого не было». Обычно он делал это, чтобы таким странным образом донести до слушателя какую-то свою мысль, но при этом сам никого не слушал...

– Да он даже заряжал её по USB, как какой-нибудь смартфон! – отец резко замолчал и выдохнул, словно желая успокоиться принятием этого волевого решения, а потом сел в кресло и, посмотрев на меня, продолжил уже спокойнее. – Без настоящей ноги... оставался ли он для тебя полноценным человеком?

Этим парадоксальным вопросом он внезапно загнал в меня в тупик вместе со всей моей политкорректностью:

– Конечно, но...

– Но?

– Это ведь другое...

– Другое? – отец язвительно улыбнулся. – Безусловно! Технология поклеточного нанопротезирования – это «нечто другое» по сравнению с тем, чтобы прикрутить к своей культе пружинку и моторчик на батарейках. Но давно ли моя современная и продвинутая дочь стала таким ретроградом?

Я заранее знала, что мой отец, или тот, в кого он превратился, скажет дальше. Этот разговор неоднократно вёлся в нашей семье ещё до того, когда он, наконец, решился пройти эту процедуру. Нет, наверное, всё же не решился, а просто перестал слушать возражения.

Чёрт! Я по-прежнему считаю, что это в основном маркетинг. Большинство аргументов до сих пор звучат, как рекламные слоганы со страниц цветных буклетов, которыми недавно были завалены все больницы.

«Поклеточное нанопротезирование. Священный Грааль медицины найден! Ключ к бессмертию уже находится внутри вас. В ваших клетках! Мы лишь даём вашему организму верное направление и, используя естественный, природный механизм деления клеток, позволяем вам стать лучше. Всего один укол, и через 17 месяцев все клетки вашего тела будут заменены на совершенные биохимические машины. Инфекционные болезни, дисфункция внутренних органов, генетические аномалии, возрастные изменения и даже старение – всё это в прошлом. Уже тысячи людей прошли процедуру без каких-либо побочных эффектов. Присоединяйтесь к ним! Единственное, о чём вам всё ещё стоит беспокоиться, – это переходить улицу на зелёный свет».

– Ну, хватит, пап, – прервала я. – Я всё это уже слышала от тебя много раз.

– «Папа»? Неужели я всё ещё «папа»? – мрачно парировал отец.

На какое-то время он замолчал. Было видно, что он расстроен, но я знала, что не хотела расстраивать его. Так же точно, как и то, что сейчас он попробует сделать так, чтобы я чувствовала себя виноватой.

– Прости... Возможно, тебе было бы намного проще, если бы твой старик подрыхлил бы у тебя на глазах... Выжил бы из ума, возможно, начал бы гадить под себя, а в конечном итоге сдох...

– Папа, перестань!

– Прости, что я не хочу сдохнуть. Прости меня за это.

– Ну хватит! – почти крикнула я. – Хватит делать из меня чудовище, папа!

– Да ну! А не ты ли видишь чудовище во мне?! Папочка Франкенштейн? Это же так противоестественно!

В этот момент человек, который когда-то определённо был моим отцом, начал раздражать меня больше, чем когда бы то ни было. Стараясь не столько настоять на своём, сколько уязвить его, я твёрдо и громко выпалила:

– Да! Это противоестественно!

Похоже, это произвело слишком сильный эффект. Отец замолчал, его лицо стало задумчивым и каким-то серым. Он медленно поднялся с места, пересёк комнату и, отодвинув штору, посмотрел в окно.

– А сегодня тепло... – задумчиво произнёс он. – Кайра даже не захотела заходить в дом. Вон она, спит на лестнице у веранды. Её подарили нам с матерью годовалым щенком... Ты тогда ещё не родилась, но мать уже ходила беременной. Мы думали, что будет здорово, если наша маленькая девочка с детства будет общаться с животными. Вы бы росли, играли вместе, подружились. Так оно и получилось. Это делает людей добрее, учит проявлять заботу... – отец на минуту замолчал и снова посмотрел на меня своим колючим испытывающим взглядом. – Сейчас тебе 27 лет. Как думаешь, обычная немецкая овчарка прожила бы столько?

– Ты хочешь сказать?..

– Противоестественно, – кивнул отец. – Ну, извини! Возможно, тебе было бы проще закопать её на заднем дворе.

Он задёрнул шторы и вернулся в своё кресло. По его лицу и позе было видно, что он устал от этого разговора, который нам обоим дался очень нелегко.

– Пап, прости меня... Я не имела права осуждать тебя. Вообще, это твоё личное дело. И я отвратительно нахамила...

Он сидел, удобно устроившись в кресле, прямо напротив меня. Таким я его видела уже много раз за свою жизнь. Знакомое с детства лицо, знакомый голос, знакомые движения. Но всё-таки в сознании, как назойливая муха, крутилась предательская мысль: «Это не он». Всю свою схожесть это новое существо как-то получило у моего «настоящего папы», которого здесь больше нет. Здесь больше нет ни одной его частицы. Мне было стыдно, но я никак не могла избавиться от этой гадкой мысли.

– Ничего! – он устало махнул рукой, которая практически сразу опустилась назад на подлокотник. – Знаешь, у древних греков есть миф о корабле, на котором Тесей вернулся с острова Крит после победы над Минотавром. Этот корабль долгие годы хранился афинянами и по возможности поддерживался в первоизданном виде. Однако иногда при починке старые доски всё-таки меняли на новые. До тех пор, пока старых досок совсем не осталось. И тогда греки задались вопросом: тот ли это корабль, на котором плавал Тесей и который они так бережно хранили, или уже новый? Парадокс...

Отец откинул голову на спинку кресла и умиротворённо закрыл глаза. Казалось, что он уже спит и во сне перед его глазами проплывает истерзанный бурей греческий корабль под чёрным парусом.

– И как же они его решили?

– Никак... – ответил отец, не открывая глаз. – Да они и не могли его никак решить. Видишь ли, дело не в том, старый корабль или новый. Дело в том, что он сам думает по этому поводу.

– А что думаешь ты?

– По поводу корабля?

– По поводу себя... И нас. Ты ведь подумал, что будет дальше? Тебе не придётся закапывать Кайру на заднем дворе. Но тебе придётся видеть, как постареет и умрёт мама... А потом и я...

Отец чуть приподнялся и посмотрел на меня.

– Ну, конечно, я обо всём подумал. Мы давно всё обсудили с твоей мамой и вместе пришли к правильному решению. Так что её мне тоже не придётся закапывать на заднем дворе.

– Мама... тоже?!

Отец кивнул.

– Она первый член нашей семьи, прошедший процедуру... Если не считать собаки.

– И она всё время молчала... Как она могла скрыть это от меня?!

– Может, она просто не хотела такого неприятного разговора... Как думаешь?

– Значит, ты был только вторым.

– Нет, – в глазах отца заблестел огонёк, который показался мне каким-то не по-человечески зловещим. – Я был только третьим...

Юлия СТАНЕВСКАЯ

Родилась в 1965 году в Москве, где и прожила большую часть жизни. Работала программистом и бухгалтером. Сотрудничает со специализированным российским интернет-изданием, посвященным Балканам, периодически проживает в разных странах и в городах этого региона.

РАЗГОВОР С БОЛЬШОЙ ПЛЮШЕВОЙ МЫШЬЮ

Доброе утро, моя Большая Плюшевая Мышь!

Как спалось? Хорошо? Что ты думаешь о сегодняшней погоде? Плюс пять – это, конечно, холодновато для конца апреля. Зато солнечно. Мы с тобой любим солнечные дни.

О погоде поговорили. Переходим к природе. Как и положено весной, все вокруг распускается и расцветает. Нежная травка, молоденькие листики... Вот и вишня покрылась бело-розовыми цветами... Смотреть на все это приходится из окна. Потому, что «Они» нас заперли, объяснив, что заточение – важное и нужное дело. Не убедили. Я «Их» не люблю. Они только и делают, что устраивают нам пакости. Так было всегда, но эта последняя пакость – самая большая. Я испытываю раздражение и злость. Мои чувства разделяет выпивающий сосед по лестничной клетке, женщина из квартиры сверху и живущая внизу бабушка. Выходя погулять в нарушение правил, старушка смотрит в небо и грозит «Им» клюкой.

Впрочем, это все негатив. Сегодня я особенно не хочу негатива. Так что давай, моя дорогая Мышь, поговорим о чем-нибудь приятном. Если в нашем дворе зацвела вишня, то в Японии наверняка цветет сакура. Японцев, кажется, тоже заперли. Опять я про это! Возвращаюсь к сакуре. Огромные сады. Деревья покрыты цветами, словно кружевом или пеной. Море розовых лепестков... В последний раз я разговаривала с плюшевыми игрушками в пятилетнем возрасте. Почему я возобновила беседы спустя пятьдесят лет? Долго объяснять. Да и не хочется. Лучше я продолжу говорить о сакурах. Ты ведь не была в Японии? Если честно, то я тоже. Тем проще и приятнее рассказывать. Кажется, я могу продолжать бесконечно.

Тема природы неисчерпаема, однако мысли плавно переходят на тему любви. Отлично. Моя Большая Плюшевая Мышь, давай поговорим о любви!

Большинство людей с рождения окружены любовью. Их любят родители. Младенец купается в их любви, как в потоке тепла. Эдакая любовь-тепловентилятор. Или даже любовь-тепловая пушка. Она ни почему и ни для чего. Она просто есть. Ребенка могут наказывать – шлепать, ставить

в угол, заставляя надевать ненавистную шапочку и не покупать мороженое. Тепловентилятор при этом работает на всех оборотах. Мы взрослеем, спорим с родителями, даже иногда ругаемся с ними. Тепловентилятор не останавливается ни на секунду. К нему привыкаешь, пока в какой-то момент – стоп! Один из родителей навсегда уходит. Поток тепла уменьшается вдвое, и за ним обнаруживается вселенский холод. Брешь помогают заткнуть слабые горячие дуновения со стороны родственников и друзей. Сочувствие называется. Но любовь-тепловентилятор оно не заменит.

В юности я была уверена, что любовь между парнем и девушкой тоже относится к разряду тепловых пушек. А что? Вот и в книгах пишут, в фильмах показывают... Сердце стучит, дух захватывает, краснеешь-бледнееешь и уносишься в водовороте страстей. Что-то в этом роде. Я даже на себе испытала. Сейчас, моя дорогая Плюшева Мышь, расскажу по порядку. Была такая же солнечная весна, как и сейчас. Мне было тринадцать лет, и я влюбилась в мальчика из нашей школы. Водоворота страстей я избежала, но краснела и бледнела предостаточно. Что еще сказать? Ты, я вижу, устроилась поудобнее и приготовилась слушать. Первая любовь – знаменательное событие в жизни каждого, и я продолжаю. Так... Дай бог память... Вспоминаются дурацкие разговоры в школьном коридоре и еще почему-то – белая сирень. Он мне ее дарил? Кажется, нет...Тогда при чем тут сирень? Давно было, все путается в памяти. Даже не знаю, что добавить. А? Ты хочешь знать, чем все кончилось? Да, вообще-то, ничем. Начались каникулы. Мы разъехались по дачам и пионерлагерям, а когда в сентябре я вернулась в школу, вся любовь прошла. Да, вот так. Взяла и закончилась. Других страстей я в своей жизни не испытывала. Что ты спрашиваешь? Тепловая пушка? Не-ет. Сожалею, моя дорогая Плюшева Мышь, но ни пушки, ни даже вентилятора так и не было. В отношениях мужчины и женщины любовь-тепловентилятор не работает. То есть может иногда включаться. Но ненадолго. А выключается быстро и внезапно.

Как будем греться? Вопрос встает во всей своей остроте. Можно, например, завести собаку. Хотя лично мне собаки не нравятся: какие-то они большие и шумные, бегают везде, лают... Можно еще завести кота. Котика! Я очень люблю кошек. Жаль, что мне с ними не повезло. Мой милый котенок Пуша вырос в огромного злого зверюгу. Меня он презирал. Не скажу, что я не пыталась наладить отношения. Пыталась. Заметила, что при словах «Пуша кушать» кот стремительно добреет. Так и стала к нему обращаться – «Пуша-кушать». Кормила при этом не всегда. А куда ему столько жрать-то? Уяснив, что корм появляется не каждый раз, кот преисполнился ко мне жгучей ненавистью. Вопрос получения тепла от животных остался открытым.

С растениями мне повезло больше. Ты, моя дорогая Мышь, их, конечно, помнишь. Растений у нас с тобой было много. Даже очень много. Они росли в горшках на подоконниках, в кашпо на стенах и даже вились по специальному столбу посреди комнаты. Мы с растениями друг друга любили. Каждое утро, поливая цветы, я разговаривала с ними. Чаше про себя, чтобы домашние не сочли меня психом. Растения тоже меня любили. По-своему. Разноцветные фиалки цвели не переставая. Обычные фиолетовые, белые, розовые и полосатые... Были махровые и даже купленные на выставке экземпляры с экзотическими именами: «Лунный луч», «Шампань». Муж называл их всех не «фиалки», а «фиаклы». Огромным и важным цветам это имя очень подходило. А еще меня любил ананас. Однажды он даже подарил мне маленький ароматный плод. Правда, его

жесткие листья торчали на метр во все стороны, сильно затрудняя проход. Бамбук выразил свою привязанность буйным ростом вверх и скоро уперся в потолок. Где-то я слышала про старый китайский способ казни: через тело преступника прорастивали бамбук. Представилась дырка в потолке, распростертый на полу сосед сверху и победно растущий сквозь него стебель. Все выше и выше, на следующий этаж. Ужас! Я стала регулярно подрезать своего питомца. Герань расти в высоту не могла. Зато, подобно ананасу, хорошо росла вширь. Ветки, усыпанные тяжелыми малиновыми соцветиями, заметно сужали дверной проем. Именно за это мой муж особенно не любил герань и регулярно, как бы невзначай, ронял горшок. Я пересаживала цветок, он рос, и все повторялось.

Хорошее было время. Растения давали много тепла. А потом жизнь сделала крутой поворот, я стала часто уезжать и решила отдать цветы. Так и написала в объявлении: «Отдам бесплатно. Самовывоз». Симпатичный молодой мужчина только что справил новоселье. Он взял все: и фиалку «Лунный луч», и бамбук, и ананас с геранью. Взял железное дерево, привезенное с Сейшельских островов, испанский кактус и большой амариллис – бабушкин подарок. Я надеюсь, цветам хорошо в его доме. А в моей комнате сразу стало непривычно просторно и чисто. И очень холодно. Я сделала то, что была должна, но тепловентилятор остановился.

Я разбирала стойку для цветов, снимала со стен кашпо и смотрела на пустой подоконник. Холод усиливался. Взгляд упал на полку с безделушками. Фарфоровые фигурки, куколки, цветной шарик, колокольчик, пушистая птичка на веревочке... Все то, что мы привозим из путешествий или получаем в подарок, а потом не решаемся выбросить и только вытираем пыль. Тоненькая струйка тепла, начавшись от пушистой птички, обошла фарфоровые фигурки и потянулась ко мне. Совсем мало тепла, но лучше, чем ничего.

Жизнь тем временем сделала еще один поворот. Началась темная полоса. Куколки и колокольчики на полке стали выглядеть неуместно. Тогда я собрала их всех в полиэтиленовый мешок. После секундного колебания пушистая птичка на ниточке пошла туда же. За ней – семейка плюшевых игрушек с дивана. Мешок я отнесла на помойку. Всю следующую неделю я наблюдала из окна, как дети гоняют по лужам большого бегемота – подарок моих одноклассников. Все правильно. Жизнь идет, и не надо цепляться за прошлое. Вот только почему же так холодно?

Когда холодно, надо принимать форму шара. Этому учит нас геометрия. Шар при заданном объеме имеет минимальную поверхность. Превратившись в шар, сокращаешь теплоотдачу, при этом чем шар меньше, тем лучше. Так что стоит еще и сжаться. Так и сидеть. Пока не найдется тепловентилятор.

В моем случае он нашелся – единственная игрушка, которую я не решилась выбросить, потому что однажды она помогла мне. Ты, моя Большая Плюшевая Мышь.

Помнишь день, когда мы с тобой познакомились? Я помню, хотя это случилось больше двадцати лет назад. Был мой день рождения. В юности я считала, что родилась в очень удачное время. Уже не жарко, но еще не холодно. Скоро зарядят противные осенние дожди, но пока тепло и солнечно. Друзья приехали с каникул, а рынки ломаются от овощей и фруктов. Чудесное время. Только став бухгалтером, я поняла, что мой праздник приходится как раз на период сдачи отчетности. Звать гостей и веселиться не было ни сил, ни времени. Чай с тортом в компании сотрудников, букет, подарок... Все. Сотрудники, еще раз

пожелав здоровья, ушли домой, оставив меня перед компьютером с кучей документов и недоеденным тортом.

Стемнело. Было тоскливо и холодно. Я подняла глаза от накладных и посмотрела на букеты цветов. Их было два: хризантемы от сотрудников и красные розы лично от нашего директора. Я не люблю розы, особенно красные. Но директор, конечно, об этом не знал. Он хотел как лучше, и я была ему искренне благодарна. Рядом с розами сидела ты, моя Большая Плюшевая Мышь. Я живо представила процесс покупки букета. Вот директор, немолодой практичный человек, придирчиво выбирает цветы в киоске. Потом долго торгуется с хозяйкой. Наконец они расстаются, довольные друг другом. Директор получил приличную скидку, а цветочница впарила «в нагрузку» к букету плюшевую игрушку. Потом мы всем коллективом спорили, кто ты: мышь или медведь. Сторонники медвежьей теории твердили, что у тебя слишком маленькие для мыши уши. Может, и так. Зато у тебя есть усы. Где вы видели медведя с усами?!

Я снова придирчиво осмотрела тебя. Точно мышь. Большая Плюшевая Мышь. Ты смотрела на меня коричневыми стеклянными глазками и улыбалась. Скрипнув, повернулись лопасти тепловентилятора. Стали вращаться все быстрее... Потянуло теплом.

Помнишь, как я принесла тебя домой и поселила на диване вместе с бегемотом, медведем и тигром? Неловко облокотилась на твою лапу, и вдруг раздался звук. Сначала шипение и скрип. Потом механический голос с китайским акцентом. Хриплый фальцет пел: «Дружба крепкая не сломается, не расклеится от дождей и вьюг». Мы с мужем онемели. Я – от восторга, а мой музыкально одаренный муж – от ужаса. Потом, когда мужа не было поблизости, я еще не раз просила тебя спеть. И ты пела: «В полдень или в полночь друг придет на помощь...»

Время не щадит никого. С годами твоя бежевая шерстка запылилась и побледнела. Не беда. Я решила помыть тебя шампунем. Звук, который ты издала под струей воды – то ли вой, то ли крик, то ли китайское ругательство, – я помню до сих пор. В ванную прибежал испуганный муж. Он решил, что мне стало плохо. Но плохо было тебе, моя дорогая Плюшевая Мышь. Немного похрипев, ты замолчала и никогда уже больше не пела. Зато ты стала чистая и красивая. Точно как я. Я тоже красивая (ну, мне так кажется). И я тоже не умею петь.

Давно все это было... Прошли романтические девяностые – время надежд и время свободы. Надежды не сбылись, слово «свобода» стало употребляться все реже, а теперь меня и вовсе заперли. В результате я могу любоваться цветущей вишней только через оконное стекло. Однако лопасти крутятся. Тепловентилятор работает. Ты, моя Мышь, по-прежнему смотришь на меня стеклянными коричневыми глазками и улыбаешься. Я глажу тебя по пушистой шерстке и целую. Никто не видел? А то решат, что я рехнулась на старости лет.

Настанет день, моя любимая Мышь, когда я положу тебя в пакет и отнесу на помойку. Почему так будет? Не знаю. Но обычно так и случается. Таково течение жизни и порядок вещей. Что я буду тогда делать? Я превращусь в шар. Наши тепловентиляторы не исчезают бесследно. Они остаются в памяти, как бы переходя при этом в другое измерение. Поток тепла из того измерения в наше проходит с трудом. Он совсем слабый, и, чтобы его сохранить, надо очень сильно сжаться. Стать совсем маленьким шаром.

АДМИРАЛ НЕЛЬСОН И ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Меня зовут Адмирал Нельсон. Я кот. И я всех ненавижу.

А за что мне кого-то любить? Меня очень плохо кормят. Ведь я дворовый кот. У меня даже имени до недавнего времени не было. Все меня звали «Мацо». Это не имя. Это по-сербски означает «кот». Даже не «кот», а «котик», что совсем унижительно. Я же взрослый и сильный экземпляр породы кошачьих.

Почему меня звали по-сербски? Станный вопрос. Я живу в Бания-Луке, а это столица Республики Сербской государства Босния и Герцеговина. Никогда про такое не слышали? Это потому, что вы тупые. Идите, читайте Википедию. Ненавижу тупых.

Прочитали? Ну, так и быть, продолжаю. Я, может, и не самый крупный кот, но уж точно не мелкий. У меня густая серая шерстка с полосочками и красивые ушки торчком. Мне кажется, я похож на рысь. Или на тигра. Я себе нравлюсь. Правда, есть в моей внешности один досадный изъян. Неприятно признаваться, но я одноглазый. Это все из-за Психа. Но про него потом. Я его ненавижу.

Я не только красив, но и весьма состоятелен. У меня в собственности пятиэтажный дом с двумя подъездами. Жильцы дома тоже являются моей собственностью. Причем важной, так как они – источник еды. Кормление котов – это цель и смысл людского существования. Вы со мной не согласны? Тогда, позвольте спросить, в чем смысл жизни человека? Задумались? Не знаете. То-то и оно.

Мои жильцы пока не достигли цели жизни. Я голоден. Периодически, видя меня, они швыряют из окон объедки. Совсем не все людские объедки вкусны или даже съедобны. Это я вам так, к сведению. Райко с пятого этажа швыряет окурки. Бранка с третьего – грязные салфетки. Только пенсионер Милорад со второго иногда радует меня свиными ребрышками. Но это как повезет. Вчера, например, он бросил два куса свежего корня имбиря. Не знаю, о чем он думает. Вы где-нибудь видели кота, который ест имбирь? Уверен, что даже китайские коты его не едят. И теперь я вынужден лезть за едой в мусорный контейнер. Непросто протиснуться в щель под крышкой. Кроме того, там грязно. Не представляю, зачем люди выбрасывают в мусор продукты, которые можно было дать котам. Наверняка из вредности. Ненавижу.

Поскольку я красив, силен и умен, я нравлюсь кошкам. Невесту себе я уже выбрал. Она молоденькая, миниатюрная и очень пушистая. Расцветка, правда, какая-то невзрачная – серая с белыми пятнами. Ну да ладно, это не главное. Главное – у нее есть богатое приданое в виде двух частных домиков с живущими там старушками. Моя пушистая

невеста подходит к бабушкам, задирает головку и жалобно произносит «Мя-а-а-ау!». Старушки тут же выносят ей всевозможные деликатесы. Правда, при этом они ее гладят. Ненавижу, когда меня гладят.

Гладить себя я не позволяю. Я сижу в засаде. Появляюсь, когда деликатесы уже разложены на земле. Моя невеста хорошо воспитана. Она ждет, пока я поем и доедает за мной объедки. Похвальное поведение для самки. Старушки меня не гоняют. Они меня жалеют и называют «бедным котиком». Я, кажется, говорил вам, что я одноглазый? Иногда это имеет свои плюсы. Когда я все съедаю, бабуси приносят новую порцию для моей невесты. Если я сыт, то позволяю ей пообедать. Все это прекрасно. Жаль, что идиллия не вечна. Каждые выходные старушки ездят к родственникам в деревню. Вот спрашивается, куда их несет в их-то возрасте и с их-то болезнями? В выходные мне особенно голодно. Ненавижу выходные.

К сожалению, мы с моей невестой не одни в этом мире. Нас окружают злобные, тупые и противные твари. Собак в моем доме, слава богу, нет. Ненавижу собак.

Но и кроме собак в мире много плохого. Даже коты. Казалось бы, родившись котом, ты должен вырасти в приличное и приятное существо. Ан нет. Взять хоть Пестрого. Жалкая и ничтожная личность. Типичная гамма-особь. Вечно маячит на горизонте, высматривает, как бы спереть мою еду. Заходить на мою территорию боится. Еще бы он не боялся! Но стоит отвернуться, Пестрый тут как тут: шарит под окнами у моих жильцов, ищет корм. Если в этот момент Милорад бросит в окно огрызки от мяса, Пестрый хватает их в пасть и удирает, пока я его не догнал. Типичная гамма-особь. Сам-то я – альфа-особь. Это, правда, если не считать Психа. Но про него потом. Я его ненавижу.

Да и Милорад хорош! Нет бы выглянуть и убедиться, что еда достанется законному хозяину. Мне то есть. Так нет. Швыряет в окно не глядя. Леня ему, видите ли. Радикулит у него. Ненавижу.

Иногда приходит Черная. Конечно, это больше проблемы моей невесты, чем мои. Черная ходит по ее участку и ест ее еду. Ведет себя при этом вызывающе: воет, бьет хвостом и принимает разные позы. Хамит то есть. Моя кошечка слишком молодая и мелкая. Прогнать Черную у нее не получается. Если бы не бабуси, плохо было бы дело. Но старушки Черную не любят. Топают на нее ногами, шикают и швыряют предметы. Короче, выгоняют с участка. Иногда я и сам подключаюсь. Черная ведь норовит сожрать наш семейный обед. Мой то есть обед. Невоспитанная и наглая особа. Ненавижу.

Пестрый и Черная – ничтожные твари. Я их еще и презираю. А они меня боятся. Так и должно быть. Жизнь была бы вполне приемлема, если бы не Псих. Это мой сакральный враг. Пришло время про него рассказать.

Дело в том, что через дорогу от моего дома находится психушка. Не в переносном смысле, а в самом прямом. Психиатрическая больница, где держат психов-людей. Люди-психи меня не волнуют. Они к тому же заперты. А вот рыжего кота, который живет при больнице никто не запирает. А надо бы. Это огромная тварь размером с собаку. Со среднюю собаку. И характер премерзкий. Он считает, что это он – альфа-особь. И ведь не поспоришь, учитывая его размеры! Я как-то поспорил, и вот – лишился глаза. Психа я ненавижу больше всех. Хотя еще есть Черный Ангел. Его я тоже ненавижу. Но про него потом.

Недавно Псих загнал меня под машину. Сам-то он туда пролезть не мог, поэтому под машиной я был в безопасности. Так я и сидел. А Псих ходил возле машины кругами. И это на моей-то территории! Очень унижительно. Спасла меня русская тетка. Ее я, кстати, тоже ненавижу.

Но, как ни крути, с русской теткой связана важная веха в моей жизни: я получил имя. Дело было так. Была суббота. Холодная и дождливая. Да еще это была майская суббота. Я уже говорил, что ненавижу выходные? А еще я ненавижу май. В мае мои жильцы ездят в деревню. Выращивают там фрукты и овощи, пьют ракию и занимаются прочими бесполезными вещами. А я голодный. Вот и в ту субботу я сидел под балконом у Милорада в ожидании ужина. Милорада дома не было. Наверняка торчал с друзьями в кафиче. Вечно эти сербы сидят в своих кафичах и болтают о политике и футболе! Ненавижу кафичи.

Квартира на первом этаже долго стояла пустая. Но сейчас из окна высунулась тетка. Русская тетка. Потому что, увидев меня, она сказала «кис-кис-кис». Сербская тетка сказала бы «мац-мац-мац». Откуда я знаю русский язык? А я разве не говорил вам, что я очень умный?

Чего не сделаешь с голодухи! Перед домом плескалась огромная лужа. Но я все же подбежал под окно. Лапы промокли. Было очень противно. Из окна высунулся еще и бородатый дядька. Посмотрел на меня и сказал: «Адмирал Нельсон. Во-первых, одноглазый. Во-вторых, полосатый, то есть моряк. А в-третьих – вокруг вода. Значит, адмирал». Тетка пришла в восторг и засюсюкала: «нельсон-нельсон-кис-кис». Ненавижу теток.

Но результатом явился кусок курятины. А точнее, куриного филе. Это был первый раз в моей жизни, когда я попробовал филе. Никогда до этого люди не кормили меня куриным филе. Потому что все они злые и жадные.

Теперь я точно знаю, чем в кошачьем раю кормят котов-праведников. Их кормят филе. Это амброзия для кошек. Наверное, я не праведник. Я обижал Черную и Пестрого. И регулярно съедал обеды, предназначенные моей невесте. А еще я какал под окном у Бранки. Это потому, что она меня не кормит. Нет, не возьмут меня в кошачий рай. А значит, я могу отведать амброзии только здесь и сейчас. Как назло, русская тетка куда-то пропала. Я все же дождался еще одной порции. Но до этого долго сидел под окном в луже. Ненавижу.

Я стал приходить под окно к русской тетке каждый день. Подолгу сидел и ждал в позе сфинкса. Сфинкс – это такая каменная египетская кошка. Не могу не повторить, что я очень умный и образованный. Весь май меня кормили вкусностями: куриными хрящиками, кожей и боже-ственно-жирными куриными гузками. Несколько раз мне давали маленькие катышки мясного фарша. Маленькие – потому что фарш стоит двенадцать марок, а курица – четыре. Все же люди – очень жадные твари!

К концу месяца я потолстел, а моя полосатая шерстка залоснилась. Почему эта русская тетка не приезжала раньше? Чем она там занималась вместо того, чтобы меня кормить?! Ненавижу.

И вот в это время у меня завелся еще один сакральный враг. Черный Ангел.

Во всем виноват бородатый русский дядька. Он бросил мне шкурки от копченой грудинки. Как будто он не знал, что я предпочитаю сырое мясо! Я с презрением отказался есть шкурки и даже недовольно

замотал хвостом. Чтоб знали. И чтоб в следующий раз приготовили что-нибудь повкуснее. Повернулся и ушел. И не заметил, что с черепичной крыши соседнего домика слетела молодая ворона. Шкурки ей понравились. А еще она уяснила, что люди меня кормят.

С тех пор эта наглая и прожорливая тварь всюду меня сопровождает. Она мешает мне сидеть в позе сфинкса. Попробуйте сохранять спокойствие, когда противная птица неспешно ходит вокруг вас. Заходит то справа, то слева. И смотрит, издевательски наклонив голову. Пробовал ее ловить. Поймать не поймал, но напугал. Ненадолго, к сожалению. Ворона продолжила меня преследовать. Вы представить не можете, но она ворует у меня куриные косточки и хрящики! Делает это не от голода, а из пакости. Все наворованное уносит на крышу бабушкиного домика и распахивает под черепицу. Теперь там под каждой черепицей лежит моя еда. Лежит и гниет. Тем более что в последние дни сильно потеплело. Я все жду, что старушка почувствует запах и расправится с вороной. Пока не дождался. Ворона всегда рядом: когда я обхожу территорию, когда я встречаюсь с невестой и, конечно, во время еды. Слетает на землю, ходит пешком с постным видом святоши и смотрит издевательски.

В конце нашей улицы есть церковь. На ней нарисованы ангелы с белыми крыльями. Это ангелы для людей. Они летают возле каждого человека, и их не видно. Ангелы для кошек, очевидно, отличаются. Мой ангел, во-первых, черный, во-вторых, вечно мозолит мне глаза. А главное – он очень противный. Не оставляю надежду когда-нибудь его съесть. Ненавижу и еще раз ненавижу!

Стихи по кругу

Валерий РУМЯНЦЕВ

Сочи

Михаилу Анищенко

Тебе снилось не раз перед смертью:
Чтобы сбросить с души тяжкий груз,
Ты бежишь от пустой круговерти
Из России в Советский Союз.

А вдогонку – свистящие пули.
Раз свистят – значит, вновь пронесло.
И ещё не сегодня задует
Твою свечку вселенское зло.

Ты ещё должен сделать так много.
Столько замыслов ждёт свой черёд.
Но всё более жизни дорога
Под ногами скользит словно лёд.

Всё сильнее колотит в грудь ветер,
Не давая свободно вздохнуть.
Всё земное, за что ты в ответе,
Разрывает дрожащую грудь.

Вдруг удар – пуля всё же достала.
Закружился разорванный свет.
Ты успел лишь подумать устало:
Вот и кончился этот сюжет...

Ты очнулся. Явь рвёт сон на части.
Только грудь продолжает дрожать.
И вокруг шёпот слышится: «Мастер,
И от нас ты хотел убежать?»

Ненаписанных строчек буклеты
И забытых сюжетов куски
Проплывают дымком сигареты
Сквозь туман неуёмной тоски.

И мерцает в квадрате тумана
Прошлых жизней гремучая смесь.
Оживают герои романа,
Чтоб остаться сегодня и здесь.

Оживают и вновь исчезают:
Никому они здесь не нужны.
Понапрасну лишь сердце терзают,
Хоть душе почему-то важны.

В полумраке холодного дома
Словно змеи сплелись времена.
Галерея титанов и гномов
Тех же вечных вопросов полна.

Ты во сне был убит не случайно –
Был уже предрешён твой уход.
Часто сны раскрывают нам тайны,
Что явь прячет под слоем забот.

Дни прошедшие памяти сито
Заставляет кружить пред тобой.
Сколько было чаш жизни испито!
А вполне бы хватило одной.

Сквозь туманы и вьюги Отчизны,
Сквозь забот мимолётных пыльцу
Для чего-то бежишь ты по жизни
Словно слёзы бегут по лицу.

Ты ведь мог прилепиться к кормушке
И в чиновничьей жить суете.
Кто загнал тебя в эту избушку,
Бросив здесь умирать в нищете?

Ты ушёл, ни о чём не жалея,
Отпустив своё слово в народ.
Кто душой за Россию болеет,
В твоих строках поддержку найдёт.

И слетит шелуха с дней вчерашних.
И душа вдруг сумеет понять:
Умирать за Россию не страшно.
Страшно – против неё умирать.

Мария АГУРА
Нижний Новгород

* * *

следы повсюду
и все причастны
чему-то во мне происходящему
вспоминаю о памяти и звездных утрax
но не могу вспомнить о том

зачем вообще помню
многое из жизни неба
неба тех следов
которые оставляю

Рядом

норы звучаний ведут в тишину центра
если ты сделаешь это, обретёшь ясность
перестать говорить – полдела
надо исполниться дорогой

все цвета ведут во взглянувшего
голоса – в отвечающего
и будешь ли вобран необходимостью – это
сага упущенного

нам даровано дело беспамятства
тропы и снадобья части
чтобы «когда-то» изъять в цельность
и оставить земле огораживать вечность

одетое в светила остывает в нас
разведенное в пряди – крепнет
и мы меркнем в себе
теми краями и теми светами

«там» протянуто в ленты видений
и в огне явлено необъяснимое
мы вхожи в возвращения
и отпущены способностью к нескончаемости

Лейла ОРЕН

Нижний Новгород

Одинокий дождь

Рассекает по полю промозглый и одинокий дождь,
Завернув себя в плащ, как-то нервно реагирует на свет.
– Ты кого-то там ищешь, дождь? Или кого-то всё ждёшь?
Тот оборачивается резко и кивает всем телом в ответ: – Нет...

Пола плаща его раскрываются и царапают бедную ночь,
Пуговицы звёздами разлетаются в стороны, сверкая, как фонари.
Ветер кричит ему: – Эй ты, дурак, свой фонарь обесточь!
А дождь прожженной гортанью рычит ему: – Не ори!

И снега расплзаются, тают и медленно в лужи текут.
Стук колес – электричка бубнит о врождённом сердечном пороке.
И летит самолёт, и взлетают тревожные птицы и в небе встают,
Как застрять умудряется снега кусок по весне в застуженном водостоке

Останься на свете надолго

Мне сегодня приснилось, мама, что тебя больше нет.
И что небо так пасмурно смотрит и воет так гулко.
И что возле подъезда – окурки от сигарет.
Да и солнце мне виделось в форме того же окурка.

Мне причудилось, мама, что осенью дни чуть длинней;
что безмолвные ночи подобны могильной дремоте;
и что иней упал на дороги непрожитых дней;
и что я вдруг одета в морозы не по погоде.

Мне приснилось всё то, что заковывало мир в тиски,
не давало по жизни лететь беззаботною птицей.
Мне приснилось, что время мне тикает болью в виски
и никак не даёт тебе снова сюда возвратиться.

Мне сегодня приснилось, мама, будто годы не в счёт,
что заплачено всё и сполна и что время не лечит.
А пожухлое небо вело свой незримый учёт.
И на ум приходили слова, но не складывались в речи.

Мне сегодня приснилось так много, что тяжело внутри.
Разбежались горохом по темени мысли до боли.
Мне приснилось... но ты этот сон никогда не смотри
и останься на свете надолго по Божией воле!

Владимир БОЛОХОВ

Новомосковск, Тульская область

Гроза в тайге

Олегу Рябову

Кедр, к небу устремлённый,
расстрелян был в упор
стрелой искривлённой –
острее, чем топор.
И грохотом прошило
округу – вглубь и вширь.
Опальной сник вершиной
таёжный богатырь.
Но сник не в чахлой темени –
где прозябает мох.
Свояк по роду-племени –
не дал упасть – помог.
Лишь дрогнул кряжеватым
напрягшимся горбом,
плечо подставив брату –
упёршись в небо лбом.

Публицистика

Николай БЕНЕДИКТОВ

Российский политический деятель, философ, писатель. Родился в 1949 году в Горьком. Окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета. Доктор философских наук, профессор. Избирался депутатом Государственной думы третьего и четвертого созывов.

Автор ряда книг, в том числе «Русские святыни» (Москва, 2003) – о системе ценностей русского народа. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ЛЮБОВЬ И ЯРОСТЬ СВЯТОЙ РУСИ

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.*

А.С. Хомяков

Воспоминания близких о военном времени

Я принадлежу к послевоенному поколению, для которого Великая Отечественная война была очень близка и переживалась как что-то современное и бытовое. Рядом жили люди, прошедшие войну, ее не забывшие, и мы, младшие, с почтением слушали и пытались улавливать все об этом величайшем времени, о человеческих переживаниях той эпохи, а уж о родных тем более. Мне казалось, что это великое испытание позволяет понять, говоря языком XIX века, весь замысел Божий о человеке, а тем более о России. Все мои родственники-мужчины, по возрасту подходившие, воевали: отец и три его брата, у мамы – два брата, мои дяди. Все это было привычно и созвучно послевоенному времени. Так, в Сталинабаде (ныне Душанбе), где я жил, в школе был спор между ребятами о том, кто лучше воевал с немцами. Это было признаком мужества и состоятельности, национальной гордости. Не думаю, что тогда у кого-то мог возникнуть вопрос о нужности войны с немцами, как это стало возможным сегодня, к сожалению. Немцы были синонимом чего-то жуткого, зверского, враждебного. На речке Душанбинке был поселок сосланных немцев Поволжья, и мы, маленькие дошколята,

не могли понять, почему немцам позволено жить рядом, придумывали разное, что это, дескать, ненцы, а не немцы. И все равно ощущение жуткости было.

Фронтовики не очень-то делились рассказами о том времени и о фронте. Тем важнее были случайно услышанные детали, факты, случаи, дошедшие до нас. Так, был у семьи хороший знакомый Николай Иванович Яковлев. Его рассказ мне запомнился на всю жизнь. В январе 1943 года утром солдат Яковлев выскочил из землянки под Сталинградом и побежал, куда надо по приказу. Ударил немецкий пулемет. Упал солдат на землю, пулемет строчит, не дает подняться. Пролежал до темноты. Во тьме выломился из льда (за день вморозился в лед), дополз до землянки, товарищи налили водку-спирт, выпил. И что интересного – не чихнул потом. Вот это – «не чихнул» – было сказано. Это экстремальная мобилизация организма. Попробуйте положить самого здорового человека часов на шесть в лед на январском морозе и посмотрите на то, что с ним будет.

Редко фронтовики говорили о героических подвигах, больше слышалось «бытовое». И это мне тоже казалось очень и очень интересным. Отец был суровым и жестким человеком, всегда занятым и не любившим досужей болтовни. По редким случаям можно было услышать какой-либо рассказ. А все другие родственники были далеко от Сталинабада-Душанбе, в России. Поэтому, приехав в Горький, смог я наконец услышать кое-какие рассказы. Приехали мы с отцом, который братьев не видел тоже давно. Естественно, встречи сопровождалась посиделками, а коли так, то и воспоминаниями. Пришел старший брат (для меня дядя Леня), я собрал на стол, что приказано, и присел в уголке рядом, чтобы не мешать и в то же время быть рядом. И тогда я услышал рассказ отца о Ленинградском фронте. Дядя Леня попал в армию в 1937 году, в массовой развернувшейся армии обученный военнослужащий дорого стоил, поэтому он дослужился до командира роты и старшего лейтенанта по званию. Впрочем, о нем особо потом. Воевал он много южнее, на Сталинградском, Курском фронтах, и условия на северных фронтах ему были плохо известны. А отец и два его брата – Борис и Николай – учились в Ленинградском университете и, естественно, попали на Ленинградский фронт. Поэтому отцовский рассказ был интересен и его брату.

Отец поступил на восточный факультет Ленинградского университета в 1939 году. В 1941-м началась война, он был белобилетником по зрению, то есть был освобожден от военной службы. Однако он был большим патриотом и, по рассказу дяди Бори, пришел к нему за советом: идти ли ему в ополчение или все же проситься в регулярную армию. Дядя Боря был младше отца, но в университет поступил раньше его, проходил военное обучение в университете, был призван сразу командиром взвода. Дядя Боря, конечно, сказал, что армия безусловно предпочтительна, в ополчении бардак. Так отец попал в армию в июле 1941 года. В это время и в военкомате, видимо, не цеплялись к отклонениям по зрению. Да и среднее образование было отнюдь не у всех, поэтому довольно быстро отец получил звание сержанта. Вот три рассказа сержанта Ленинградского фронта, запавшие в память.

Первый. Солдат возвращался в августе 1941-го из отпуска в часть. Отец выразился «бежал». Опоздал на два часа. Приказ: расстрел перед строем полка. Полк построен буквой П, опоздавшего ставят на колени, руки за спиной связаны, особист приготовился стрелять из пистолета в

затылок. Солдат видит тень, отклоняется, но все равно – выстрел! Полк деморализован. Война, опоздание есть серьезный проступок, приказ о расстреле зачитан выстроившемуся полку. Почему же полк деморализован? Ведь солдат бежал в полк, а не из полка, можно наказать, но не так. Поэтому приказ Сталина № 227 1942 года «Ни шагу назад!» представляется на фоне этого случая много осмысленнее и мягче. По этому приказу виноватый был бы наказан, но в самом крайнем случае он попал бы в штрафную роту, воевал, мог вернуться живым и нанес бы какой-либо урон противнику. Значит, режим в 1941-м был жестким, однако не обусловленным военной обстановкой. Не умели еще воевать!

Заодно несколько соображений. Германская армия уже два года тренировалась в Европе. Напомню, что летчик у немцев должен был налетать 100 часов, прежде чем его пошлют в боевой вылет. У нас до боевого вылета летчик должен был налетать 20 часов. Это лишь мелкий штрих, однако достаточно показательный. Возьмите наших трижды Героев-летчиков Покрышкина и Кожедуба. Оба до первого боевого вылета летали уже много лет, работали инструкторами по летной подготовке, наверное, это помогло им выжить в 41-м, и, как говорится, «кто выжил в 41-м, тот брал Берлин в 45-м». Заодно приведу и известное выражение Покрышкина о том, что кто не воевал в 41-м, тот всей тяжести войны не видел. Я еще «облегчил» выражение знаменитого героя.

Второй рассказ. Февраль-март 1942 года. Возвращаясь из разведки, отец не смог от истощения и усталости идти дальше и дойти до части. Товарищи его тоже не могли нести его. Нашли место потверже (вроде тропа) и попросили держаться за ножки оставленного при нем его же пулемета (защита от зверей и врагов). А дальше очнулся в госпитале. С благодарностью вспоминал товарищей: «Значит, дошли, вернулись за мной, дотащили до врачей и отправили в госпиталь!» Я потом нашел подтверждение этой истории: в солдатской книжке было написано буквально следующее: «возвращаясь из разведки, не смог дойти до расположения части». Лежал в госпитале в Пушкинском доме. Показатель положения дел на Ленинградском фронте: в разведку идет сержант с пулеметом, столь плохо себя чувствующий (потом обнаружилось, что у него еще действуют последствия контузии), и его товарищи, столь слабые, что едва могут дойти (или не дойти до части). А уж в разведку отправляли тех, кто мог ходить.

Брат Борис был тоже в госпитале, переписывались. Отец придумал, как надо писать, чтобы цензура не вычеркнула. Написал Боре, что из окон видно место, по которому часто гуляли. Брат догадался, что это Тучков мост, а единственное большое здание рядом – Пушкинский дом. Сам дядя Боря был на излечении после ранения в Академии художеств. Знающие Ленинград поймут, что по Университетской набережной госпитали недалеко друг от друга расположены. Борис был лейтенант, ранен в ноги и руки, чувствовал себя лучше отца (молодость ли тому причиной, ведь на три года моложе, или кормили командиров чуть лучше, не знаю). С госпитальным начальством у общительного Бори отношения были хорошие, договорился, отправился к брату. В громадном зале с койками, найти и узнать брата не смог, тот узнал его первым и окликнул. Борис же узнал брата с трудом. Первый же вопрос: «Что ешь?» Отец отвернул подушку и показал сухари, лежащие там. На душе Бориса стало легче.

Мне в рассказе дяди Бори было непонятно, почему легче и почему был такой вопрос. И он объяснил, что сухари были довоенные, это был

засушенный хлеб, качественная еда, а терявшие рассудок и плохо контролирующие себя люди меняли сухари на свежий хлеб. Хлеб внешне объемом был больше, чем сухари, однако его делали уже в блокадном Ленинграде и в значительной мере из несъедобных наполнителей вроде опилок. Блокадники уже знали, что себя контролирующие имели больше шансов на выживание! Факт весьма примечательный.

Боре как-то получилось ускорить эвакуацию брата, доказав, что он еще повоюет, ведь себя контролирует, – так следовало из его короткого рассказа. Отца вывезли одним из последних автомобильных караванов по Дороге жизни по Ладоге в апреле 1942 года (это не значит, что потом она не действовала. Самого дядю Борю вывезли по Ладоге, но позже и уже на судне по воде).

Это отдельный рассказ. Дорогу через Ладогу берегли, намораживали, чтобы дольше держалась, везли в апреле местами просто по воде. Через определенные промежутки были оборудованные остановки, где проверяли загрузку машин, облегчали (кто-то умер – значит, за борт), в дороге также сопровождающие старались облегчить машины от умерших. Отца трижды снимали. Однако от одной остановки к другой ходили специальные патрули, проверяли путь и выброшенных специальными щупами. Отец от сотрясения при выкидывании из машины, видимо, приходил в сознание, а при проверке удавалось издать звук, показывающий, что он еще живой. И его закидывали в следующую машину. Так он попал на Большую землю и в далекий сибирский госпиталь.

Мне как-то удалось задать отцу вопрос: когда он понял, что в войне с Гитлером победим? Неожиданным был его ответ: в августе 1942 года. Я удивился – это время наибольших успехов немцев: 23 августа немцы вышли к Волге в Сталинграде. Откуда же у отца такой вывод? Лежал в госпитале и переживал. Информация – из газет и из громкоговорителя, госпиталь в лесах, спросить некого. По названиям населенных пунктов становится понятно, как далеко немцы зашли вглубь России. Отпущен выздоравливать домой. Выбирается на костылях на железнодорожную станцию с тяжелым чувством о гибнущей России. И на станции душу отпустило: в России наступил порядок – поезда идут по расписанию, никто просто так не бежит, все занято делом. И отец подумал, что если в России порядок, все знают, что им делать, то каюк Европе! Мне это показалось очень важным. Ведь порядок в России наступает тогда, когда все объединены одним чувством и одной мыслью, все организованы, а уж терпения и умения отдаться до конца главному смыслу и главной задаче русским не занимать!

К этому мне хотелось бы добавить еще одно соображение. Во время войны в Англии в 1941 году был случай, когда авиационный полк отказался выполнять задание. Почему? В предыдущем вылете потери составили 20%! Этого оказалось достаточно, чтобы воинская часть оказалась небоеспособной. С тех пор и до сего дня в расчетах боевых операций европейских армий заложена эта цифра: если потери предполагаются более 20%, то воевать нельзя. У русской армии таких ограничений не было! Это тот великий зазор, который обеспечивал России и СССР дополнительные возможности. Вспомните песню «Нас оставалось только трое». А ведь реальная история говорит о том, что в этом новосибирском взводе осталось всего двое! Сколько оставалось в живых панфиловцев? Сколько оставалось в живых десантников Олешанского в Николаеве? И ведь все продолжали выполнять боевую задачу! Сколько было Александров Матросовых? Около 300. Сколько было

воздушных таранов! Однако таран – это не обязательно самопожертвование, можно остаться в живых, и оставались. Но вот самопожертвований подобно Гастелло у них не было!

Теперь о старшем брате отца, для меня дяде Лене. В армию он был призван в августе 1937 года. В войну вошел хорошо обученным, быстро дорос до командира роты и старшего лейтенанта. Запомнились два его рассказа. Командиром своей маршевой роты направлялся на Курскую дугу. При пополнении в роту пришли два юлдаша (по-узбекски «товарищ»), так называли большинство среднеазиатских призывников, и приказано было, по его словам, под роспись и личную ответственность командиров уделять им особое внимание. Почему так? Нет привычки, нет навыка, нет традиций, все незнакомо, плохо знают язык. Вел роту к передовой и отвлекся. Вспомнил о них и не увидел в строю. Приказал заместителю вести строй, а сам кинулся назад искать. Пробежал обратным путем километров пять и нашел. Лежат в воронке от снаряда или бомбы и выставили зад наверх в надежде на ранение в открытую точку. Вот уж тут горячий командир вlepил в эту точку кирзовым сапогом, а потом под вопли юлдашей гнал их подобным способом до передовой. Думаю, говорил рассказчик, что сесть им было довольно трудно потом.

И еще один весьма необычный рассказ того же дяди Лени. Он был истово верующим и истово служившим. Стал командиром, и его пытались несколько раз принимать в партию. Он каждый раз соглашался, на собрании ему давали хорошую рекомендацию как боевому командиру, патриоту, согласному с политикой товарища Сталина. После чего патриот и боевой командир говорил, что с политикой партии и правительства согласен, поддерживает, вынимал всегда бывшую с ним карманную книжку Новый Завет, показывал собранию и говорил, что Христос был первым коммунистом. Собрание сначала торопело, затем скучнело, вопрос откладывался. В другой части после ранения и излечения история повторялась.

С православной верой и войной связана еще одна семейная история. Мой дед-священник (расстрелян в 1937-м) сказал сыну Алексею, уходящему в армию, чтобы не озлоблялся, когда его отца заберут в очередной раз, поскольку оружие Алексею дадут против врагов Отечества, а не против своих. (Родным после ареста и расстрела сказали официально, что отец посажен на 10 лет без права переписки.)

Началась война, на фронт уходят четыре сына. В 1943 году бабушка Зина узнает, что начинают призывать 1926-й год рождения. Значит, призовут следующего сына Виталия. И не выдержало сердце. Она берет военные свидетельства сынов и идет в военкомат. Показывает военному документы и просит не трогать Виталия. Военком оказался уже воевавшим, отнесся сочувственно, разобрался и сказал ей, что Виталий имеет бронь, поскольку учится в авиационном техникуме. Он будет нужен как специалист много позже, поэтому сейчас мать может не беспокоиться. И никому он о ее визите не скажет. Бабушка ушла успокоенная.

Однако дальше происходит неожиданное. Сыновья все приходят с фронта раненые, калеченые, но живые. А ее сын Виталий в голодный 1946 год охранял картофельное поле. Пытался криком отпугнуть каких-то людей в военной одежде (полстраны было в такой одежде после войны) от поля и получил пулю (оружия после войны ходило по рукам множество) в лоб. Убит! Бабушка искренне верила, что отец-священник отмолил воевавших сыновей от гибели, а она поступила не по совести, что и привело к убийству Виталия.

И еще два рассказа тещи. Девочкой ее угнали немцы в 1941 году в Германию из Черниговской области. Долго была в трудовом лагере, и только к концу войны ее отдали бауэру, состоятельному единоличнику-крестьянину, у которого стало полегче с едой. В лагере было голодно, а было это в аналоге нашего Донбасса Руре. Городки все рядом, режим лагеря не самый страшный, ведь не для военнопленных и не лагерь смерти. Убежала как-то из лагеря в надежде на еду, пробралась под оградой, перебежала в соседний городок (расстояние меньше километра) и стала просить у немцев милостыню поесть. Никто ничего не давал, наконец одна женщина повела с собой, показала дома: «Приберись здесь». Убралась, вроде как заработала, получила заработок хлебом.

Я у нее спрашивал о том, как наши люди относились к пленным немцам. Жили они с мужем на Автозаводе, дома строили пленные. После войны, естественно, было голодно, и военнопленные просили поесть. И наши люди им всегда что-нибудь давали...

Русская душа – особое оружие

Наш известный литературовед В. Кожин как-то написал, что знаковый немец обратил его внимание на то, что у немцев во время войны не было лирических песен. Были марши, напевали довоенные песенки, а война сама по себе лирической поэзии не родила. Сказать, что немцы не музыкальны, не сможет никто. Имена Баха и Бетховена сами по себе достаточны для доказательства обратного. Почему же немцы не пели? А у нас? Каждый знает, что у нас мощный пласт лирических песен военных лет. Это и знаменитая «Землянка», и «На позицию девушка провожала бойца», и «Темная ночь», и многие, многие другие... Их поют и сейчас, они приобретают и новое звучание, и новые смыслы в изменившихся условиях. Кожин справедливо писал на основе этого случая о русской душе, о литературе, об их значении для народа и для войны. Мне же кажется, что не все смыслы были объяснены.

Мне доводилось читать книги с анализом писем немецких военнослужащих 1941–1942 годов. Они все исполнены спеси, надменности, ненависти и презрения к народу противника. Думается, что в этом и объяснение отсутствия лирических песен. Грех гордыни и спесь нацизма – не лучшая почва для лирики.

Вспомните основные смыслы и тональность наших песен: «мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви», «пой, гармоника, вьюге назло», «на подвиг Отчизна зовет». Если вдуматься, то становится ясным главный мотив и главное чувство, которым руководились авторы и певцы этих песен. Это, конечно, любовь к родным и близким, к товарищам, к Родине. И тогда бой становится не аналогом спортивного соревнования с его борьбой самолюбий, а битвой насмерть. Конечно, в таком случае последствия выражаются не только в литературе и к лирической поэзии. В совершенно иной степени боеспособности.

Чехословацкий президент Э. Бенеш на вопрос о том, почему они не воевали с ненавистным Гитлером, подвел собеседника к окну и сказал, показывая на Прагу: «А город-то цел». Напомню, что Чехия давала Гитлеру больше военной продукции, чем ее производила, пусть с другой стороны фронта, Великобритания. Понятно, что жизнь и нынешняя территория Чехословакии, Польши обеспечена советскими солдатами, а не местными жителями. Нам же пришлось преодолеть мощь не толь-

ко военной промышленности Германии и Италии, но и самих Чехословакии, Польши и практически всей Европы. Так, подсчеты показывают, что Бельгия более 10 раз укладывается по площади в оккупированную часть Советского Союза, а военной продукции Бельгия дала в 10 раз больше той же оккупированной части СССР. Иными словами, Бельгия как образцовая часть якобы приличной Европы даже минимально не сопротивлялась Гитлеру, но помогала ему в 100 и больше раз, чем вынужденно могла быть использована захваченная часть СССР.

Обратимся к расчетам боеспособности европейских войск и виртуально сравним их с боеспособностью советских, русских войск. Легко понять, что «спортивный» тип боеспособности, когда она зависит от 20% потерь, противоположен и не может быть никогда равен «смертельному» типу боя и боеспособности советского-русского солдата. Сколько потерь переносит русское войско, сохраняя боеспособность, не скажет никто. Это зависит от множества условий и обстоятельств. Однако ясно, что Великая Отечественная война показывала гораздо большую ударную мощь советско-русских подразделений по сравнению с немецкими (видимо, лучшими из европейских) тогда, когда сравнивалась по профессиональному мастерству. Европейцы же остались, как писал о них великий русский философ К. Леонтьев, «идеалом и орудием всемирного разрушения»! И эта разница в типе боеспособности позволяла выстоять в тяжелейшем и сложнейшем противостоянии и России, и Советскому Союзу, поскольку Европе, а затем войскам НАТО всегда надо было рассчитывать свои боевые возможности исходя из пресловутых 20%! А России – Советскому Союзу можно было обеспечить достаточное боевое возможное воздействие, обеспечивающее эти 20% потерь противника.

Теперь хочется отметить еще одну сторону этого не очень видного расчета возможных военных столкновений. Я пишу «сторону», однако эта сторона может оказаться корневым источником жизни и национальной особенности. Мне уже доводилось писать о том, что в человеке заложены во много раз большие возможности, нежели это нам кажется привычным. Так, бицепс обычных людей под электроударом может поднять «гантель» в 450 килограммов. Никто из чемпионов по поднятию тяжестей не может даже двумя руками, а не одним бицепсом, поднять полтонны. Значит, человек использует даже мышечную силу всего на 10%, а скорее всего даже меньше. Известны случаи, когда ребенок попадает под колеса автомобиля, а миниатюрная мать поднимает полторатонную машину, освобождая ребенка. Тут речь идет, как видите, только о мышцах, о мускульной силе. Возможности же нервной, эмоциональной, мыслительной систем, думаю, пока и не придумали, как измерять. Во всяком случае, нет никаких оснований предполагать, что неиспользованные запасы этих систем меньше мышечных.

Как же вызывать дополнительные силы?

Мне довелось некоторое время заниматься жизнеописаниями выдающихся монахов. Бросалось в глаза следующее. Сергей Радонежский, как известно, два дня в неделю не ел вообще, мяса не ел совсем, остальные дни существовал, говоря современным языком, на голодном рационе. При этом по Руси ходил только пешком, дневной переход составлял обычно около 70–80 километров, а в его «Житии» отмечалось, что Сергей был «силен, как два человека». В XIX веке на Афоне прославился русский нижегородец Арсений. В его жизнеописании, составленном монахом, отмечаются как удивительное чудо некоторые

периоды жизни святого, когда даже постоянная голодная диета (строжайший пост) Арсения казалась своей строгостью совершенно невероятной даже монахам. При этом Арсений ходил пешком тысячу верст в Константинополь-Стамбул с Афона, ходил по горам по 70 км в день, удивляя скоростью передвижений даже привычную братию. Думается, что монахи, подобные Сергию и Арсению, нашли какой-то способ вызывать у себя упомянутые выше дополнительные силы.

В размышлениях на эту тему постоянно всплывает общественная сторона проблемы. Так, Сергей Радонежский задал России определенный тип монастыря – общежительный. Сегодня других монастырей у Православной церкви уже нет. А когда-то были еще особножительные, то есть обители, где каждый монах мог жить своей жизнью и питаться как хотел и сколько хотел. Иные исследователи писали даже, что в монастырях общежительных господствует самый настоящий трудовой коммунизм. Ибо монахи обязаны в такой обители работать на общее благо.

И еще одна картина и все о том же. Узники лагерей смерти типа Маутхаузена оставили воспоминания, и есть исследования. Бросается в глаза, что человек, имеющий идею и задачу, например состоящий в подпольной организации, словно приобретает дополнительные силы. У него появляется воля к жизни и действию. Это очень напоминает ленинградские блокадные размышления о тех, кто ест хлеб и кто ест сухари. Кто себя контролирует, а кто нет. Кто живет, а кто нет, кто любит, а кто нет.

Иными словами, напрашивается простая мысль о том, что тот, кто имеет громадную любовь к людям (Сергий), кто имеет громадную задачу помочь людям из любви к ним (подполье лагерей смерти), кто живет этим общественным духом, любовью, дружбой, заботой о людях, тот получает возможность воспользоваться дополнительными запасами силы, жизнеспособности. И наоборот. Живущий собой и своими хлопотами не имеет к ним доступа. Любовь как чувство-мотив жизни и самоотверженности на фронте (напоминаю о лирике военных песен) увеличивает жизнеспособность и боеспособность, уменьшение этого «общественного» чувства любви и дружбы уменьшает не только лирико-литературные, но и вообще все жизненные возможности. Ведь человек под влиянием этого, так сказать, общественного чувства живет не ради себя, а ради жертвенной любви и дружбы по отношению к другим. Отсюда и подвиг Матросова и Гастелло, и та самая благородная, святая ярость, что «вскипает, как волна».

Особенности русского мировоззрения

Исследования французскими социологами российского общества показали, что отказались от общественного чувства и быстро обогатились ряд этнических групп, сумевших быстро принять логику капитализма, то есть думать и заботиться в первую очередь о собственном благополучии, а все общественное отодвинуть на второе место. Среди самых богатых людей России выделяются семь этнических групп. И русского этноса среди них нет! Разумеется, есть русские среди богатых, однако, если оценивать среднестатистическую ситуацию, то русских среди них очень мало. Эти исследования фиксируют итоги 90-х годов. И это примечательно.

Ситуация с коронавирусом резко подчеркнула значение общественного начала. Богатство и деньги тут не помогут. Обществу пришлось еще раз делать выбор между общественным и личным интересом. Китайцы довольно быстро справились с первой волной коронавируса именно в силу жесткого подчинения государственно-общественному порядку. У русских в мировоззрении превалирует общественное над частным. Экономическая ситуация предположительно должна усилить это превалирование, поскольку принимаются вынужденные государственные меры противодействия эпидемии (помощь любому работающему человеку и производству). Однако у русских мировоззрение с превалированием общественного над частным в истории воплощалось в христианство и в коммунизм. Каких-либо других оформленных систем мировоззрения пока не выявилось. Про коммунизм сегодня вряд ли можно говорить как о реальной перспективе. Легко услышать в ответ от телевизорных умников: «Мы это проходили!» Впрочем, коммунизм и православие отнюдь не так уж меж собой непримиримы и несоединимы.

Сначала о православии.

На наших глазах происходит возрождение Православной церкви. Может показаться, что смысл нашей жизни в православии и в церкви. Ведь учение Христа говорит о любви к людям, говорит о жертвенности истинного христианина. И действительно, сегодня есть примеры очень и очень привлекательного церковного поведения. Митрополит Агафангел возглавляет Одесскую епархию. Церковный хор епархии не ограничивается церковными песнопениями, но регулярно исполняет песни военных лет. В епархии всегда служат поминальную службу по убиенным и сожженным в Доме профсоюзов в Одессе нацистскими украинскими преступниками. Митрополит достаточно ясно обозначает свою позицию против националистов, ведущих Украину в Европу и к гибели. Можно сказать, что ответ найден – Православная церковь.

Однако не все так просто. В ополчении Донбасса воюют против киевских националистических войск американец, немец, испанец, пуштун (афганец). Как видите, православных среди них нет. Почему они воюют за Донбасс против официального Киева? Афганец говорит, что он просто советский человек. А остальные трое были возмущены страшной казнью людей в Одессе (сожжением людей в Доме профсоюзов), посчитали это фашизмом и поэтому пошли защищать людей от этого страшного порождения Европы – нацизма. К этому можно добавить и то, что против России в Первую и Вторую мировые войны воевали православные болгары, а во Вторую мировую – и православные румыны. Значит, церковь есть, а где православный смысл у этой публики? Стоит вспомнить, что в 1917 году Временное правительство объявило «свободу», в том числе от обязательных походов в церковь, в результате к причастию (главный признак православного верующего) в армии стали ходить только 10%. И среди русских военнопленных в Германии указанные обязательные походы в церковь отменились, конечно, и церковность выражена в тех же цифрах. Легко понять, что из этих 10% по крайней мере половина продолжала ходить по привычке или на всякий случай, а реально верующих, следовательно, было только процентов пять. А православные воцерковленные болгары и румыны в военных условиях демонстрировали только подчинение приказу начальства и применение к правилам толпы («я как все») и привычку. А была ли там любовь, тем более жертвенная?! Все на самом деле много сложнее.

Любые испытания, которые дает человеку жизнь, могут и должны быть уроком становления и понимания возможностей человека. Ведь человек, рождаясь, обладает лишь громадными способностями, но не обязательно их использует и выявит. Человек в отличие от животного рождается только с возможностью стать человеком. Волк или обезьяна рождаются сразу обезьяной или волком. Чтобы стать такими животными, не надо «становиться», животное уже готово, зверь уже родился зверем. Человек же не может стать человеком без человеческого общества и без усилий своих и общества по воспитанию, возвращению человека. Без общества человеческий детеныш может выжить, но человеком не станет. История Маугли всем известна, история индийских девочек Амалы и Камалы есть во всех учебниках философии и психологии. Значит, человек обучается возможностям и способностям, заложенным в него Богом или природой.

Сколько и каких способностей заложено в человеке? Каков Божий замысел заложен в человеке? Насколько мы его освоили? Как далеко мы прошли по этой дороге освоения Божьего замысла? Эти вопросы будут всегда стоять перед человеком, и опираться в поисках ответа исследователь может и должен на критические обстоятельства жизни, на экстремальные испытания, которым общество и человек подвергались в истории. И, судя по сравнению проявленных мышечных (мускульных) возможностей с выясненными горизонтами, человек находится в начале пути. И горизонт явно отстоит от нас весьма далеко. Но «компас», указывающий нашу дорогу, ее направление – как стать человеком (подобием Божиим), проявившим весь Божий замысел, этот компас, мне кажется, ясен уже сегодня. Можно называть это состояние общества коммунизмом, можно называть Божьим царством, это другой вопрос. Но путь туда лежит через жертвенную любовь как главный смысл человеческой жизни, как ключ, делающий человека человеком как образом и подобием Божьим. И русские явно не последние в череде этносов, ищущих и проходящих этот путь. Конечно, мозг и сознание человека является своего рода черным ящиком, понять который трудно, если вообще возможно. Однако стремиться к этому надо. И нынешняя эпидемия коронавируса, с одной стороны, бедствие, а с другой – делает нас сильнее, надеюсь, помогая понять что-то принципиально важное в человеке, его смысле и истории. Ведь заболеть может и любой богатый человек, а для выживания общества и, следовательно, каждого из нас нужно соблюдать правила, обязательные для всех.

Говоря о Божьем замысле в отношении России, хочется оттолкнуться от известной сцены-разговора Воланда и московских литераторов в знаменитом произведении Булгакова «Мастер и Маргарита». Помните, Воланд там говорит о доказательствах бытия Божиего? Упоминает Канта, который разрушил эти доказательства и выдвинул свои. Так вот, особенность этого рассказа в том, что речь идет только о Европе. Кто дал первоначальные доказательства? Это, конечно, Фома Аквинский, который в своей «Сумме теологии» постарался обосновать бытие Божие. При чтении, помню, меня поразило то, что ни о нравственности, ни о красоте в его доказательствах речь не идет. Доказательства предельно логичны и умозрительны. А красота поминается лишь как что-то второстепенное, присущее Богу, но не стоящее большого внимания. Получается, по Фоме, что истина есть что-то предельно рациональное, а нравственность есть лишь что-то второстепенное и не очень существенное. У Фомы человек есть существо думающее, а не существо с

совестью. Красота же упоминается скороговоркой как что-то второстепенное. Иными словами, человек как Божий замысел в европейском понимании есть предельно логическое существо вне красоты и нравственности, а по-русски – попросту робот. Да, Кант показал недостаточность этой логической конструкции, а потом привел свои доказательства. Его доказательства являются просто указанием на факты, которые смущают философа и, по его мнению, свидетельствуют о Боге. Это, как известно, звездное небо над головой и моральный закон в человеке. О красоте же и Кант не говорит. Таков европейский взгляд на Бога и его замысел о человеке.

Русские же философы очень серьезно отличаются от европейских в этих исходных посылах. Революционеры и консерваторы, материалисты и идеалисты говорят удивительно схожие вещи. Ленин и Чернышевский, Достоевский и Леонтьев обязательно говорят о морали и красоте, причем как о чем-то неразрывно связанном в единое исходное начало. Когда Достоевский говорит о том, что в случае расхождения истины с Христом он предпочтет остаться с Иисусом, то парадоксальная форма изложения только подчеркивает одно: истина может быть логической и рациональной формулой, а потому всегда недостаточна и случайна, ибо мир бесконечен и вечен, а Бог всегда с моралью и красотой, и эти качества непосредственны и неотменяемы. Мир для русского человека обязательно целен, и совершенно обязательными и первостепенными его качествами являются жизнь, нравственность и красота. Причем эти позиции вряд ли принесены христианством, они существовали и ранее как особая суть русского мировоззрения.

Стоит добавить, что западная философия и русская философия не являются равнопорядковыми сторонами, просто несколько различающимися по взгляду на мир. Нет.

Напомню, что великие вселенские отцы христианской церкви Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов учили о жизни как о Божием замысле, говорили о нравственности и красоте в их единстве. Европейский ум уклонился от основного ствола мысли и чувства христианства. Фома Аквинский является отцом западной (католической), но не отцом всей христианской церкви. Лютер и протестанты усугубили крен западной мысли в сторону холодного рационализма и логики. Именно поэтому великий Леонтьев писал о европейце как об идеале и орудии всемирного разрушения. Ведь если мысль не руководится нравственностью и красотой, то она становится средством смерти, убийства, разрушения. Русское мировоззрение, безусловно, всегда принимает нравственность и прекрасное как неотъемлемые качества жизни, как обязательные атрибуты, не постигаемые полностью рациональностью. Отсюда и отсутствие лирических песен в гитлеровских войсках, и беспримерная стойкость русских, и наши военно-лирические песни... И это явно не отвлеченные вещи для обсуждения, а реальный фактор нашего выживания и борьбы сегодня. Это Святая Русь в ее поворотных пунктах истории.

Кирилл АНКУДИНОВ

Поэт, литературный критик. Родился в 1970 году в Златоусте. Окончил Адыгейский государственный университет, там и преподаёт в настоящее время на кафедре литературы и журналистики. Кандидат филологических наук (диссертация «Русская романтическая поэзия второй половины XX века»).

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Октябрь», «Москва», «Литературная учеба», «Новый мир», «День и ночь» и других. Автор двух поэтических сборников. Составитель трёх изданий антологии-справочника «Современные русские поэты» (в соавторстве с академиком В. В. Агеевым). Живёт в Майкопе.

«ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА» В ТРЁХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Опыт неакадемического исследования

Моё исследование действительно неакадемическое, с использованием методологий, которые не применяются в традиционном литературоведении, а свои, собственные, скорее, художественной литературе.

Обговорю заранее: существуют два варианта пьесы Алексея Максимовича Горького «Васса Железнова» – первый (1910 года) и второй (1935 года). Первый вариант – более психологичный, второй – более идеологизированный. Он известен широкой публике (благодаря замечательному фильму Глеба Панфилова с Инной Чуриковой в заглавной роли). В дальнейшем я буду говорить только о втором варианте текста пьесы, представляя его как данность. При внимательном чтении этот, такой знакомый, текст выявит немало неожиданностей. Например, он продемонстрирует поразительную потайную сюжетную коллизию, скрытую автором до такой степени, что доселе никто из читателей и режиссёров её так и не заметил.

С неё я и начну.

Измерение первое:

Нераскрытое преступление, или Кто убил Вассу?

Вопрос кажется диким: все знают, что Вассу Железнову никто не убивал, что она умерла своей смертью – от инфаркта (или от инсульта). Да и автор в письме к исполнительнице заглавной роли Серафиме Бирман писал: «Люди, умирающие от паралича сердца – “скоропостижно”, умирают весьма основательно и убедительно – вмиг можно понять, что это не обморок, а настоящая, честная и милостивая смерть». Но паралич сердца может быть вызван разными причинами (о чём автор не упоминает).

В жизни часто встречаются мгновенные смерти от сердечного паралича. Потому автор вправе умертвить подобным образом любого своего героя, а тем более главного героя, разрубив все сюжетные хитросплетения. Внезапная смерть героя – как античный «бог из машины». Нравились ли великому виртуозу театральной интриги Горькому такие искусственные методы разрешения сюжета? Не знаю. Равно как не знаю, что делать с ружьём, выстрелившим в первом акте, убившим, повешенным на стену и забытым. Должно ли оно стрелять ещё раз, в последнем акте? Оно ведь уже было использовано. Как быть с порошочком, который Васса в первом акте заставила принять мужа, Сергея Железнова, со словами «сердце остановится, и – как уснёшь»? Что сделали с этим порошком? Выбросили от греха подальше? Или нет? И какому Якову Львовичу звонит Васса, спеша сообщить о смерти Сергея? Следователю, прокурору? Нет, конечно. Она звонит земскому доктору, чтобы тот засвидетельствовал скоропостижную смерть. Таких смертей тогда (как и во все времена) случалось немало, а практики обязательного вскрытия умерших не было. Вызывали на освидетельствование земского врача (в моём Майкопе таковым был Лев Борисович Шварц, отец драматурга Евгения Шварца) – и вся недолга. В начале третьего акта пьесы мы узнаём, что было уголовное дело о смерти Сергея Железнова, прекращённое прокурором, «за недоказанностью обвинения». Позвольте, это как? После каждой тогдашней быстрой смерти заводились дела? Нет же. Самоубийство горничной Лизы при гораздо более подозрительных обстоятельствах не вызвало никакой реакции суда («угорела» так угорела). Весь дом Железновых-Храповых держал язык за зубами намертво, Прохор Лизу свёл в могилу ради неогласки (точнее, в том числе, ради неё). Что-то должно было побудить окружной суд открыть дело (а прокурора – прекратить дело). Должна быть какая-то причина.

Эта убедительная причина проживает в доме Железновых. Её зовут «Мельников, член окружного суда». В упомянутом письме к Серафиме Бирман Горький пишет, что «Мельников мог поговорить с прокуратурой по телефону».

Пора б приглядеться к этому Мельникову. Кто он? Честолюбец и взяточник, алчный, неглупый... и бедный. Находится в вексельной зависимости от Вассы, поселился в её доме, чтобы оказывать посреднические услуги в расчёте на списание долгов. В общем, «люмпен-дворянин», шантрапа (в начале второго акта Васса прямо говорит об этом Мельникову-младшему). Он был нужен Вассе во время судебного дела по Сергею как агент влияния в суде; после смерти Сергея Мельников ей не только не нужен, но и вреден: его сын – плохая партия для дочерей. Васса – с её-то безжалостностью – могла б вмиг выгнать паразита (вместе с отпрыском) из дома. Она этого не делает. Почему?

Да потому что и возбуждение дела ввиду смерти Сергея, и прокурорское прекращение этого дела, и формулировка прекращения (не «за отсутствием преступления», а «за недоказанностью обвинения») – дело рук Мельникова. Теперь уж не Мельников на крючке у Вассы, а Васса на крючке у Мельникова: суд в любой момент может возобновить дело Сергея Железнова «по вновь открывшимся обстоятельствам». Вассе невозможно ни выгнать Мельникова, ни взыскать с него по векселям. А Мельников желает породниться с Вассиными капиталами (через сына). Дело идёт к свадьбе Натальи и Евгения; Наталья не против, и Евгений не против (а уж как не против сам Мельников). Против одна Васса;

она защищается от невыгодного брака дочери мягкими средствами, которые остались у неё, – отваживает Наталью от Евгения, Евгения – от Натальи, шутит на тему лишения приданого. Мельников-старший о том не может не знать и должен что-то предпринять, чтобы будущая свояченица не артачилась и не шалила с приданым.

В конце второго акта мы узнаём о том, что Прохор Храпов и Мельников подрались в клубе (точнее, о том, что Прохор двинул Мельникова по морде) – якобы «на политической почве» («Мельников на Думу лаял»). Политические убеждения Прохора Храпова – не смешите меня! Прохор, конечно, мужчина пьющий и вспыльчивый, но вменяемый и расчётливый, ложку мимо рта он не пронесёт. Он хищник и политикан. С чего б ему бить лицо судейское, дворянское и опасное? Да с того, что Мельников выдвигает требования Вассе (по части брака и приданого) не напрямую, а через Прохора. А Прохор попал меж двух огней: он и сестру боится, и возобновления дела Железнова боится, и Мельникова ненавидит (ведь от выборов в городские головы он был вынужден отказаться не «из-за пересудов», а из-за Мельникова). Вот и сорвался Прохор, начистил рожу неотвязному шантажисту, врагу – дело житейское.

Прохору море по колено, Васса опасается неприятностей со стороны «Союза русского народа», куда Мельников записался. Собственно говоря, неприятности у Вассы начались – речная полиция не пропустила баржи. Может быть, из-за Мельникова. Возможно, Васса это понимает. Она очень умна, но её ум – не мгновенный.

И только одна героиня горьковской пьесы осознаёт, что эта роковая драка открыла дверь не мелким неприятностям, а большой беде. Ведь Мельников мстителен: он не спустит дому Железновых оскорбление действием, и теперь уж не только вероятный брачный альянс рухнет, но «дело об отравлении Сергея Железнова» возобновится. Вассу осудят, она пойдёт на каторгу, и ни о каких женихах девицам Железновым отныне не придётся и мечтать. Их ославят «дочерьми отравительницы». Грядёт катастрофа, но этого никто не видит! Надо спасать себя, своё будущее! Как? Старым проверенным Вассиным методом. Нет человека – нет дела, нет дела – нет скандала.

По мне такая логика чересчур рациональная, не учитывающая тысячу обстоятельств. Это логика «компьютерная» и невзрослая. Так ведь мы имеем дело с живым суперкомпьютером в невзрослом обличье. С восемнадцатилетней Натальей Железновой. Со злым самообучающимся механизмом без нравственных тормозов.

Когда в первом акте пьесы Наталья узнаёт о предстоящем суде над отцом и обсуждает это с дядей Прохором, видно, что Прохор живёт прошлым, он брюзжит, сетует на Вассу, на Сергея. А Наталья живёт будущим – она просчитывает варианты. Успешных вариантов в данном раскладе нет. Наталья подготовилась к бесчестью, она спрашивает у Вассы, будет ли жить в их доме Рашель после суда (возмущая мать бестрепетным практицизмом). Вот расклад переменился, отец умер; и двуногая машина в секунду усекает «если помер, значит, судить некогда». Точно так же она усвоит другую информацию – драку Прохора с Мельниковым и комментарий от Рашели – «если обвинение не доказано, это не значит, что обвиняемый не виноват» – и решит, что пора действовать. Васса сама научила свою дочку вести себя в критических обстоятельствах так. Дочка превзошла мамочку в деловой хватке. Васса Железнова – бизнес-леди и «человеческая женщина»; а в Наталье нет человеческого (всё человеческое досталось блаженной Люде).

Ведёт себя, кстати, Наталья во втором и третьем актах очень подозрительно. Когда Людмила простодушно выдаёт Рашели местопребывание Коли (в Хомутове), Наталья тут же сбивает её репликой «разве его перевезли из Богодухова?»; то есть пока ещё Наталья играет на стороне матери (из предыдущего текста пьесы следует, что Коля живёт именно в Хомутове, а не в Богодухове). После «ввода информации» о драке Прохора и о последствиях формулировки «недоказанность обвинения» Наталья-машинка разворачивается на сто восемьдесят градусов: теперь она настойчиво советует Рашели выкрасть Колю (Прохор присоединяется к этой затее поначалу вяло). Рашель не решается; тогда молодая дрянь начинает манипулировать её материнскими чувствами, проворачивает нож в ране («я бы убила сына, но не оставила здесь»). Почему она так делает? Потому что знает: скоро Вассы не будет в живых. На кого оставить Колю? За ним не станут ухаживать ни Людмила (не сможет), ни Прохор (не захочет), ни Анна Оношенкова (не захочет); Колю старшие спихнут на Наталью, а этого быть не должно; потому Колю – к Рашели. Во время последнего разговора с Вассой Наталья изрекает чудовищную вещь – не по адресу матери (это прощалось не раз), а по адресу умирающего брата – это непростительное! Наталья понимает, что её мать на пороге смерти и не накажет. Кстати, нагло станет вести себя и Пятёркин перед умирающей Вассой; возможно, он в сговоре с Натальей и подстраховал её (проверяет, что яд подействовал). После обнаружения мёртвой Вассы Наталья будет шупать ей лицо и «ненужно громко» (авторская ремарка) говорить: «Умерла». Так поступают убийцы в детективах; Наталья не читала детективы, она не видит, что ведёт себя как убийца. Но детективы в этом доме не читал никто; и отравительнице сходит с рук её преступление. Она впрямь копия Вассы и держится как Васса в первом акте – прикрикивает на Прохора, чтоб не сболтнул лишнего, напоминает о том, что надо сообщить о случившемся Рашели; Наталью не слушают – и тогда она сама приводит Рашель (чтобы паче чаяния Коля не остался бесхозным).

Для совершения преступления нужны три предпосылки – мотив к преступлению, готовность преступить черту и физическая возможность преступления. Мотив у Натальи есть, и для её типа мышления он железный. Готовность к преступлению у неё тоже заметна: в начале третьего акта Наталья настроена по-раскольничковски, она заявляет Прохору и Рашели, что надо «идти против слухов, против людей». Кстати, именно после этого Наталья осведомляется о смысле формулировки «обвинение не доказано». Ну а физическая возможность убить Вассу есть только у одного персонажа пьесы – у Натальи.

От момента возвращения Вассы до первых признаков её недомогания проходит очень короткий срок: сердце колет у неё при появлении Рашели; после ухода Рашели Васса с трудом поднимается со стула; во время беседы с Анной она выглядит нездорово. В этот промежуток времени Васса ничего не ест, а пьёт она холодный чай с портвейном. Портвейн наливает сама, а чай ей разливают... Кто разливает? Наталья. В присутствии Вассы и Людмилы; но Васса устала, а Людмила никогда не замечает ничего плохого.

Между прочим, яд и в первом акте действовал так же быстро: Васса, конечно, заботится о том, чтобы в первые минуты после принятия Сергеем яда к нему никто не зашёл, – отправляет Людмилу помогать Лизе в уборке, занимается разговором Прохора. Однако она приказывает приготовить чаепитие, понимая, что Лиза понесёт чай в комнату Сергея – а к тому времени он уже будет мёртв (яд быстрого действия).

...Тот самый яд. Тот самый мотив.

Единственный аргумент против – внетекстовой. «Васса Железнова» – пьеса, основа спектаклей; она должна идти на театральных подмостках, в комнате Вассы Железновой нет четвёртой стены. Значит, Наталья подсыплет яд в чай на глазах не только матери и сестры, но ещё и на глазах зрителей. Зрители это увидят и не поймут ничего. Театральная пьеса – такой жанр: если надо объяснять, то обязан объяснять (в отличие от поэзии и даже прозы, где если надо объяснять, то не надо объяснять).

Но может же сценическая Наталья, разливая чай, на секунду зайти за спину Людмиле или Вассе (так, чтобы зрители не видели, чем занята её рука).

Одна секунда риска – а потом можно куражиться, глядя в глаза уже отравленной матери и спокойно отвечая ей на просьбу встретиться со смертельно больным братом: «это меня не соблазняет»... Свинья!

Свиньи хороших пород очень ценятся...

Измерение второе:

После занавеса, или Фаллиаты всегда будут в Нэсс-Хауз

«Фаллиаты всегда будут в Нэсс-Хауз, тра-ля-ля» – присловье старого Мэрделла, персонажа романа Агаты Кристи «Каприз». Имя Нэсс-Хауз принадлежало древнему роду Фаллиатов; старая леди Фаллиат квартирует в Нэсс-Хауз; она потеряла сыновей и продала родовое имение нуворишу Джорджу Стаббсу. В финале романа выяснится, что Стаббс – один из сыновей леди Фаллиат. Старый Мэрделл знает эту тайну, намекает на неё песенкой, и его убивают как опасного свидетеля.

Я вслед за ним пропою: «Железновы и Храповы всегда будут главными в Городе на Волге, тра-ля-ля». Во все времена Кольцо Всевластья останется в руках их братьев и свойственников, их дочерей, мужей их дочерей и отцов мужей их дочерей, их внуков, их правнуков, их пращуров (и так далее), владельцев газет и пароходов (или хотя бы умов).

Вообразим, что случится с героями «Вассы Железновой» после того, как опустится занавес (точнее, что будет с их Кольцом Всевластья – ведь горьковская пьеса о нём).

Первым от него, как мы знаем, отброшена Анна Оношенкова. С этого момента она никто, её жизнь – тлен и мерцанье. Последний раз Анну приметят в 1926 году в Ургенче на цементном заводе, она там будет работать табельщицей-нормировщицей. По словам очевидца, «это была сухая женщина лет пятидесяти, с лицом не столько измученным, сколько перепуганным».

Также мы узнали, что Анну победил Прохор Храпов; хозяйство Вассы у Прохора. Но победителю, как водится, не достаётся ничего...

Во-первых, сразу выяснится, что Прохор Храпов, конечно, ражий деляга – умеет купить-продать и праздник для народа способен устроить. Да вот беда, управление пароходами и пристанями – дело тонкое, а «артист» Прохор не ведаёт точно, сколько надо платить грузчикам, а сколько матросам. Всю производственную лямку он скинет на управляющего пароходством Гурия Кротких, социалиста и профессионала.

Во-вторых, права на владение Вассиным наследством у Прохора, скажем прямо, птичьи. Успела ли Васса составить завещание или не успела, неизвестно; но и по её замыслу, и по законам Российской империи капитал Железновых-Храповых должен отойти прямому наследнику по старшей мужской линии, то есть Николаю Железнову.

В суматохе о Коле забывают, а когда спохватываются, он в Лозанне. Вассино завещание на Николая Железнова если и есть, то не обнаружится (наследничек за рубежом и с матерью «для закона несуществующей»; проще похерить, чем возиться), посему Вассины капиталы по умолчанию делятся на «долю Натальи» и «долю Людмилы» и оказываются в распоряжении свежего опекуна Прошки. Но ведь распоряжаться ими он может только до замужества сестёр. Россия – не Англия, а Прохор – не доктор Ройлотт: мысль напустить на племянниц ядовитую змею его не посетит. Сразу после похорон Вассы Наталья Железнова выскочит замуж за Евгения Мельникова, и Натальяина доля уплывёт к Мельникову-старшему. Прохор станет жить на оставшуюся Людмилину долю, рассудив, что «эту блаженную ни один мужчина не возьмёт в жёны». Ан нет, возьмёт – овдовевший к тому времени Гурий Кротких (он кроткий, Людмила в его вкусе). Мельников-старший и Гурий объединятся, начнётся ревизия действий опекуна, вскроется, что он прокутил энную сумму. А он-то и не кутил, а слегка покучивал (под недреманным оком Мельникова), и ребёночка-то он сделал только горничной Поле. Разделяются с незадачливым Прошкой враз: деньги отберут, ребёнка тоже отберут (упросят жениться на беременной Поле матроса Пятёркина за весомую для него плату – вот и «официальный отец» пред нами). Прохора же отправят в Хомутово, где он помрёт в 1915 году от алкоголизма (мог бы пожить подольше, кабы не наивная Людочка, тайком возящая дыде деньжата «для пополнения замочной коллекции»).

И наступит в хозяйстве Железновых новый период: доли Натальи и Людмилы воссоединятся, возникнет «Пароходная компания сестёр Железновых», которой завладеют Мельников-старший и Гурий Кротких. Удивительный альянс черносотенца с социалистом! Он неизбежен: у Мельникова вес в чиновных кругах, а Кротких великолепно разбирается в логистике речных перевозок. Компаньоны будут гадить друг другу, но не сильно, не до крови.

1914 год усилит вес Мельникова-старшего (уж какие речи «о Вере, Царе и Отечестве» он станет задвигать) и принесёт смерть революционерке Рашели Топаз (такие женщины долго не живут). В декабре этого года швейцарские полицейские на берегу Женевского озера обнаружат тело сорокалетней иностранки, умершей от сердечного паралича; в кармане её пальто окажется записка со словами на русском языке «Весь мир сошёл с ума!» Никто семью годами раньше не заметит, как девица Наталья Железнова, собирая в дальний путь молодую еврейку и её маленького сына, по-товарищески сунет ей в руку коробочку – та коробочка на дне Женевского озера и поныне.

А Мельникову-старшему его патриотические речи выйдут боком: подойдёт мобилизационный срок сыну Евгению, со скрипом одолевшему кадетство с юнкерством и как-никак офицеру; не сможет Мельников уберечь сына от фронта (впрочем, воевать тот будет в отдалении от поля сражений). Наталья Мельникова попытается стать полковой дамой и устроить салон, но офицерские жёны будут её ненавидеть; Наталья сильней пристрастится к вину, а Евгений дослужится до поручика.

Гурий Кротких в период с августа 1914-го по февраль 1917-го тих какмышь; зато после февраля всё перевернётся – отольются кошке мышкины слёзки, припомнит Гурий обиды, понесённые от Мельникова, станет над ним торжествовать – но арестовать Мельникова эмиссарам от Временного правительства не даст, запишет его в свои юридические помощники. Кстати, станет в то время Гурий большой шишкой, вступит в партию

меньшевиков, прослывет «особой, приближённой к Дану и Плеханову» и превзойдёт в оборонческих речах Мельникова. Но волжский грузопоток начнёт иссякать, а в декабре 1917-го местный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявит о национализации «Пароходной компании сестёр Железновых». Мельников не снесёт этого и убежит на Дон к Каледину (вместе с Евгением и Натальей); а члена Совета (от меньшевиков) Гурия выберут «народным управляющим пароходства». Да что толку? – в марте 1918 года сгорит последняя баржа, в апреле пойдут слухи о «скором аресте хитрого буржуйчика большевиками», а в августе того же года Гурий Кротких вместе с женой Людмилой и дочкой Лизонькой объявятся в Самаре. И заклубятся свояки-компаньоны в бешеный тянитолкай – будут носиться по всей «белой территории» от Омска до Ялты, желая друг друга уконтрапупить: контрразведчик Мельников полюбит твердить: «Ну, Гурий, сукин сын; ограбил меня; изловлю – повешу!»; а уполномоченный Комуча Кротких культурно обронит: «Мы, социалисты, против казней, но этого гнусного папашу застрелю своими руками». Семейство Мельниковых оставит нехороший след в народной памяти, притом не в лице Евгения Мельникова (обычного белогвардейского офицера), а в лицах его отца и особенно злой супружницы-пьяницы. Гурия Кротких народ забудет, Людмилу Кротких запомнят как «даму славную, но с придурью», а чаще всего будут вспоминать «прелестную девочку Лизоньку». В сентябре 1920 года компаньоны покинут Отчизну на одном пароходе (не зная того); Мельников вдруг приметит Гурия и вцепится ему в нос со словами: «Допрыгался, гадина, со своим социализмом!»; Кротких, забыв кротость, заедет свояку в ухо и скажет: «Доигрался, старый идиот, со своим монархизмом!» К драке присоединится штабс-капитан Евгений Мельников, он даст Гурию в глаз, и все трое покатаются по палубе; Наталья будет науськивать родню на Гурьку, а ангел Людочка – мирить и растаскивать всех. Ей тоже достанется свой фингал; после этого семьи сестёр Железновых не будут общаться – ни на пароходе, ни на суше, нигде и никогда. Мельников-старший скончается в 1923 году в Берлине, Наталья Мельникова заделается публицисткой-монархисткой, такой оголтелой, что её статьи не будут брать и в «Двуглавый орёл»; она умрёт в 1933 году от рака желчного пузыря в тулузской больнице для бедных. Евгений Мельников закончит дни в Париже в январе 1944 года – и, в общем, вовремя. Детей у Евгения с Натальей не наживётся, и эта ветвь Железновых пресечётся. Гурий Кротких, деятель международного социалистического движения, уважаемый автор трудов на французском языке об экономике речного транспорта и о профсоюзах рабочих-речников, переживёт Мельниковых, уйдя из жизни в 1946 году. Лиза Кротких выйдет замуж за прогрессивного французского журналиста Паскаля Вербуа; внуки Людмилы станут почти французами, а правнуки забудут русский язык. Людмиле, кстати, судьба годы отвесит щедро: она проживёт девяносто девять лет и в свой последний год успеет побывать на Родине.

Гражданская война заберёт жертву, ей окажется матрос Алексей Пятёркин. Осенью 1918 года семья Пятёркина (Поля, старший сын Макар и три дочери) будет голодать; пойдёт Алёшка Пятёркин «добывать харч» да и затеряется на поволжских просторах, играя на гитаре и пляша под бубен. Платить за песни-пляски публика ему станет скудно; и тогда Алёша предвосхитит Остапа Бендера – начнёт выдавать себя за «представителя центра» – в зависимости от обстановки, красного, белого или анархистского – и раскручивать фразы «на подпольную работу». Он будет без проблем пересекать фронты и границы (танцор,

игрун, обаяшка!), странствовать по территориям всех цветов, одну и ту же мятую записку с каракульками выдавать то за «распоряжение Дзержинского», то за «приказ Деникина». В июне 1919 года в Царицыне ему проломают череп. Поскольку на тот момент Царицын был «белой территорией», Алексея Пятёркина в советское время признают «связным большевистского подполья, подло убитым белогвардейским отребьем» (в действительности его впрямь убило отребье, но не белогвардейское, а местное-причальное – спирт ребята не поделили). В Городе с 1936 года есть улица Алексея Пятёркина (бывшая Приречная). Она пересекается с улицей Рашели Топаз (в 1924 году в неё переименована Лабазная).

И тут в нашем повествовании возник новый герой, новый будущий хозяин Кольца Всевластья. Вот он – пятнадцатилетний волчонок – едет в запломбированном вагоне из Лозанны в Россию. Это Николай Железнов, сын революционеров-ленинцев. Он так нелюдим, так вжался в вагонный угол, что сосед – бундовец Исаак Марарам – снял пенсне и сказал: «Молодой человек, нельзя же быть таким букой», а старый эсер Савва Конечный подхватил: «Да улыбнись же ты хоть раз, паря, ё-моё!»

Колю Железнова мы помним по фильму как очаровательного малыша на плече у Вассы-Чуриковой. В пьесе он не такой уж малыш («ему пять лет минет»; можно бы на плечо посадить, но лучше не надо) и не такой уж очаровательный (Прохору он сказал «Пошёл прочь, пьяная рожа! – в пять-то лет»). Действие пьесы происходит после Первой Революции, и не шибко после: Государственная Дума – свежая новость, статус члена Союза Русского Народа ещё что-то даёт... условно говоря, 1907 год. Значит, Николай Железнов – 1902 года рождения. В 1917 году ему должно исполниться пятнадцать лет. А в Гражданскую войну, в 1918–1920 годы будет шестнадцать-восемнадцать лет. Самый воинственный возраст. Николай непременно станет воевать на красной стороне, и не рядовым красноармейцем (потомственный большевик же, пассажир легендарного ленинского вагона), а командиром на лихом коне. Двадцать лет ему исполнится в 1922 году. Ну, вот он, перспективный кадр. Если допустить, что волей и умом Коля пошёл в бабушку, ему и Кольцо Всевластья на палец, и птицу счастья в руки. Но есть нюансы...

До пяти лет Колю Железнова воспитывала бабушка-капиталистка, после пяти лет – мама-большевичка вкупе с семейством профессора химии из Лозанны, в двенадцать лет он потерял мать. От матери у него большевистская идея, от тётки и её швейцарского мужа – комплекс «русского европейца», от бабушки – самоощущение «тайного хозяина миллионов, принца в изгнании» (на подсознательном уровне). Наследственность по отцовской линии у Коли – и физическая, и психическая – сказочная (налицо и педофил, и алкоголики в нескольких поколениях, а отец – нежизнеспособный хилак). О наследственности по материнской линии неизвестно, но мать передала сыну иное наследство: мало того что он ощущает себя ограбленным родней законным наследником миллионов, большевиком и «европейцем»; он ещё и знает о себе, что еврей (галахический). Кстати, он людей убивал в Гражданскую войну – на поле боя и подписями расстрельных приказов. Уникальный бэкграунд, второго такого не найти!

Николай Фёдорович Железнов прославится как пламенный (фанатичный) марксист-ленинец, гениальный специалист в области управления речным флотом и жестокий чудак. К 1932 году под его руку перейдёт всё верхнее и среднее течение Волги – от Рыбинска до Казани (бабушкину старую карту Николай повесит в свой московский кабинет помощника второго заместителя наркома речного флота СССР).

Но зачем ему надо было избивать при свидетелях старого боцмана? И к чему в 1933 году было нужно писать статью о необходимости перевода алфавитов всех народов Поволжья на латиницу? А о том, что железный помзамнаркома два раза резал себе бритвой вены, знает только его жена, Александра Егоровна Булычова. Понимаю, что она – из смежного цикла горьковских пьес; но ничего не могу с собой поделывать: очень уж подходят друг другу малахольный Коля Железнов и рыжая Шурочка Булычова (как мы знаем, она сблизилась с большевиками и, по словам Горького, «в левый загиб входит»).

Сбылось предсказание Вассы Железновой: любимый внук Коля стал наследником её дела, да каким: не мелким хозяйством рулит, а всем верхнее-средне-волжским флотом. Но коварно Кольцо Всевластья: с 1935 года начнут коллеги роптать на Николая Железнова-Топаз как на «классово чуждого» и «замаскировавшегося троцкиста», в 1936 году откроется, что он скрыл нехороших родственников за границей. Муж сестры – правый ревизионист, изменник рабочему классу, прислужник капиталистов, осуждённый с партийных трибун. Муж другой сестры – белогвардеец, сама сестра и отец её мужа были белыми карателями. Эталон-картинка «разоблачённого врага народа». И завершится карьера «железного Железнова» вместе с жизнью в расстрельном коридоре тюрьмы в 1937 году. Александра Железнова скончается в 1940 году в Акмолинском женском лагере для членов семей врагов народа. Семилетний сын Альберт после ареста родителей смекнёт, что надо бежать – и не на запад, где взяли всех (и Марараму, и Конечного, и Лаптева с Рябининым), а на восток, в Курган. Там учительствует когдатощный воздыхатель матери Степан Тятин; он и возьмёт мальчика в свою большую семью как «случайно встреченного беспризорника», и поставит его на ноги.

Но Фаллиаты всегда будут в Нэсс-Хауз, и Кольцо Всевластья так и останется если не у Железновых, то у Храповых (хотя бы и внебрачных). В 1938 году первым секретарём обкома становится Макар Алексеевич Пятёркин (1910–1980), бывший заместитель второго секретаря этого же обкома (единственный из обкома не арестованный). Он безупречен по социальному происхождению и по этническому происхождению; официально он – сын красного подпольщика, убитого белогвардейцами. Этого мало: Макар – хозяйственник от бога, и в устройстве пароходов разбирается, и судовождение знает, и в экономике-торговле дока такой, что словно бы не от матроса и горничной явился, а от выжиги купчины. Настоящий «сталинский зубр» – мощный, толковый, двужильный. В годы войны Макарка всё волжское тыловое снабжение на своей молодой хребтине вытянул, все эвакуированные заводы сохранил. А после войны... где лучшие показатели по тяжёлой промышленности? У Макара-орденоносца. Где самые зажиточные колхозы? У Макара, у передовика по всем статьям и кавалера Золотой Звезды. Где самые голосистые народные хоры? У Пятёркина-баритона. «Живём в родном краю мы на пятёрку» – слышали такую песню? Нет, не слышали после 1953 года, когда Макара понизили до третьего секретаря райкома, и тем более после 1956-го, когда его направили на должность руководителя городского Дворца культуры. Курам на смех: орла такого полёта так приземлить! Единственное утешение мужику: размещался тогда Дворец культуры в бывшем доме Железновых. Родовое имение в некотором смысле.

А тем временем Кольцо Всевластья, выскользнув из мускулистой руки Макара Пятёркина, изменило формат. Кому в семидесятые годы принадлежали верхневолжские речные суда? Всем и никому, третье-

сортному ведомству; и говорить о том неинтересно. То ли дело капиталы невещественные, так сказать, духовные. Вот, например, советский писатель-шестидесятник Альберт Николаевич Железнов (1930–2011), автор более тридцати книг, самыми известными из которых являются роман-эпопея «Лесорубы Кургана» (1952, Сталинская премия третьей степени), «Овеянный огнём. Повесть-баллада об отце» (1961), «Спроси самого себя» (1970), «Ведёт в дорогу совесть» (1978, Ленинская премия), «Школьные весёлые истории. Сборник рассказов» (1980), «Подбитые на взлёте. Что я помню об отце и матери» (1988, впервые опубликовано в журнале «Юность»), «Вот такой была моя семья. Биографическое исследование» (2007). Огонь-фигура, глыба – поклонницы осаждали, критики только и писали, что об Альберте Железнове, одних диссертаций по железнзовскому творчеству защищён десяток. Но от властей литератор настрадался – из книги «Спроси самого себя» семь глав выкинули главлитовские церберы. В шестидесятые годы вышел Альберт на парижскую двоюродную бабушку Людмилу Кротких, переписывался с ней, хотел пригласить в СССР вместе с дочкой (женой просоветского журналиста), да не позволили партийные козлы («вдова оппортуниста»). Удалось исполнить этот замысел только в 1990 году: приехала Людмила Сергеевна вместе с дочерью Лиз Вербуа, зятем Паскалем Вербуа и внуками-французами в Город, побывала в доме детства (к тому времени его переустроили из Дворца культуры в музей купеческого быта, так что обстановка соответствовала Людиным воспоминаниям). По словам журналиста городской газеты, «эта живая посланница нашего великого прошлого обрела в седые лета великолепную детскую непосредственность; с какой искренней трогательностью она рассказывала нам о растениях в своём саду, о любимице – трехцветной кошке Жюстине, о её резвых котятках». Замечу, что детскую непосредственность Людмила Сергеевна не обрела, потому что она её никогда не теряла.

В 2017 году в Городе (на пересечении улиц Рашели Топаз и Алексея Пятёркина) был поставлен памятник Вассе Железновой работы местного скульптора Крюкова: Васса одной рукой держит маленькую девочку (подозрительно похожую на Людмилу; ходил слух, что «французы пробашляли»), другой – ведёт на ниточке десяток парусных фрегатов и бригантин. Инициатором возведения памятника стала крупная правозащитница и благотворительница Снежана Альбертовна Железнова. Вот её речь на церемонии открытия: «Знаю, что кому-то это придётся не по нутру, однако я – убеждённая сторонница рыночной экономики. Я не брошу камень в деда Николая и в бабушку Александру, в прадеда Фёдора и в прабабушку Рашель. Они были прекрасными людьми, лучами света в серости и мраке. Но все они пошли за ложной идеей, за миражом. Настало время вспомнить мою прапрабабушку Вассу. Это была удивительная русская женщина, мать детям, хозяйка дому и созидательница миру. Будущее – за такими, как Васса».

Местное отделение КПРФ устроило пикет против «памятника паразитке-кровососке». Возглавлял пикет старый активист Компартии Владимир Макарович Пятёркин. В газете «Советская Россия» была опубликована его статья под заглавием «В моём роду не было толстосумов!»; подписана она была так: «В. Пятёркин, внук красного партизана, замученного подлыми беляками». В 2019 году Владимир Макарович покинул сей мир; перед смертью он собрал своих детей, внуков и правнуков и сказал: «Всё дело, урмасня ушастая, в карте. Была у Вассы-ведьмы карта верхнего и среднего течения Волги; Колька-стервец забрал её

в Москву, а когда его шлёпнули, мой батя Макар Алексеич вернул её себе. Сопровождала эта карта батю на всём жизненном пути – висела и в приёмной первого секретаря нашего обкома, и в кабинете третьего секретаря нашего райкома, и в комнате директора Дворца культуры, и в квартире (да вы помните ту карту). Вот беда: после смерти бати взяла себе её батина сестра, Валентина пустоголовая. А в 1991 году её внук Антошка-наркоман продал карту Снежанке-буржуинке. И с тех пор в нашей Отчизне – капитализм проклятый. Заберите красную реликвию у Снежанки, заройте-закопайте её в моей грядущей могиле, и тогда советский строй вновь вернётся к народу»! Дети, внуки и правнуки Владимира Макаровича не подумали выполнять его завещание: несчастная рваная карта висит в гостиной у Снежаны Железновой. В карте ли дело?

Иногда мне кажется, что страна заполнилась потомками Железных и Храповых; да что страна, весь мир! То архиепископ Тулузский и Бордоский Амфилохий возгласит вечную память «русской подвижнице Наталье Мельниковой, за пределами Руси подвизавшейся». То французские журналисты возьмут интервью у лидерши «жёлтых жилетов» Роз-Мари Вербуа, а та скажет, что у неё была чудесная русская прабабушка «Людмил Кротки», садовница и кошатница...

Фаллиаты всегда будут в Нэсс-Хауз! А где Кольцо Всевластья – о том никто не знает.

Измерение третье: Материализация, или Обыкновенное чудо

Я мыслю довольно рационально и мистике стараюсь не доверять. Но я верю в то, что иногда человек может получить некоторое представление о будущем, а если он писатель, зафиксировать его в литературном образе.

Написал, например, Михаил Булгаков «Театральный роман» и положил в стол. В этом тексте Леонида Леонова он вывел в образе Лесосекова, а Валентина Катаева – в образе Фиалкова. Прошли десятилетия. Леонов сотворил роман «Русский лес», а Катаев – рассказ «Фиалка». «Театральный роман» же был опубликован (и прочитан всеми) после появления этих произведений; а странное совпадение открыл Сергей Боровиков.

Напоминаю: первый вариант пьесы Горького «Васса Железнова» был написан в 1910 году. В то время Горький, вероятно, даже не слышал о молодом грузинском революционере Иосифе Джугашвили (а если слышал, то не придавал значения). Тем не менее имя «Васса» фонически (звуково) очень похоже на имя-отчество «Иосиф Виссарионович». А фамилия персонажа «Железнова» напоминает псевдоним «Сталин» семантически.

Васса Железнова – Иосиф Виссарионович Сталин. Какой-то мучительный образ-архетип («Вассиана Железного») пришёл к писателю в 1910 году из будущего.

Во время сотворения второго варианта пьесы (в 1935 году) Горький более чем узнал Сталина. Но он не мог знать того, что произойдёт в 1953 году. Между тем финал второго варианта пьесы (неожиданная скоропостижная смерть Вассы не без подозрения на отравление, свара-делёжка Анны Оношенковой и Прохора за наследство Вассы, победа Прохора) напоминает события того года (столь же скоропостижная и странная

смерть Сталина, противоборство Бери и Хрущёва, победа Хрущёва). Кстати, фамилии «Храпов» и «Хрущёв» опять-таки близки фонически.

Итак, Васса Борисовна Железнова (лет 42) – это Иосиф Виссарионович Сталин (1879 г. р.; 42 года Сталину исполнилось в 1921 году). Весь комплекс проблем и оценок, связанных с заглавной героиней пьесы, очень близок «казусу Сталина». Васса Железнова – кто она, рачительная и самоотверженная хозяйка бытия, идущая на преступления ради будущих поколений, или хищница, волчица, своекорыстница и человеконенавистница? Точно такой же спектр мнений и посейчас вызывает фигура Сталина. Можно ли ради продуманного и домовитого «светлого будущего» уничтожить отвратительное настоящее? «Дом» – это самоцель? Или нет? Васса Борисовна копила себе и своим детям капиталы на земле, не думая о небе. В общем, они никому не помогли.

Небесная антагонистка Вассы – её сноха Рашель Моисеевна Топаз. Родовое имя этой героини – Рахиль: она, как библейская Рахиль, оплакивает детей и чаёт их возвращения домой, она же – дочь Моисея (народного водителя и законодателя) и «драгоценный камень». Сумма этих смыслов позволяет сделать вывод: явившаяся из-за границы революционерка – это марксистская идея в идеально-абстрактной чистоте, «камень веры».

Для того чтобы понять, кто такой муж Рашели (и сын Вассы) Фёдор Железнов, надо сперва выяснить, кто его отец (и муж Вассы) Сергей Петрович Железнов (60 лет), который «был капитаном, плавал в Чёрном море, потом служил на речных пароходах». Кто у нас «старик» и «капитан светлого будущего»? Конечно же, Владимир Ильич Ленин (1870–1924); год смерти Ленина не так уж далёк от 1921 года; и есть версия, что Ленин отравился, а яд ему добыл Сталин. Не будем заикливаться на ней: Сергей Железнов – не конкретно Ленин, а «ленинская гвардия», в итоге уничтоженная Сталиным. Если отсчитать от ленинского года рождения возраст Сергея Железнова, мы получим 1930 год, дату «великого перелома». «Ленинская гвардия» разложилась, она скомпрометировала себя разворотом над будущим (детьми), её надо оттеснить во имя репутации будущего (детей). Но все три варианта будущего (все дети Железновой) проблематичны. Старшая дочь Сергея и Вассы (Ленина и Сталина) Наталья зла и цинична, реалистична в плохом смысле («правый уклон», пассивное приятие социальной реальности), младшая дочь Людмила, напротив, слишком доверчива, наивна («левый уклон», книжный революционизм), а незрелую «истинно марксистскую линию» (Колю) марксистская же идея норовит отправить за границу. Туда, где пребывает... Троцкий. Дышащий на ладан Федя Железнов – слабеющий троцкизм. Курс на всемирную революцию – идея Рашели, а тезис о «достаточности победы социализма в одной стране» – план Вассы. Экспортировать ли новомарксизм за рубеж или поставить его на службу родному дому? Вот в чём вопрос.

Конечно же, пьеса Горького – не аллегория. Можно спорить о соотношении «осознанного» и «бессознательного» у автора пьесы (а также у её главного читателя/зрителя/прототипа – у Сталина) в плане отмеченных параллелей. Думаю, решающая роль тут принадлежит бессознательному. Горький – начиная с момента его возвращения в СССР по 1935 год – находился в центре партийной полемики о марксизме, о соотносённости постулатов Маркса с советской практикой, о стратегии и тактике коммунистического движения. Он переписывался как со Сталиным, так и с другими советскими деятелями, в том числе с оппозиционерами. Некоторых

из «вождей» Горький ненавидел и презирал, как, например, своего давнего врага Григория Зиновьева (чем он для Горького не «развратный капитан Сергей»?). Идея пьесы про «амбивалентную капиталистку» для 1935 года была не слишком актуальной. И эта пьеса не разоблачает капитализм – хотя бы потому, что носительница антикапиталистической морали Рашель получилась необаятельной резонёркой, «варёной нототенией». Безотчётные авторские симпатии не на стороне «положительной» Рашели, а на стороне «отрицательной» Вассы, потому что пьеса «Васса Железнова» – высказывание не о капитализме. Это – социальное сновидение о насущном. По логике сновидения «своё», «хорошее» (но чреватое катастрофой) «Я» обратилось в «плохое», «осуждаемое» «Не-Я», а «чужое», «угрожающее» «Не-Я» стало «правильным», «позитивным» (хотя не слишком симпатичным) «Сверх-Я». Опасное осмысление насущной реальности было вытеснено автором в «перевернутый» сюжет, ушло в подполье бессознания (Сталин как читатель и зритель «Вассы Железновой» также воспринял эту пьесу «перевернуто»).

До данного момента я интерпретировал литературный текст, соотнося собственно текст с отражением в этом тексте того, что автор мог знать (и знал). Все произведения культуры – явления «второй реальности», сновидения, а профессиональные литературоведы – это исследователи «второй реальности» (толкователи сновидений). Но сон может оказаться в руку, и тогда литературовед вынужден обратиться в «антилитературоведа», рассуждающего не о том, что автор знал, а о том, чего он знать не мог. Говоря другими словами, литературный критик в некоторый момент начинает критиковать не литературу, а жизнь, непропорциональную литературой. Сновидение (текст) – преображённая актуальность, ведомая автору, и спрессованная будущность, автору неведомая. Цель литературоведа – разъяснить актуальность. Задача «антилитературоведа» – расформатировать (распрессовать) непропорциональную в тексте будущность. Этим я сейчас займусь.

Как сказано выше, Прохор Борисович Храпов, брат Вассы, – это Никита Сергеевич Хрущёв, а Анна Оношенкова, секретарша и наперсница Вассы – Лаврентий Павлович Берия. Но эти образы несут в себе не только персональный смысл. Прохор – это сталинская партноменклатура со своими («неясно-артистическими») планами на будущее, Анна – спецслужбы, а «бывший солдат, потом матрос Пятёркин» – советская армия (российские военные традиционно носили усы; и автор отмечает пятёркинские «холёные усы»). Во время свары Прохора с Анной Пятёркин принимает сторону первого; но и армия в 1953 году выступала против Берии на стороне Хрущёва.

Перейдём к осмыслению образов железновских дочерей. Замечу, что не все образы пьесы персональные, некоторые из них несут обший социокультурный характер. При Хрущёве расцвело шестидесятничество (не всегда радовавшее Хрущёва и партноменклатуру), и у шестидесятничества было два облика: один – милый людям, а другой – нательный. То есть связанный с рождением, природный. Слово «шестидесятники» ассоциируется для нас с ранним Евтушенко и Вознесенским, с Васей Аксёновым, с песнями Окуджавы, с фильмами Марлена Хуциева и Калатозова, с мечтами о «социализме с человеческим лицом», с белоснежными девушками, с романтическими пиджачными ребятами, с французским шансоном, с польским кино, с атомной физикой и с весной. Но было иное шестидесятничество – недоверчивое, злое, тяжёлое, солёное, пахотное, сжавшее зубы, пропитанное спиртом. Фё-

дор Абрамов, Твардовский, Шукшин, Тендряков (и Высоцкий) – тоже ведь шестидесятники. Было два разных пути шестидесятничества – от курса полёта «Юности» и от сурового устава «Нового мира». Итог этих путей-судеб таков: Наталья породнится с Мельниковыми, а натальное (натальное) шестидесятничество – с «русской партией». Член окружного суда Мельников – русские имперские и националистические дореволюционные традиции, его сын Евгений – советская «русская партия» (очень точный и острый портрет, кстати). Эта пара будет бесплодной. Людмилу возьмёт в жёны управляющий пароходством Гурий Кротких, правый социалист. В семиотике «первой реальности» – Леонид Ильич Брежнев. Милое людям (Людмилино) весенне-розовое шестидесятничество Брежнев лишит невинности в 1968 году (в пражских закатных лучах рассвета). По пьесе Людмиле Железновой шестнадцать лет. Отсчитаем от 1968 года шестнадцать лет и получим 1984 год. В этом году всему Советскому Союзу был явлен плод западнического шестидесятничества и кроткого брежневизма – горбачёвская перестройка.

Но потомство Рахили должно вернуться домой; а через десять лет после сюжета «Вассы Железновой» произойдут две революции: одна из них мимолётно возвысит Гурия, а вторая – прогонит его и воцарит Николая Фёдоровича Железнова (сына Рахили). Бэкграунд этого персонажа я назвал удивительным. Поскольку жизнь подражает сну Горького, отыщется (уникальный) жизненный аналог и Николаю. Это Егор Тимурович Гайдар. В его крови не только «Вассино начало» (Бажов), «Федорова ревзакваска» (Аркадий Гайдар) и природная дикость сергеев-прохоров (Тимур, то есть «Тамерлан»), но и, вы будете смеяться, Рахиль Лазаревна Соломянская, которая переименует себя не в «Рашель», а в «Лию» (интереснейшая библейская перестановка). Потом Колю Железнова сменит Пятёркин-младший. Де-юре – человек из военной среды, де-факто – внебрачный сын артистичного торгаша и неудавшегося городского головы Прохора Храпова.

Как видим, жизнь подражает литературному тексту с хронологическим лагом примерно в полвека и в перевёрнутом виде. То «дело жизни», что в горьковской пьесе было «капиталистическим хозяйством», в реальности оказывается советским социализмом; закадровое «революционное социалистическое будущее» оборачивается «рыночной контрреволюцией 1991 года», воплощённая марксистская идея становится антимарксистской. Ничего удивительного: литература («вторая реальность») и жизнь (предсказанная и сформированная ей грядущая «первая реальность») соотносятся друг с другом по зеркальному закону. В зеркале правое и левое меняются местами; а сон – то же зеркало: «левое» в нашем сновидении становится «правым» в нашей будущей жизни (и наоборот).

Литература (и культура вообще) – не только нереальность, выдумка (хотя бы отображающая реальность); в литературе есть часть настоящей реальности. Литература нематериальна, однако она обладает материализующими свойствами, плоды литературы падают нам в руки. Я понимаю это; и здесь рациональность моего мышления заканчивается. Я не отрицаю того, что в жизни может иметь место обыкновенное чудо.

Навстречу 800-летию Нижнего Новгорода: эпохи, судьбы, факты

Фёдор СЕЛЕЗНЕВ

Родился в 1968 году в Горьком. Проходил срочную службу на Краснознаменном Тихоокеанском флоте. Окончил исторический факультет Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Работал на кафедре истории России досоветского периода и краеведения исторического факультета ННГУ. В настоящее время профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ), заведующий центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ. Доктор исторических наук, член экспертного совета ВАК РФ по истории.

Автор более двух сотен научных публикаций, ряда монографий. В сфере научных интересов входят, в частности, теория элит, история старообрядчества, биография П.И. Мельникова-Печерского, экономическая история России и Нижегородского края, политическая история России начала XX века, история нижегородских народных промыслов, биография Юрия Долгорукого.

Живет в Нижнем Новгороде.

В ТЯЖЁЛЫЙ ЧАС ПОСЕТИЛ ПРЕПОДОБНОГО МАКАРИЯ Нижегородский край в судьбе Василия II

В 1425 году ушел из жизни великий князь московский Василий I. По древнему обычаю великое княжение должно было перейти к следующему по старшинству князю – брату Василия I Юрию Дмитриевичу Звенигородскому. Но Василий I передал великокняжеский стол своему сыну Василию II. Такой порядок способствовал преемственности, а значит и устойчивости аппарата управления. В конечном итоге именно переход к нему сделал возможным складывание единого Русского государства.

Но Юрий Звенигородский не согласился на подобное ущемление своих прав. Среди московских князей началась междоусобная война за великое княжение. Она затронула и нижегородские земли. В 1425 и 1430 годах Нижний Новгород на короткое время захватывал соперник Василия II, его дядя Юрий Дмитриевич. В 1434 году здесь укрылся сам Василий II, изгнанный из Москвы.

Юрий Дмитриевич направил на него своих сыновей Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного «со многой силой». Их войско дошло до Вла-

димира. Помощи Василию ждать было неоткуда. Он пребывал в смятении. У молодого князя даже возникла мысль бежать к татарам. В этот тяжёлый для себя час Василий имел беседу с мудрым монахом Макарием (сегодня мы вспоминаем его как преподобного Макария Желтоводского и Унженского). Он родился в Нижнем Новгороде и ещё юношей принял монашеский постриг в Печёрском монастыре. Затем долго жил в уединении на реке Лух (в современной Ивановской области). Встреча с Макарием, должно быть, произвела на молодого правителя большое впечатление. Василий II отказался покидать родную сторону. И, как оказалось, не зря. Вскоре он вернул трон. Ещё недавно отверженный и гонимый, Василий торжественно возвратился из Нижнего Новгорода в Москву.

После встречи в 1434 году с Василием II (и с его помощью) Макарий основал монастырь во имя святой Троицы. Он расположился напротив Лыскова, вблизи устья реки Керженец, у озера Жёлтые воды (вода в нём была мутная, желтоватая). Рядом находилось озеро с чистой прозрачной водой. Впоследствии его называли Святым, так как в него окунались при крещении приходившие к батюшке Макарию жители окрестных мест — марийцы, а также чуваша из-за Волги и Суры.

Василий II не забыл о городе, где в его судьбе произошёл переворот. Нижний Новгород тогда лежал в руинах, но его местоположение, конечно, не могло не понравиться великому князю. Для Москвы важно было иметь здесь боеспособную крепость. Но опоясать стенами большую по средневековым меркам территорию Нижнего Новгорода было непросто. Это потребовало бы много времени и рабочих рук, которых в разоренном крае в необходимом количестве не имелось. Проще было соорудить небольшую новую крепость рядом со старым городом.

Подходящее место для неё московские воеводы нашли на горе, расположенной южнее Благовещенского монастыря. (Названный монастырь принадлежал митрополиту Московскому и являлся проводником московского влияния.) От Гребешка эта гора, высящаяся слева от съезда на метромост, отделена Большим Красным оврагом. Большой и Малый Красный овраги образуют её мощный мыс с крутыми склонами. На верхней площадке мыса в 1988 году был открыт археологический памятник, получивший название «Городок».

В ходе раскопок там среди прочих находок обнаружили железные писала (приспособления для письма), железную шпору и сабельный клинок. Это подтверждает, что здесь жили присланные из Москвы воины и чиновники. Эта крепостца именуется в летописях «Нижний Новгород Меньшой». Она была возведена в 1438 году для защиты от хана Улу-Мухаммеда.

В 1437 году названный правитель, покинутый своим вассалами, скитался по степи с небольшим отрядом войск. Многолетняя смута нарушила привычный распорядок жизни татар. Когда Золотая Орда была едина, они спокойно перегоняли скот с летних степных пастбищ на зимние, а сами зимовали в городах. Но Тимур разрушил большинство золотоордынских городов. В результате междоусобиц Улу-Мухаммед лишился Астрахани, пастбищ Северного Кавказа, городов и зимних пастбищ Крыма. Оказавшись в безвыходном положении, он вознамерился провести зиму 1437–1438 годов в Белёве, одном из самых близких к степи русских городов в верховьях Оки. Московское войско пыталось защитить город, но в декабре 1437 года потерпело поражение от татар. После этого на Руси со страхом ждали нашествия Улу-Мухаммеда.

Из Белева Улу-Мухаммед с боем прошел через Рязанскую землю. Оттуда он мог выйти к Мурому и угрожать как Нижнему Новгороду, так и Владимиру, а следовательно, Москве. Поэтому Василий II в начале 1438 года начал строительство крепостей во Владимире и Нижнем Новгороде. Улу-Мухаммед, чье войско было невелико, не решился идти к этим городам. Через Мещеру он перебрался в Курмыш, который пустовал со времен разорения его Едигеем в 1408 году.

Первым делом воины Улу-Мухаммеда обследовали окрестности Курмыша и, обнаружив Желтоводский Троицкий монастырь, сожгли его. Его основатель, Макарий был приведен к Улу-Мухаммеду. Тот отбранил воинов за то, что они обидели такого почтенного человека, и отпустил Макария с миром, освободив и других захваченных русских пленников. Но возобновлять монастырь не позволил. Макарий ушел с Желтых вод на реку Унжу и основал там новый монастырь.

Проведя несколько зим в Курмыше, Улу-Мухаммед решил обосноваться поближе к русским землям. В декабре 1444 года его войско подошло к устью Оки. Оно не сумело захватить Нижний Новгород Меньшой, обороной которого руководили князь Федор Давыдович Пестрый (один из лучших русских полководцев XV века) и лихой воевода Юшка Драница. Согласно летописям Улу-Мухаммед расположился в Нижнем Новгороде Старом.

Великий князь Василий II собрался на выручку нижегородцам. В июне 1445 года его войско стояло в Юрьеве-Польском (на полпути из Москвы в Суздаль). Сюда прибежали нижегородские воеводы Федор Давыдович Пестрый и Юшка Драница. Они и их люди, засевшие в Нижнем Новгороде Меньшом, за полгода обороны изнемогли от голода. Больше держаться не было сил. Тогда они ночью подожгли свою крепость (чтобы её не смог использовать потом противник) и под покровом темноты бежали.

7 июля 1445 года под Суздалем состоялось битва войск Василия II и сына Улу-Мухаммеда – царевича Момотьяка. Она закончилась полным успехом ордынцев. Московского князя татары израненного захватили в плен. Момотяк отвез его в Нижний Новгород. Оттуда в Москву был отправлен посол Бегич. Ему предстояло договориться об условиях освобождения Василия II. Ждать возвращения Бегича Улу-Мухаммед решил не в Нижнем Новгороде, а поближе к степи, в Курмыше. 25 августа 1445 татарский хан с сыновьями и всей ордой отъехал туда из Нижнего Новгорода.

Больше месяца от Бегич не поступало никаких известий. Улу-Мухаммед с сыновьями решили, что их посол убит соперником Василия II – Дмитрием Шемякой. Поэтому, не дождавшись приезда Бегича, Улу-Мухаммед и Момотяк 1 октября 1445 года отпустили князя Василия из Курмыша домой, взяв с него обещание заплатить со временем выкуп – «сколько сможет». Василия на Русь сопровождало большое татарское посольство.

Бегич в это время, целый и невредимый, возвращался от Дмитрия Шемяки в Нижний Новгород. Оказывается, Шемяка, желая получить ярлык на великое княжение, встретил татарского посла очень гостеприимно. Он наговорил на своего двоюродного брата «всякого лиха» и отправил с Бегичем своего представителя, дьяка Федора Дубенского. Задача Дубенского состояла в том, чтобы Василию «не выйти на великое княжение».

Следом за Бегичем и Дубенским из Москвы с противоположной целью выехал бывший нижегородский воевода, лихой воин Юшка Дра-

ница. Он намеревался выкрасть князя Василия у татар. Вероятно, его послала вызволять сына великая княгиня Софья Витовтовна (Драница, как и она, был выходцем из Литвы).

Василий ничего об этом не знал. Он с радостным сердцем возвращался на Русь. Через два дня пути он отправил к матери и жене окольничего Андрея Плещеева с вестью о том, что его «царь пожаловал, отпустил на его отчину, на великое княжение». Княжеский посланец, миновал Нижний Новгород и дальше поспешил по Муромской дороге вдоль Оки. По пути ему встретились Бегич и Дубенский. Плещеев рассказал об избавлении Василия II от плена. Дубенский, узнав эту новость, поспешил через Муром в Москву, чтобы сообщить её Дмитрию Шемяке. Бегич тоже поехал в сторону Мурома. Не заезжая туда, он мог свернуть на дорогу, которая привела бы его в Курмыш, минуя Нижний Новгород.

Вслед за Плещеевым проехал Нижний Новгород и Василий II. Он тоже двигался по Муромской дороге. С Оки его увидел Юшка Драница. Смелый воин, плача от радости бросился в ноги князю и пригласил его в своё судно. Но Василий II отказался. Он не мог бросить сопровождавших его татар. Московский князь продолжил свой путь на конях. Ближе к Мурому он стал нагонять свиту Бегича. Прибытие этого посла к Улу-Мухаммеду с предложениями от Шемяки таило для Василия смертельную угрозу. Он с тайным заданием послал своих людей к муромскому наместнику Василию Оболенскому. Муромские наместники, как сообщает Ермолинская летопись, выслали Бегичу много хмельного меду. Посол напился его и уснул. Сонного его заключили в оковы, отвели в Муром, а после утопили.

Узнав о том, что Василий II возвращается на Русь, Дмитрий Шемяка бежал в Углич. А Василий II через Муром, Владимир и Переславль-Залесский торжественно вернулся в Москву.

Весть о гибели Бегича неизбежно должны были дойти до Улу-Мухаммеда с Момотяком. Видимо, на этой почве между ними возникла ссора. Надо полагать, Момотяк требовал наказать Василия II и отдать великое княжение Шемяке. Улу-Мухаммед, вероятно, был против этого. Если верно сообщение «Казанского летописца», Момотяк в пылу гнева ножом зарезал своего отца. Это преступление навсегда разлучило его с братьями – Касимом и Якупом. Момотяк оставил Курмыш и той же осенью 1445 года, как сообщает Воскресенская летопись, «взял город Казань, вотчича Казанского князя Либяя убил, а сам сел в Казани царствовать».

Касим и Якуп тоже покинули Курмыш. Они явились к Василию II и получили от него в кормление русские города. Такого прежде никогда не бывало, и по Руси пошел ропот. Общим недовольством воспользовался Дмитрий Шемяка. В феврале 1446 года его люди схватили и ослепили Василия II, которого с тех пор стали называть Василием Темным.

Несчастный князь был сослан в Углич, а в Москве стал править Дмитрий Шемяка. Однако у его лишенного зрения соперника осталось много сторонников. Он начал борьбу за возвращение престола и 17 февраля 1447 года въехал в Москву.

Дмитрий Шемяка, обосновавшийся в старинном владении своего рода – Галиче, – решил призвать на помощь правившего в Казани Момотяка. От Шемяки в Казань явился человек с предложением о союзе против Василия II. Одним из результатов переговоров стало воссоздание Нижегородского княжества. Нижегородским князем Дмитрий Шемяка

решил сделать старшего из представителей рода Дмитрия Константиновича Нижегородского – его правнука Василия Юрьевича Шуйского. Тот в это время был новгородским князем и доблестно защищал от ливонских рыцарей город Ям (ныне – Кингисепп в Ленинградской области). Соправителем старого князя Шуйского Шемяка желал видеть его молодого брата, Федора Юрьевича, служившего тверскому князю Борису. Федор также откликнулся на призыв Шемяки.

В «говенье Филиппово» (между 15 ноября и 25 декабря) 1447 года Момотяк «послал всех князей своих со мною силою» воевать Муром, Владимир и «прочие грады». Этот набег в народной памяти остался как «Момотяковщина». Татары переправились через Пяну и заняли Нижний Новгород. В ходе военных действий московским войскам пришлось оставить суздальско-нижегородские земли, что и дало возможность воссоздать Нижегородско-Суздальское княжество во главе с Василием и Федором Шуйскими.

До нас дошёл их договор с Дмитрием Шемякой. В нем Василий и Федор Шуйские признавали князя Дмитрия «господином и отцом» и обещали ходить вместе с ним в походы. Под власть Василия и Федора отходили их «прадедина, дедина и отчина» – Суздаль, Нижний Новгород, Городец и Вятка. С Ордой нижегородские князья получали право вести сношения самостоятельно.

Однако возрожденное Нижегородско-Суздальское княжество просуществовало только в течение 1448 года. В 1449 году Дмитрий Шемяка потерпел поражение. В результате независимое Нижегородское княжество прекратило существование. Великим князем «Новгорода Низовской земли» опять стал Василий Темный. Этот титул носили и все следующие правители Русского государства, вплоть до 1917 года. Печать нижегородских князей с изображением оленя стала частью большой государственной печати. А потомки нижегородских князей – князья Шуйские – постепенно, кто раньше, кто позже, оказались на службе у великих князей Московских.

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижполиграф».

В настоящее время – директор издательства «Книги». Член «Российского Союза антикваров», «Национального Союза библиофилов». Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки». Награжден медалью Пушкина.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

КИТЕЖ-КАМЕНЬ

Не помню, кто и когда надоумил меня, что камни имеют свойство конденсировать в себе энергетику места, того места, где он долгие годы прожил или пролежал. И поверил я. Вот написал «прожил» – и сразу одухотворил их, камни те. Побывал я во многих интересных и легендарных уголках нашей Земли и отовсюду привожу себе на память из таких поездок камешки. Лежат у меня на полке рядом с книгами эти небольшие обломки базальтов и песчаников с наклеенными бумажками: «Парфенон», «Пирамида Хеопса», «Могила Леонардо», «Соловки», «Дальняя пустынька» и десятки других.

Видимо, не только меня окрыляла идея сакральности и возможной значимости в нашей жизни некоторых камней. Люди, которые проживали тысячи лет назад на наших землях среднерусской равнины, видимо, так же видели в некоторых определенных избранных камнях непонятную, но притягательную тайну, а через неё и возможность связаться с какими-то потусторонними или неведомыми силами и знаниями. А поиски этих связей с потусторонним миром велись человеком всегда и ведутся сейчас.

В русских сказках огромное значение имеет символ камня, который может предсказывать судьбу, является границей, укрытием, преградой, много говорится о разумных камнях. Количество заговоров и фразеологизмов, связанных с камнями, бессчётно.

На море-на океане, на острове Буяне,
Лежит бел-горюч камень,
Бел, как грудь жены...

«Камень за пазухой», «камня на камне не оставить», «камень с души свалился»...

Камни являлись хранителями хозяев и носителями магических свойств. Вплоть до наших дней сохранились места, где люди уважают и почитают камни, помня об их удивительной силе и способности исцелять различные недуги. Такие места – это сохранившиеся остатки древних святилищ, где могучий валун служил Алтарем и накопителем энергий.

Каменные столбы, половецкие бабы, камни-следовики, огромные валуны, которые притащил на земли оползя когда-то ледник, в течение тысячелетий стояли в центре языческих капищ, им поклонялись на протяжении многих поколений наши предки. С этими каменными идолами приходилось бороться первым христианским подвижникам-миссионерам, которые несли местным лесным людям, этим многочисленным угро-финским народам Новый Завет. А чаще не боролись, а просто устанавливали на этих святых для местных жителей местах свои новые православные храмы, часовни и поклонные кресты.

С одной стороны, этот манёвр привлекал в новый храм старых посетителей капища, с которым новая вера умудрялась уживаться. С другой стороны, языческие капища устраивались в определённых местах с повышенной жизненно важной энергетикой, смысл которой позволено понять только людям посвященным и прошедшим определённые духовные практики. Хотя по преданиям, воспоминаниям и задокументированным свидетельствам, в такие камни, поставленные в языческих молельнях, молнии при грозе били очень часто, что указывало на необычность выбранного места. И церкви, поставленные на таких языческих капищах, очень часто горели.

Местные жители принимали новую веру, но память предков была сильна! И жители переносили свои святыни в новые места, вглубь страны, в леса, чтобы спокойно реализовывать свои религиозные потребности.

Небольшое село Кидекша, расположенное в трех километрах от Суздаля, стоит на одноименной речке Каменке. Да-да – одноименных: Кидекша – одно из древнейших русских сёл – было заселено когда-то народом меря, а на угро-финских наречиях и «кит», и «кид» означает «камень». Это село стало в XII веке загородной резиденцией князя Юрия Долгорукого. Здесь он поставил один из красивейших русских храмов, дошедших до нас с той далёкой поры; сюда совершенно неожиданным образом заглянул однажды Путин и приказал пришедшее в полный упадок сооружение привести в порядок и сохранить. Кто-то, видимо, посоветовал ему посетить это священное место, откуда берёт начало современная русская земля. По преданиям, именно здесь стоял когда-то главный поклонный камень Древней Руси. На этой поляне, по одному из преданий, встретились Борис и Глеб, первые русские святые, пред тем как отправиться навстречу своей гибели.

Сына своего князь Юрий Долгорукий да и все домашние звали Кит – крепким, как камень, в детстве был Андрей Боголюбский.

Да и название Китай-города никак не связано с далёким и незнакомым Китаем, а значит просто – «Каменный город».

А может, и «Земля стоит на трёх китах» – имеются в виду три камня! Ну, не странные же и непонятные чужие морские животные!

Интересное это слово – «КИТ»!

Кит – это жертвенный святилищный камень древнейшей эпохи.

Уже много лет у меня перед глазами стоит этот зелёный луг на окраине села Кидекши, словно идеальный газон английского футбольного поля с плывущим по нему белым храмом. А когда-то на этом месте покоился большой и главный камень, которому поклонялись жители окрестных земель. Но вот...

Пришлось хранителям древних местных обычаев и веры спасать символы своей языческой религии, в том числе и этот огромный священный камень Кит, стоявший много веков на площади Кидекши. Спасать – значит спрятать его от любопытных и злых глаз в глубине России, в заповедных и непроходимых заволжских лесах. Тут напрямую до Волги сто пятьдесят вёрст.

Где толкать его пришлось, этот камень, где тащить волоком на специальных еловых волокушах. С крутого берега Волги скатили его к воде и стали ждать, когда на реке встанет лёд. А место это, село в смысле, стало называться Катунками. На другом берегу Волги, куда и был по льду зимой переправлен великий молельный камень, был Андреем Боголюбским вскоре заложен город Городец, который в народе стал называться Малым Китежем, да и суффикс «ец» носит чаще всего в русском языке носит уменьшительный характер.

Скорее всего, Большой Священный Камень здесь, в Городце, раскололся, и малую часть пришлось захоронить в Святом озере, а Главный камень тащить дальше в леса. Именно в центре современного Городца, на берегу Святого озера, которое сохранилось до сих пор и на дне которого покоится обломок Главного камня, начиная с XII века проводились массовые крещения язычников угро-финских племен, обитавших в заволжских лесах. А может, Городец стал обзываться Малым Китежем по той причине, что недолго погостевал в нем главный символ русской земли Камень-Кит.

По заповедным тропам да специальным просекам, которые потом стали называться тропами Батыя, тащили дальше вглубь лесов, на берега озера Светлояра священный Камень-Кит. И вот, когда нашел древний священный символ своё новое место, стало и озеро Светлояр новой точкой русской земли, с мистической силой притягивающей на свои берега паломников.

И язычники, а потом и старообрядцы, усиленно заселявшие эти непроходимые ветлужские леса начиная с XVII века, и последователи современного православия обожествляли и поклонялись озеру Светлояр, памятуя легенду о граде Китеже, утонувшем в его водах.

А град Китеж – это не город и не поселение, а замечательный священный камень, которому поклонялись наши предки-язычники, который когда-то был здесь на берегу озера Светлояр поставлен и обнесён оградой. Это потом уже, в силу каких-то забытых уже обстоятельств, был свергнут он и утоплен в этих глубоких и холодных водах. Кем и когда – неизвестно!

На высоком угоре над озером, рядом с часовней, освященной в честь Казанской иконы Божьей Матери, лежит, закопавшись в землю, большой гранитный валун со «следком». Если присмотреться, то можно подметить, как часто люди встают перед этим камнем на колени, а иногда и целуют его. Может, этот камень-следовик тоже обломок того великого камня – святыня древней дохристианской Руси?

Юрий ГАЛАЙ

Юрий Григорьевич Галай (1945–2012) родился в деревне Черная Маза Лысковского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

Преподавал в Нижегородской академии МВД, заведовал кафедрой конституционного и административного права Нижегородского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики, Профессор, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, полковник милиции, заслуженный работник высшей школы РФ.

Историк, краевед, писатель, библиофил. Автор более 300 опубликованных журнальных и газетных статей, 5 монографий и 10 учебников и учебных пособий. Лауреат премии Нижнего Новгорода в области краеведения.

Сегодня мы публикуем фрагменты из его книги о нижегородских «былинках и казусах», над которой он работал в последние годы жизни.

НАХОДКА В МУРОМСКОМ ЛЕСУ

В конце апреля 1818 г. в 30 верстах от Муром, близ Выксунского завода в лесу, знаменитом по былинным и сказочным подвигам русских богатырей, местными крестьянами, рубившими там лес на дрова, были найдены «драгоценные для антиквария вещи». В одном из глубоких оврагов весенняя вода вымыла доспехи шести древних витязей, неведомо когда и кем погребенных, а также шесть металлических кольчуг и столько же шлемов и разных мелких вещей из воинской атрибутики.

Как писал некто И. Рачков в газете «Нижегородские губернские ведомости», ему неизвестно, куда девались пять кольчуг и некоторые найденные вещи, принадлежавшие к конской сбруе. Он знал лишь, что крестьяне приспособили шлемы под домашнюю утварь. Так, один из них был употреблен для меры овса, а другой использовался в качестве походного котла. Новые владельцы доспехов довели их до такого состояния, что «самый зоркий археологический глаз едва ли мог узнать в них шишаки, некогда покрывавшие буйные головы могучих витязей». «Одну из кольчуг и некоторые вещи, принадлежавшие к воинским доспехам, приобрел мой отец», – писал Рачков.

Он предложил редактору неофициальной части ведомостей П.И. Мельникову «как любителю и знатоку русских древностей» пять вещей из клада. Мельников поблагодарил корреспондента за сообщенные им сведения и за присылку некоторых вещей, найденных в Муромском лесу.

Три вещи явно принадлежали к конской сбруе. Они были сделаны из меди и имели некоторое сходство с другими вещами, принадлежавшими не к доспехам русичей.

Четвертый экземпляр, сделанный из тонкой листовой меди, принадлежал, по мнению Мельникова, также к конской сбруе. Назначение пятого он не мог определить – это была тонкая медная полоска, свернутая спиралью.

Судя по месту открытия всех этих артефактов и по самой отделке их, Мельников полагал, что они принадлежали воинам финских поселенцев, живших издревле на берегах Оки.

Спустя некоторое время Рачков доставил Мельникову и кольчугу. Она была сделана из железных мелких колец. Ее размер (2 аршина и, может быть, 4-5 вершков) позволял прийти к заключению, что ее носил человек не гигантского роста, но широкоплечий и сильный, ибо в ней было более 18 фунтов (около 7 кг) весу. Редактор отмечал при этом, что «спуски от рубашки к рукавам сделаны с большим искусством».

П.И. Мельников с благодарностью принял экспонаты от Рачкова и «покорнейше просил его впредь доставлять подобные известия» ему. С такой же просьбой он обратился и к прочим жителям губернии, желавшим содействовать редакции и «сделаться участником общепольного дела».

Рачков откликнулся на просьбу редактора и в следующем номере «Ведомостей» сообщал, что он доставил известия об обнаруженных древностях. Они сводились к следующему: во время похода Ивана Грозного на Казань в 1552 г. проводником для его войск в местах, занимаемых теперь Выксунскими и Велетьминскими заводами, жил крестьянин Калейка. В благодарность за то, что он показал дорогу царскому войску через непроходимый лес, царь пожаловал ему в потомственное владение несколько сот десятин земли с лесом, через который он проводил войско. Поступок крестьянина и царская милость произвели такое впечатление на местное население, что «память этого события донныне сохраняется между туземными крестьянами в песне о Калейке-мужике, показавшем путь через выксунский лес Иоанну Васильевичу».

ПРОЖЕКТ О ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ НИЖЕГОРОДСКИМИ ЦЕРКОВНИКАМИ

Сибирские земли в большинстве своем заселялись беглыми и сосланными по приговору суда, что грозило созданием территории, заселенной неблагонадежными людьми.

3 апреля 1800 года с высочайшим визитом Нижний Новгород посетил император Павел I. Советник Нижегородского губернского правления Григорий Карлович Пич «уловил момент» и поднес составленный им «проект» о заселении Сибири нижегородскими церковниками вдоль китайской границы. На этот шаг он решился, так как, по его словам, «лично знал» императора еще в Гатчине.

Обосновывал он свое предложение ссылкой на Высочайший указ от 17 октября 1799 года о заселении «полуденного края Сибири» у китайских границ отставными военнослужащими, ссыльными и помещичьими крестьянами, с зачетом последних в число рекрутов.

По мнению Пича, в интересах рекрутского набора следовало бы заменить таких крестьян «негодными» к военной службе церковниками — людьми «без всякой пользы и обществу в тягость». Крестьянские общества отказывались принимать их к себе «по малоимению земли и прочих угодий, ибо по общему исчислению в губернии Нижегородской у казенных поселян пашенной земли, сенокосов и под усадьбами состоит только по четыре десятины на ревизскую мужского пола душу». Да и у родственников, по мнению Пича, церковники считались обузой.

Надо сказать, что мысль употребить духовенство в качестве пионеров незаселенных земель возникла еще у Екатерины II, которая указом 1 сентября 1785 года назначила переселенцам Таврической области различные «льготы земли». Тогда дело было возложено на Г.А. Потемкина, но движения так и не получило.

По подсчетам Пича, число нижегородских пионеров-церковников насчитывалось до 200 человек, а во всей империи — множество.

Генерал-прокурор П.Х. Обельянинов проект советника Пича принял и, получив Высочайшее повеление рассмотреть его, запросил сведения у нижегородского губернатора Е.Ф. Кудрявцева о количестве не устроенных по приходам священнослужителей. Последний доносил, что в губернии «никуда не годных церковников» считается до ста человек (96 человек). Для большей верности губернатор из этого числа вторично велел переосвидетельствовать 37 церковников, но «все они по-прежнему найдены дряхлы и увечны, кроме одного дьяконова сына Кондратьева, который, хотя и крив, но крепкого сложения, а потому и способен к работе». Выяснилось также, что еще с 1784 года остаются

никуда не распределенными 84 человека, чем губернская власть была очень озабочена.

За эту идею ухватился и генерал-прокурор: как и почему губернское начальство только ныне «вздумало» об этом устройстве? А тут еще и «прожиктиор Пич», как его величал докладчик, «разноречит», исчислил церковников, не определенных ни к какому роду жизни, в 257 человек, исключая жен и детей. При этом он утверждал, что в губернском правлении о том сведений никаких нет.

Нижегородскому начальству пришлось оправдываться неудобоваримым бюрократическим стилем: «настоящие причины» состояли в том, писало оно, что «означенное дело в производстве было у столоначальника Зуева, а по смерти его у Чижова, который близко двух лет находится в тяжелой болезни и без языка». Потому до вступления в должность вице-губернатора М.А. Шишкова «как сие дело, так равно и прочие оставались без всякого призору, и никому для производства непрепорученными и несобранными». По этой причине Шишков и препоручил их другому столоначальнику, который с апреля до июня «с трудностию собрав их, предложил экспедиции, а сия тогда же сделала доклад, и с тех пор то дело имеет незамедлительное свое течение, и остается не свидетельствованных из 84 только 7 человек».

На этом дело прерывалось, в ожидании известий от губернатора и прокурора. Прожект Пича так и остался только на бумаге. Быть реализованным он не мог в принципе, так как изначально был нацелен не столько на заселение Сибири, сколько от избавления губернских властей от забот, связанных с проблемами, которые создавали предполагаемые переселенцы. К тому же среди бывших священников-пионеров были в основном те, кого отвергла церковь. Причины к этому были весьма различны: старость, неспособность выполнять какие-либо работы, а также недостойное поведение в быту и общественных местах. Так в очередной раз хорошая идея не была воплощена в жизнь, а просторы и богатства Сибири все еще ждут тех, кто бережно и с любовью будет их осваивать, не нанося урона Природе.

«СЧИТАТЬ РОБИНЗОНА ЕВРЕЕМ»

В 1809 году в российских пределах появляется иностранец Лев Робинзон. В России он получает русский паспорт на имя Левинзона. Но в петербургской управе благочиния 4 октября 1810 года была сделана запись, в которой он уже значился как Левин Робинзон. В последующих паспортах имя Левин превращается в Льва.

В декабре 1814 году по определению Казанского университета в наш город был назначен учителем немецкого языка в гимназию иностранец Лев Робинзон, который прибыл сюда в конце того же месяца и в течение почти трех с половиной лет обучал нижегородское юношество. Местному населению он был известен как природный немец лютеранского исповедания.

В мае 1818 года по своему прошению он выходит из гимназии и за выслугу лет утверждается в чин X класса. Скоро он определяется в местную Казенную палату помощником надзирателя в уездном управлении питейного сбора. Через год переходит на должность помощника соляного пристава в контору нижегородских и рыбинских главных соляных запасов.

В Нижнем Новгороде Робинзон как человек общительный и расторопный приобретает полезные знакомства в местном обществе, особенно сблизившись с домом вдовы титулярного советника Рыбниковой, которая воспитывала 17-летнюю дочь Варвару – предмет тайных воздыханий и мечтаний Робинзона. Закончилось это любовью и взаимной клятвой «в любви и верности друг другу на весь век». Они открылись матери и попросили у нее благословения на брак.

Титулярная советница, видимо, и сама была рада случившемуся, но поставила условие, чтобы жених принял присягу на верность России и «испросил, яко христианин, от преосвященного согласие на бракосочетание».

В августе 1816 года Робинзон в присутствии гимназических коллег принимает присягу в кафедральном соборе, испросив благословение на брак у преосвященного Моисея. Благословение было получено, и 3 сентября состоялось венчание.

Первые супружеские годы прошли в любви и в ладу. Но были и несчастья: первенец-сын умирает, эту же судьбу разделил и второй ребенок – дочь. Отношения ухудшились после того, как кум Робинзона титулярный советник А.И. Синявский, считавшийся «другом дома», вскрыл его жене голову, которую «обольщением ввел в заблуждение, разстроившее залог супружеской верности».

Робинзон пытался увещевать супругу и даже просил преосвященного «духовно убедить» ее «об оставлении неправильного христианке жития». Но все это осталось безуспешным, и он вынужден был подать прошение о разводе с супругой «за явное прелюбодейство».

Троекратно нижегородская консистория в 1821 году объявляла о суде, но Варвара не являлась. Тогда преосвященный обратился к губернатору за помощью, прося «выслать Рыбникову в суд», а чтобы не отлучилась куда, предпринять соответствующие меры.

По заявлению Робинзона, той же ночью сестра жены Фиона Антоновна Померанцева вывезла ее из Нижнего в Москву, а потом скрылась неизвестно куда. На деле оказалось несколько иначе. Рыбникова подала в уездный суд явочное прошение и при деятельной поддержки матери и по совету особого поверенного затеяла против супруга уголовное дело, ведя его в разных инстанциях с энергией и настойчивостью.

В своих прошениях она изъясняла, что при выходе за Робинзона замуж она была уверена в том, что он действительно немец лютеранского исповедания. Но после брака супруг «обнаружил в полной мере неистовый свой характер проступками, христианской религии совершенно противными, которые, при соблюдении благопристойности, и выразить невозможно», и она, несмотря на свои молодые лета, «усомнилась в его христианстве», о чем и открыла своей матери. Та принялась за розыск и достигла успеха: «от разных людей стали доходить до нее слухи, а потом разнеслись и по городу, что Лев Робинзон родом не немец, а из жидов».

Теща потребовала от зятя, чтобы он опроверг слухи доказательством представления паспорта, свидетельства о рождении и крещении его. Робинзон представил свидетельство пастора нижегородской евангелической церкви Бормава, в котором значилось, что Леопольд Робинзон, при приезде своем в Нижний Новгород был причислен к евангелической церкви, рачительно посещал ее и причащался святых таинств, в чем и был аттестован пастором Штейнбрехером. Но это свидетельство не только не убедило Рыбникову, а, напротив, усилило подозрение, так как в нем не говорилось о рождении и крещении и потому, что он был назван не Львом, а Леопольдом; она посчитала все это подлогом.

О своих сомнениях теща сообщила преосвященному Моисею, прося «сделать изыскание» о роде занятия Льва Робинзона, а ее дочь попросила о расторжении брака. Но получили отказ с мотивацией, что Робинзон как в университете, так и в гимназии был известен как лютеранин. Но епископ одновременно посоветовал просительницам «самим о сем учинить, где следует, выpravку через команду других вероисповеданий».

В ходе разбирательства открылись некоторые обстоятельства, послужившие к новым против Робинзона подозрениям. Нижегородские власти обратились за справками в Кенигсберг, откуда Робинзон въехал в Россию, и получили официальный от полиции ответ, что Робинзон еврей, сын умершего еврейского служителя Рубена Менделя и что до отъезда в Россию «он содержал еврейскую религию».

В Оренбурге нашелся сослуживец Робинзона крещеный еврей Андреев, который под присягой подтвердил еврейство Робинзона.

6 марта 1824 года Варвара Робинзон направила прошение Сенату, в котором предъявила обвинения мужу в скрывании еврейства и во всех последующих нарушениях российских законов в отношении людей этого вероисповедания (не мог преподавать в гимназии, будучи некрещеным принял присягу на российское подданство и т. п.), обманул ее при вступлении в брак, а также, прослужив в гимназии всего один год и 8 месяцев, присвоил себе чин X класса, не выслужив положенных четырех лет.

Робинзон на запрос губернского правления по существу дела отвечал, что при въезде в Россию он сильно занемог и, предчувствуя кончину, решил принять христианство, послав за пастором, который

и окрестил его. Почувствовав облегчение, он направился дальше, испросив у пастора свидетельство, которое он «неизвестно где и когда оное утратил». Деревню же, где он принял крещение, из-за болезни не помнит.

Не вспомнил он и российский город, в котором у него был отобран заграничный паспорт и выдан «срочный билет». Природное его имя Левин при крещении было переименовано по-немецки – Леопольд, а по-русски – Лев. «За что же, – восклицал он в одном из своих прошений, – должен я терпеть гонение и притеснение и подвергаться суду? И кто же орудием сего? Жена! Жена-преступница, нарушившая позорным своим поведением законы чести и добродетели и данную перед престолом Вышнего клятву!» Робинзон просил защитить его от клеветы жены и избавить его от дальнейшей проволочки разбирательств.

Несмотря на все это, вопрос о вероисповедании Робинзона оставался открытым. В ноябре 1824 года 3-й департамент Правительствующего Сената обсудил этот вопрос. Он постановил: «для удостоверения в истинном расположении Робинзона быть христианином» заставить его в нижегородской лютеранской церкви публично сделать как «отвержение от еврейского закона, так и исповедание христианской веры по тому обряду, каковой установлен при крещении евреев и магометан в лютеранских церквях». А до того считать Робинзона евреем.

25 марта при собрании сочленов евангелистского общества указанный обряд был торжественно совершен. Крестными отцами выступили полковник Калугин, советник Брунker и титулярный советник Полоц.

Относительно потери Робинзоном заграничного паспорта и выдачи срочных билетов надлежащими судебными местами были наведены справки, выявившие массу формальных упущений и погрешностей.

Нижегородский уездный суд, учитывая публичное отвержение от еврейского закона Робинзона, освободил его от всякого суда и следствия и заключил предать «оное дело вечному забвению».

Председатель же палаты уголовного суда Зеленецкий высказал совершенно противоположный взгляд. Он обвинил Робинзона «в перемене своего имени и фамилии», что позволило тому исходатайствовать учительское звание. Он обвинял его также в ложных показаниях относительно принятия лютеранства, учинении присяги и бракосочетании, находясь в еврейской вере, в получении чина X класса. По его мнению, за эти преступления Робинзона следовало бы исключить из службы и, наказав плетью, сослать на поселение в Сибирь. Но так как он уже принял христианство, то от телесного наказания его освободить, а полученного чина лишить.

Решения уездного суда Зеленецкий назвал «несообразными законом», а судебных чинов, по его мнению, следовало бы оштрафовать.

Дело Робинзона затем рассматривалось в 1-м отделении департамента Правительствующего Сената, а оттуда передано на рассмотрение Общего собрания департамента Сената.

Со времени возникновения дела прошло девять лет, и неизвестно, сколько бы оно еще протянулось, если бы не милостивейший Манифест от 22 августа 1826 года, предписавший всех находившихся под следствием и судом чиновников и всякого звания людей «по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя, грабежа и лихоимства, — от суда и следствия учинить свободными»

«МЕДВЕЖЬЯ АКАДЕМИЯ» В СЕРГАЧЕ

Среди многочисленных и разнообразных народных промыслов в Нижегородской губернии с незапамятных времен в сергачских пределах существовал один особо примечательный – медвежий. У соседей – чувашей и марийцев закупали медвежат, которых обучали всякой медвежьей премудрости: «как баба в нетопленной горнице угорела, как малы ребята горох воровали, как у Мишеньки с похмелья голова болит». Обучив зверей, сергачане ходили с ними не только по округе, но по всей Руси по ярмаркам, и даже заходили к немцам на их Лейпцигское торжище. В XIX веке в Сергаче даже возникла «Медвежья академия».

В отечественной национальной культуре особое место занимало скоморошество, и власти (в особенности церковные) боролись с этими «бесовскими игрищами». Видимо, хождение с медведями по городам и весям на первых порах также рассматривалось правительством как скоморошество. Еще при Иване Грозном духовенство, жалуясь на поганые обычаи, вспомнили и жителей Сергача. По всей видимости, данный промысел так широко был распространен, что это даже отразилось в Стоглаве – решениях Стоглавого собора, заседавшего в Москве с участием Ивана IV в январе–феврале 1551 года. Глава 93 «Ответ о том же еллинском бесовании и волховании и чародейнии» говорила о таком поганом обычае, как кормление и хранение медведей или иных животных – показывая их «на глумление и на прелщение простейших человек... велию беду на христиан наводят».

С сергачскими медведями происходили различные анекдотические случаи. Так, в XVIII столетии во время потешных игр с танцующими медведями на Липецкой ярмарке какой-то немец решил подшутить над зверем, а тот в отместку снял с шутника «костяную шляпу», то есть голову. После этого сергачским медвежатникам запретили посещать иностранные ярмарки.

Происходили с медведями и иные неприятности. Например, в 1826 году нижегородская полиция расследовала уголовное дело «О медведе, искусавшем часового на крепостной стене».

С Сергачом связана еще одна любопытная легенда, приведенная П.И. Мельниковым (Андреем Печерским) в его романе «На горах». Во время Отечественной войны 1812 года в Нижегородскую губернию были сосланы французские военнопленные. Находились такие и в Сергаче. К январю 1814 года там находилось 67 военнопленных, из которых были – один подполковник, 48 офицеров, двое нижних чинов. Среди пленных были также один швед и 12 голландцев. Кроме того, там же находились три жены французских офицеров.

Однажды пленные иноземцы заявили жителям уездного города, что Наполеон не забудет «своего сраму, новое войско соберет, опять на Россию нагрянет, а у вас все истощено, весь молодой народ забран в полки – несдобровать вам, не справиться». На это капитан-исправник заметил, что «правда ваша, много народу у нас на войну ушло, да эта беда еще не великая, медведей полки на французов пошлем». Пленные подняли его на смех, а исправник уверяет: «самоу-де велено к весне полк медведей обучить и что его новобранцы маленько к службе уже привыкли – военный артикул дружно выкидывают». Он пригласил французов прийти к нему через день на блины, где и представил им медвежий батальон. Капитан-исправник приказал медвежатникам привести своих обученных медведей в город. «Навели зверей с тысячу, поставили рядом, стали их заставлять палки на плечо вскидывать, показывать, как малы ребята горох воровали». А исправник пленным объяснял, что это «ружейным приемам да по-егерски ползать они обучаются». Французы поразились и в письмах домой сообщали, что «сами-де своими глазами медвежий батальон видели». К этому писатель добавил, что «с той, видно, поры французы медведями нас и стали звать».

Но, несмотря на грозные увещевания по укрощению медвежьего промысла, он не только не затухал, а, наоборот, расцветал. Достаточно указать на то, что к середине XIX столетия в Сергачском уезде медвежьим промыслом кормилось уже около тридцати деревень.

Протоиерей Владимир ГОФМАН

Родился в 1953 году в городе Городце Горьковской области. Окончил Рыбинский авиационный техникум, историко-филологический факультет Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского и Московскую духовную семинарию. До рукоположения в сан работал литейщиком на производстве, журналистом. С 1993 года – священник Русской православной церкви.

Автор ряда поэтических сборников, книг прозы и множества публицистических статей. Лауреат ряда литературных премий, за книгу рассказов «Персиковый сад» в 2012 году удостоен диплома 3-й степени Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

КУПОЛА, СМОТРЯЩИЕ В НЕБО

Храмы Нижнего: между прошлым и будущим

Продолжение. Начало в № 5, 2019 – № 4, 2020

ХРАМЫ, КОТОРЫХ НЕТ

Недавно ктитор нашего храма принес мне кирпич. Это был не простой кирпич. Это был взятый на раскопках кирпич из алтаря Георгиевской церкви, красивейшего храма Нижнего Новгорода, который взорвали в июне 1932 года. Это реликвия старого Нижнего, мы будем хранить ее у себя в церкви, показывать прихожанам и паломникам, рассказывать им об утраченных, но не забытых святынях родной земли.

Глядя на этот (весьма тяжелый по сравнению с современными) кирпич, я подумал, что стоит, наверно, в преддверии юбилея города рассказывать не только о сохранившихся храмах, но и о тех, которых уже нет.

Георгиевская церковь

Георгиевская церковь стояла на Верхневолжской набережной – на ее месте, после уничтожения, построили гостиницу. Когда-то она называлась «Россия», потом «Волжский откос». Теперь и ее сносят. Предполагается здесь построить элитный жилой комплекс.

Сначала (предположительно в конце XV – начале XVI веков, согласно данным архимандрита Макария (Миролюбова) Георгиевская церковь была деревянной. Впервые она упоминается в Сотной грамоте 1621–1622 годов именно как деревянная и уже тогда ветхая, поэтому богослужения в ней не совершались: «...подле Происхожденкова девица монастыря церковь страстотерпца Христова Георгия ветха, развалилась, стоит без пения...».

Каменный храм был построен в 1702 году попечением нижегородского купца А.А. Пушникова. М. Добровольский пишет в «Кратком описании Нижегородских церквей, монастырей и часовен» (1895 год): «По стилю церковь заслуживает полного внимания: она вся украшена мелким орнаментом из белого камня, как бы в виде тонкого кружева. Того же стиля и колокольня, хотя с меньшею затейливостью в украшении».

Удивительной красоты был храм, истинное украшение города. В нем соединились несколько архитектурных направлений своего времени: петровское барокко, нарышкинское барокко и флорентийские мотивы. Специалисты говорят, что это был хронологически первый в Нижнем Новгороде (и один из первых на территории Нижегородской области) памятник нарышкинского стиля, не связанный с фамилией Строгановых и не принадлежащий к «строгановской» ветви нарышкинского стиля.

В храме было три престола. Главный – во имя великомученика Георгия Победоносца. В приделах: по правую сторону – святителя Иоанна Златоуста, по левую – святого Симеона Богоприимца. Кроме двух этих приделов некоторое время имелся еще и третий «во имя Пресвятой Богородицы честныя иконы ее, именуемая Толгская», пристроенный снаружи храма с северной стороны прихожанином купцом Пачкуновым, в память избавления его из турецкого плена. Но этот придел по распоряжению высшего начальства в 1836 году был разобран, потому что не вписывался в план комплекса.

Изнутри Георгиевская церковь была так же благолепна, как и снаружи. Особенно обращали на себя внимание иконостасы. Резной в золоте иконостас главного храма состоял из шести ярусов и занимал не только восточную сторону, отделяющую алтарь, но продолжался по южной и северной стенам храма.

Одной из святынь Георгиевской церкви была знаменитая чудотворная Смоленская икона Божией Матери – Одигитрии, по преданию, отнесившаяся к XV веку и спасшая город в 1655 году от моровой язвы. Архимандрит Макарий (Миролюбов) так пишет о ней: «Одигитриевская икона Божией Матери в серебропозлащенном и богато украшенном жемчугом и камнями окладе. По письму икона должна относиться, по крайней мере, к началу XVI в. В 1665 и 1772 гг., когда Нижний Новгород страдал от моровой язвы, икона Одигитриевская особо прославлена была чудесами: с этого времени учрежден крестный ход из Нижегородского кафедрального собора в Георгиевскую церковь 28 июля. К этой чудотворной иконе прибегали с усердною молитвою в Нижнем Новгороде и во время холеры, бывшей тут в последние годы. По чувству особого благоговения пред нею и теперь служат молебны не только в церкви, но и в домах, а в праздничные дни, после ранней литургии, во весь год читается акафист Божией Матери...» (Записки Императорского археологического общества, том X, Санкт-Петербург, в синодальной типографии, 1857 г. Макарий (Миролюбов Н.К.). Памятники церковных древностей в Нижегородской губернии / соч. архим. Макария. – СПб., 1857).

Пришли другие времена. В 1924 году с чудотворной Смоленской иконы Божией Матери были похищены украшения, а в 1927 году всё ценное имущество изъяли в Госфонд. 3 марта 1930 года президиум Нижегородсовета постановил закрыть и снести церковь, как «занимающую площадь, намеченную под строительство Н.Г.У.». Здание пыталась отстоять Главнаука. Заведующий написал во ВЦИК, что Георгиевская церковь может быть отнесена к ценным памятникам архитектуры. Тогда в Нижкрайисполком поступили ходатайства от «Общего собрания

НГУ и родительского собрания детсада “Красный Октябрь”»: всё-таки закрыть церковь и разместить в ней музей атеизма. 16 марта 1931 года Нижкрайисполком постановил закрыть церковь. 30 мая 1931 года Президиум ВЦИК отменил постановление Нижкрайисполкома и церковь продолжала жить до 1932 года.

23 февраля 1932 года президиум Нижкрайисполкома постановил разорвать договор с обществом верующих и снести церковь, поскольку на её месте предполагалось возвести здание гостиницы. Сектор науки Наркомата просвещения РСФСР снова вмешался в ситуацию и 27 февраля заявил, что «сломка её является совершенно недопустимой», поскольку церковь «является выдающимся памятником архитектуры Московского барокко с внутренним убранством того времени и состоит под госохраной и на учете Сектора науки по первой категории».

4 марта 1932 года президиум Нижкрайисполкома повторил распоряжение о сносе, однако община и Наркомпрос успели подать 8 марта протест во ВЦИК, который поначалу, 14–16 марта, приостановил снос. Однако 21 марта сектор науки Наркомпроса неожиданно дал согласие на уничтожение храма, с которым согласился и ВЦИК. К июню 1932 года Георгиевская церковь была взорвана и разобрана...» (А.А. Медведева, «К истории Нижегородского кремля: утраченные церкви»).

Не стало нижегородской жемчужины, которую любили горожане, восхищались гости города. Утрата – невосполнимая. Когда начались раскопки на месте бывшей гостиницы, были найдены останки человеческих захоронений. Рядом с Георгиевской церковью было кладбище...

Преображенский собор в Нижегородском кремле

Мне в руки попала ксерокопия «Церемониального камер-фурьерского журнала»* 1767 года. В нем есть повествование о посещении, во время «волжского вояжа» (из Твери в Симбирск), императрицей Екатериной II Нижнего Новгорода и, в частности, Преображенского кафедрального собора. Привожу отрывок, сохраняя орфографию оригинала и надеюсь, что прочтение его будет интересно читателям.

«...По прибытии на пристань встречена Ея Императорское Величество тамошним Губернатором Аршеневским и товарищем Макшеевым, и с ними штаб и обер-офицеры и все обоего пола дворянство и купечество, которые приносили Ея Величеству всеподданнейшие свои поклонения с поздравлением благополучнаго Ея Императорскаго Величества прибытия. И с пристани, сев в карету, шествовала в город к соборной церкви, а от пристани до ворот Ивановских, по обеим сторонам, стояло пять рот второго Гренадерскаго полка и отдавали Ея Величеству честь с приуклонением знамен... В шествие ж в вышеозначенныя Ивановския ворота, которыя к Высочайшему прибытию были украшены живописным художеством, на оных стояли музыканты, играя на трубах. По прибытии Ея Величества к соборной церкви во имя Преображения Господня, встречена Ея Императорское Величество у церковных дверей Преосвященнейшим Феофаном, епископом Нижегородским и Алатырским, с Архимандриты и прочим духовенством, в облачении, с животворящим крестом. И приложась Ея Величество к кресту, следовала в церковь и стала на Императорское место, которое вновь для Высочайшаго

* Камер-фурьерские журналы – своеобразные дневники, в которых изо дня в день отмечались все события при царском дворе.

присутствия устроено было, и изволила слушать Божественную литургию, которую отправлял вышеупомянутый Преосвященнейший с знатным духовенством. При окончании литургии проповедь говорил того ж собора Протопоп; после ж всей Божественной службы Ея Императорское Величество, прикладываясь святым иконам, из церкви изволила выдти и, сев в карету, шествовала в дом Преосвященнейшаго (который приуготовлен был для Ея Величества)...»

Знаменитый Спасо-Преображенский кафедральный собор в Нижегородском кремле был построен и освящен в 1352 году на месте Преображенской церкви, заложенной еще основателем города святым великим князем Владимирским Георгием (Юрием) Всеволодовичем. С тех пор он не раз перестраивался – и после сожжения при набегах татар в 1377–1378 годах, и в XVII веке, когда сам царь Михаил Федорович и его отец, патриарх Филарет, в благодарность нижегородцам за спасение Отечества в 1612 году, предоставили «государеву казну» на строительство нового кафедрального собора.

Работы начали в 1632 году, завершили через 20 лет, в 1652 году, при царе Алексее Михайловиче. С 1672 года, со времени открытия в Нижнем Новгороде самостоятельной архиерейской (митрополичьей) кафедры, Спасо-Преображенский собор стал кафедральным. Тогда же в новый собор из старого (перед его разборкой) были перенесены гробницы нижегородских князей и княгинь, а также прах национального героя Кузмы Минина. Но через полвека собор начал разваливаться.

В 1816 году богослужение в храме было прекращено, а в 1829-м он был разобран. Через год был заложен новый пятиглавый трёхпрестольный собор «в старом виде», который освятили осенью 1834 года. Первоначально у собора был единственный престол – в честь Преображения Господня. Впоследствии к нему были пристроены ещё два придела: правый, в честь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости, и левый – в честь основателя Нижнего Новгорода святого благоверного князя Георгия. У северной стороны собора в 1870-х годах над могилой Кузмы Минина была возведена часовня, построенная по проекту архитектора Л.В. Даля.

В подклете собора были помещены гробницы нижегородских князей, княгинь, архиереев и Кузмы Минина. Здесь были также устроены три алтаря с иконостасами, так, что подклет стал «усыпальническим храмом». Его главный алтарь был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери. Другие два – в честь святых, имена которых носили князь Пожарский и гражданин Минин. Правый – в честь великомученика Димитрия Солунского, левый – во имя бессребреников Космы и Дамиана.

Четыре раза перестраивался на историческом месте кафедральный Спасо-Преображенский собор. После последней перестройки он был пятиглавым.

В 1722 году Нижний Новгород во второй раз посетил император Пётр Великий. 30 мая он встретился с нижегородским епископом Питиримом. После обедни в Спасо-Преображенском соборе царь спустился к гробнице Кузмы Минина, где поклонился до земли и произнёс: «Вот истинный избавитель России!»

Императрица Екатерина Великая в 1767 году, как и рассказывает «Церемониальный камер-фурьерский журнал», гостила в Нижнем три дня. В первый же день она отстояла Божественную литургию в кремлевском кафедральном соборе. О городе Екатерина высказалась так: «Сей город ситуациею прекрасен, а строением мерзок, только поправится вскоре; ибо мне одной надобно строить как соляные и винные магазейны, так губерна-

торский дом, канцелярию и архиву, что все или на боку лежит, или близко того...» (Из письма Екатерины графу П. Н. И. Панину от 22 мая 1767 года.)

Чаще всех монархов Нижний Новгород посещал Николай II. В июле 1896 года последний русский самодержец побывал на Всероссийской промышленной и художественной выставке. С 17 по 20 июля 1903 года император участвовал в торжествах в Дивееве по поводу обретения мощей преподобного Серафима Саровского. А в мае 1913 года в Нижнем праздновали 300-летие дома Романовых. Императорский поезд остановился здесь 17 мая. Город утопал в цветах. Под звон колоколов и ликование толпы царская чета последовала в Спасо-Преображенский собор, где у гробницы Минина состоялась заупокойная лития.

После революции Спасо-Преображенский собор был закрыт для богослужения, а в 1929 году – взорван. Перед взрывом (в период с 22 по 27 февраля 1929 года) была вскрыта часть находившихся в соборе гробниц, останки предоставлены Губмузею. После взрыва собора, уже при рытье фундамента под Дом Советов, «благодарные потомки» «вспомнили» о гробнице Минина, и останки, обнаруженные в ней, были переданы в музей. В 1962 году, к 350-летию событий 1612 года, останки спасителя Отечества были перезахоронены в Михайло-Архангельском соборе, где по сей день и находятся.

Сейчас на месте собора располагается здание администрации Нижнего Новгорода (бывший Дом Советов). Рядом с ним в 2005 году установлен поклонный крест в напоминание о стоявшем там когда-то Спасо-Преображенском соборе, а в 2012 году – построена часовня в честь Спаса Нерукотворного. Туда же, к Дому Советов, в 2008 году был перенесён каменный поклонный крест в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, что стоял у Михайло-Архангельского собора (сейчас на этом месте находится памятник князю Георгию Всеволодовичу и епископу Симону Суздальскому). В марте 2020 года было начато воссоздание колокольни собора на историческом месте.

Разрушенного не вернешь. Мы ставим знаки, символы, мы пытаемся сохранить хотя бы память о своей истории. Дай Бог, чтобы, сохраняя эту память, мы не стали снова рушить то, что еще осталось и что создано заново.

Иже с ними

При советской власти в Нижнем Новгороде снесено 28 церквей. Из них – единоверческая, старообрядческая, католическая, лютеранская, остальные – православные. В кремле это – Спасо-Преображенский собор, собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный на средства помещицы М.А. Мертваго в память воинов-нижегородцев участников войны 1812 года, Церковь Симеона-столпника – построена в 1743 году, уничтожена в 1928-м. Кроме того – Благовещенский собор, снесен в 1930 году (сейчас на его месте памятник К. Минину). Церковь св. митрополита Алексия – построена в 1717–1719 годах, уничтожена в 1930-м. Сейчас на ее месте – фонтан. И еще церкви – Иоанно-Богословская, Космодемьянская, Покровская, Тихоновская, Варварская, Александроневская... И другие, иже с ними.

Все эти храмы очень точно называют утраченными. Утрата – это нечто невозполнимое. Никогда. Так оно и есть.

Константин ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1952 году, окончил Ленинградский государственный университет. Филолог-германист, автор многочисленных пособий по английскому языку.

Готовил к печати для петербургского издательства «Азбука» серии «Русская словесность» и «Наследие», редактировал и снабжал примечаниями такие произведения, как «История кабаков в России» И. Г. Прыжова, «Тайная канцелярия» Г. В. Есипова, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского, «Имена» П. А. Флоренского, «Витязь в барсовой шкуре» Руставели. Сотрудничает с философским изданием Vox, печатается в журналах «История в подробностях», «История Петербурга», «Нижний Новгород», «Север», «Сибирские огни».

Живет в Санкт-Петербурге.

ПЛОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ, ДИВИНАЦИЙ И КОНЪЕКТУР

Вспоминаю свою учёбу в школе: мы не просто читали и обсуждали какие-то произведения: кому нравится, кому не нравится. Затвердив наизусть по заданию учителя оду «Вольность», написанную, что подчеркивалось, *певцом свободы*, мы декламировали по очереди в классе на оценку:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Теперь я забыл, какие объяснения давались в 1960-е годы: кого Пушкин назвал *злодеем*, почему радуется его гибели, по какой причине поэт столь жестоко настроен против детей *злодея*. Ответ, в общем-то, *в воздухе витал*. Под влиянием всего, что вдалбливалось в наши головы в советское время, в умах нашего поколения, как и нескольких предыдущих, сама собой возникала *интерпретация*: свободолюбивый, вечно гонимый Пушкин желал смерти Николаю I по прозвищу Палкин. За то, что тот подавил восстание декабристов, повесил злодейски их вождей, пламенных борцов за свободу, и отправил остальных навечно в Сибирь, *во глубину сибирских руд*. Не учитывалось и не имело,

собственно, значения, что «Вольность» явилась на свет до восшествия Николая на трон. Также подразумевалось, что в 1918 году, через сто лет после написания оды, свершилось то, о чём мечтал Пушкин: всю семью последнего Романова расстреляли, включая детей!

Из учебников и со слов учителя мы усваивали, что Н. В. Гоголь велик тем, что он *ненавидел уродливый мир крепостников и царских чиновников*. Как объяснял нам (в учебнике-хрестоматии для 7-го класса) Ф. В. Гладков, советский писатель: «Карающая сатира Гоголя питала жгучую ненависть народа к своим поработителям и укрепляла силы революционных борцов. Она расшатывала вековые устои мертвящего деспотизма. <...> Каждая страница его книг потрясающий обвинительный акт против правящей шайки злодеев, тюремщиков, мракобесов, душителей свободной мысли и творческой воли».

Каждый имеет право высказывать мнение по поводу той или иной прочитанной книги, никто не против литературных споров за чашкой чая или рюмкой чего покрепче, суждения могут быть разными и противоположными, одобрительными или хулиТЕЛЬными, как, например, пренебрежительный отзыв поэта Маяковского о поэте Лермонтове:

В Лермонтове, например,
чтоб далеко не идти,
смысла не больше,
чем огурцов в акации.
Целые
хоры
небесных светил,
и ни слова
об электрификации.

Большая разница наступает, когда мнение напечатано в школьном учебнике, одобренном и утверждённом Министерством образования, оно подлежит заучиванию и запоминанию. Объяснения вроде только что зачитанных слов Гладкова, *классика социалистического реализма*, не допускали сомнения и возражения, и нам, школьникам, рисовались картины, будто в первой половине XIX века, да и вплоть до самого 1917 года, население Российской империи, этой *тюрьмы народов*, представляло собой стадо рабов (если не все в оковах и кандалах, то все поголовно в лаптях), над которыми всячески измывалась шайка злодеев, тюремщиков, мракобесов во главе с деспотом-царём.

Обвинительными актами выставлялись не только сочинения Гоголя, но и произведения Рылеева, Пушкина, Лермонтова, Некрасова... В старших классах, знакомясь со стихами В. В. Маяковского, мы принимали к сведению, что некоторые исторические личности заслуживают только осмеяния, например, *вертявый пострел* Керенский: «Быть Керенскому биту и ободрану». Ни учительница, ни тем более мы, советские недоросли, не знали ничего (и не собирались узнавать) о Марии Бочкарёвой, но нас веселило и развлекало, что поэт Маяковский в поэме «Хорошо» насмехается боевито над *бабым батальоном*, и в память врезалось, что в ноябре 1917 года Зимний дворец защищали от праведных красногвардейцев некие *бочкарёвские дуры*.

Выйдя за рамки школьной программы, напомним, что *горлан-главарь*, как назвал сам себя Маяковский, призывал к бессудной и скорой расправе над теми, кто противился большевикам: «Белогвардейца найдёте —

и к стенке». По каким признакам определять, что человек, *найденный* где-нибудь на улице или у себя дома, белогвардеец? – поэт Маяковский не считал нужным уточнять. Размышляя о событиях столетней давности, я, вышедший из школьного возраста и, что существенно, проживающий при ином государственном устройстве, не коммунистическом, больше не считаю, что в красногвардейцы *записывались* только кристально чистые люди, а в белогвардейцы шла одна *сволочь* (любимое слово Маяковского). В стихотворении «Рано радоваться» (1918 год) кроме призыва *ставить к стенке* разгорячившийся *горлан-главарь* требовал уничтожать не только двуногих классовых врагов: «А Рафаэля забыли? Забыли Растрелли вы?» – после напоминания следует команда: расстреливай это *старьё* из stodюймовок, и памятник Александру III в Петрограде на Знаменской площади пора взорвать динамитом...

Мне скажут: не нужно понимать буквально, поэт прибегает к смелым метафорам, дабы ярче выразить свою мысль; чуть позже Маяковский объяснял, что он в своём «Рано радоваться» вовсе не подбивал никого к *ножовой расправе*. Так мне скажут, но я рассуждаю по-простому, полагаясь прежде всего на зрение: если на дверях висит табличка: «Посторонним вход запрещён», или на столбе имеется предупреждение: «Не влезай, убьёт!» – я не задаюсь вопросом: не метафора ли здесь? Поэт Пушкин в свои восемнадцать лет высказал ненависть к самодержцу и пожелал смерти его детям; у поэта Маяковского чесались руки физически уничтожить врагов, повзрывать памятники царского времени, пострелять из винтовки в музей и похерить классическую поэзию, ставшую, по его мнению, старьём, – он не счёл нужным скрывать свои хотения, заявив о них во весь голос; так у них написано, и я не вижу необходимости прислушиваться к чьим-либо оправдательным *интерпретациям* и умиротворяющим *дивинациям*.

Не только известные личности, и простые смертные дают волю чувствам; оборотимся на себя, спросим, кто из нас не без греха, ведь и мы порой так ненавидим кого-либо, что *задушил бы его своими руками*. Заявления, суждения и утверждения литераторов можно считать умными или глупыми, обоснованными или необоснованными; не следует, однако, вставлять в школьную программу особо запальчивые, оскорбительные, злобные или исполненные ненависти произведения вроде той же оды «Вольность», прикладывая к ним *интерпретации*, которые приходится со временем переделывать, в зависимости от государственного уклада и главенствующей идеологии, подлаживаясь под изменившиеся *требования*. В моё время Пушкина восхваляли прежде всего за смелое обличение самодержавия, именно за *ненависть* к тем, кого было принято называть деспотами и мракобесами; сегодня всё чаще слышишь, как Пушкин (атеист, автор «Гавриилиады» и «Сказки о попе и о работнике его Балде») выставляется *основоположником православной традиции в русской литературе*.

Используя несколько раз слово *интерпретация*, я выделил его курсивом. Почему? Меня смущает следующее определение: «В литературоведении интерпретация – истолкование текста с целью понимания его смысла». На первый взгляд всё ясно: литературоведы, занимаясь интерпретацией, истолковывают произведения письменности; например, они объясняют нам, что *злодей* в пушкинской оде «Вольность» – Наполеон (а не русский царь, как нам говорили, или как нам казалось, когда я учился в школе).

Заглянем в толковые словари, где существительное *интерпретация* значит: истолкование, разъяснение смысла чего-либо. Перечитайте определение: «В литературоведении интерпретация – истолкование...» Не знаю, как вы, а я усматриваю здесь то, что называют *маслом масляным*. Рассуждаем дальше: истолковывать текст можно с иной целью, не для понимания, а, скажем, для затемнения, запутывания его смысла?

Лично я никогда не использую существительное *интерпретация* ещё и потому, что помню его значение в английском языке, с русским не совпадающее: *перевод*. Прислушаемся также к его употреблению в русской речи, оно встречается в таких высказываниях как, например: *старый трюк в новой интерпретации*. Здесь смысл *интерпретации* иной, не тот, который в словарях. Так что, поскольку заимствованное слово не всеми одинаково понимается и используется, незачем привлекать его для формулировок вроде той, которую я вычитал в учебном пособии для литературоведов. Скажите просто: литературоведы объясняют неясные места в произведениях.

Но, если выражаться просто и понятно, никто не поверит, что ты учёный, что ты не в бирюльки играешь, а науку двигаешь вперёд!

Такие термины, как *интерпретация*, *дивинация*, *конъектура*, равно как *номинация*, *концепт*, *коннотация* и многие другие, введены в филологию с лукавой целью. По поводу языка мы не можем сказать ничего нового, всё давно сказано; разбор художественных произведений, по большому счёту, не требует какой-то специальной подготовки в высшем учебном заведении; в качестве примера вспомним В. Г. Белинского, который и гимназии не окончил, и из университета был *выключен*, то бишь отчислен, что не помешало ему стать литературным критиком и высказываться толково о художественных произведениях своего времени.

Кстати, объяснение, или, если хотите, *интерпретация*, что в пушкинской оде под *злодеем* следует понимать Наполеона, является ошибочным. Во-первых, в 1817 году французский император, окончательно побеждённый и взятый в плен за два года до написания «Вольности», отбывал ссылку на острове Святой Елены, его *погибель* уже состоялась, и, что существеннее, Пушкин никогда бы не высказался о нём теми злыми словами, которые мы находим в «Вольности». Вспомним другое пушкинское стихотворение, где однозначно (а не предположительно) говорится о Наполеоне: *угас великий человек, могучий баловень побед*; прозвучало, что он *тиран*, сказано, что его *пленило самовластье*, но в целом:

Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почил
И луч бессмертия горит.

Самовластительный злодей – образ собирательный, это любой коронованный *тиран*, поставивший себя выше Закона. Поскольку ода состоит из двух частей, и вторая часть – раздумья, навеянные Михайловским замком, где был убит император Павел, можно предположить, что слова относятся к Павлу: вслед за его *погибелью* пусть та же участь постигнет его многочисленных детей.

Объяснять произведения берутся необязательно люди умные, способные, начитанные. Человеку вообще свойственно ошибаться, и составители учебников по гуманитарным дисциплинам не исключение. Литературоведам (вкуче с историками) приходится вертеть головами, прислушиваясь к речам политиков, к выступлениям педагогических светил,

они подлаживают свои *интерпретации* под новые идеологические *веяния*, а если ты служишь и получаешь зарплату из государственной казны, изволь полагаться на предписания из Министерства образования, где штатные теоретики тоже пребывают вечно в поисках путеводной идеи и ломают голову над тем: что же сделать, чтобы улучшить, и кто виноват в том, что никак не улучшается? Я говорю об этом без иронии и с пониманием, вспомнив по случаю, как Н. И. Тургенев, будущий декабрист, осуждал Александра Пушкина, недавно закончившего Лицей, за *эпиграммы против правительства*, и также выговаривал ему: «нельзя брать ни за что жалованье и ругать того, кто даёт его». Ещё не так давно литературоведам было удобно пользоваться проверенным шаблоном: не мудрствуя лукаво, да и вообще избегая умственных усилий, они помещали в учебном пособии портрет Пушкина с благородной осанкой и под ним, надёргав фраз у авторитетных пушкинистов, приводили выложенную биография, в коей Пушкин, пламенный поборник свободы и обличитель самодержавия, претерпевал гонения и страдания и пал жертвой деспотизма. Сегодня стало сложнее: в каком свете, через призму чего *интерпретировать* Пушкина (и других классиков)? Так что имеет хождение и прежний шаблон, и новые *интерпретации*, например, что Пушкин – *последовательный монархист*, и будто бы он был *глубоко предан идее самодержавия*.

Пушкин (и, добавим, не он один) брал жалованье *ни за что* и ругал тех, кто даёт его. В июне 1817 года, ещё когда шли выпускные экзамены, лицеистов *распределили*, как мы говорим сегодня, на работу в различные ведомства, и Пушкин, получивший чин коллежского секретаря, был приписан, по собственному желанию, к Коллегии иностранных дел. Егор Антонович Энгельгардт, директор Царскосельского лицея, считавший, кстати, что у Пушкина *холодное и пустое сердце, чуждое любви и всякого религиозного чувства*, по прошествии полугода, в декабре, пишет А. М. Горчакову в Москву: «Пушкин ничего не делает в Коллегии, он даже там не показывается».

К чему я клоню, с какой целью я повторил слова Н. И. Тургенева и извлекаю на свет божий сведения, бросающие тень на нашего великого поэта? Во-первых, это вовсе не тень, я только делаю уточнение, дабы любители Пушкина, точнее, пушкинской поэзии, и вообще любители русской словесности не предавались необоснованному умилению. Я согласен, что у Пушкина было призвание сочинять стихи, а не преть ежедневно в петербургской, кишинёвской или одесской конторе за переписыванием или составлением скучных официальных бумаг, и тогдашние власти, надо признать, прощали ему и то, что он на работе *не показывается*, и что высказывается постоянно против правительства в целом и против отдельных государственных мужей, против религии и служителей культа, – сошлюсь для примера на Н. М. Карамзина, который писал 7 июня 1820 года И. И. Дмитриеву по поводу того, что мы привыкли называть *южной ссылкой*: «Его простили за эпиграммы и за оду на вольность, дозволили ему ехать в Крым и дали на дорогу 1000 рублей...» Цель моих теперешних рассуждений такова: опровергнуть утверждение, совершенно ложное, но выдаваемое за неоспоримую истину, будто, изучая жизнь писателя, мы лучше понимаем его творчество. Исходя из этого постулата, юнцов и юниц принуждают зазубривать биографию Пушкина, Гоголя, Маяковского; если в программу вставлены Федин, Фадеев, Фурманов, Островский, который написал «Как закалялась сталь», Gladkov, автор романа «Цемент», или какой

иной *инженер человеческих душ*, получивший в своё время орден или Сталинскую премию за литературные достижения на попрание социалистического реализма, пусть отроки запоминают биографические сведения и о них, пусть зазубривают их *крылатые* высказывания, вроде того отзыва, который оставил Гладков о творчестве Гоголя или Маяковский о стихах Лермонтова, чтобы потом в классе учитель проверил, как школяры зазубрили, – то есть, простите, как школьники вникли в жизнеописание для лучшего понимания творчества!

Мы ничего не знаем о человеке, написавшем «Илиаду» и «Одиссею». Можно только гадать, кто сочинил «Песнь о Нибелунгах» или «Слово о полку Игореве». Вспомним также поэму «Витязь в тигровой шкуре»: в тексте автор представился, зовут его Шота, и он родом из города Рустави, и на этом наше знакомство с ним заканчивается. Наша полная неосведомлённость (или весьма скудные сведения, как в случае с Шекспиром) о жизни литератора не сказывается на восприятии и оценке их творений. Христианство, крупнейшая мировая религия, полагается в своей вере на канонические евангелия, не имея достоверных сведений о евангелистах, только называя их по именам: Матфей, Марк, Лука, Иоанн.

Художественное произведение существует само по себе и должно говорить само за себя. Может быть, моё требование покажется слишком жёстким, но и небольшое стихотворение, и большой роман должны быть понятны от начала до конца любому образованному человеку. В случае с народными сказками в число благодарных слушателей входили неграмотные люди; в Древней Греции мифы, порой весьма богатые событиями и количеством действующих лиц, были известны простому народу благодаря доходчивому изложению; в Англии в среде простолюдинов имели хождение легенды о короле Артуре и его рыцарях; в карело-финских деревнях неграмотные сказители запоминали на слух и исполняли по памяти руны, составившие «Калевалу». Во вред художественному произведению служат слова, предложения, образы, явления, особенно намёки и иносказания, которые уже при написании требуют пояснений, а по прошествии времени, становясь ещё менее понятными, порождают всяческие *интерпретации*.

Школяров и студентов принуждают разбираться в *истории создания* того или иного произведения, им разжёвывают и требуют потом доложить, при каких обстоятельствах, под влиянием чего или кого оно было написано, литературоведы берутся объяснять, что чувствовал поэт, когда работал над тем или иным *бессмертным творением*, – но при этом толкователи зачастую скрывают подлинные обстоятельства, не рискуя по тем или иным причинам их *обнажить*, и если нам в комментариях предлагаются недомолвки, иносказания или искажения, то тем более к чему создавать видимость литературоведческого анализа?

Анна Ахматова открыла глаза простым смертным на *творческий процесс*, который иным кажется священнодействием:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи...

Вместо того чтобы просто читать поэзию или прозу, связывать художественный вымысел со своими раздумьями и переживаниями, мы,ковыряясь, извините за некрасивое слово, в биографии и в *истории создания* можем наковырять чего-нибудь такого, что одних покоробит, других удивит, в третьих пробудит или усилит цинизм.

К 1819 году относится следующее пушкинское стихотворение, написанное во второй половине июня:

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
Ты, тревожа сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим – но в сотый раз
Слышим твой коварный шёпот,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.
Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюблённый плач –
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наврное назначь.

Девушка по имени Ольга не выведена *гением чистой красоты*, она *жрица наслажденья*, и пишущий не скрывает, что явился к ней *в условный час* не просто так посидеть, а *с горячкою любовной* ради *резвого разврата* и *приапических затей*, дабы провести с означенной Ольгой *ночь восторгов, ночь забвенья*. Кто-то назовёт стихотворение игривым, шутивным, кто-то найдёт его неприличным; большинство, я думаю, настроившись на умный разговор, вспомнят такие слова, как *эротический, чувственный...* И, поговорив, – это эротика, не порнография, так ведь? – мы возьмёмся за чтение следующего произведения в нашем сборнике пушкинской поэзии, как в картинной галерее мы перемещаемся от одного живописного полотна с Кипридой или Амуром к другому, где какие-нибудь фавны и вакханки предаются *резвому разврату*; обычным посетителям всё равно, какими красками и кистями пользовался живописец, каких натурщиков и натурщиц он приглашал, порой мы не удосуживаемся взглянуть на имя художника на табличке и на год, когда картина была нарисована. Понравилось или не понравилось – этим мерилом оцениваются художественные произведения, и никакие опытные искусствоведы или литературоведы не смогут переубедить человека, считающего какую-либо картину *мазнёй* и чьи-либо стихи *белибердой*.

Примечания к зачитанному произведению, на мой взгляд, служат как раз тому, что мы начинаем предаваться *интерпретациям* и отвлекаемся от искусства. Пушкинист Д. Д. Благой сообщает, что девушка в произведении: «*Ольга Массон* – одна из петербургских *прелестниц*, приятельница Пушкина и его друзей». Кое-кто останется в радужном заблуждении, представляя себе застолье с вином и чтением стихов в компании милого создания, мужчин завлекающего, но не обязательно к своему телу допускающего; однако, кто-нибудь *знающий* поспешит

открыть нам глаза на *голую правду*: *прелестница* – это эвфемизм, имеется в виду продажная женщина, согласная заниматься *резвым развратом* хоть с Пушкиным и его друзьями, хоть с кем, кто платит. В других изданиях приводится пояснение Б. В. Томашевского, которое никак не служит тому, чтобы *лучше понять произведение*: «Ольга Массон (родилась в 1796 году) принадлежала к петербургскому *полусвету*».

Будучи просто Ольгой, девушка воспринималась как литературный персонаж; *просветившись*, мы перестаём считать её девушкой, у некоторых возникает желание, может быть, даже *приапическое*, покопаться в биографии *настоящей* Ольги Массон. Рано или поздно отыскиваются сведения, то ли соответствующие, то ли не соответствующие действительности, будто *прелестница* «после бесчисленных мятежных заблуждений» вышла замуж за какого-то *почтенного чиновника в Могилёве*. Может быть, закопаться с головой в могилёвских архивах и, если чиновник обнаружится, включить его имя в Пушкиниану, поскольку он получил в жёны бывшую *приятельницу* нашего великого поэта?

Оттолкнувшись от двух слов, коими исчерпываются сведения о *жрице сладострастья*, можно предаться очень даже пространным домыслам, какие мы находим, например, у Ю. Тынянова в романе «Пушкин»: автор приписывает своему юному герою, в любовных делах явно искушённому, следующие рассуждения об *изменницах*: они, живущие изменой, «должны были быть самыми пылкими в самой измене, самой страсти, должны быть бешены, неукротимы, без усталости предаваться любви. Ничуть не бывало. Холодны, умеренны. <...> Любовь была их делом, а интересоваться делом было скучно, неуместно. Они придавали себе цену, относясь небрежно, поверхностно к объятиям, страсти их не согревали. <...> Ревность их была холодна – торговая ревность, – а самолюбие бешеное».

Как будто Пушкин лично делился с Тыняновым своими *интимными* наблюдениями и выводами! Мне кажется, что Тынянов пытается представить дело так, будто в отношениях поэта с разными *прелестницами* не было глубокого чувства. Какие-то мимолётные отношения! И в этих отношениях со скучающими *жрицами сладострастья* не было ничего низменного. И страсти, собственно, не было. Великий поэт понимал суть *изменниц*, он был предан высокой поэзии... Так или иначе, вот нам портрет *прелестницы* Массон, написанный кистью Тынянова:

«Однажды он попал к такой, которая знала стихи, читала последние журналы, вообще была образованна. Она была модница.

– Теперь Вольтера никто не читает, кому он нужен?

Пушкин прислушался.

– А кто нужен? – спросил он.

– Бассомпьер, – сказала модница.

Был и такой. Она и его читала. В объятиях она зевнула. Между делом дважды выбросила высоко ножку и сказала равнодушно:

– А теперь опять.

Равнодушие было удивительное.

Он спросил её имя. Имя было нерусское, нарочитое: Ольга Массон. Все заблуждения с ней были нарочиты, порок невесел. И Олинька Массон, и Лиза Штейнгель прибыли с разумной целью. Из недалёких мест, которыми бредили романтики, они приезжали не для страсти – ибо страсть крепка, – а для пользы вещественной. <...> Они не мешали. Потом росли пуховики, прибавлялись вещи. И они уезжали для семейного счастья...»

Разве не удивительно? В стихотворении мы читали, как Пушкин в *любовной горячке* рвётся к *жрице наслаждения*, мечтая о *сладострастных*

поцелуях, изнемогает в ожидании *резвого разврата*, предвкушает *ночь восторгов*, но литератор Тынянов как ушат холодной воды выливает на Пушкина – точнее, на читателя; по его *интерпретации* Ольга Массон зевала в объятиях любовника, холодно отдавалась ему, *выбрасывая ножку*, вообще *порок* с ней *был невесел*, занималась она плотской любовью с Пушкиным и с кем угодно, как и остальные *изменницы*, без страсти, для *пользы вещественной*: на заработанные деньги покупала пуховики, готовя себя к будущему семейному счастью с каким-нибудь *почтенным чиновником* где-нибудь в Могилёве – почему бы нет, обычное житейское дело, и, вопреки утверждению ветхозаветного составителя притчей, земля не содрогается от негодования, если *позорная женищина* выходит замуж: «мерзкая жена еще ключится добру мужу»... А почему Тынянов, придумав про равнодушное отношение *жрицы любви* к *приапическим затеям*, приписал ей чтение Вольтера и – бог ты мой! – даже мало кому известного Бассомпьера? Видимо, тоже для облагораживания: наш великий поэт не с какими-то тупыми девками путался, он с образованными модницами возлегал на ложе, с такими, коих в античности гетерами называли, в иные времена величали *честными куртизанками*, и будто бы они *отличались высоким образованием и вращались в высших сферах общества*.

Вымысел облагораживает, обман, как сказал Пушкин, нас возвышает... Когда некоторым разбойникам усиленно приписывают *благородство* или даже выставляют борцами за народное дело, когда некоторыми проститутками восхищаются за любовь к поэзии и умению вести себя в обществе, светском или полусветском, почему-то тянет вспомнить негромко низменную правду. Язык у меня не поворачивается на грубые слова, поэтому предоставляю слово А. И. Тургеневу, который 18 июня 1819 года (в те дни, когда написано послание к Ольге Массон) сообщал князю П. А. Вяземскому: «Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной <...>, которая не пускала его в дождь к себе, для того чтобы не заразить его своею болезнью».

Из такого вот *сора* выросло послание к девушке, не пустившей поэта на свой порог. Способствует ли он *лучшему пониманию* пушкинской поэзии?

Некоторые произведения доходят до читателя с большим опозданием или не в первозданном виде. Например, послание к Ольге Массон было напечатано впервые только в 1857 году, при этом цензура вырезала две строки: про *резвый разврат* и *приапические затеи*. Также *ночь целомудренно* заменили на *день*, в новой редакции поэт жаждал попасть к *жрице наслажденья*, чтобы провести с ней *день восторгов, день забвенья*.

Коснувшись таким образом текстологии, приведу её определение, вычитанное мной в Большой советской энциклопедии: «Отрасль филологии, изучающая произведения письменности, литературы и фольклора в целях критической проверки, установления и организации их текстов для дальнейшего исследования, интерпретации и публикации». Не будем вдаваться, что такое *критическая проверка*, как понимать *установление текстов*, и почему нам показалось, что *проверкой* и *установлением* занимаются одни люди, дальнейшим *исследованием* и *интерпретацией* как будто другие, и почему, купив книгу, мы видим в ней опечатки, отсутствие пояснений, где они нужны, или *интерпретации*, смысл запутывающие. В следующих строках моё особенное внимание привлекли *дивинации* и *конъектуры*, так что я даже вынес их в заголовок своего очерка: «Установление античности текстов почти

всегда сводится к реконструкции с применением тонко разработанного критического метода, гипотез, дивинаций (дописывание, досочинение) и конъектур, установленный текст остаётся гипотетичным. <...> текстология некоторых произведений эпохи книгопечатания <...> требует изощрённых методов исследования».

Прочитав, мы понимаем, что идёт речь о *высшем пилотаже* в области языкознания, далеко не каждому дано освоить *тонко разработанные и изощрённые методы*.

Поскольку я учился на английской филологии, позволю себе сделать перевод: *дивинация* значит *гадание*; когда-то гадали по полёту птиц и по их потрохам, в наше время предпочитают гадать на картах, на кофейной гуще, на бобах; *конъектура* – это *предположение*. Если в тексте, у того же Пушкина, неразборчиво написано одно или несколько слов, наших *дивинаций* и *конъектур* хватит на ряд научных статей и на получение кандидатской степени, ежели в каком памятнике письменности безвозвратно вырвана страница, поле деятельности значительно расширяется, наши догадки, предположения, дописывания и досочинения с *применением тонко разработанного критического метода* выльются со временем не иначе как в докторскую диссертацию. Правда, *установленный текст*, как нам объяснили, останется *гипотетичным*.

В современном сборнике пушкинских стихов мы находим следующее произведение:

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
За них жена моя и дети
Вам благодарны, как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду,
Когда по делу позовут
Меня на новую расправу,
За ваше здравие и славу
Я дам царю мой первый кнут.

Складно зарифмовано, читается легко... Но о чём здесь говорится? Кто такие *заступники кнута и плети*? Видимо, злодеи, крепостники, тираны того же рода, коих Пушкин бичевал в своей оде «Вольность». Поскольку под произведением стоит дата 1825 год, мы вправе задуматься: у Пушкина ещё не было ни жены, ни детей. И почему несуществующие домочадцы должны быть благодарны нехорошим *князьям*... за что? Судя по грамматическому построению, за кнуты и плети! Если *князья* – злодеи, почему поэт обещает молиться за них? Поэт говорит о *новой расправе*, значит, была предыдущая; не его ли уже стегали кнутом или плетью? И каким образом *первый кнут* достанется не ему, а царю?

Перечитайте текст: перед вами галиматья, набор слов и фраз, общего смысла не имеющий! Дабы моё смелое или даже дерзкое заявление не показалось голословным, сообщу, что сей *памятник письменности* был обнаружен П. Е. Щёголевым в черновых бумагах поэта, о чем он известил общественность в 1911 году в статье «Новые стихотворения А. С. Пушкина» (журнал «Русское Слово», № 181), и предлагаю посмотреть, как найденный черновик выглядит в шестнадцатитомном собрании сочинений А. С. Пушкина, во втором томе, изданном в 1947 году (книга первая):

Заступники кнута и плети,
 [О знаменитые<...>?] князь<я>,
 [За <всё> <?>] жена [моя] [и] дети
 [Вам благодарны] как <и я><?>.
 За вас молить [я] бога буду
 И никогда не позабуду.
 Когда позовут
 Меня на полную<?> расправу,
 За ваше здоровье и славу
 Я<?> дам<?> царю<?> мой первый кнут.

Сравните: небо и земля! Не знаю, правда, что именовать небом, что землёй... В пояснениях мы читаем, что набросок относится, предположительно, к первой половине сентября 1825 года и что Т. Г. Цявловская в своей научной статье от 1941 года назвала его *политической эпиграммой*, отметив: «В. Я. Брюсов предложил конъектуры на <царскую> *расправу* и *Влетит <царю> мой первый кнут*»; в переводе на понятный русский язык это значит, что слова *царскую* и *царю* вставлены в пушкинский черновик поэтом Валерием Брюсовым *по догадке*. Кстати, я упорно называю обсуждаемый текст наброском, черновиком, но в «Собрании сочинений» его поставили, несмотря на отсутствие смысла, в раздел «Стихотворения», а не в черновые варианты. Почему? Потому что, хоть это и обрывки, в них усматривается ненависть Пушкина к крепостникам, потому что Пушкин смело заявляет, что готов отстегать кнутом царя, и всё это явно перекликается с обличительной одой «Вольность»...

В академическом издании мы не находим объяснений по *смыслу* написанного, поэтому поясню, не прибегая к собственным *дивинациям*, но обратившись к иным печатным источникам: в 1825 году Пушкин пребывал в Михайловском; он скучал, томился, злился, негодовал: после шумной, весёлой Одессы с её театром и ресторанами, с бесплатными и, видимо, изысканными кушаньями в доме графа М. С. Воронцова, державшего *открытый стол*, после картёжных игр, бесед и пирушек в компании тех или иных светских людей, после ухаживаний за графиней Воронцовой и посещения борделей оказаться в глухой деревне, при этом твой отец подписал с властями соглашение, что будет *присматривать* за тобой. Пушкин обращается к Жуковскому: «Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен». Он пересылает через Жуковского письмо Александру I. Царь не даёт разрешение на выезд, советует Пушкину лечиться в Пскове. Обеспокоенный Жуковский, друг, находит опытного хирурга, И. Ф. Мойера, готового приехать из Дерпта в Псков. Князь Вяземский, тоже друг, советует больше не ссориться с властью: «Право, образумься, и вспомни – собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали, есть ещё и такая привязь, что разом утомонит дыхание; у султанов она называется почётным снурком, а у нас этот пояс называется Уральским хребтом. Надеюсь, а пуще желаю, чтобы Псков принёс тебе пользу...» Пушкин ехать на лечение в Псков не собирается, ибо жалобы на здоровье, на *аневризм ноги*, были предлогом; как пишет М. А. Цявловский: «Пушкин физически ничем не страдал»; поэт собирался бежать за границу. Мысль о побеге пришла ещё в Одессе, ибо: «Святая Русь мне становится не в терпёж». Теперь, в Михайловском, в деревенской глуши, он обнадёживает себя:

Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.

Друзья, Жуковский и Вяземский, не были посвящены в его дерзкий замысел; их заботы и особенно советы *образумиться* раздражают Пушкина, он в резком тоне отписывает Вяземскому: «Вам легко на досуге укорять меня в неблагодарности, а были бы вы (чего боже упаси) на моём месте, так, может быть, пуще моего взбеленились», и, кроме письма, *взбеленившись*, поэт набрасывает на полях рукописи слова и фразы для эпиграммы, в которой намерен выставить их, друзей, *заступниками кнута и плети*. Обвинение необоснованное и грубое. Видимо, Пушкин остыл, сам понял, что его злые выпады будут оскорблением, и оставил черновик без доработки. Может быть, он сообразил, что сильно преувеличивает свои несчастья, сравнивая их с наказанием плетью или, того хуже, кнутом. Набросок так и остался подборкой рифм: *князья – и я, плети – дети*, набором случайных фраз, пришедших в голову... Послушаем лучше Павла Евсеевича Щёголева; привожу его суждение о найденных черновиках по статье 1931 года «Из жизни и творчества Пушкина»: «Восстановить стихи в полном объёме нет возможности: слишком много зачёркнутого и слишком много незачёркнутого, писанного пушкинской скорописью...» Щёголев разобрал два варианта: «Под зачёркнутыми словами разбирается и первоначальная редакция. <...> Даже при поверхностном ознакомлении с рукописью ясно, что больше ничего не выжмешь из этого черновика. Самостоятельного стихотворения из него не сделаешь».

Цявловская (в 1941 году) сообщала по поводу текстологических усилий Валерия Брюсова: слова *царскую* и *царю* были внесены им в текст *исключительно по догадке*. Об этом раньше неё говорил и Щёголев: «Брюсова тенденциозное стремление революционизировать Пушкина завело очень далеко. <...> Категорически можно утверждать, что царь тут не причём: ни слова *царскую*, ни слова *царю* в рукописи нет».

Щёголев был уверен, что *самостоятельного стихотворения* из чернового наброска не сделаешь. Но ведь сделали! Текстологи с удовольствием предавались домысливанию, дописыванию и, возможно, к иным *изошрённым методам исследования*, а потом, уже в новое время, какой-то издатель для *публикации* по недомыслию избавился от вопросительных знаков и раскрыл скобки, и плод *дивинаций* и *конъектур*, по идеологическим соображениям *революционизированный*, но смысла не имеющий, выдаётся теперь за законченное произведение А. С. Пушкина.

Сочинять стихи или прозу – личное дело. Точно так и с чтением. Кто хочет – читает, при этом то, что ему нравится. Нет причин навязывать книжки в целом или определённые произведения тому, кто их не любит.

Нет необходимости предлагать школьникам писания, проникнутые ненавистью, со злыми оскорблениями, призывами что-либо уничтожать или кого-либо ставить к стенке; при этом не является извинением то, что произведение вышло из-под пера какого-либо талантливого литератора. Хорошо, когда книги для школьного чтения понятны — как ученикам, так и учителям, понятны и не требуют сложных и не обязательно правильных *интерпретаций*.

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

Родился в 1937 году в городе Николаеве УССР. После эвакуации с 1941 года живет в Нижнем Новгороде. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского.

Работал редактором общественно-политических и информационных программ Горьковской студии телевидения, собкором Гостелерадио СССР, ГТРК «Останкино», телекомпании ОРТ в Нижегородской области, представителем издательства «Воскресение», ведущим и старшим редактором Нижегородской государственной телерадиокомпании НТР.

Прозаик, поэт, публицист, автор трех десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии «Болдинская осень», премий Нижнего Новгорода, областной премии имени А.М. Горького, кавалер ордена Дружбы, ордена Почета.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ: БЫЛЬ И НЕБЫЛИЦЫ

Ответы через годы

В свое время «Нижегородская правда» опубликовала большой материал местного краеведа Александра Аб-ва «Почему он не Герой?», в котором автор выдвинул «свою версию обстоятельств водружения Знамени Победы над логовом поверженного врага». Эта версия выглядит далеко не бесспорной и побуждает к дискуссии с автором, позиция которого базируется на воспоминаниях лишь одного участника событий – нашего 95-летнего земляка А.П. Ширгина, человека безусловно заслуженного, который был в мае 1945 года рядовым связистом, и на газетных очерках и мемуарах самых первых послевоенных лет. После этого в исследовательский оборот были введены многие новые документы, которые не только обогащают наши знания, но рождают порой совершенно другие трактовки, меняют устоявшиеся представления и в итоге информируют о том, что и как было на самом деле в Берлине в мае 1945 года.

В мае 1965 года, после парада в честь 20-летия Великой Победы, в Горький приехали из Москвы участники штурма рейхстага – Герои Советского Союза генерал-полковник Василий Митрофанович Шатилов, командир 150-й Идрицкой, Берлинской ордена Кутузова второй степени стрелковой дивизии, его однопольчане – сержант Мелитон Кантария и командир роты старший лейтенант Петр Греченков. В Горький герои приехали по приглашению Ивана Филипповича Матюшина – ректора медицинского института имени С.М. Кирова, который в дни штурма Берлина был в 150-й стрелковой дивизии главным хирургом. И, как вы-

яснилось, даже оперировал Мелитона Кантария после легкого ранения в ногу недели за три до того, как тогда младший сержант-разведчик вместе с сержантом Михаилом Егоровым водрузили красный флаг под номером пять на крыше рейхстага. Знамена были изготовлены, пронумерованы и выданы атакующим рейхстаг подразделениям Военным советом 1-го Белорусского фронта и политуправлением корпуса.

...Буквально за день до приезда в Горький ветеранов 150-й дивизии я купил журнал «Советское фото» № 4 за 1965 год. В нем была опубликована величиной в целую страницу фотография работы А. Морозова – Михаил Егоров и Мелитон Кантария со Знаменем Победы на рейхстаге. Шатилов, Кантария и Греченков оставили на этом журнальном снимке свои автографы. И тут я спросил Шатилова, почему на снимке нет капитана Константина Самсонова, ведь Знамя Победы водружали три человека. И на только что состоявшемся в Москве параде в честь 20-летия Победы именно полковник Самсонов нес по Красной площади Знамя Победы, а сержанты Егоров и Кантария в новеньких, специально сшитых к юбилею мундирах ассистировали ему.

Я даже спросил, почему они не взяли Самсонова с собой в Горький.

Шатилов резко повернулся ко мне и сердито отрезал:

– Нечего ему здесь делать! Он не наш!..

Для меня этот ответ был совершенно неожиданным. Шатилов, не уловив моего недоумения, столь же напористо продолжал:

– Его судить надо было, а не награждать. У его дивизии было свое знамя под номером, так он своих бросил, увидев, что наши Егоров и Кантария ближе к цели. Отличиться решил. И выбежал с ними и знаменем на крышу рейхстага. Не хочу больше ничего о нем говорить!..

Генералу было обидно, что «чужой» старлей, из другой дивизии «примазался» к славе его, Шатилова, людей и, как старший по званию, носит на торжествах его, Шатилова, Знамя Победы, а Кантария и Егоров по-сержантски ходят в сопровождающих. И главное, генерал ничего не может с этим поделать, потому что в Указе о присвоении участникам водружения Знамени Победы геройского звания с ведома и согласия Верховного главнокомандующего названы три фамилии знаменосцев. Указ, кстати, вышел через год после Победы, хотя представления на Кантария и Егорова Шатилов написал сразу же после их подвига. Но тогда, в мае 1945 года, они получили только по Красному Знамени, как и Самсонов, как и все – от командиров до рядовых бойцов, участвовавших в этой очень ответственной боевой работе в рейхстаге.

Василий Митрофанович Шатилов свято дорожил боевой славой своей дивизии и ревностно охранял ее от чьих-либо посягательств. Несколько раз было так, что, завидев сразу трех Героев Советского Союза и узнав среди них Мелитона Кантария, горьковчане-ветераны подходили к гостям, вспоминали о своем участии в штурме Берлина и в боях за рейхстаг. Шатилов задавал им несколько коротких вопросов и, удостоверившись, что подошедшие не из его дивизии, тут же терял к ним интерес.

Но был один случай, который мне хорошо запомнился. На второй день пребывания гостей в городе, когда о них уже рассказали накануне наши телевизионные «Горьковские новости», а в этот день вышли газеты с их фотографиями, снятыми в Горьком, мы, после организованной Матюшиным встречи со студентами-медиками, вышли на площадь Минина и Пожарского. У дверей института навстречу генералу Шатилову направился поджидавший нас на тротуаре стройный, сухоощавый человек в коричневом костюме с рядами орденских планок на пиджаке:

– Товарищ генерал, разрешите представиться – капитан Романовский, служил под вашим началом при штурме рейхстага. Артиллерист.

Шатилов, не демонстрируя каких бы то ни было эмоций, посмотрел на неожиданно возникшего капитана в штатском, претендующего на высокую честь быть однополчанином, и с равнодушием, которое мне показалось нарочито деланным, спросил:

– А скажите, капитан Романовский, чем вы занимались 30 апреля 1945 года в... (и Шатилов назвал час с минутами, я сейчас точно не помню, а потому не называю).

Романовский не замедлил с ответом: «Прямой наводкой бил из пушки по боковой стене рейхстага, выбил пробойну, через которую проникли внутрь здания бойцы капитана Неустроева!»

Шатилова словно подменили, он подобрел, расплылся в улыбке и с распростертыми руками пошел к Романовскому, обнял, расцеловал: «Все точно, капитан Романовский, дорогой ты мой! Наш!.. Ты везде будь с нами. Мы сейчас идем выступать на телевидение. Ты тоже иди!»

Почти через год, 6 апреля 1966 года, в Горький по приглашению общества «Знание» приехал бывший капитан и комбат Степан Андреевич Неустроев. Был он уже подполковником, правда, не помню точно, то ли в отставке, то ли в запасе. Я позвал его выступить в телевизионном выпуске «Горьковских новостей». И перед эфиром спросил, почему он не приезжал вместе с героями штурма рейхстага в мае 1965 года. И он коротко и просто ответил: «Да Шатилов не позвал. У нас с ним не все гладко...» В пятиминутном разговоре перед телекамерой мой собеседник вспомнил, как трудно было определиться с рейхстагом и вообще сколько рейхстагов в Берлине:

– Когда допрашивали пленных, как пройти к рейхстагу, они, в свою очередь, спросили: какой рейхстаг нам нужен? По сути, так или похоже назывались там разные органы власти.

Неустроев рассказал, как его поразило, что здание рейхстага оказалось гораздо меньших размеров, чем он предполагал, но тем не менее это был массивный серый дом с куполом и башнями. Всего лишь три этажа, считая цокольный. В двухстах метрах за ним исходил черным дымом громадный многоэтажный дом. Он как раз и годился для рейхстага. Доложил и получил команду от комполка: «Наступай в направлении большого дома, если ты считаешь, что он и есть рейхстаг!»

Неустроев поставил задачу своим ротам обойти серое здание слева и атаковать горящий дом. Но атаки захлебывались одна за другой. Неустроев доложил прибывшему на КП командиру полка Зинченко, что никак не может пробиться к рейхстагу: мешает огонь, который беспрерывно ведется из серого здания. Вместе с Зинченко стали изучать карту: что это за серое здание, которое так мешает своей стрельбой пройти к рейхстагу? Федор Матвеевич взобрался на патронный ящик, чтобы лучше видеть в окно серый объект. Смотрел на него, переводил взгляд на карту и вдруг весело выпалил:

– Так вот он – рейхстаг, Степан! Перед тобой! А ты говоришь, что он тебе мешает... Возьми его – и мешать не будет! А на тот дымящийся дом наплюй!

Полковник Зинченко сиял от сделанного им открытия и был взволнован не меньше Неустроева.

– Водружение Знамени Победы, – говорил в эфире Степан Андреевич, – складывалось из трех этапов. Во-первых, необходимо было

ворваться в рейхстаг и овладеть им – хотя бы частично. Во-вторых, во взятом уже рейхстаге добраться по лестницам на верхние этажи, затем попасть в чердачные помещения, а оттуда на крышу. Там установить знамя. И, наконец, отбить фашистские контратаки. Именно так все и было, и таким, а ни каким-то другим путем прошли Егоров, Кантария, Самсонов и автоматчики из группы поддержки...

После передачи я пошел проводить Степана Андреевича до гостиницы «Россия» на волжском Откосе. Одет он был в такую же новенькую военную форму, которую героям взятия рейхстага выдали к параду в честь двадцатилетия Победы в мае 1965 года. Невысокий сухощавый Неустроев выглядел браво и молодо. Шли мы не спеша и довольно долго – по всей улице Свердлова к памятнику Чкалову – и даже по предложению Степана Андреевича на короткое время спустились «в погребок», не доходя до Мытного рынка – «обмыть телевизионный заработок». Сразу после передачи Неустроев получил двадцать пять рублей, о чем расписался в гонорарной ведомости.

Как-то так вышло, что мы стали обсуждать, казалось бы, бесспорный вопрос: почему, чтобы победно закончить войну, нужно было обязательно взять рейхстаг и поднять над ним Красное знамя? Что, разве в Берлине не было других фашистских цитаделей, может быть, даже важнее рейхстага? Например, рейхсканцелярия с личным кабинетом Гитлера? Почему наши войска овладели ей проще и фашисты не обороняли ее с таким остервенением? Почему все сошлось на этом «массивном сером здании с куполом и башнями»?

Неустроев задумчиво улыбнулся:

– Я скажу тебе – почему! Потому что мы сами же и виноваты, сами дали немцам этот адрес, когда заявили, что символом нашей Победы будет поверженный рейхстаг с Красным знаменем на его куполе. А сказали об этом, когда война шла еще на советской территории. И все четыре года мы шли к этому рейхстагу за Победой! Наши враги, может быть, и сами удивились, зачем нам именно рейхстаг, иначе говоря, парламент, а не гитлеровская канцелярия, дом правительства или еще какой-то государственный объект. И в пику нам обороняли рейхстаг всей оставшейся у них мощью. А у нас к рейхстагу были «особые чувства» еще с середины тридцатых годов, точнее с 1933-го, когда Гитлер обвинил коммунистов в его поджоге и затеял трибунал против Георгия Димитрова и его товарищей. Мы тогда их спасли от всех ложных обвинений и встречали в Москве как героев. Даже германские судьи вынуждены были признать, что не коммунисты подожгли рейхстаг, а это дело рук провокаторов типа тронутого умом Ван дер Люббе. Вот с тех пор рейхстаг и засел у нас в сознании. И нам очень хотелось с ним поквитаться. Тогда, в мае сорок пятого, сразу после нашей Победы, поэт Долматовский читал на ступенях рейхстага стихи о том, что теперь действительно «рейхстаг большевиками подожжен»!

Тогда же от Неустроева я услышал слова, которые никогда ни от кого больше слышал и нигде не читал:

– Знаешь, я иногда думаю, что водружение Знамени Победы являлось чисто политической и демонстрационной акцией, которая сама по себе не могла сказаться на ходе военных действий, все шло само собой согласно логике войны. Знамя реяло над Берлином, а она еще продолжалась. И точка была поставлена даже не 9 мая, а 14-го – в Праге в последнем бою!

Я рассказал Неустроеву, как резко отреагировал Шатилов на мой вопрос о Самсонове.

– Наступил ты ему на больную мозоль! – с ходу отреагировал Неустроев. – Константин служил в 171-й стрелковой дивизии, был старшим лейтенантом и командовал батальоном, атаковал рейхстаг вместе с бойцами нашего капитана Василия Давыдова. Они вместе и ворвались в рейхстаг. И бойцы Самсонова располагались там на левом фланге моего батальона. Шатилов же никак не хочет признать, что батальон Самсонова был рядом со мной в рейхстаге, и уверяет, что моим соседом слева был батальон капитана Клименкова из одного со мной полка полковника Зинченко, то есть из его, Шатилова, дивизии. И я никак не могу убедить Василия Митрофановича, что Клименков в это время с двумя недоукомплектованными ротами по 30–40 бойцов по приказу Зинченко охранял штаб нашего полка в «доме Гимmlера». А в рейхстаге мы с Самсоновым воевали бок о бок и поддерживали связь по телефону. И в водружении Знамени Победы Самсонов принимал самое непосредственное участие. Жаль, наш комдив этого не хочет признать, когда все участники штурма рейхстага тому свидетели. Ты, кстати, обратил внимание, что целый год после события шло разбирательство, кому следует вручить пять геройских Золотых Звезд, которые были выделены Верховным для награждения участников водружения Знамени Победы?

– Потому что Шатилов был против «не вашего» Самсонова?

– Нет, тут была другая причина. Как только рейхстаг капитулировал, туда во второй половине дня 2 мая валом повалил народ. Многие приносили с собой флаги и флажки и укрепляли их где только можно было. Так что наше Знамя Победы просто затерялось среди них. И тогда было принято решение срочно поднять его на купол. Но как только «наше место» на фронте у бронзовых коней освободилось, там тут же появился чей-то другой флаг.

(Если внимательно приглядеться к опубликованному в газете «Правда» утром 3 мая 1945 года фотоснимку Виктора Темина «Знамя победы над рейхстагом», который был сделан в 3 часа дня 2 мая, то убеждаешься в правоте этих слов Степана Неустроева. Знамя Победы – на разрушенном куполе рейхстага, а на месте, где оно было впервые водружено – на фронте рейхстага у бронзовых коней, – видны совсем другой флаг и те, кто его поставили, заняв освободившееся место. Подробности, как был сделан этот и другой исторические снимки Виктора Темина, напечатаны дальше, а сейчас продолжение прерванных мною воспоминаний С.А. Неустроева.)

– В частях был ажиотаж: писались наградные листы на своих однополчан на присвоение звания Героя Советского Союза за водружение Знамени Победы. Были представлены сотни людей. А в газетах печатались интервью с солдатами и офицерами, которых корреспонденты отлавливали на крыше рейхстага и фотографировали у флагов. Началась невероятная путаница...

Неустроев рассказал мне про капитана запаса Федорова из 47-й армии, который разыскал его в 1957 году и заявил, что Знамя Победы над рейхстагом водрузили он и старший сержант Михаил Исаков. И в качестве доказательства показал снимок в газете. А под снимком подпись: «Капитан Федоров и старший сержант Исаков водружают Знамя Победы над рейхстагом». А на фотографии крыша рейхстага, фронтон парадного подъезда, флаг, развевающийся на ветру, держит Федоров, а рядом с ним старший сержант Исаков с автоматом. На вопрос Не-

устроева, что это и когда это было, капитан запаса без тени смущения пояснил, что 8 мая командование 47-й армии направило лучших воинов на экскурсию в Берлин в сопровождении фотографа армейской газеты и выдало флаг, чтобы поставить на рейхстаге. Это «задание» Федоров и Исаков выполнили вечером 8 мая, а 9-го пришла Победа. По возвращении в часть и после предъявления снимка командованию армии там на капитана и старшего сержанта были оформлены представления на звание Героя Советского Союза. Федоров считал, что Москва поступила по отношению к нему и Исакову несправедливо: они получили только по Красному Знамени, и уже 12 лет он пишет во все инстанции – «выводит на чистую воду Егорова и Кантарию, добывается правды»...

– Вот из-за таких «претендентов» политотделу 3-й Ударной армии и политуправлению 1-го Белорусского фронта едва-едва хватило 12 месяцев, чтобы во всем разобраться, – улыбнулся Неустроев. – Справедливость восторжествовала 8 мая 1946 года, когда, наконец, был подписан Указ, в котором названы имена пяти Героев: четверо из нашей 150-й дивизии и один – Самсонов – из 171-й. Но Шатилов никак не может с этим смириться. И снова сильно расстроился, когда на прошлогоднем параде 20-летия Победы Костя Самсонов шел в центре со Знаменем, а Кантария и Егоров были у него ассистентами...

Между прочим, в словах Неустроева прозвучали точные ответы на вопросы, которые задавал мой коллега нижегородский краевед Александр Аб-в в статье «Почему он не герой?» в «Нижегородской правде» за 26 октября 2006 года, говоря о лейтенанте Алексее Бересте, человеке, безусловно, героическом и достойном самого высокого звания, и о том, почему Указ о присвоении этого звания пятерым получившим его воинам задержался на год.

Все просто. В советское время всегда и во всем господствовала разнарядка, и прежде всего в распределении высших наград. Помнится, бывший первый секретарь Горьковского обкома КПСС Николай Иванович Масленников как-то, отвечая на мой вопрос, сокрушался:

– Вот выделили нам на область одну Золотую Звезду «Серп и Молот» для сельчан, а претендентов по меньшей мере три! Просим выделить еще хотя бы одну для нашей великой доярки Марии Ивановны Кудаковой, у которой уже есть три ордена Ленина, в ответ говорят: дадим ей четвертый орден Ленина, а еще одной Звезды сейчас дать не можем. Только через год! А конкретно о людях, достойных награды, речь не ведут, все во власти разнарядки!

На боевую операцию, связанную с водружением Знамени Победы, Верховный главнокомандующий выделил пять геройских Звезд и ни одной больше! Ищите самых достойных и укладывайтесь в предложенный максимум! И только к 8 мая 1946 года «уложились»!

А пока еще два абзаца по поводу разнарядки. В тот самый день, когда наш земляк связист Александр Петрович Ширгин пытался передать с крыши рейхстага сообщение о водружении Знамени Победы (он до сих пор не уверен, услышали ли его в штабе, потому что провод то и дело перебивали осколки) и спустился вниз, его встретил командир его роты связи капитан Соболевский. Опытный боевой офицер произнес providчески точные слова: «Все вы, Ширгин, – герои, но Золотых Звезд на всех на вас сейчас не хватит, доживи до ста лет и тогда получишь свою Звезду!» 20 октября Александру Петровичу исполнилось 95 лет, и прожиги он еще пять лет, и стали бы готовить бумаги, необходимые для представления его к званию Героя России... Жаль, он умер в 96 лет...

По большому счету Алексей Берест в «звездный» список не попал только потому, что одной из пяти Золотых Звезд был удостоен Степан Андреевич Неустроев, командир батальона. Давать вторую Звезду из этих пяти еще и его замполиту посчитали слишком жирным куском. Две звезды из пяти – на один батальон! Негоже! Тем более что маршал Жуков вообще недолюбливал служащих в политотделах и комиссаров. Во всяком случае так объяснил мне это в далеком семидесятом году военный фотокорреспондент Виктор Антонович Темин, который часто встречался после войны с героями рейхстага, с тем же Берестом, а с Халхин-Гола, через все бои и дальше всю жизнь был дружен с Георгием Константиновичем Жуковым, до самых последних дней великого «маршала Победы». Темин помогал опальному полководцу материалами из собственного богатейшего фотоархива, когда Георгий Константинович работал над своими «Воспоминаниями и размышлениями».

Мой коллега краевед А. Аб-ов считает опоздание Указа о присвоении героических званий участникам водружения Знамени Победы на год следствием «опалы», которой подверглись будто бы три офицера – командиры батальонов Степан Неустроев, Василий Давыдов и Константин Самсонов. И объясняет эту «опалу» так: «Очевидно, им на какой-то период времени вечером пришлось оставить командование батальонами, обязав исполнять их обязанности заместителей. А это могло не понравиться маршалу Сталину».

Сейчас мы можем с полной уверенностью сказать, что Сталину могло «не понравиться» совсем другое, гораздо более важное (об этом чуть-чуть позже), чем то, о чем пишет мой коллега-краевед. Да и подумайте сами, кто бы решился в условиях выдающегося успеха и важности момента доложить маршалу Сталину о чем-то «не таком», с точки зрения современного краеведа, в поведении офицеров. Тем более что ничего «не такого» и не было! А действовали они по обстановке, весьма напряженной!

Правда, в мае 1965 года на Откосе в Горьком в разговоре, о котором я рассказал выше, Шатилов в сердцах обвинил только Константина Самсонова («Потому что он не наш, а из другой дивизии... Но бросился водружать наше знамя»), у своих офицеров ничего предосудительного в действиях он не увидел.

И был прав, потому что ни Неустроев, ни Давыдов непосредственно в водружении Знамени Победы не участвовали, на крышу рейхстага во время атаки не поднимались, своих подразделений не оставляли. А героических званий удостоены за организацию боевых действий, обеспечение выполнения задания командования. И об этом Неустроев пишет в своих мемуарах. Общеизвестно, что он послал сопровождать знаменосцев своего заместителя по политчасти Алексея Береста, от которого и узнал, что Знамя Победы водружено:

«Минуты тянулись медленно. Но вот наконец... На лестнице послышались шаги, ровные, спокойные и тяжелые. Так ходил только Берест. Алексей Прокопьевич доложил:

– Знамя Победы установили на бронзовой конной скульптуре на фронте главного подъезда. Привязали ремнями. Не оторвется. Простой сотни лет».

Выходит, свой батальон на какое-то время самовольно покинул лишь Самсонов, но это тоже не так. Он, выполняя приказ полковника Негоды, во главе группы своих бойцов со своим дивизионным знаменем пробился на чердак рейхстага. По сути, два подразделения советских

солдат участвовали в одной операции, вели общий бой с гитлеровцами. И Самсонов вначале помог водрузить победный флаг Бересту, Егорову и Кантарию, а потом и своим батальонным знаменосцам – разведчику младшему сержанту Еремину и минометчику рядовому Савенко.

Тогда же в 171-й Краснознаменной Идрицко-Берлинской ордена Кутузова стрелковой дивизии родилась песня:

Самсоновцы – наши герои
Сломили твердыню рейхстага.
И поднял над нею Еремин
Полотнище алого стяга.

Закономерен вопрос: кто представил Константина Самсонова на звание Героя Советского Союза? Понятно, что не генерал Шатилов. Значит, командир 171-й дивизии полковник Негода. Но неужели он выдвигал комбата на награждение за водружение «чужого» знамени? Конечно же, нет! Комдив имел в виду, что его подчиненный участвовал в водружении на рейхстаге сразу двух флагов!

Так что версия А. Аб-ва о какой-то вине трех комбатов, на которой базируются все его выводы, является чисто дилетантским вымыслом и ни малейшего основания под собой не имеет.

Возможность «опалы» со стороны вождя мой коллега-краевед уловил верно, но неверно объяснил ее причину. Как я и обещал, о сути дела позже. Но сразу же скажу, что «опалы» как таковой не было: Верховный, конечно, мог считать себя обманутым и принять суровые меры, но не к «трем офицерам», которые «оставили на заместителей свои батальоны», чтобы выполнить его приказ, провозглашенный еще в 1941 году, а к военачальникам самого высокого ранга, начиная с командующего Первым Белорусским фронтом маршала Жукова, командарма 3-й ударной Кузнецова, командира 79-го стрелкового корпуса Переверткина, комдивов Шатилова и Негоды. Но при их непосредственном участии был покорен Берлин, добыта Победа, и Верховный был добр и вроде как не обратил внимание на то, за что в другое время сразу бы лишил своего доверия и наказал бы так, что мало никому бы не показалось... Впрочем, Сталин никогда и ничего не забывал. И через годы находил возможность напомнить об этом тому, кому считал нужным... Немного терпения, и вы сами поймете, о чем речь.

Степан Андреевич Неустроев во время нашей прогулки рассказал, что пять лет назад, в 1961 году, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялось совещание с участниками штурма рейхстага. Споры были горячие и по поводу того, кто и когда первым ворвался в рейхстаг, и кто и когда первым водрузил Знамя Победы. Вопросов оказалось гораздо больше, чем правильных и точных ответов... Бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант К.Ф. Телегин на этом совещании высказался весьма критично: «Водружение Знамени Победы приняло уродливый характер...»

И у него для этого были все основания, потому что и его подпись стояла под «совершенно секретным» приказом, который издал командующий войсками Первого Белорусского фронта маршал Жуков около 15 часов 30 апреля. В этом документе, в частности, говорилось о том, что воины 150-й и 171-й стрелковых дивизий «заняли главное здание рейхстага и в 14.25 подняли на нем наш советский флаг», за что командованию и бойцам этих дивизий маршал объявил благодарность.

Неустроев недоумевал, как же так – рейхстаг не взят, знамя не водружено, а в приказе за подписями командующего фронтом маршала Жукова, члена Военного совета генерал-лейтенанта Телегина и начальника штаба фронта генерал-полковника Малинина обо всем этом говорится, как о свершившихся фактах. В батальон Неустроева срочно прибыл командир полка Федор Зинченко: «Есть ли наши люди в рейхстаге?» – «Нет!» – ответил комбат. «Может быть, ты не заметил, может быть, кто-то помимо батальонов нашего полка проник в рейхстаг?» – «Нет!» – ответил Неустроев. – Там никого из наших еще нет! Я бы знал. Потому что у меня в соседях батальон Кости Самсонова из 171-й дивизии. Его людей в рейхстаге тоже нет!»

Зинченко был растерян не меньше Неустроева. Позвонил Шатилов, выяснил у командира полка обстановку. И дал указания:

– Если нет наших людей в рейхстаге и не установлено там знамя, то нужны все меры, чтобы любой ценой водрузить флаг, даже флажок хотя бы на колонне парадного подъезда, где угодно снаружи. Любой ценой!..

И Шатилов отключился.

– Вот такие дела! – вздохнул Зинченко. – Ведь там, – и он показал вверх, – уже знают, что дело сделано, а у нас тут конь не валялся... Могут большие головы полететь...

Командующий 3-й ударной армией генерал-полковник Кузнецов, командир 79-го корпуса генерал-лейтенант Переверткин, командиры двух дивизий – 150-й генерал-майор Шатилов и 171-й полковник Негода, уже получившие благодарности в приказе командования фронтом, были просто в панике – что делать?

Из батальонов Петра Неустроева, Якова Логвинено, Василия Давыдова 150-й дивизии и батальона Константина Самсонова 171-й дивизии стали направлять к рейхстагу с флажками храбрецов-добровольцев. Задание давалось самое простое – установить где угодно, только чтоб на рейхстаге!

– Никто из них до цели не добежал! – горько констатировал Неустроев. – Мой Петр Пятницкий подобрался к рейхстагу ближе всех, вбежал на ступеньки, но флаг свой закрепить не успел: погиб у колонн парадного подъезда. Потом, когда мы уже вошли в рейхстаг, флаг Пятницкого поднял и установил на той самой колонне, возле которой Петр упал, его товарищ, другой Петр – Щербина. А флаг первой роты капитан Ярунов приказал выставить в окне, которое выходило на Королевскую площадь... Ума не приложу, каким образом появился на свет этот приказ командования Первого Белорусского фронта!

Была Неустроевым сказана фраза, которую я дословно помню до сегодняшнего дня: «Знаешь, Саша, вокруг любого великого дела создаются мифы, легенды, так что до простой правды – как все было на самом деле – очень трудно докопаться, вернее, делается так, чтобы было трудно докопаться. Со временем, надеюсь, все равно все прояснится. Хочу в это верить. И постараюсь еще написать о том, что знаю и что сейчас мне сказать не дают создатели мифов и легенд в генеральских погонах...»

Признаюсь, до разговора со Степаном Андреевичем у меня тогда никаких сомнений в правильности канонических сведений, вошедших даже в школьные учебники, не было. Но он не стал меня посвящать во все детали. А мне было неловко его провоцировать на более откровенный разговор.

Но откровенный разговор все-таки состоялся. В журнале «Октябрь» в мае 1990 года, когда отмечалось 45-летие Великой Победы, Неустроев опубликовал очень яркие и полемические мемуары «О рейхстаге – на склоне лет». То, что он мне рассказывал, когда мы шли с ним по Свердловке, а потом сидели в номере гостиницы «Россия» в Горьком, там есть, но это только маленькая часть той правды, которую он раскрыл в своей публикации. Она слишком многое проясняет и во взятии рейхстага, и в водружении Знамени Победы. Точнее и определеннее, чем Неустроев, по-моему, никто нигде и никогда об этом не сказал и тем упредил возможности многих «открытий», на которые претендуют дилетанты в военно-исторической тематике...

А открывается эта публикация вот таким абзацем:

«За послевоенные десятилетия о штурме рейхстага написано много разных нафантазированных небылиц, которые по-русски называются враньем. Пытались и меня подстраивать под многочисленные авторитеты: “У вас расхождения с таким-то и таким-то. Переделайте, найдите компромиссное решение”, – неоднократно советовали компетентные товарищи... Доходило до того, что в одной и той же газете о водружении Знамени Победы писали по-разному...»

Накануне 9 мая 1984 года мне позвонил ректор Горьковского медицинского института Иван Филиппович Матюшин:

– Ко мне приехал на праздник Кантария, хочешь с ним встретиться?

– Конечно! И приглашу на прямой эфир с волжского Откоса 9 мая. У нас там будет работать передвижная телестанция.

С первой встречи с Мелитоном Варламовичем прошло 19 лет. Он постарел, погрузнел, одет был в серый костюм, на лацкане пиджака Золотая Звезда. Мимо шли люди, не догадываясь, кто этот человек, навсегда вошедший в историю нашей страны. В тот день на площади Минина и Пожарского, на Откосе много было героев минувшей войны, солнечность утру придавал блеск старых орденов и медалей.

Во время интервью Кантария вдруг сказал, что Знамя Победы он и Егоров водрузили на рейхстаге 1 мая 1945 года. Я прямо в эфире поправил его:

– Это было вечером 30 апреля в 21 час 50 минут, как пишет генерал Шатилов...

Но Кантария упрямо повторил:

– Нет, это было 1 мая.

Я перевел свой, видимо, весьма недоуменный взгляд на стоявшего рядом с нами и слушавшего наш разговор Ивана Филипповича Матюшина и уловил его шепот: «Он правильно говорит, так было...»

Жаль, что я не спросил Мелитона Варламовича, во сколько это было, занял обсуждение этой темы и задал герою-собеседнику другой вопрос:

– Когда и как знамя с фронта было перебазировано на купол рейхстага?

– Это было 2 мая. Меня и Егорова вызвал командир полка Зинченко и приказал перенести Знамя Победы на купол рейхстага. Он сказал: «Видите, купол образуется из продольных и вертикальных ребер, используйте их вместо лестницы...»

Это было очень трудно выполнить. Куски выбитых стекол тут и там торчали из металлической обрешетки, так что мы с Егоровым здорово порезали руки, особенно Михаил, когда по арматуре взбирались вверх со знаменем. Был даже момент, когда заклепки на одной из поперечин,

за которую держался Егоров, лопнули, одна сторона ее оборвалась, и он повис с флагом над пропастью на большой высоте. Но сумел подтянуться на руках и ухватиться за продольное ребро. Наконец, мы добрались на самый верх купола, там была небольшая площадка с флагштоком, естественно, для немецких знамен, в эту трубку мы вставили древко нашего Знамени Победы и крикнули «Ура!».

(У Неустроева в журнале этот момент описан так: «Кантария на узкой и зыбкой площадке купола поднялся во весь рост, одной рукой ухватился за древко, другую поднял и громко закричал “Ура!”. Капитан Ярунов, который стоял рядом со мной, не выдержал: “Хватит! Слезайте скорее к чертовой бабушке!” Начальник штаба майор Казаков нервно повторял: “Он еще лезгинку там будет танцевать, абрек непутевый... Пусть только слезет, я ему покажу... пусть только слезет...”»)

Помню, когда я после передачи пришел домой, то сказал жене: «Этот Кантария в своем Очамчири стал хуже говорить по-русски и вообще у него крыша поехала, уверял меня, что Знамя Победы они с Егоровым водрузили 1 мая. А Шатилов пишет – 30 апреля... А на купол перенесли только на другой день...»

Для верности я перечитал мемуары маршала Жукова, генерала Шатилова: везде одна и та же дата – 30 апреля 1945 года, 21 час 50 минут... Позвонил домой Василию Митрофановичу в Москву, поздравил с праздником и повторил, что сказал Кантария. И услышал в ответ:

– Не может такого быть, чтобы Кантария это сказал!

– Но он сказал! Я его поправлял, а он настаивал на своем!

– Суть в том, что 30 апреля они закрепили флаг на фронте рейхстага, а 1 мая по голым ребрам бывшего стеклянного купола взобрались на него и установили знамя на самом верху. Но датой поднятия знамени согласно моему докладу командованию считается 30 апреля...

– Василий Митрофанович, а Кантария сказал, что на купол флаг перенесли 2 мая!..

– Он все забыл!..

(Наверное, нужно сделать акцент на словах В.М. Шатилова: «Но датой поднятия Знамени согласно моему докладу командованию считается 30 апреля...») Неважно, как было на самом деле, важно, как считается. В советской истории было много примеров подобных условностей. Собственно, она с одной из таких условностей началась: считается, что крейсер «Аврора» дал залп по Зимнему дворцу, есть очерки, кинофильмы, живописные картины под названием «Залп “Авроры”», хотя на самом деле никакого залпа не было, а был одиночный холостой выстрел одной кормовой пушки, который дал сигнал к взятию Зимнего дворца. Но считается – залп! И не смей перечить, поправлять историю! То же самое с водружением Знамени Победы вечером 30 апреля 1945 года и переносом его на купол утром 1 мая. Эта неправда официально была принята за правду, вошла в мемуары военачальников, в военные энциклопедии, изданные в советское время. И, честное слово, обидно, когда подобные ошибки тиражируют сейчас в своих «сочинениях» знатоки, подобные моему земляку-краеведу, и на основании давно устаревших и опровергнутых сведений делают, как им кажется, «исторические открытия».)

Самое время тут снова обратиться к публикации Степана Неустроева в пятом номере журнала «Октябрь» за 1990 год. Вот к этим строкам:

«...2 мая в рейхстаг пришел командир полка Ф.М. Зинченко и сообщил, что звонил командир дивизии В.М. Шатилов, пообещавший

скоро прибыть в рейхстаг. До прихода генерала знамя требовалось переставить с фронтона на купол. Для этого Зинченко вызвал Егорова и Кантарию...»

И дальше в том же журнале:

«Василия Митрофановича Шатилова как бывшего командира 150-й Идрицкой... дивизии я глубоко уважаю. Смел, талантлив. Горжусь, что мне посчастливилось служить под его началом. Но как “писатель” он вызывает огорчение, скажу более, возмущение. Его донесения и мемуары засорили головы советским читателям. Коренная переработка глав о штурме рейхстага требуется в книгах Ф. Лисицына, Я. Макаренко, М. Сбойчакова, М. Мержанова. Донесение, о котором идет речь, к сожалению, отразилось даже в книге маршала Жукова. Мне неизвестно, кто готовил материал о штурме рейхстага для маршала Жукова в книгу “Воспоминания и размышления”. Но нужно отметить, что этот работник не разобрался в сути дела, а взял и переписал всевозможные вымыслы. Например: “...В 14 часов 25 минут батальон старшего лейтенанта К.Я. Самсонова и батальон капитана С.А. Неустроева 171 стрелковой дивизии, батальон майора В. И. Давыдова 150 стрелковой дивизии ворвались в здание рейхстага”. Но я в 171-й дивизии никогда не служил!

...“В 18 часов был повторен штурм рейхстага”. Невольно напрашивается вопрос: зачем в 18 часов был повторен штурм рейхстага, если в 14 часов 25 минут в рейхстаг ворвались три батальона? Я внимательно читал книгу маршала Жукова ... На странице 628 написано: “...гарнизон противника в рейхстаге численностью более 1000 человек не сдавался, шел ожесточенный бой внутри здания”. А на 629 странице говорится: “...К концу дня 1 мая гитлеровские части общим числом около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались, только отдельные группы фашистов, засевших в разных отсеках подвалов рейхстага, продолжали сопротивляться до утра 2-го мая”».

— Как же так? — удивляется Неустроев. — Гарнизон противника в рейхстаге более 1000 человек, из них 1500 сдались в плен, да еще отдельные группы засели в подвалах! Где же тут логика?..

Сейчас уже можно безо всяких обиняков сказать, что 30 апреля Знамени Победы на рейхстаге не было, его доставили на крышу только 1 мая. На купол его переставили 2 мая во второй половине дня, ближе к вечеру. Просто хотелось как можно раньше доложить по инстанциям о том, что Знамя водружено. А когда поняли, что приняли желаемое за действительное, задний ход давать было уже поздно.

Что делать? Оставалось только усиленно подгонять знаменосцев и бойцов поддержки, но вчерашний день они догнать уже не могли. И тогда решили считать, что Знамя было водружено в тот день, про который доложено. Так было проще. И все до поры до времени продолжали играть в эту игру. Но слишком многие знали правду. И в конце концов перестали ее скрывать. И Сталин ее, конечно же, тоже знал...

На самом деле было так: 30 апреля около 12 часов ночи по берлинскому времени, то есть около 2 часов ночи 1 мая по московскому времени, в рейхстаг пришел полковник Зинченко и потребовал от Неустроева доложить обстановку.

«Полковника интересовало знамя, — вспоминает Степан Андреевич. — Я пытался ему объяснить, что знамен много... доложил, что флажки ротные, взводные и отделений установлены в расположении их позиций.

– Не то ты говоришь, товарищ комбат! – резко оборвал меня Зинченко. – Я спрашиваю: где Знамя военного совета армии под номером пять? Я же приказывал начальнику разведки полка капитану Кондрашову, чтобы знамя шло в атаку с первой ротой! – возмущался полковник.

Стали выяснять, расспрашивать, оказалось, что... знамя в штабе полка в “доме Гимmlера”.

Зинченко позвонил по телефону начальнику штаба майору Казакову и приказал:

– Организуйте немедленно доставку знамени Военного совета армии в рейхстаг! Направьте его с проверенными, надежными солдатами из взвода разведки.

Вскоре в вестибюль вбежали два наших разведчика – сержант Егоров и младший сержант Кантария. Они развернули алое полотнище. Ему суждено было стать Знаменем Победы».

Вот и получается, что сама операция по водружению флага началась уже под утро, если не утром, 1 мая по московскому времени!

...Теперь жалею, что тогда, вечером 9 мая 1984 года, сразу же после телефонного разговора с Шатиловым я не позвонил Виктору Антоновичу Темину. Но сделал я это тогда осознанно: он уже тяжело болел, был парализован и говорил с трудом. Поэтому мне не хотелось волновать его расспросами. Оставалось вспоминать, о чем он рассказывал раньше.

В декабре 1970 года Виктор Антонович был в Горьком. Мы долго общались. И все подробности я знаю от него, как говорится, из первых уст. И он называл мне свои подтвержденные фотоснимками даты установления Знамени Победы – и на фронте рейхстага, и на его куполе...

Впрочем, все по порядку.

В конце февраля 1945 года Темин получил задание из «Правды» – разработать и предложить план проведения съемок водружения Знамени Победы над рейхстагом в Берлине и оперативной доставки снимков в Москву. 1 марта 1945 года Темин направил главному редактору Поспелову свои предложения.

– В докладной Петру Николаевичу я предусмотрел и технику фотографирования, и варианты доставки негативов в редакцию через 6–8 часов после съемки, – рассказывал мне Темин и заново переживал те предпобедные дни, когда он участвовал в совещании под председательством маршала Жукова, где в присутствии командующих фронтами, армиями, родами войск обсуждались стратегия и тактика последнего сражения Великой Отечественной войны.

Меня давно занимал вопрос, вернее, сразу несколько вопросов: когда, кем и где было водружено Знамя Победы над рейхстагом. И возникли эти вопросы, между прочим, после публикации к 20-летию Победы в 1965 году снимка Виктора Темина, сделанного явно с самолета: виден внизу весь рейхстаг, а на самой его верхней точке, на стеклянном куполе, древно с развевающимся на ветру красным флагом. Именно этот снимок был напечатан и на обложке проспекта персональной фотовыставки Виктора Антоновича в его родной Казани летом 1970 года, который он мне подарил.

Но почему-то в «Правде» за 3 мая 1945 года совсем другая фотография, сделанная снизу, и знамя не на куполе, а над фронтоном рейхстага. Кстати, и на снимках других фотокорреспондентов Знамя Победы не над куполом, а над фронтоном или, видимо, с другой точки съемки, у бронзовых коней на крыше рейхстага.

Вот что рассказал мне тогда Виктор Антонович Темин:

– Был такой кинофильм «Падение Берлина» Павленко и Чиаурели про русского солдата Алексея Иванова, который прошел всю войну и водрузил над рейхстагом Знамя Победы. Иванова в фильме сыграл Борис Андреев. Так вот, в этом фильме много было нагромождено всякого, но правдой было то, что Знамя Победы над рейхстагом поднял наш солдат-разведчик Алексей Иванов. Я его знал. Он погиб в тот же день, когда водрузил красный флаг на куполе рейхстага. Было это во второй половине дня 1 мая 1945 года. Посмертно он получил звание Героя. Я увидел флаг над рейхстагом, сделал несколько кадров издали и понял, что эта съемка впустую. К рейхстагу близко не подойти, идут жесточайшие бои. У меня был запасной вариант: специально для съемки Знамени Победы мне был выделен легкий самолет пилота Ивана Вештака. Он ждал меня на летном поле в той части Берлина, которая была уже у нас. Не буду рассказывать, с какими приключениями я добрался до самолета. Вештак только сказал мне: «Артиллерия фрицев с ума посходила, зенитки лупят в небо, словно хотят весь боезапас израсходовать!» Мы взлетели. Иван держал самолет на предельно возможной минимальной высоте, чтобы мне было удобнее снимать. Над рейхстагом нам удалось пролететь только один раз. Берлин горел, все небо было в клубах разрывов. Я на всякий случай нажал на спуск аппарата, но дым пожара, поднятый ветром вверх, закрыл от меня рейхстаг как раз в момент съемки. Я подумал, что снимок не удался. Велел Вештаку идти на посадку. А когда сели, то насчитали в фюзеляже нашей машины почти пятьдесят мелких осколочных пробоин. В это время немцы из орудий ударили по куполу рейхстага, снесли его вместе с флагом Алексея Иванова. Кассету я тогда из «лейки» вынул, вставил другую, но проявлять пленку не стал, считая, что на ней все равно ничего интересного нет, один дым. А потом, даже если на пленке что-то и есть, то все равно публиковать нечего: знамя же с рейхстага сбито. И нужно ждать, когда появится другое...

Тут Виктор Антонович сделал отступление от плавного рассказа и перенесся мыслью на два десятилетия вперед:

– Прошло много лет после войны. Нагрянула какая-то срочная съемка. У меня пленка есть, а свободной кассеты нет. Я говорю жене: «Сейчас вытащу из кассеты ту старую непроявленную пленку, чего ее беречь. А кассету заряжу новой...» Но Тамара вырвала у меня кассету: «Не дам засвечивать! Прояви, что тебе стоит».

Через 20 лет после войны я проявил пленку и обалдел: дым, дым, дым, и вдруг всего один кадр – ясный, чистый. У меня задрожали руки, лицо окатило потом. Весь рейхстаг виден сверху как на ладони, а на куполе Знамя Победы. Потом, в 1967 году, на Всесоюзной фотовыставке, посвященной 50-летию Октябрьской революции, этот мой снимок был удостоен золотой медали, после принес мне призы и награды международных фотовыставок. Вот как в жизни бывает, все зависит от случая...

(Между прочим, фоторепродукцию с публикации 1965 года в газете «Правда» этого снимка с Красным знаменем на целом еще стеклянном куполе рейхстага Виктор Антонович тогда же, в декабре 1970 года, в Горьком, подарил своему давнему другу и коллеге горьковскому фотолетописцу, ветерану газеты «Горьковская правда» Нисону Михайловичу Капелюшу с дарственной надписью: «Однополчанину Н.М. Капелюшу от автора снимка “Знамя Победы над рейхстагом в Берлине” Виктора Темина. 20. XII – 1970 г. г. Горький».

Под газетной фотографией напечатано пояснение Ивана Вештака «Как был сделан этот снимок»:

«С самого первого дня боев за Берлин мне, бывшему летчику 919-го авиаполка связи 16-й воздушной армии, входившей в состав 1-го Белорусского фронта, было поручено выполнение полетов с фотокорреспондентом “Правды” В. Теминим для съемок с воздуха штурма фашистской столицы. В основном мы летали над боевыми порядками 219-й танковой бригады, часто находясь под обстрелом с земли. В общей сложности за это время наш самолет № 21 получил около полусотни пулевых и осколочных пробоин. Но управление самолетом, к счастью, повреждено не было.

Хорошо помнится, как во второй половине дня 1 мая 1945 года с полевого аэродрома, находящегося примерно в 10 километрах севернее Берлина, мы вылетели для того, чтобы сфотографировать Знамя Победы, водруженное советскими солдатами над рейхстагом. Ориентировались по карте крупного масштаба. Полет проходил на минимальной высоте. Кругом дым пожарищ, все горит, рвутся снаряды. Мне даже показалось, что один из них попал в нашу машину. Но оказалось, пулей пробило несущую ленту крыла и она под действием встречного потока воздуха, спружинив о борт машины, ударила меня в плечо.

В связи с очень сложной обстановкой нам, к сожалению, удалось всего только раз пролететь вблизи рейхстага, где развевался Красный флаг. Вот так и был сделан этот единственный снимок.

Тогда, 20 лет назад, редакцией “Правды” мне за полеты над Берлином была объявлена благодарность, о которой хорошо помнится до сих пор».

Вы почувствовали, что Иван Вештак по праву считает себя соавтором этого уникального фотоснимка.

Итак, мы знаем от Мелитона Кантария и Степана Неустроева, что знамя на фронтоне рейхстага у бронзовых коней было установлено утром 1 мая. А Темин во второй половине того же дня снимает с самолета на целом еще застекленном куполе знамя Алексея Иванова. Выходит, до того пока немцы не ударили прямой наводкой по куполу и не разбили его, какое-то время на рейхстаге было два победных флага. Но есть еще одно обстоятельство, которое можно считать доказанным и имевшим место. Знамен было не два, больше!

Первыми знаменосцами Победы сейчас называют группу бойцов в составе В.Н. Макова, В.М. Минина, К.Г. Загитова, А.Ф. Лисищенко и А.П. Боброва. Около 23 часов берлинского времени 30 апреля, что соответствует 1 часу ночи 1 мая по Москве, капитан Маков доложил командиру корпуса генерал-полковнику Переверткину, что его группа выполнила приказ и «флаг 79-го корпуса установлен на крыше рейхстага... в короне богини Победы».

И тут интересно мнение Степана Андреевича Неустроева, которое у него сформировалось после того самого совещания в ИМЭЛ в 1961 году, по поводу самого комбата Макова и его победного флага:

«Ради исторической правды нужно сказать, что капитан Маков и его подчиненные — люди отчаянные, храбрые. У меня никогда не было и сейчас нет сомнения в правдивости прозвучавшего доклада. Маков — серьезный и порядочный человек, он не допустил лжи, но в совершенном им подвиге меня огорчает то, что этот флаг на крыше рейхстага никто не видел. Маков допустил непростительную ошибку: после до-

клада генералу Переверткину ушел с рейхстага в штаб. Никого из своих подчиненных для охраны флага не оставил... Нехорошо так думать, но кто-то, видимо, этим воспользовался... Сразу после боев, то есть 2 мая, на крыше рейхстага, кроме знамени Военного совета 3-й ударной армии под номером 5, никаких других знамен и флагов не было... Такова печальная история флага 79-го стрелкового корпуса».

Давайте зададимся вопросом: куда же исчез этот «беспризорный» флаг? И предположим, что это его увидел разведчик Алексей Иванов и перенес от богини Победы на купол. И именно его сбили артиллерийским снарядом фашисты. Тогда все становится на место. И знамя, сфотографированное Теминым на целом еще куполе рейхстага, и есть «без вести пропавший» флаг 79-го стрелкового корпуса.

О том, что на фронте рейхстага снова появилось знамя, Темин узнал только утром 2 мая. Почему не раньше? Когда я спросил его об этом, Виктор Антонович улыбнулся одними глазами:

– Ты представь себе весьма массивный рейхстаг и где-то наверху на его фронте красный флаг обычных размеров. Не надо думать, что он бросался в глаза. С земли разглядеть его было нелегко, если не знать, где он находится. А что творилось в Берлине в часы последнего штурма? Это не поддается описанию! Грохот разрывов, рев танков, гул тысяч самолетов – неба не видно за ними, гарь, дым пожаров... Всюду на улицах валялись сорванные фашистские лозунги с призывами к сопротивлению. Гитлеровцы не сдавались и мешали сдаваться тем, кто понимал бесполезность сопротивления. Когда немецкие солдаты в подземельях метро потребовали капитуляции, то фашистские офицеры заперли их там и пустили в тоннели воду. Спасти удалось немногим.

Наши с трудом продвигаются вперед. Из-за углов правительственных зданий «тигры» бьют термитными снарядами, а «берты» палят тяжелыми. Стрельба ведется отовсюду – из чердаков, подвалов, из кирх, из скверов... Поперек улиц свалены вековые дубы, вырванные вместе с корнями. Но это не может помешать продвижению наших танков. Тяжелый бой в парке Тиргартен. Вот он, в двухстах метрах дымится рейхстаг. Вижу Знамя Победы над фронтоном... Вместе с кинооператором Романом Карменом мы на танке пробиваемся к зданию рейхстага. Вокруг бой, стрельба. Наконец знамя у меня в рамке кадра, я лихорадочно щелкаю затвором. И знаю – у меня на пленке Знамя Победы! Еще несколько часов идут бои. А потом как-то неожиданно все стихает: Берлин капитулировал! Бегу к Бранденбургским воротам, через которые в начале войны отправлялись на восток «непобедимые» войска третьего рейха, а сейчас в обратном направлении движется унылая колонна пленных немцев... Делаю несколько снимков. У Бранденбургских ворот пляшут наши танкисты из 219-й танковой бригады первого мехкорпуса, припевая под гармонь частушку, только что сочиненную моим другом военным корреспондентом Александром Гуторовичем:

Ну их к дьяволу в болото,
Бранденбургские ворота!
Нам рязанские милей
У Марусиных дверей!

Время идет быстро, уже вечереет. Надо торопиться. Мне во что бы то ни стало надо ночью быть в Москве, чтобы утром газета вышла с победными снимками. Из Берлина не выбраться. Все улицы забиты

нашими танками. Но у меня наготове мой По-2 с Иваном Вештаком. С трудом добираюсь до него и лечу в штаб фронта. В 7 часов вечера звоню из штаба маршалу Жукову, прошу помочь мне как можно быстрее добраться до Москвы. Маршал знает о важности дела, которое заставляет меня его беспокоить. Выслушав мое сообщение о снятых кадрах и узнав, где я нахожусь, Георгий Константинович сказал: «Ждите моего звонка!» Не прошло и пяти минут, как он сам позвонил: «Все указания о вашей отправке в Москву мной даны. Счастливого пути!»

В тот же день, 2 мая, в 21 час на специальном самолете я поднимаюсь в воздух. Пленка с заветными кадрами у меня на груди под шинелью. Что бы со мной ни случилось, пленка должна быть доставлена в редакцию.

Тут надо иметь в виду, что Жуков дал мне его личный самолет и с его личным пилотом только до польского города Янува. Там мне предстояло пересесть на ночной бомбардировщик, который должен был доставить меня в Москву. Я с ужасом смотрю на часы и прямо-таки физически ощущаю, как уходит время. Я могу опоздать к выходу газеты, «Правда» окажется без самого главного снимка. Пересадка в Януве съест у меня по меньшей мере полчаса. Ломаю голову, как обойтись без посадки. Летчик по радио запрашивает у своего командования разрешения лететь в Москву. Ответа нет.

Тогда беру всю ответственность на себя и даю указание пилоту лететь в столицу, не делая остановки в Януве. Летчик подчиняется.

Но тут надо было учитывать еще одно важное обстоятельство: каждому летчику для перелета через границу Советского Союза ежедневно давали новый пароль. Летчик должен был дать ракетами сигнал, что летит советский самолет – «Я свой». Так как Жуков дал мне самолет только до Янува, летчик пароля не знал. Пришлось во время полета над Польшей дать радиogramму в ставку Верховного главнокомандующего о том, что везем важный материал о взятии Берлина и просим пропустить наш самолет через границу СССР. Мы надеялись, что приказ зенитным войскам о том, чтобы нас пропустить, будет дан, пока мы подлетим к границе. Сунулись было, но нас взяли в такие шоры, что, как потом выяснилось, наш самолет получил 62 пробоины. Пришлось болтаться в воздухе, ожидая приказа... На аэродроме в Москве нас ждала машина... Прихожу к редактору и торжественно рапортую:

– Снимок «Знамя Победы над рейхстагом» доставлен в редакцию!

Трудно передать те минуты. Мы, конечно, все взволнованы, радостный Пospelов крепко жмет мне руку, благодарит. Часы в редакторском кабинете показывают 3 часа 10 минут.

А вскоре я уже держал в руках свежий номер «Правды» от 3 мая 1945 года, в котором был напечатан приказ Верховного главнокомандующего о взятии Берлина и мои снимки: «Знамя Победы над рейхстагом в Берлине», «Митинг танкистов генерала Кривошеина у колонны Победы» и «Пленные немцы через Бранденбургские ворота возвращаются обратно в Берлин».

В 7 часов утра 3 мая мы взяли на борт самолета несколько тысяч экземпляров «Правды» и снова вылетели в Берлин. В 14 часов на улицах Берлина появились свежие номера «Правды» за тот же день. Бойцы-победители у стен рейхстага читали «Правду». Известие об этом в мировой прессе стало сенсационным. Лондонское радио поспешило сообщить, что на улицах Берлина его жителям советские солдаты раздают русскую «Правду», и высказало предположение, что газета

специально напечатана в Берлине. 4 мая газета «Таймс» опубликовала мои берлинские снимки, переданные по бильд-аппарату из Москвы в Лондон. Наш корреспондент ТАСС из Лондона сообщил: в утренних изданиях «Ньюс кроникл», «Дейли телеграф энд Морнинг пост», других газет на видных местах первых полос напечатаны переданные из Москвы по бильду фотографии.

Меня угнетало только одно обстоятельство – моя вина перед маршалом Жуковым, который дал мне самолет только до Януве, а я самовольно угнал его в Москву. Когда я 3 мая летел в Берлин с пачками газет, то мысленно представлял себе сцену встречи с маршалом. Я очень хорошо знал его крутой характер. И опасался только одного, что он не захочет меня принять и выслушать.

В Берлине люди из штаба Жукова сказали мне, чтобы я не попадался ему на глаза, потому что маршал в сердцах сказал: «Когда Темин вернется, прикажу его расстрелять!» Он был очень разгневан, что я его обманул, не вернул вовремя самолет. Тем не менее я с пачкой газет пошел к нему в штаб, вошел в приемную. Попросил дежурного доложить о моем прибытии с важными документами. Тот уже знал, в чем дело. И сказал: «Лучше уходите! Придите позже как-нибудь...» – «Позже нельзя, маршал должен увидеть снимки в «Правде» здесь первым!» – ответил я. И мимо остолбеневшего от моего нахальства порученца прошел к двери кабинета, открыл ее и вошел... Расстояние от двери до стола, за которым сидел командующий фронтом, я прошел как по раскаленным углям. Маршал на мгновение поднял глаза и снова опустил их вниз, набычился и молчал. Я подошел к его столу и, ни слова не говоря, положил перед ним газету «Правда» от 3 мая 1945 года с моими снимками.

Жуков поднял глаза на газету. Стал смотреть снимки.

Я же, улучив момент, стал оправдываться:

– Чтобы вовремя доставить снимки в редакцию и обеспечить выход газеты, мне пришлось нарушить ваш приказ, товарищ маршал... Я привез в Берлин несколько тысяч экземпляров «Правды»...

Чем дольше Жуков смотрел газету, тем больше его нахмуренное лицо прояснялось. Он поднял на меня свои стальные глаза, но гнева в них уже не было. А потом вдруг в глубине заплескали веселые искорки. Я понял, что прощен.

– То, что ты сделал, – маршал показал на газету, – подвиг. И был бы ты удостоен звания Героя. Но, – маршал замолчал, а потом отчеканил: – за недисциплинированность, за то, что угнал самолет... – Жуков снова сделал паузу, глядя на меня, словно раздумывая, как меня наказать, а потом безнадежно махнул рукой и улыбнулся. Открыл ящик стола, что-то поискал там левой рукой:

– Вот, получиай вместо Золотой Звезды эмалевую! – И протянул мне орден Красной Звезды... – Можешь сразу привинтить, за документами на орден придеешь вечером в наградной отдел...

Вот и выходит, что если принять за достоверное время водружения Знамени Победы, обозначенное В.М. Шатиловым – 21 час 50 минут 30 апреля 1945 года, то получается, что «неистовый репортер», как его называли, Виктор Темин, вылетел с отснятой пленкой в Москву в «Правду» на самолете Г.К. Жукова только через двое суток – в 21 час 2 мая?..

А, оказывается, никаких двух суток ожидания у Темина не было! Снимок появляется в газете утром 3 мая, и Темин искренне радуется, что в очередной раз, говоря журналистским языком, «вставил фитиля»

всем своим коллегам. И редактор «Правды» П.Н. Поспелов, и ее самый главный читатель И.В. Сталин воспринимают эту публикацию как современную, а Г.К. Жуков сменил гнев на милость и даже готов был вручить В.А. Темину Золотую Звезду, но из-за недисциплинированности корреспондента награждает его эмалевой, то есть орденом Красной Звезды. И только когда начинаешь верить словам Мелитона Кантария, которые тут же были подтверждены И.Ф. Матюшиным, понимаешь, как все становится по местам. 1 мая Знамя Победы появляется на фронте рейхстага, но в дыму от разрывов его с земли плохо видно или вообще не видно. О том, что знамя водружено, становится известно только 2 мая, когда Берлин еще не капитулировал, Темин фотографирует его с земли на фронте рейхстага, и только позже знаменосцы перенесли знамя на купол. Сообщение о капитуляции Берлина «Правда» печатает в тот же день, 3 мая, на той же первой странице, что и снимок знамени над рейхстагом.

...Во время нашей первой встречи в декабре 1970 года я спросил Темина: на всех фотографиях, запечатлевших водружение Знамени Победы, сняты только двое – Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Константина Самсонова и Береста рядом нет. В чем дело?

– Все очень просто, – ответил Виктор Антонович, – ни одного фотокорреспондента в момент водружения знамени рядом с бойцами не было, все фотографии – это инсценировка, исполненная с опозданием на день или на два. Самсонов, как вы сами знаете, служил совсем в другом воинском соединении, а мои друзья фотокорреспонденты Халдей, Морозов, Рюкин, Харлампиев обращались, естественно, в 150-ю Идрицкую дивизию, и Шатилов посылал на фотографирование только своих бойцов-сержантов. Так Самсонов и Берест оказались за кадром. Хотя когда действительно шел бой за водружение Знамени Победы, Самсонов был одним из самых ярких действующих лиц, как и Берест.

Да, Самсонов был из другого воинского формирования, вообще в рейхстаге сошлись несколько соединений из разных корпусов и армий. И у всех была общая цель – победно завершить войну. Вы видели Самсонова только в кино и на фото, а я его знаю лично. Собственно, и на снимках видно, какой это высокий, атлетически мощный человек, этакий русский богатырь. Он не задумывался в тот момент, чье знамя должно стать Знаменем Победы. Об этом некогда было думать – шел бой. Но эти ребята со своим флагом были ближе всех к цели, к которой шли всю войну. И он бросился им на помощь. Внизу, на всех этажах, еще шли бои за рейхстаг. А над ним уже развевалось полотнище нашей Победы.

И самую главную свою награду – геройскую звезду и вместе с ней орден Ленина – Самсонов получил по одному и тому же Указу, по одному и тому же списку, что и солдаты и офицеры генерала Шатилова. Никого уже не интересовало, в какой части он служил, все знали и знают, вместе с кем он отличился. Вот почему именно он 9 мая 1965 года на втором параде Победы нес знамя, которое он вместе с Егоровым и Кантария водрузил над рейхстагом. А они шли рядом с ним, как были рядом с ним на фронте рейхстага...

Темин замолчал. И сосредоточенно смотрел на меня. Мне показалось, что он еще что-то хочет сказать, но сомневается, стоит ли это делать. А потом признался:

– Я не сделал ни одного инсценированного снимка в Берлине, там и так все было ярко и красноречиво. Вот почему у меня нет кадров

водружения Знамени Победы. Егоров и Кантария – прекрасные ребята, мужественные люди, я видел, как они смущались, когда мои коллеги зазывали их на крышу рейхстага для очередного «водружения»...

И, обратите, внимание, нет ни одного снимка, где бы бойцы были сняты у Знамени Победы на куполе рейхстага! А только под разными ракурсами на карнизе фронтона, это спокойное фотографирование происходило 2 мая в тихом Берлине. Я думаю, вы догадались, что все это время знамя на купол не перемещалось и не спускалось обратно для фотосъемки...

И еще один момент требует уточнения. Когда мой коллега-краевед А. Аб-ов перечисляет награжденных за подвиг в Берлине, то после имен Михаила Егорова и Мелитона Кантария задается вопросом: «А где же простой русский солдат, который нес нашу Победу на своих плечах? Его забыли?.. Егоров и Кантария могли осуществить свой подвиг благодаря группе поддержки в 10–12 человек...» Понятно, что А. Аб-ов имеет в виду «простого русского солдата» Ширгина. Но позвольте, разве Егоров и Кантария – не простые русские солдаты, а какие-то особенные? Между прочим, не забыты имена воинов из группы поддержки Егорова и Кантарии. И история Великой Победы их сохранила, и орденов Красного Знамени они удостоены. Разве что за год работы в этой тематике мой коллега-краевед о них ничего не узнал и поэтому числит в неизвестных героях. Хотя для того, чтобы иметь нужную информацию, достаточно было бы хоть разок навестить Знаменный зал Музея Вооруженных Сил СССР в Москве. И я советовал ему сделать это, когда называл ему по телефону имена тех бойцов, что были рядом со знаменосцами и про которых я знаю по меньшей мере уже сорок лет.

Все они из полковой разведки капитана Кондрашова. Помогать Мелитону Кантарии и Михаилу Егорову были выделены бойцы, с которыми они не раз вместе ходили в разведку: Павел Кузьмин, Иван Герасименко, Николай Карноков, Михаил Редько, Иван Прыгунов, Николай Бык. Это они по пути по лестницам наверх забрасывали фашистов гранатами, вели прицельный огонь по врагам. Однажды заметили, что лестница не имеет продолжения и нужно искать какой-то другой подъем наверх в коридоре. Сообразительность проявил Михаил Редько: подергал за подобие дверной ручки нечто, смутно напоминавшее дверь. Но это нечто не поддавалось, тогда он с разбегу поддал плечом так, что скрытые старые ржавые петли сорвались, и Михаил кубарем влетел в проем за мгновение до пролетевшей мимо него пули. Правда, успел заметить, что стреляли немцы из черного отверстия в потолке, и понял, что это люк на чердак. А дверь, которую в прыжке выломил, привела на пожарную лестницу. Но до первой ее перекладины было не меньше трех метров. А из люка сверху били жаркие смертоносные струи. Залили люк своим ответным огнем и заставили немцев отступить. Потом стали строить, живую лестницу, становясь друг другу на плечи. Первым по ней взобрался Миша Редько, за ним – Иван Прыгунов и Николай Бык. И вторым стали забрасывать гитлеровцев гранатами. А довершили дело автоматным огнем. Под его прикрытием вломились на чердак другие бойцы, а с ними и знаменосцы. Когда чердак был очищен от врагов, поспешили на крышу, но высота оказалась недосягаемой для живой пирамиды. Тут Кантария вспомнил, что по пути на чердак заметил на полуразрушенной лестнице стальные решетки – остатки от перил. Втащили наверх две самые длинные, связали ремнями, обрывками

найденной проволоки, даже санитарный пакет пришлось потратить. И по такой самодельной лестнице из решеток выбрались на крышу рейхстага. Тут из соседних с рейхстагом зданий началась такая стрельба, что шагу нельзя было сделать. Немцы всячески перекрывали дорогу к куполу. И тогда решили не рисковать и пробраться в более безопасное место – к конной скульптуре на фронтоне. Поползли по-пластунски, прижимая к себе знамя. У Мелитона пулей сорвало пилотку, Михаилу навывлет прострелило штанину, лишь чудом не задело ногу. По сантиметру, с короткими передышками, под огневым прикрытием своих товарищей знаменосцы добрались до карниза и возле бронзовой конной статуи закрепили флаг, которому суждено было стать главным символом нашей Победы.

Завершая эту публикацию, мне все-таки хочется сказать спасибо моему коллеге нижегородскому краеведу А. Аб-ву, потому что если бы не его фантазии и придумки, которые он в качестве бесспорных фактов стал публиковать в местных и центральных газетах, я, может быть, еще долго собирал бы воедино все, что знаю и имею в своем журналистском архиве. Но благодаря ему поспешил с этим делом, чтобы читатели, не дай бог, не уверовали в то, что все его небылицы – правда.

Вместо послесловия

Письмо из редакции «Нижегородской правды»

Аб-ву А.М.

В связи Вашими неоднократными обращениями в нашу газету по поводу Ваших публикаций и публикаций А.М. Цирульникова мы обратились с рядом вопросов к главному специалисту – хранителю Знаменного зала Центрального музея Вооруженных Сил России в Москве Аркадию Николаевичу Дементьеву. А.Н. Дементьев известен как исследователь, много лет занимающийся изучением событий последних дней и часов Великой Отечественной войны, штурм рейхстага и водружения на нем советскими воинами победных знамен, в том числе Знамени Победы.

Мы получили от А.Н. Дементьева исчерпывающие ответы по хронологии штурма рейхстага и водружения Знамени Победы.

1. Впервые наши воины проникли в рейхстаг 30 апреля 1945 года после 21 часа, приблизительно в 21. 20–21.30. До этого наших солдат во вражеской цитадели не было. Здесь и далее данные приводятся по местному берлинскому времени. Примерно в 22 часа 30 – 22 часа 40 минут первое знамя на крыше рейхстага установили бойцы капитана Макова – Минин, Бобров, Загитов, Лисименко. Древко флага они воткнули в корону богини Победы. Примерно в 23 часа о водружении капитан Маков доложил командиру 79-го корпуса генералу Переверткину, который и вручил им корпусной флаг для водружения на рейхстаге. Это было первое красное знамя, водруженное на рейхстаге. Второй флаг рядом со знаменем Макова примерно через полчаса установили майор М. Бондарь и два сопровождавших его бойца. Интересна такая подробность: Бондаря на крышу рейхстага вызвал Минин, чтобы майор засвидетельствовал факт установления знамени группой Макова. Бондарь с со своими ребятами полностью повто-

рил путь группы Макова, засвидетельствовал наличие знамени в короне богини Победы и велел своим бойцам прикрепить принесенный ими флаг к задней ноге вздыбленного бронзового коня.

Знамя под № 5 Егоров и Кантария по приказу комполка Зинченко доставили из дома Гиммлера в рейхстаг в третьем часу ночи 1 мая 1945 года по берлинскому времени. Водружено оно было примерно через два часа на восточной стороне крыши рейхстага. Дело в том, что Берест в темноте ошибся и вывел знаменосцев на сторону, противоположную Королевской площади, к дипломатическому подъезду, а все военное начальство находилось как раз на Королевской площади с западной стороны рейхстага. Таким образом, какое-то время над рейхстагом реяли сразу три красных флага. К сожалению, лавина вражеских снарядов смела флаги Макова и Бондаря, флагу 150-й дивизии благодаря ошибке Береста повезло, потому что с восточной стороны вражеский обстрел был слабее и к рейхстагу подошли части 5-й ударной армии генерала Берзарина. Именно поэтому этот флаг сохранился и был провозглашен Знаменем Победы. Водружено на рейхстаге оно было 1 мая в пятом часу утра по местному времени. Все другие данные неверны.

2. Никаких бомбежек со стороны американцев по рейхстагу не производилось. Никаких насыпей или холмов, по которым можно было бы подняться на крышу рейхстага, ни внутри, ни снаружи здания не было. Даже после всех боев рейхстаг не выглядел развалиной и, несмотря на отдельные разрушения, сохранил целостный облик.

Все группы знаменосцев поднимались на крышу по лестницам и переходам. О том, что в составе какой-то из групп знаменосцев находился связист, сведений нет. Да и потребности в его присутствии не было. Все без исключения участники водружения красных знамен над рейхстагом 30 апреля (Маков и его группа), 1 и 2 мая 1945 года (а было водружено сорок знамен!) были учтены и в те же победные дни в Берлине награждены орденами Красного Знамени. У А.Н. Ширгина такого ордена нет.

Возможно, А.Н. Ширгин участвовал в водружении красного знамени над каким-то другим берлинским объектом. Как бы то ни было, ветеран войны А.Н. Ширгин достоин всеобщего уважения и признательности.

3. Никто из командиров батальонов – ни Неустроев, ни Давыдов, ни Самсонов, вопреки Вами опубликованному в разных газетах, своих подразделений не покидали, находились и воевали в составе вверенных им частей. Выполняли ту боевую задачу, которая им была поставлена, а потому никакой опале со стороны И.В. Сталина не подвергались, как не подверглись никакой опале и все другие участники штурма рейхстага и водружения победных знамен. Задержка на год с присвоениями геройских званий была вызвана большим количеством претендентов на самую высокую награду и с установлением наиболее достойных.

Думается, что Вам стоило бы в печати принести извинения читателям и потомкам трех комбатов, трех Героев Советского Союза, которых Вы публично обвинили в оставлении «на заместителей» своих подразделений, чтобы лично участвовать в водружении Знамени Победы. Вы утверждали, что Неустроевым, Давыдовым и Самсоновым, по словам военных юристов и генералов – ветеранов войны, у которых Вы консультировались, было совершено воинское преступление, за которое они могли быть подвергнуты самому суровому приговору военного трибунала, вплоть до расстрела, но Сталин через год простил их и наградил. По сути, Вы опорочили замечательных людей, различными способами распространяли о них Вами же надуманные ложные сведения. Говоря Вашими же словами, Верховный Главнокомандующий, будь он жив, мог бы за это на Вас «обидеться» и справедливо Вас подвергнуть опале.

4. Данные о том, что первые советские воины ворвались в рейхстаг 30 апреля в 14 часов 25 минут и вскоре овладели рейхстагом, не соответствуют действительности. Приказ № 06, подписанный Г.К. Жуковым, с благодарностью войнам, овладевшим рейхстагом, и его доклад Верховному Главнокомандующему, к сожалению, появились поспешно и не отражали реальных событий. Они не были тогда дезавуированы, потому что получили широкую международную огласку, и долгое время продолжали выдаваться за правду, хотя уже давно (еще в 1990 году в газете «Правда») было сказано о том, что и как было на самом деле.

5. Публикации о том, что Знамя Победы было водружено над рейхстагом бойцами 150-й дивизии 30 апреля 1945 года в 22 часа 50 минут, ничего общего с историческими фактами не имеют. Подлинное время названо выше.

6. Темин действительно получил от Жукова личный самолет маршала до польского города Янува (Жешува), но обманул персональных пилотов Жукова, передав им от имени маршала распоряжение лететь до Москвы. И таким образом доставил свой снимок Знамени Победы над рейхстагом в «Правду».

Именно эти сведения приводятся сейчас в Центральном музее ВС России во время посещения Знаменного зала ветеранами войны и экскурсантами. Они получены в результате длительных – на протяжении шести десятилетий – научных исследований. Объективной альтернативы этим данным не имеется.

Другие вопросы, которые можно рассматривать как частные, второстепенные или уточняющие кое-какие детали, нами А.Н. Дементьеву заданы не были.

Мы считаем, что ответы получены исчерпывающие и продолжение дискуссии по вопросам, которые очевидны, не имеет смысла.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Родился в 1954 году в Красноармейске Донецкой области. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы.

Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Автор более сорока книг и многих публикаций в газетах и журналах России и зарубежья. Составитель поэтической антологии «Недаром помнит вся Россия: Война 1812 года в русской поэзии».

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России. Награждён медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М.В. Ломоносова, медалями святого князя Даниила Московского и святого князя Александра Невского, золотым знаком Абая Кунанбаева, медалью Мусы Джалиля и другими наградами.

Секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ...

Зарисовки на ходу

Страна сонетов

Поэзия – вещь удивительная, порою уже одним своим эстетическим совершенством она способна оказывать на нас не менее (а порою даже и более) благотворное воздействие, чем своим «правильным» (с той или иной идейной позиции) содержанием. Так, пленяя магией своей красоты, до сих пор примиряют между собой даже трудно примиримых в идейном плане, но равно ценящих истинную поэзию читателей стихи Сергея Есенина, Игоря Северянина, Осипа Мандельштама и целого ряда других поэтов. И это, мне кажется, нагляднейшим образом показывает нам, что грядущее возрождение России лежит не на пути реконструирования столь дорогой для многих из нас, но исторически исчерпавшей себя *Страны советов*, а на пути утверждения безмерной по своим эстетическим параметрам, а потому и никого собой не сковывающей *Страны сонетов*, первые шаги в направлении которой уже начали делать некоторые из литературных изданий...

Компьютер обижать нельзя

В четверг у меня сломался мой старенький, но верно служивший до этого с 1994 года компьютерчик 386-й модели, на котором я, довольствуясь word'овской программой версии Windows 3.1, писал свои статьи,

стихи, дневники и романы. Тут, надо сказать, произошла вообще чуть ли не мистическая история. Все началось с того, что компьютер заартачился и не стал копировать созданный мною текст на дискету. Я попробовал сделать это раз, другой, третий, а потом не выдержал и, сказав в сердцах: «У-у, гад!» – замахнулся на него рукой. И сам испугался. Потому что экран в ту же секунду покрылся какими-то лиловыми кирпичиками размером 2×2 мм, задрожал, как бы пульсируя от прихлынувшей к нему изнутри крови, и стал наливаясь тяжёлым пунцовым цветом, отчего я, испугавшись, что он сейчас лопнет или вспыхнет, быстро щёлкнул клавишей выключателя, произведя тем самым экстренное обесточивание компьютера. И сколько я потом ни включал его опять, экран оставался тёмным.

«Это он на тебя обиделся, – сказала возвратившаяся в субботу с Алиной из Новокуйбышевска Марина. – Так что проси у него прощения».

И я попросил. Потому что очень уж мне было жалко терять все находящиеся в процессе работы вещи, которые я по своей лени и дурости не переносил с жёсткого диска на дискеты, а теперь, в случае ремонта и перезагрузки программы, они бы исчезли.

И компьютер простил меня. Вошёл в моё положение, дал мне переписать на дискеты *все* остававшиеся на его внутреннем диске материалы, а потом снова сломался. Но на этот раз уже – навсегда...

Пушкинские дни в Крыму

4 июня 2003 года мне пришлось выехать с делегацией нашего Союза писателей в Гурзуф для участия в Международном пушкинском празднике поэзии в Крыму. В поезде нас ехало сначала 13 человек – В.Н. Ганичев, Ю.А. Лопусов, В.А. Костров, В.М. Гуминский, П.В. Палиевский, Л.В. Щипахина, О.А. Фокина, Саша Сегень, Валерий Исаев, Сергей Котькало, Николай Рачков, Константин Скворцов и я, да потом ещё в Белгороде к нам присоединился поэт Владимир Молчанов. Было очень много интересных разговоров, но я, к сожалению, ничего не записывал. Запомнил только довольно озорной рассказ Юрия Лопусова о том, как несколько лет назад ему где-то на Севере устраивали половой акт на высоте 6000 метров (специально подняв для этой цели самолёт и посадив в него какую-то свою уступчивую буфетчицу...).

Прибыв в Гурзуф, мы встретили там председателя Союза писателей Республики Беларусь Алесь Пашкевича и представителей Спілки письменників України Ивана Драча и Дмитра Павлычко. Среди участников праздника были также главный редактор киевского русскоязычного журнала «Радуга» Юрий Ковальский (в этом его журнале я что-то печатал ещё в период моей жизни на Украине), а ещё киевский поэт Станислав Бондаренко, напомнивший мне, что наши с ним стихи были когда-то опубликованы в одном номере альманаха «Вітрила».

В течение этих нескольких дней состоялись встречи с читателями нескольких крымских городов, возложения цветов к памятникам Пушкину в Гурзуфе и Данилевскому в Форосе, посещение дачи Чехова, встреча с литераторами Севастополя, экскурсия в древний Херсонес, где я ударил в старинный колокол с надписью «Николай Чудотворец» и нашёл на линии прибой обломок старинной амфоры (их там до сих

пор, в течение вот уже двух с половиной тысяч лет, выносит волнами на берег), и многое другое. И как я ни стараюсь обойтись без лишнего груза в руках, а пришлось-таки нагрузить дипломат (у которого из-за этого отлетел один из замков), поместить в него целую кучу различных литературных изданий. Ну и, конечно же, не обошлось без нескольких подаренных мне книг украинских писателей.

Вот кое-что из того, что сильнее всего запало мне в память за эти несколько крымских дней:

– *МАКИ*: Начиная от Джанкоя поля Крыма были обрызганы пылающе-алыми зарослями маков, как будто на них навеки запеклась кровь расстрелянных здесь в 20-е годы врангелевских солдат. Просто глазам не верится, что может быть так много этих цветов – поля походили на огромнейшие лужи крови.

– *ГУРЗУФ*: Давя дорогу, как гюрзу, / что норовила дерзко выгнуться, / автобус нас домчал в Гурзуф / и среди пальм узорных выгрузил. // Плескалось море под горой, / секвойи шелестели иглами, / и жизнь казалась нам – игрой, / которую так просто выиграть...

– *КИПАРИСЫ, ПАЛЬМЫ, ГОРЫ И ВООБЩЕ ПЕЙЗАЖИ КРЫМА*: Глядя с балкона пансионата «Геолог», где нас разместили, на растущие под ним экзотические пальмы, я подумал о том, что такую красоту можно было сотворить только *сознательно*, то есть – сперва всё замыслив, спроектировав, отобрав мысленно лучшие варианты, и только потом уже осуществив утверждённый в своём воображении замысел на практике. Не случайно ведь в природе ничто не повторяет друг друга: у кипариса листва – мягко-игольчатая, у пальмы – веерообразная, у акации – симметрично-калиброванная, и так далее. Так что Господь был явно *художником* – Он не просто создавал мир по принципу наивысшей целесообразности, но откровенно *наслаждался* самим актом творения и видом того, что у Него из Его замысла получается на практике: «Вечер. Пальмы. Кипарисы. / Рокот моря за окном. / Солнце сладкой барбариской / поползло за окоём. // Так и кажется, что где-то / Сам Господь, безмерно прост, / смотрит с неба на планету, / как художник на свой холст...»

– *ПЕНИЕ ПТИЦ*: Это просто чудо, что творили в Крыму пернатые солисты и хористы! Каждое утро я просыпался часов в пять утра от потрясающих рулад за открытым окном моего номера и целый день потом слышал вокруг себя чарующее пение, так что даже сочинил об этом несколько строчек: «Слава Богу, не вымерли птицы в Крыму – / так щебечут, что сладко душе и уму! / Слава Богу, полощется море у скал, / и смягчает собою эпохи оскал...» Думаю, что Господь, может быть, специально для того и сотворил человека, чтобы было кому оценить это пение, ибо создавать такое чудо *ни для кого* (а сами птицы вряд ли в состоянии оценить красоту издаваемых ими звуков, так как для них это только язык общения и не более того) было бы бессмысленно.

– *ГРОЗА*: В одну из ночей я проснулся от освещавших всю нашу комнату ярких всполохов. Гроза проходила где-то уже далеко в стороне, раскаты грома слышно не было, но вспышки молний были настолько сильны, что казалось, это Господь ведёт на небе какие-то сварочные работы, укрепляя несущие конструкции расшатавшейся Вселенной...

И вообще – Крым был в это время настолько радушен и прекрасен, что затмевал собой практически всё вокруг, включая даже откровенную нелюбовь к нам со стороны Дмытра Павлычко...

О Дёгтеве

В газете Владимира Бондаренко «День литературы» опубликован большой рассказ воронежского писателя Вячеслава Дёгтева – это очень талантливый автор, но вместо того, чтобы осмысливать нынешнюю действительность, он гонится только за оригинальными сюжетами, а потому как-то всё время рубит с плеча, не замечая того, как его проза, словно топор мясника, четвертует ещё живую реальность. Вот и в напечатанном в «Дне литературы» рассказе «До седла!» он идёт по этому же пути – популяризирует в художественной форме псевдонаучные идеи академика Фоменко о том, что вся наша истории выдумана древнерусскими летописцами да позднейшими историками. «На самом же деле, – утверждает Фоменко (а Дёгтев эту ересь для усиления своего рассказа обильно цитирует), – Невской битвы, *по всей видимости*, не было, а уж тем более – Ледового побоища... Александр Невский, *по всей видимости*, – чистой воды миф. Прототип Невского – царь Золотой Орды непобедимый предок наш батька-Батый, при одном упоминании имени которого трепетала вся Европа. А монголо-татары – это мы с вами, русские и казаки...»

Вот такая, как видим, утверждается «научно-академическая» гипотеза, главным доказательством в которой выступает постоянно употребляемое выражение – «*по всей видимости*». Так не потому ли, что он прекрасно осознаёт шаткость и самой этой гипотезы, и опирающегося на неё рассказа, Вячеслав Дёгтев прилепил в конце своего повествования угрозу-запугивание для тех, кто посмеет высказать о нём своё критическое мнение? «А которые станут хулить написанное или подвергать сомнению – тех да постигнет суровая кара Михаила-Архистратига и Георгия-Победоносца, предстоятелей казацкого воинства, и да поразится всяк хулящий огненным копием во имя сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа, да святится во веки Имя Его, аминь», – подстраховал он себя запугиваемой будущих критиков угрозой.

Не думаю, что Господь и Его архистратиги могут выступать в качестве защитников фальсификаторов истории, карая при этом тех, кто вступится своим словом за правду. Тем более что если принять за основу хронологический метод периодизации истории академика Фоменко, то окажется, что и Сам наш Спаситель, и все Его Святые – это тоже, «*по всей видимости*», только «чистой воды мифы», тогда как на самом деле их прототипами, мол, были какой-нибудь Папа Римский или кто-нибудь совсем другой. Так что это ещё вопрос, кого поразит огненное копие...

* * *

...Только я собрался уходить из Правления Союза писателей, как приехал из Нижнего Новгорода Евгений Шишкин – главный редактор журнала «Нижний Новгород», который издал часть дневников Сергея Есина. Задержался я с ним чуть ли не на час, говорили о делах в Нижнем и литературе, а потом поехали в ЦДЛ – мне там нужно было забрать оставленные для меня книги, а Евгений захотел купить журнал «Проза с автографом», где был напечатан прочитанный мною недавно дневник Есина за июнь–сентябрь 2000 года, в котором, как я успел рассказать ему, упоминался и он. Дорогой опять говорили о литературе, в частности о Вячеславе Дёгтеве и Юрии Полякове. Я сказал, что Дёгтев

может менять стили и темы, как компьютер шрифты: может изобразить текст «ижицей», может new roman суг'ом – владеет всем с одинаковым профессионализмом и одинаковой холодностью чувств. При этом всегда очень непросто понять, оправдывает он своих персонажей или обвиняет, любит их или ненавидит, и вообще – что хочет сказать моделируемой ситуацией и на чьей стороне находится он сам.

* * *

Сегодня секретариат нашего Союза писателей отправился первым рейсом скоростной электрички от Москвы до Ясной Поляны (остановка Козлова Засека), где я через два с половиной часа встретил приехавших туда день назад на ежегодные толстовские чтения Валентина Курбатова, Бориса Евсеева, Михаила Петрова и Владимира Личутина. Там же был и воронежский прозаик Слава Дёгтев, который успел надрать в пристанционном садике небольших кисловатых яблок и угощал ими всех встречаемых, уверяя, что в них содержатся атомы самого Льва Толстого. «Он же тут столько раз бывал, ожидал поезда, что же он – ни под одну яблоню ни разу не п...ссал? Так что его атомы наверняка присутствуют в этих яблоках», – с деловым видом объяснял он свою гипотезу...

* * *

16 апреля 2005 года в Воронеже неожиданно скончался прозаик Вячеслав Дёгтев. Я знал Славу, мы не раз с ним встречались, он был на пять лет младше меня, но выглядел намного крупнее и мощнее, прямо как настоящий медведь-богатырь. Да и энергия из него была ключом – он невероятно много писал, много печатался, пробивая свои рассказы во все существующие издания, получил несколько престижных премий, часто появлялся в Москве, стараясь не пропустить ни одной возможности появиться на сцене. Он любил пиарить себя и выступал то с дерзкими манифестами, то со скандальными интервью, поэтому я даже не сразу поверил, что информация о его смерти – это правда, а не какой-то очередной розыгрыш и не пиаровская акция. При всей кощунственности такого предположения, Дёгтев был способен и на такой ход... Хотя Вячеслав Огрызко, которому я позвонил, чтобы развеять свои сомнения, сказал, что это всё-таки правда...

Вечером я написал на смерть Вячеслава Дёгтева некролог. Слава был непростым и очень занозистым человеком, переругался со всеми воронежскими писателями (за что был снят с учёта в Воронежской писательской организации), выступал с провокационными манифестами и заявлениями, обижающими его сегодняшних коллег по перу, писал скандальные рассказы. У нас с ним были нормальные товарищеские отношения, хотя я и выступал несколько раз с критическими рецензиями на его произведения. Да и как мне было этого не делать, если в одном из своих рассказов он изобразил игуменью православного женского монастыря, которая чуть ли не в алтаре трахалась со своим любовником (*прости, Господи!*), а когда он к ней охладел и бросил её, пошла и повесилась (!) на его воротах. Другой рассказ был посвящён эпизодам давно минувших лет и нещадно извращал нашу русскую историю, иллюстрируя её в соответствии с «гипотезой академика Фоменко», – т. е. называл хана Батыя казацким атаманом Батяней и подменял смысл исторических событий вольной фантазией.

Кое-что о писателях

Сегодня в 9 часов утра секретариат Союза писателей России отправился в гости к Льву Николаевичу Толстому. В нашей делегации были В.Н. Ганичев, В.Г. Распутин, С.А. Небольсин, Г.В. Иванов, И.Т. Янин, Н.М. Сергованцев, С.В. Перевезенцев и другие... Моё место оказалось рядом с Михаилом Николаевичем Алексеевым и Владимиром Васильевичем Карповым. С Алексеевым я встречаюсь довольно часто – он бывает на наших секретариатах и участвует в различных поездках, а вот с Карповым виделся всего несколько раз – в частности, на пленуме СП в Моздоке...

Сидя рядом с Карповым, мы поговорили с ним о моём дедушке маршале Москаленко и нашей семейной легенде о том, что это именно он застрелил Берию. Кроме того, Владимир Васильевич поведал, что пишет книгу воспоминаний о писателях Переделкина – Валентине Катаеве, Евгении Евтушенко и всех, с кем он там встречался. Я сказал, что хотя на Катаева и нападали за его «Алмазный венец», у меня это одна из самых любимых книг. Она, может быть, и искажает какие-то реальные факты, но зато необыкновенно живо воссоздает атмосферу писательской жизни двадцатых–тридцатых годов XX века. А главное, обладает таким сильным зарядом творческой энергии, что после каждого её перечитывания у меня возникает просто нестерпимое желание писать. Попробуйте ещё найти повесть с таким же воздействием на читателя...

Алексеев рассказал, как в 1951 году рукопись его романа «Солдаты» прочитал Александр Фадеев, который должен был вести Совещание молодых писателей. Рукопись ему понравилась, и он хотел о ней говорить на Совещании, но накануне ушёл в очередной глубокий запой, так что Совещание пришлось вести Алексею Суркову, который не читал ничего. Чувствуя свою вину, Фадеев спустя некоторое время позвонил в журнал «Сибирские огни», и роман «Солдаты» был немедленно там напечатан. В те годы публикация в любом общероссийском издании сразу же становилась известной всему СССР, так Михаил Николаевич получил известность и был принят в Союз писателей. Сегодня, к сожалению, о «Сибирских огнях» уже никто толком и не помнит, и публикация в них не дает автору практически ничего, я это знаю уже по себе...

(Когда отошла в сторону молодая жена Алексеева – Татьяна, – он нам признался, что в графе «пол» последнее время он начал писать слова «бывший мужской». Да ведь куда деваться – 82 года уже...)

В Ясной Поляне мы успели только осмотреть дом Льва Николаевича да чуть ли не бегом поглядеть на его могилку, и уже было нужно спешить назад в нашу электричку. Но я всё же успел отметить тот факт, что в отличие от большинства биографов Толстого, обвиняющих его жену в жадности к деньгам и нежелании разделять филантропические идеи мужа, экскурсоводы говорят о Софье Андреевне чуть ли не с упоением. Мол, попав восемнадцатилетней девушкой в дом писателя, она вынуждена была взвалить на свои плечи и ведение хозяйства, и воспитание множества детей, а главное – переписывание, редактирование и издание рукописей мужа. Да при этом еще должна была оставаться женщиной...

(Кстати сказать, литературные мэтры обычно очень любят напоминать начинающим тот факт, что Толстой двадцать раз переписывал роман «Война и мир», но почему-то никогда не уточняют, что делал он это в основном руками своей жены.)

О Сергее Николаевиче Есине

...Раскрыл как-то один из номеров литературного журнала «Московский Вестник». Больше всего любя мемуарную и эссеистскую прозу, я по привычке принялся читать его с «Дневника» Сергея Есина. Хотя должен признать, что литературной атмосферы в нём становится всё меньше и меньше, а всевозможного побочного «мусора» всё больше и больше. Вот, например, кусочек текста о том, что этой «литературе» в жизни Сергея Николаевича сопутствует: «Кормили в самолёте: гуляш с макаронами, салат овощной с майонезом, солёная сёмга и рыбный паштет, булочка белая и кусок чёрного хлеба, масло и плавленый сырок, два свежих пряника, кофе или чай... Сразу после взлёта давали вино, пиво, соки и минеральную воду...» А вот ещё одно из его упоминаний о литературе: «Вечером читал газеты Саши Проханова “Завтра” и “День литературы”. Очень самодовольный Володя Бондаренко ведёт диалог с Юрой Поляковым. Оба чрезвычайно любят себя и занимаются скрытой рекламой своих сочинений...»

(К слову сказать, газета «День литературы» уже давно была не «Саши Проханова», а «Володи Бондаренко», ну да бог с ним... – *Н. П.*)

А вот опять – о быте: «В 4 часа, как и договорились, пили кофе у Людвиг Легге... Хозяйский яблочный пирог был превосходный. На столе стоял и чудесный покупной торт со взбитыми сливками. Особенно мне никто не предлагал, но я умудрился съесть два куса этой немецкой “шарлотки”. В отличие от нашего варианта здесь тесто внизу. Под яблоками...»

Вот Сергей Николаевич заносит в дневник впечатления от пребывания на церемонии вручения Букеровской премии: «Через Букера, который нынче называется SMIRNOFF БУКЕР, я постепенно знакомлюсь с лучшими ресторанами города. Нынче это MOSKOV MARIOTT GRAND HOTEL. Нынче кормили: “Коктейль из тигровых креветок подаётся с рагу из авокадо и манго и свежей зеленью”; “Равиоли, начинённые шпинатом и копчёным лососем, подаются с сырным кремом-соусом, приготовленным с добавлением водки SMIRNOFF и красной икрой”; “Обжаренная телятина на косточке подаётся с рататутем, луком-шалот и итальянской полентой”; “Шоколадное безе под апельсиновым соусом, приготовленным с добавлением водки SMIRNOFF”; “Кофе или чай. Домашняя мини-выпечка”».

И (как приговор, что ли, этой теряющей вес премии?) – некое ассортиментски-гастрономическое резюме: «Икры в чистом виде, как в прошлый раз в “Метрополе”, не было...»

И при этом по всему тексту «Дневника», как зелёный горошек по поверхности салата оливье (увы, до более изысканных кулинарных сравнений мой жизненный опыт не поднимается), рассыпаны самооценки типа: «Я хорошо выступил в самом начале», а также полные тексты поздравлений в свой адрес с днём рождения и тому подобные вещи. Надо полагать, что исследователи литературы начала третьего тысячелетия будут от подобной информации в восторге.

Впрочем, что ж? Как гласили висевшие во всех советских магазинах и столовых объявления: «Клиент всегда прав» и «Требуется долива пива после отстоя». Иначе какая это и в самом деле литература, если не было «икры в чистом виде»?..

* * *

Оглядываясь на свои собственные книги, Сергей Николаевич Есин сам признаёт, что до романиста у него не хватает пороха, и с этакой хитрецей вопрошает: «Но, с другой стороны, может быть, протоколы и есть первооснова любого романа?»

Может, кто с этим спорит...

Хотя, надо признать, встречаются в прозе Есина фразы, которые говорят, что он мог бы стать и поэтом. Ну хотя бы такие, какими он описывает церковь Рождества в Иерусалиме: «Строгий, похожий на космический шум, треск свечей, грозная тишина присутствия Бога...»

Или вот такие две цитаты (обе, кстати, связанные с именем Создателя). Первая: «А разве каждая душа – это не семя Бога, жаждущее нового воплощения?..» И вторая: «Для меня всегда было загадкой, что есть Бог, ибо Он мог родиться только из любви. Значит, сначала была любовь?..»

Снял с полки другую его, ещё не прочитанную мной книгу и посмотрел оглавление. Уже сами названия подтверждают сделанное только что наблюдение о его таланте не *романиста*, а *мемуариста*: «**Мемуары** сорокалетнего» (повесть), «В родном эфире» (*Из записок* бывшего преуспевающего чиновника), «*Отступление от романа*, или Сезон засолки огурцов» (педагогические этюды и размышления).

* * *

...По дороге домой читал в метро дневник Сергея Есина за июнь–сентябрь 2000 года и, наряду с чисто эстетическим удовольствием от чтения, находил в нём подтверждения своим предыдущим наблюдениям. Дневник – это именно тот жанр, в котором Есин раскрывает своё творческое дарование наиболее полно. Да он и сам признаёт это, отмечая однажды, что не поехал на свою любимую дачу только по той причине, что его пригласили в этот день на юбилей Константина Райкина, и пропустить это мероприятие значило нарушить «обязательства перед дневником». При этом Сергей Николаевич (или же просто – С.Н., как он сам называет некоторых из описываемых в своём дневнике персонажей) то и дело подчёркивает: «Проза у меня, как всегда, только о себе», «Я из собственной жизни делаю роман», и так далее. В дневниках он пришёл к своему любимому жанру в полной чистоте, без всяких там сюжетов и вымышленных героев...

Евгений Евтушенко

Вечером случайно включил телевизор и наткнулся на трансляцию встречи Евгения Евтушенко с юными поэтами. Сильно постаревший Евгений Александрович (ну просто старичок старичком, личико худое и сморщенное, и только глаза горят неестественным блеском) был просто-таки в опупенном костюме тёмно-малинового цвета, украшенном спереди какими-то немыслимыми золотыми и серебряными ромбами. Московские школьники лет 14–17 читали ему свои стихи и задавали вопросы. Одна девочка спросила, почему он, называя себя *русским поэтом*, не живёт в России, и он на это страшно обиделся. Мол, как это я

не живу в России! Я столько раз в году приезжаю сюда, выступаю в разных городах, вот и теперь собираюсь поехать и в Грузию, и на станцию Зима, и в Хабаровск... И вообще, дескать, я всё время думаю о России и ношу её в своём сердце, а в США я только читаю лекции в университетах. Это большинство депутатов российской Госдумы не живут в России, потому что служат интересам западного капитала, а я своим поэтическим словом служу интересам единственно России. Так что это абсолютно неверный взгляд на ситуацию, и вы не уподобляйтесь Андрею Вознесенскому, который на вопрос о том, какое место занимает в сегодняшней русской поэзии Евгений Евтушенко, только пожал плечами и сказал: «А при чём тут *русская поэзия?*.. Он ведь теперь в *Америке* живёт...»

Говорил Евгений Александрович много и интересно, да он всегда был мастером покрасоваться перед публикой, так что владеет этим искусством в высшей степени виртуозно, но вот в том, что касается его якобы не утраченного в заграницах «россиянства», он, мягко говоря, показался мне не совсем объективным. Какой он сегодня на самом деле *русский поэт*? Он – респектабельный американец, эдакий заморский богач, владеющий недвижимостью в России, куда он время от времени навещается, чтобы заработать здесь дополнительные деньги выступлениями на телевидении и в газетах. Между ним и народом России лежит сегодня не только Атлантический океан, но и та обретенная Евгением Евтушенко (благодаря его антисоветизму и поддержке ельцинского курса прозападных реформ) материальная обеспеченность, которой и близко нет у подавляющего большинства рядовых граждан России, а также его *несопричастность* нашим нынешним проблемам и наличие «резервной родины» за спиной, где можно переждать любые российские бури и катаклизмы. Нам-то их переживать (а точнее сказать – *переживать*) предстоит не где-нибудь в Оклахоме, а здесь, в своём собственном Отечестве. Так что не так уж и неправ получается Вознесенский. Русская поэзия – сама по себе, а Евтушенко – сам по себе. *Американский поэт, пишущий о России*. Только и всего.

Пингвины и ласточки

Как это ни парадоксально, но сегодня в зоопарке я вдруг отчётливо увидел, что больше всего пингвины похожи на ласточек. Во-первых, и те и другие относятся к категории птиц. Во-вторых, коренные обитатели Антарктиды, как и ласточки, «одеты» в нарядные чёрные фраки с яркими белыми манишками. А в-третьих, уже в самом корне слова «ласточки» заложена потенциальная возможность трансформации их в водоплавающих – «ласт». Так что, на мой взгляд, это одно семейство, только разведённое природой по разным климатическим углам планеты, что заставило их немного изменить своё тело.

Десница Спиридона

В конце апреля в Москву привозили из Греции десницу святого Спиридона Тримифунтского, имеющего дар оказывать помощь в материальных нуждах, вот я и ходил в Свято-Данилов монастырь просить его

о милости. Отстоял пять с половиной часов в невероятно длинной очереди, а потом не выдержал – и, не вынеся болей в позвоночнике, махнул на всё рукой, вышел за монастырскую ограду и пошёл в сторону метро. Доковылял до угла монастырской стены и... вернулся обратно. Сколько шёл по улице – всё время двигался вдоль несметной людской очереди, так что, глядя на стоящих в самом её хвосте людей, волей-неволей подумалось: если даже эти *последние* надеются войти в храм и приложиться к деснице, то что же тогда я этого не выдержал? Ведь я стоял уже почти у самого входа в собор...

Я вернулся на своё место в очереди (благо мы там уже все друг друга запомнили за пять с лишним часов), и так легко мне стало, что даже боль в спине прошла. Я спокойно достоял ещё пару часов и потом приложился к святой Спиридоновой деснице, моля у него помощи в материальных делах. Понимаю, что надо думать больше о душе, но надо ведь как-то и жить! У меня растёт дочь, её надо одевать, возить на отдых и лечение. Бог должен всё это видеть и понимать. Иначе в кого же мне тогда верить и кого просить о помощи?..

Нет никого ближе

В метро появились рекламные плакаты, на которых изображены радостные парень или девушка, страстно прижимающие к груди охапку платьев, компьютерную клавиатуру или кофеварку, под которыми выведена яркая надпись: «НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ!» Они изображают на лицах счастливейшие улыбки, а я смотрю на них и думаю: «Господи! Какие же вы *бедные и несчастные*, если у вас в жизни нет *никого ближе*, чем кофеварка!.. И неужели же составлявшие рекламный текст пиарщики не понимают того, что сделали из своих персонажей не столько символ счастья, сколько символ вселенского одиночества?.. Какое уж там счастье, если самым близким для человека в жизни является не жена, не друг, не родители или дети, а – электроутюг!...»

...И ещё одна реклама из того же ряда. На плакате нарисована коробочка мягкого сыра с выцарапанными зубочисткой на его поверхности очертаниями сердца, а рядом выписан слоган: «ВИОЛА. ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ». И опять невольно думаешь о создателях и адресатах этого текста: «Боже! Какие же вы жалкие, если *единственным*, к чему прикипело в этой жизни ваше сердце, является сыр...»

Главный гардеробщик Союза

На очередном заседании секретариата председатель Правления Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов поделился своими впечатлениями о чудесном вечере чувашской поэзии, прошедшем несколько дней тому назад в московском Доме национальностей. Как он рассказал нам, он пришёл туда раньше всех и, увидев, что в гардеробе никого не обслуживают (это ведь было лето, раздевать было фактически некого), зашёл за гардеробную стойку, чтобы повесить на вешалку свои куртку и зонтик, которые были сильно намочены дождём. Страхнув с них дождевые капли, он уже хотел было выходить из гардероба и подниматься в зал, как тут открылась входная дверь и с улицы вошли два чуваша. Увидев Николая Фёдоровича под вешалками, они реши-

тельно двинулись к нему и протянули ему свои плащи и зонтики. Улыбнувшись, Николай Фёдорович взял у них одежду и выдал писателям номерки. Едва они отошли, как снова хлопнула уличная дверь и в Дом вошли ещё три чувашских писателя, которых тоже пришлось обслужить Иванову, а потом появились ещё входящие и ещё... Так Николай и оказался в роли гардеробщика, принимавшего одежду у чувашских писателей.

На должность председателя Союза писателей России Иванов был избран только на последнем нашем съезде, а потому многие писатели из региональных и национальных организаций в лицо его ещё не знали, из-за чего и получилось, что они сочли его за здешнего гардеробщика. А когда начался вечер и ведущий пригласил к микрофону председателя Союза писателей России, сидевшие в зале чувашские писатели вдруг увидели, что на сцену выходит только что обслуживавший их внизу гардеробщик, так что они из-за стыда чуть не полезли прятаться под стулья. Но Николай Фёдорович только добродушно улыбнулся всем и сказал, что со многими сюда пришедшими писателями он уже успел внизу познакомиться...

Надежда БОЛТЯНСКАЯ

ВЕСЕННЕЕ КИПЕНИЕ В КРОВИ

В ноябре этого года исполняется пять лет со дня смерти замечательного московского поэта Надежды Евгеньевны Болтянской (1963–2015). Жаль, литературный мир не заметил этой утраты, как до этого не замечал ухода многих талантливых писателей... При жизни она успела выпустить четыре небольшие книжки стихов. Пятая и шестая вышли уже посмертно. У Болтянской было не так много журнальных публикаций, она не удостоивалась престижных премий, о ней не писали известные критики, о ней не судачил литературный цех. Отчасти это можно объяснить тем, что она не стремилась активно участвовать в литпроцессе и бороться за призовые места, как это сейчас принято у столичных литераторов. Шутка ли – у нее даже не было страниц в социальных сетях и на литературных сайтах. По нынешним временам – нонсенс. Но это факт. Самопиар был ей совершенно чужд. Главным своим делом она считала писание стихов – таких, которые будут жить после ее смерти. И они живут – искренние, глубокие и светлые, несмотря на трагизм мироощущения. Несмотря на тяжелую болезнь, которая не позволила ей в полной мере ощутить радость бытия. А может, наоборот, именно благодаря своему недугу она чувствовала жизнь еще более драгоценной.

Судьба не позволила этому значительному поэту написать все, что хотелось бы. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что Надежду Болтянскую не забыли. Напротив – о ней публикуются статьи, подборки ее стихотворений периодически появляются в газетах и журналах. А совсем недавно вышла книга «Мимо света, мимо тьмы», где есть и избранные стихи Болтянской, и несколько ярких литературоведческих эссе о ее творчестве, с разных сторон исследующих не только особенности поэтики, но и место этого автора в русской литературе.

*Анастасия ЕРМАКОВА,
лауреат Бунинской и Лермонтовской премий*

Россия

У вечного дерева корни есть
И почва, которая только здесь.

Я в снег и в проталины так вросла,
Что веткам – сосудам – не счесть числа.

Зелёные волосы у воды,
Зелёные с серым глаза, что льды.

Я б двадцать хотела иметь когтей,
Чтоб ствол удержал меня без затей.

* * *

Когда ещё не отряхнул
Подъезд макушку снеговую,
Забился, спрятался, нырнул
Циклон весенний вкруговую.

Мне отвечают зеркала
Большими светлыми глазами.
Преграду мутного стекла
Мы распахнём в природу сами.

Провал расширенных зрачков
Лучи весенние вбирает.
Как хорошо, не надо слов!
А снег всё тает, тает, тает...

* * *

Будут ночи синими,
Деревца зелёными.
Будут дни красивыми
И глаза влюблёнными.

Буду я ходить, ходить
По земле уверенно.
Просыпаться, может быть,
Как часами сверено.

Будем легкомысленны
Мы с тобой, как школьники.
Мыслимо-немыслимо,
Блик на подоконнике.

* * *

Ворона на гнезде, кошачий крик,
Черемухи медовое цветенье,
На сбитой занавеске тёмный блик –
Беспечности и света зарождение.

Весеннее кипение в крови,
Как молоток, привычное ломает.
Заманивай, зови меня, лови,
Да все напрасно. Чуда не бывает.

* * *

Расплескались брызги
Беспокойных снов
Триумфальным визгом
Мартовских котов.

Проскрипит угрозой
Злой вороний крик.
Лысая берёза,
А гнездо парик.

Затворив не кротко
Двери на засов,
Ходят злые тётки,
Водят грязных псов.

В долгом ожиданье
Робкого тепла
Веришь с опозданием,
Что весна пришла.

* * *

Волна седая, море
И серый свет скалы.
Трава на косогоре
Колюча до иглы.

Беспомощно, безлично
Смотрю на грозный край,
Но дома так отлично,
И сладок каравай.

* * *

Кошачьих лап намокшие следы,
Когтистых пятен вьётся перфолента,
Смешная дрожь оттаявшей воды
В тревоге предзакатного момента.

Он не умрёт — дряхлеющий квартал,
Старух, ворон, студентов заповедник,
Щербата пасть — бульдозера оскал,
Ещё в коляске будущий наследник,

Наследник обветшалых тополей
И ноздри забивающего пуха.
Герань в окошке вовремя полей,
Полы помой и не реви, старуха.

* * *

Так хочется двигаться прямо,
И время не замкнуто в круг;
Красивая, юная мама
Гуляет со мной по двору.

Но случай вращает упрямо
Свой медленный коловорот.
И вновь постаревшая мама
Меня на прогулку ведет.

* * *

Природный гром похож на «Я тебя люблю»,
Казалось, это дождь, а может, просто ветер.
Как две свечи плывем, танцуют руки блюз,
И нету ничего отраднее на свете.

Пусть вечно длится день, спасая от жары,
Пусть будет хорошо, неназванный, со мною.
Течёт, течёт река безвременной игры,
Ты, как весёлый слон, киваешь головою.

Спасибо, что меня ты любишь, как дитя,
Мы будем жить и жить, потом наступит старость.
Я не боюсь седин, встречаю их шутя,
И нас не допекут ни нужды, ни усталость.

* * *

Между осенью и осенью – грань,
Соразмерность золотой середины.
Замирающая, зыбкая рань –
Мои именины.

Время жидко. Как вода – день за днём.
День последний сентября – бледный почерк.
Имя – символ. Я забуду о нём,
И праздник закончу.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Ирина Горюнова (Москва)

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Александр Котюсов

Ольга Лисятникова

Владимир Седов

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и библиографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Подписано к печати 05.10.2020.
Выпущено в свет 26.10.2020.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13

«КНИГИ»
НИЖНИЙ НОВГОРОД
2020